ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

2012 г. № 1

Journal of metadisciplinary research
The POLITICAL CONCEPTOLOGY

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

Ростов-на-Дону

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем

ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

2012. № 1

(январь-март)

Научный журнал
Издается с 2009 года

Политическая концептология:
журнал метадисциплинарных исследований

Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-32422 от 09 июня 2008 г.

ISSN 2218-5518

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *В.П. Макаренко*, доктор политических и философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины

Заместитель главного редактора: *С.П. Поцелуев*, доктор политических наук, доцент

Ответственный секретарь: *М.С. Константинов*, кандидат политических наук

Корректор: *А.И. Субботин*, кандидат философских наук, доцент

Редакционный совет:

Председатель – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор *А.В. Лубский* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, доцент *А.И. Бардаков* (Волгоград)

Доктор экономических наук, профессор *В.В. Вольчик* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, профессор *И.И. Глебова* (Москва)

Профессор ординарный, доктор габилитованы *Анджей Захариаш* (Жешов, Польша)

Доктор политических наук, профессор *В.С. Малахов* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *О.Ю. Мамедов* (Ростов-на-Дону)

Доктор юридических наук, профессор *А.В. Оболонский* (Москва)

Доктор политических наук, профессор, действительный член РАН *Ю.С. Пивоваров* (Москва)

Доктор философских наук, профессор *Н.С. Розов* (Новосибирск)

Доктор философских наук, профессор *В.В. Савчук* (Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, профессор *В.Н. Ткаченко* (Киев, Украина)

Доктор философских наук, профессор *С.Г. Чукин* (Санкт-Петербург)

Доктор философских наук, кандидат психологических наук *В.А. Шкуратов* (Ростов-на-Дону)

Электронная версия журнала: **http://politconcept.sfedu.ru**

Адрес учредителя:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105
тел.: (863) 263 3158 263 8498
факс: (863) 264 5255
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Пушкинская, 160, к. 112
тел. (863) 264-02-64
факс: (863) 264-52-55
e-mail: politconcept@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.
Распад империй и проблема колониализма (статья первая)..... 5

НАУКА И ОБЩЕСТВО

Дмитриев И.С.
Социокультурные основания интеллектуальной революции XVI-XVII вв..... 20

Олейник А.Н.
Underperformance в теории и университетской практике..... 59

ДОЛЖНОЕ И СУЩЕЕ

Порус В.Н.
Духовность как проблема современной России..... 69

Розов Н.С.
Образ будущего миропорядка и стратегии России..... 82

Бутина А.В.
Условия интеграции интеллектуалов в процессы гражданской активности..... 97

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

Поцелуев С.П.
Глобализация и «демократический фашизм»: к новым смыслам старого концепта (Предисловие переводчика)..... 105

Лукач Д.
Тезисы Блюма..... 108

Макаренко В.П.
Рафинированный догматик..... 126

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Краснов М.А.
Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа..... 160

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2011 г..... 278

Наши авторы..... 281

Summaries and keywords..... 282

Contents..... 285

К сведению авторов..... 286

Слово редактора

РАСПАД ИМПЕРИЙ И ПРОБЛЕМА КОЛОНИАЛИЗМА (статья первая)

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *Автор статьи на примере российско-чеченского конфликта эксплицирует механизм проявления общих проблем и особенностей распада империй на постсоветском пространстве. Проанализировав основное содержание научных и политических дискуссий по проблемам колониализма, автор выявляет специфику проявлений этого механизма, в зависимости от различных видов колониализма. По мнению автора, теория и история колониализма нуждается в пересмотре с учётом нового эмпирического и концептуального материала.*

Ключевые слова: *колониализм, империя, российско-чеченский конфликт, права человека, национальное самоопределение.*

Предварительные замечания

В середине 1980-х гг. я сформулировал свой подход к проблемам бюрократии, легитимности, политической оппозиции, и последовательно его развиваю[1]. Мои идеи постепенно подтверждаются. Сошлюсь здесь на капитальное исследование Левада-Центра[2]. В 1995 г. я высказал идею о том, что государственную политику вообще, а политику Российской империи/СССР/Российской Федерации в особенности надо рассматривать как воплощение абсурда[3]. Эта идея тоже подтверждается. Вышли материалы международной конференции, в которых дана систематизация видов социального бытия с точки зрения абсурда. Рассмотрены темы: что такое абсурд? теория абсурда; абсурд и общество; репрезентация абсурда в визуальных искусствах; грамматика абсурда: абсурд как категория текста; абсурд и литература; абсурд в науке; абсурд и философская мысль; абсурд и мистическая мысль; абсурд в фольклоре; абсурд на исходе XX века[4].

[1] См.: Макаренко В.П. Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности. – СПб.: 1996

[2] См.: Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в сегодняшней России. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007

[3] См.: Макаренко В.П. Политическая концептология // Народы СНГ накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. – Т.3. – СПб: Петрополис, 1996

[4] См.: Абсурд и вокруг. Отв.ред. О. Буренина. – М.: Языки славянской культуры, 2004. Логическим продолжением будут темы «абсурд и политика», «абсурд и государство».

Логическим продолжением этого ряда будут темы «абсурд и политика», «абсурд и государство», «абсурд и правительство». Каждая из них может быть предметом рефлексии.

Например, в СССР «…абсурд состоял в том, что если человек строил государственную промышленность, добиваясь ее эффективности, его обвиняли именно в развале промышленности; если он отвечал за обороноспособность страны, в процветании которой был единственный смысл его жизни, его обвиняли в подрыве армии, в работе на иностранные разведки, в продаже секретов тем державам, против которых строилась оборона. Если человек отвечал за развитие науки, подбирал наиболее способные кадры, создавал им условия для максимальной отдачи сил, его обвиняли в развале этой науки, в заведомом вредительстве и саботаже; если это был врач, боровшийся за жизнь своих пациентов, его заставляли признать, что подлинной его задачей было как можно скорее и как можно больше отправить людей на тот свет»[5].

Значит, социальная и политическая история СССР может рассматриваться как процесс вырождения профессионализма во всех сферах деятельности, прежде всего в государственной политике. Влияние этого процесса на постсоветскую реальность требует исследования. Исходные пункты могут быть различны. В том числе гипотеза Л.Клейна о том, что русские революции дали такой толчок антропологическим процессам, которые способствовали возврату человека на кроманьонскую стадию. А также тезис Макса Вебера о политике как призвании и сентенции Петера Слотердайка о современной культуре, в которой большинство руководствуется неписаным правило: хорошо быть бездарью и получать за это деньги. Вторая тенденция в XX веке стала господствующей во всех сферах, включая политику.

Следующая крупная проблема вытекает из суждения М.Гаспарова: «Советский режим обвиняют в двуличии («абсурде»). Он двуличен не более, чем всякий другой, предписывающий разные мысли и поступки в разных обстоятельствах. Когда в самом христианском обществе на время войны отменяется заповедь «не убий», а на время мира «не лихоимствуй», это то же самое»[6]. Значит, корни абсурда восходят к обществу, которое избрало христианство своей государственной религией. В России утвердилось православие. О.Хархордин показал, что повседневное и тотальное двуличие в СССР объясняются единством православного и большевистского дискурса[7]. Не следует ли отсюда, что постсоветское стремление в очередной раз насадить религию сверху является модификацией православно-большевистского абсурда?

Еще одна проблема связана с тем, что большинство пишущих о сталинизме российских авторов продолжает обелять Сталина за то, что он создал «могучую державу». Между тем само существование государств все больше становится проблемой. Приведу элементарный подсчет. В начале XX века в мире было около 60 государств, а в конце около 240. За сто лет число государств возросло в четыре раза. Одновременно состоялось две мировых войны множество локальных (в которых людей было уничтожено больше, чем во всей предшествующей истории) и переориентация промышленности (особенно в СССР) на обслуживание потребностей военно-промышленного комплекса за счет населения. Можно ли считать эти тенденции нормой? Можно, если согласиться с общей концепцией и частной констатацией Петера Слотердайка: «Грозящий катастрофой реализм, который лежит в основе сегодняшних отношений между великими державами, может на протяжении долгого времени быть только принципом реальности политизированных психопатов»[8]. Проблема смещается к определению периода этого времени и типологии лиц и государственных институтов, подпадающих под понятие «политизированных психопатов».

---

[5] Никитин А. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. – М.:Аграф, 2000. – С. 133.

[6] Гаспаров М. Записи и выписки. – М.: НЛО, 2000. – С. 292.

[7] См.: Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. – СПб-М.: 2002.

[8] Слотердайк П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ, 2009. – С. 492.

По крайней мере, все предсказания анархистов о проблемах, порождаемых государством, подтвердились на практике на протяжении скорбного XX века. Одновременно шел другой процесс: все анархистские идеи усвоены большинством направлений современной политической мысли – от либертарианства до коммунитаризма. Но пересмотр всех «вкладов» Сталина в теорию и практику государственного строительства (особенно главных институтов) еще не начинался.

Более 20 лет назад я показал: сталинизм есть следствие развития отечественной бюрократии, а не наоборот; режим личной власти всегда выгоден бюрократии[9]. Моя идея кисло была встречена идеологическим бомондом[10]. Для развития этой идеи я обосновал еще один тезис: модернизация в России была и остается следствием (элементом) общих тенденций терроризации и бюрократизации, которые попеременно использует русская власть в своих целях[11]. Этот тезис тоже подтверждается в современной России.

Недавно опубликовано интервью с А.Илларионовым под показательным заглавием «Две тысячи девятый — год нарастающего абсурда…». Проявлениями абсурда А.Илларионов считает 13 событий: 1. СОБЫТИЕ ГОДА: Начало гражданской войны на Кавказе (Ингушетия, Чечня, Дагестан). 2. ГЛАВНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ГОДА: Новый уровень террора не только против журналистов, правозащитников, адвокатов, любых оппонентов власти (С. Маркелов, А. Бабурова, С. Ямадаев, Н. Эстемирова, З. Сайдуллаева, А. Джабраилов, М. Аушев, И. Джапаридзе, И. Хуторской, С. Магнитский, О. Котовская), но и против всех граждан со стороны политического режима и его отдельных клик. 3. ИДЕЯ ГОДА: Политическая либерализация. 4. АНТИИДЕЯ ГОДА: Экономическая и технологическая модернизация без политической либерализации = неосталинизм (сталинизм – логически завершенная форма такой модернизации в национальной истории), ресталинизация. 5. АНТИЗАКОН ГОДА: Закон о государственном регулировании торговли. 6. РЕШЕНИЕ ГОДА ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ: Соглашение между Ю. Евкуровым и Т. Мамсуровым о возвращении ингушских беженцев в Пригородный район. 7. АНТИРЕШЕНИЕ ГОДА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ: Предоставление президенту страны права применения российских войск за рубежом. 8. АНТИРЕШЕНИЕ ГОДА: Создание Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. 9. АФЕРА ГОДА: Большой Климатгейт (серия “малых” климатгейтов, принятие российскими властями Климатической доктрины, Копенгагенская конференция по вопросам изменения климата). 10. “ШУТКА” ГОДА: Путин не исключает возможности баллотироваться в выборах 2012 года. Медведев *этого* тоже не исключает. Медведев уверен, что договорится с Путиным по поводу выборов. Путин уточняет: “Слава богу, у нас никаких выборов нет”. 11. ВОПРОС ГОДА: Какому лагерю во власти – путинскому или медведевскому – принадлежит Медведев? Принадлежит ли Медведев вообще к государственной власти? 12. СОБЫТИЕ ГОДА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: Внесение Михаилом Саакашвили в парламент Грузии Акта свободы. 13. СОБЫТИЕ ГОДА В МИРЕ: Марксизация США[12].

Естественно, возникает частный вопрос: насколько универсальной является типология событий года, предлагаемая А.Илларионовым? Согласно его классификации, экономическая и технологическая модернизация без политической либерализации = неосталинизму. А сталинизм есть логически завершенная форма такой модернизации в национальной истории. По мнению А.Илларионова, после прихода В.Путина к власти происходит ресталинизация. Это мнение совпадает с точкой зрения множества других ученых.

---

[9] См.: Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. – Ростов-н/Д.: изд. РГУ, 1989.

[10] См.: Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России (материалы круглого стола) // Вопросы философии. – 1993. – № 2.

[11] См.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-методологические проблемы. – Ростов-н/Д.: СКНЦ ВШ, 1998.

[12] См.: Илларионов А. Две тысячи девятый – год нарастающего абсурда // Континент. – 2009. – № 142.

Все эти проблемы можно обобщать по-разному. В том числе на основе историографической концепции Фернана Броделя. Можно исходить из факта, зафиксированного им в процессе сравнительного исследования Испанской и Османской империй в эпоху их расцвета: имперская власть порождает универсальные проблемы - появление и рост класса чиновников, торговля государственными должностями, конфликт центра и периферии, использование финансов для достижения политических целей[13]. Эти проблемы не в состоянии решить имперская власть в том смысле, что она их постоянно «актуализирует и решает» по причине бездарности государственных деятелей и мелкой канцелярской сошки, которые обычно трактуют данные проблемы как некие «объективные состояния» по типу природных.

Развивая такой подход, можно сказать: политика империй превращается в замкнутый круг одних и тех же проблем, в отношении которых бессильны реакционеры, революционеры и реформаторы. Империя порождает политическое бесплодие и способствует распаду больших государств[14].

Б.Льюис показал, что после распада империй возникающие на их обломках государства становятся «змеиным клубком интересов», зависимостей и карьер. Государство превращается в самодовлеющую силу – оно неспособно решать социальные проблемы, хотя удовлетворяет материальные интересы все большего слоя людей, не создающих материальных и духовных ценностей. Поэтому постимперские государства сохраняются даже при неблагоприятных обстоятельствах. Правящие клики с помощью силовых структур и бюрократии преобразуют государство в сословный институт.

Как проявляются эти проблемы в постсоветской реальности? Для ответа на этот вопрос можно написать многотомное исследование. Я использовал составленную российскими журналистами и правозащитниками хронику первой российско-чеченской войны (1994-1996 гг.)[15]. В ней описаны политические предпосылки российско-чеченского конфликта, хроника военных действий, перечислены факты нарушения прав человека российской и чеченской стороной.

Нарушения прав человека и норм гуманитарного права Россией и Чечнёй

На основе хроники авторы констатируют: по массовости нарушений прав человека, числу жертв и жестокости события в Чечне беспрецедентны для России со времени прекращения в 1950-х гг. массовых репрессий. События 1994-1996 гг. сравнимы с депортацией 1944-1956 гг. По размаху боев этот внутренний конфликт аналогичен гражданской войне в Советской России в 1918-1921 гг. Чечня составляет примерно одну сотую населения России, в войне погибло несколько десятков тысяч человек. Если потери чеченцев перевести на российские масштабы, Россия потеряла бы несколько миллионов человек. Война в Чечне – воспроизводство и новый этап конфликтов Советской власти с коренным населением (подавление Кронштадтского и Тамбовского восстаний) и нерусским населением периферии (борьба с повстанцами в Средней Азии в 1920-1930-е гг., антипартизанские действия в Западной Украине и Прибалтике в 1940-1950-х гг., вооруженные конфликты в Нагорном Карабахе, Абхазии, Таджикистане в 1980-1990-е гг.). Но все указанные конфликты проходили в советской России, а затем на территории СССР. Российская республика перенесла советские методы решения внутренних конфликтов на свою территорию.

---

[13] См.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа 11. Часть 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. – М.: Языки славянской культуры. 2003. – С. 473-501.

[14] См.: Кор Л. Распад государств. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007.

[15] См.: Россия-Чечня: цепь ошибок и преступлений. Составители Орлов О.П., Черкасов А.В. – М.: Звенья, 1998.

Россия подписала ряд международных конвенций, но не объявила чрезвычайное положение в зоне конфликта. Это сделано потому, что при введении чрезвычайного положения надо четко определять перечень ограничений прав граждан, полномочия федеральной власти в зоне чрезвычайного положения. Для продления действия чрезвычайного положения каждый раз надо обращаться в Совет Федерации России для утверждения указов президента. Вместо конституционного способа действий центр пошел по пути бесконтрольности и беззакония. Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах, государственные органы России не имели правовых оснований для ограничения или приостановки осуществления гражданами прав, гарантированных этим пактом.

Этим объясняются главные нарушения прав человека и норм гуманитарного права российской стороной: неизбирательные нападения, чрезмерное применение силы (неприцельные бомбардировки и артобстрелы населенных пунктов и дорог; операции по занятию и штурмы населенных пунктов; неизбирательные нападения, обстрелы и бомбардировки населенных пунктов, находящихся под контролем федеральных сил, а также в период перемирий; использование систем оружия неизбирательного действия, неизбежно ведущее к большим жертвам гражданского населения); преднамеренные нападения на гражданское население; применение принципа коллективной ответственности и наказания; исчезновения людей, казни без суда; незаконное задержание гражданских лиц, жестокое и унижающее достоинство обращение с задержанными и арестованными, пытки и издевательства над задержанными участниками вооруженных формирований ЧРИ (на фильтрационных пунктах, в неофициальных местах содержания задержанных); использование заложников и «живого щита»; ограничение свободы передвижения, препятствование выходу населения из блокированных населенных пунктов, недопущение в блокированные населенные пункты врачей и представителей гуманитарных организаций; грабежи и уничтожение имущества гражданских лиц; уничтожение объектов культуры; нарушение избирательных прав граждан; нарушение права на свободный поиск, получение и распространение информации.

Нарушения прав человека и норм гуманитарного права вооруженными формированиями и властями Чеченской Республики Ичкерия аналогичны, но меньше по масштабу: неизбирательное ведение огня, размещение военных объектов рядом с гражданскими; воспрепятствование выезду мирных жителей из Грозного; теракты за пределами Чечни (захваты заложников, преднамеренные нападения на гражданское население и медицинские учреждения, бессудные казни, использование «живого щита»); захват в заложники гражданских лиц, находившихся на территории Чечни; условия содержания пленных российских военнослужащих и насильственно удерживаемых гражданских лиц; бессудные казни, вынесение смертных приговоров на основе процедуры упрощенного судопроизводства, исчезновения людей; телесные наказания.

В целом российское командование не предотвратило массовую гибель мирного населения, а также нападения военнослужащих и сотрудников спецслужб на мирных граждан. Правоохранительные органы России не смогли расследовать и наказать в соответствии с законом военнослужащих и сотрудников других силовых структур. Правоохранительные органы режима Дудаева тоже не расследовали преступлений членов вооруженных формирований против гражданского населения и пленных военнослужащих. Уголовный кодекс режима Дудаева противоречил международным правовым нормам (в сфере основных определений, системы наказаний, несоразмерности и непропорциональности наказаний, нарушения прав и свобод человека). Таким образом, правовые системы России и Чечни во время войны были подчинены интересам центра и силовых структур.

С учетом всего сказанного можно согласиться с общей оценкой В.В.Волкова: современное российское государство сохранило символический фасад государственности, но прекратило существование с точки зрения ключевых внутренних функций – охраны населения, сбора налогов и обеспечения правопорядка; современное российское государство – это

частное охранное предприятие с конторой в Кремле; определенные группы (президентская власть, армия и другие силовые структуры) контролируют средства организованного насилия и называют себя российским государством[16].

Теперь дополню выводы авторов хроники своими суждениями[17].

Предметы рефлексии

Во-первых, журналисты и правозащитники относятся к праву наций на самоопределение как модификации прав человека, субъектом которых выступают государства, а также национальные и этнические движения. В период распада СССР в бывших советских республиках возникли национальные движения. Они возродили лозунг самоопределения, но трактовали его в ленинском духе. Зарубежные советологи тоже утверждали, что народы СССР испытывают угнетение и поэтому имеют право претендовать на политическое самоопределение. Между тем ни в России, ни в международной правовой практике этот термин строго не определен. Вопрос о самоопределении запутан, а международно-правовые документы противоречивы. ООН не высказывает официального мнения о содержании права народов на самоопределение. Парадигма самоопределения остается наиболее политизированным вопросом.

По сравнению с периодом советской власти никакого изменения в трактовке самоопределения в России и других государствах СНГ не произошло. На протяжении 1990-х гг. все реформы советской национальной политики сводились к разработке множества спорных законов, концепций и программ. Создавались различные государственные институты по регламентации этнонациональной ситуации в России. Под видом самоопределения народов самоопределялись властно-управленческие клики государств СНГ. Россия стала пионером этого процесса. Требование самоопределения не выражает единую и общую волю населения этих государств. Оно фальсифицимровано этнонациональными кликами. Еще не существует классификации всех видов потерь, нанесенных населению бывшего СССР в процессе генезиса новых государств[18].

Современная этнология не дает строго научного обоснования принципу самоопределения. Невозможно в принципе и в каждом конкретном случае определить, кто может и не может претендовать на это право. Существует ряд нерешенных проблем концептуализации, правового обеспечения и реализации принципа самоопределения: не доказано, что сам принцип относится к базовым правам человека и обеспечивает его интересы; нет однозначных международных правовых норм толкования и реализации этого права; нет четких критериев определения возможных субъектов права на политическое самоопределение; нет бесспорных (с точки зрения демократических принципов) процедур осуществления этого права; нет универсальных способов совмещения политического самоопределения с другими правовыми нормами по поддержанию политического порядка и интересов всех этносов и наций.

Категория естественных, фундаментальных, неоспоримых прав человека есть конвенциональное право. Связанный с ним принцип самоопределения (политического, национального, этнического) и вытекающие из него рассуждения о некой надындивидуальной идентич-

---

[16] См.: Волков В.В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства // Полис. – 1998. – № 4. – С. 46-47

[17] См. об этом подробнее: Макаренко В.П. Распад империй: война в системе «центр-периферия». Статья 1-2 // Sofia. – 2003. – № 3; 2004. – № 4.

[18] Общая идея оценки этих потерь высказана С. Лемом при описании периода советского господства: «В каком смысле это было утраченное время? Во-первых, пришел Гитлер, который украл у меня пять лет, еще несколько последующих лет похитили Сталин с Берутом; и хотя мое развитие было медленным, все это наложило не слишком хороший отпечаток». Так говорил … Лем. – М.: АСТ-Хранитель, 2006. – С. 85. С этой точки зрения деятельность постсоветской власти может рассматриваться как институционализованное воровство, ответственность за которое еще не определена.

ности является заблуждением[19]. Следовательно, сама дискуссия между центром и периферией по поводу попыток утвердить те или иные государства (Россию или Чечню) как субъекты права на самоопределение, не отражает интересы населения, а воплощает волю властно-управленческих клик.

Во-вторых, трактовка и оценка российско-чеченской войны через призму прав человека и самоопределения наций развивается и в научных публикациях. Например, в декабре 1999 г. в Москве была проведена научная конференция на тему «Чечня и Россия: общества и государства». Ее организовали Фонд А.Сахарова, Музей им. А.Сахарова и Сахаровский общественный центр «Мир, прогресс, права человека». Результаты конференции опубликованы[20]. Но они сдержанно оцениваются чеченскими учеными, которые непосредственно наблюдали ситуацию в Чечне.

Я.З.Ахмадов систематически описал недостатки такого подхода[21]. В исторических, этнографических и политических науках культивируется тезис о социально-исторической самобытности чеченского народа, господстве в его среде средневековых религиозных и первобытно-родовых институтов. Такой подход – разновидность анахроничной теории «единого потока», согласно которой все чеченцы под руководством Дудаева выступили за свободу и независимость Чечни, затем поднялись на войну с Россией. В европейской и американской политической науке господствуют ложные взгляды на историю Чечни, уровень развития чеченского общества и современное состояние русско-чеченских отношений. Европейские, американские и российские ученые считают, что в этой войне русские воевали с чеченцами. В соответствии с теорией Т.Скокпол предполагается, что все русские идентифицируют себя с бюрократическим государством, а боевые качества чеченцев (у которых никогда не было государства) вытекают из особой этнической традиции. Однако теории «единого потока» и противопоставления бюрократического государства и чеченского этноса не подтверждаются конкретными фактами.

Я.З.Ахмадов определяет российско-чеченскую войну 1994-1996 гг. как первую войну между группами, кланами, интересами государств-членов НАТО и исламских религиозных организаций, а не между нациями. При поддержке властных групп России Чечня завоевана собственным маргинально-криминальным элементом. В Чечне столкнулись государственный и национальный терроризм. Ни один из них не ставил своей целью создание правового государства. В итоге происходит истребление чеченского народа. Великие державы, члены Совета безопасности ООН (включая Россию, на чьей территории происходят массовые преступления), не вмешиваются в события. Международные инициативы сводятся к требованиям переговоров России с официальной чеченской властью. По сути, авторы анализируемой хроники стоят на той же позиции и не описывают специфику режима Дудаева. Между тем этот режим продуцирует внешние и внутренние войны в силу социальной природы. Победа Дудаева осенью 1991 г. объясняется тем, что по приказу Москвы ему передали местную агентуру Министерства Внутренних Дел и КГБ. Поэтому режим Дудаева базировался на системе внутреннего шпионажа.

Режим Дудаева систематически боролся с демократической оппозицией. 4 июня 1993 г. Дудаев совершил государственный переворот – распустил парламент, расстрелял Городское собрание Грозного, разогнал митинг демократической оппозиции. После этого начались гонения на СМИ. Преследовались телекампании и телеканалы, разгромлены редакции оппозиционных газет с конфикацией имущества, закрывались (из-за прекращения финасирования)

---

[19] См.: Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое обозрение. – 2001, – № 2. – С. 3-17; Нации и национализм. Перевод с английского. – М.: Праксис, 2002.

[20] См.: Чечня и Россия: общества и государства. Публикации Музея и общественного центра имени А.Сахарова. Вып. 3. – М.: 1999.

[21] См.: Ахмадов Я.З. Рецензия на сборник: Чечня и Россия: общества и государства // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 6. – С. 130-142.

газеты и журналы, которые не желали петь панегирики правящей верхушке. При Масхадове перестала выходить даже общенациональная газета на чеченском языке.

Режим Дудаева (и сменившего его Масхадова) не интересовался развитием национальной культуры. Кунтахаджинский зикр был театрализован и превращен в механизм мобилизации национального протеста по образцу хорового пения в Прибалтике. Под видом исламизации шла фактическая арабизация школы и культуры. Осуществлялись гонения на национальную интеллигенцию и вузы как рассадники свободомыслия. Запрещено преподавание философии, взамен введены религиозные дисциплины. Культивировался запрет на профессии, светское образование ущемлялось в пользу религиозного. Разрушена система образования и медицинского обслуживания. Дисквалифицировались и пропадали учителя, врачи, инженеры, писатели и поэты. Шариатские суды практиковали убийства по этническому признаку, массовое похищение и торговлю людьми. На этой почве возникал религиозный фундаментализм.

Режим Дудаева систематически уничтожал независимых от него политических деятелей районного, городского и республиканского масштабов. Дудаев предпринял 11 карательных походов на чеченские села и города, которые отказывались ему подчиниться. В этих боях погибло до 1500 человек, тысячи людей ранено. В каждом селе было создано *народное ополчение*, которое уже в 1993-1994 гг. громило банды Басаева, Масхадова, Арсанукаева и Гелаева. Эти банды оплачивались из бюджетных доходов и поступлений денежной массы из России. Однако народное ополчение не признавалось ни режимом Дудаева, ни российской стороной. Успешная борьба народного ополчения с режимом Дудаева и марионеточным правительством одновременно была прервана вторжением российских войск. Под флагом российско-чеченской войны федералы и режим Дудаева наносили удары по чеченскому народу. Применение регулярной армии против населения ведет к геноциду.

Геноцид породил кричащие последствия в социальной структуре. В настоящее время по результатам социологических опросов Чечни (в разных возрастных группах) только 2-7% трудоспособного населения живут за счет государственной зарплаты, 30-40% за счет мелкой торговли, 9-14% перебиваются случайными заработками. Иначе говоря, 40-60% чеченцев стоят перед выбором: голод или разбой.

Я.З.Ахмадов приходит к выводу: Дудаев создавал свободную республику работорговцев и рабов. Он грабил сырьевые запасы, воровал бюджетные доходы, занимался продажей оружия, наркобизнесом и т.п. Чеченская интеллигенция понимала, что зло воплощено в отрядах Дудаева и российских войсках одновременно. Многие представители интеллигенции уехали из Чечни, чтобы не участвовать в коммерческой войне федералов и дудаевцев. Интеллигенция удерживала народ от участия в боевых действиях. Чеченский народ в целом не хотел независимости от России ценой зависимости от режима Дудаева, который оправдывал существование борьбой за свободу и независимость Чечни.

В-третьих, собранный журналистами и правозащитниками материал позволяет описать в первом приближении механизм проявления общих проблем и особенностей распада империй в постсоветском пространстве.

Факты и тенденции

Realpolitik Москвы, Грозного и других субъектов самоопределения базируется на произвольных решениях. Ради борьбы с Б.Ельциным ЦК КПСС не препятствовал внутрироссийскому сепаратизму. Российский центр возрождает и играет на родовых отношениях одновременно с подготовкой силового решения проблемы. Политическая ответственность за появление указа № 178 (о введении чрезвычайного положения в Чечне осенью 1991 г.) до сих пор не установлена. Российские СМИ в период подготовки силового решения чеченского вопроса были подверстаны под интересы вершины российской власти. Ни о какой независи-

мости СМИ от данных интересов не может быть речи. Центр устанавливал такую иерархию и очередность решения политических проблем, в которой содержится возможность войны.

Центр дважды способствовал расползанию оружия среди населения Чечни. Предпочтение личных контактов протокольным мероприятиям в постсоветской политике маскирует произвол правящих лиц и клик. Решения законодательной власти России и Чечни не выполняются, а ответственность за невыполнение не установлена. Перестановки на вершине власти в период подготовки силового решения проблемы усилили позиции российских ястребов. Возможность международно-правового признания независимости территорий используется центром для манипуляции общественным мнением и введения в заблуждение мирового сообщества. Российское государство по-прежнему грабит население.

Если политические проблемы решаются исполнительной властью, усиливается опасность войны. Россия не выполняет международных обязательств по лимитам на вооружение внутри страны. Центр (как и в советские времена) использует тактику насаждения марионеточных правительств. Но уже не в других странах, а на своей территории. Проблема территориальной целостности России ставится и решается в зависимости от интересов высшего уровня власти и политической коньюнктуры. Отрицая сепаратизм на словах, центр делает ставку на региональных сепаратистов. Приемлемость (или неприемлемость) для вершины власти конкретных лиц может служить поводом вооруженного конфликта центра с периферией. Для этого расширяются функции органов безопасности, которым поручается (как и в советское время) контроль экономики в целях сохранения монополии центра на природные ресурсы. В этом контексте власть играет значительную роль в подготовке силовых решений региональных конфликтов.

Противоположные действия (высказывания) политиков центра маскируют подготовку силового решения. Центральная бюрократия не считает диалог решением политических вопросов и сознательно затягивает переговоры для подготовки войны. Она использует также ложную информацию и перебрасывает ответственность за терроризм со своих силовых структур на периферийные власти и сопредельные государства. Спецслужбы определяют содержание и состав политической оппозиции. Интересы русских националистов совпадают с интересами силовых структур сторон, которые находятся в политическом конфликте. Российский парламент играет значительную роль в политической манипуляции, а Европарламент поддерживает политические иллюзии.

Наконец, есть пункты сходства режимов Дудаева и Ельцина. Оба режима расстреляли неугодную им законодательную власть, совершили государственные перевороты, базируются на системе внутреннего шпионажа и предотвращают появление политиков, независимых от властвующих клик. Режим Дудаева предпринимал карательные экспедиции против местностей, которые не желали ему подчиниться. Центр осуществил такую же экспедицию против Чечни. Оба режима не признавали народного ополчения. Применение регулярной армии против населения привело к геноциду. В этом контексте этнические ритуалы используются для политической карнавализации и мобилизации. В Чечне и в России сталкиваются государственно-мафиозный и национально-радикальный терроризм. Для защиты обоих используются силовые структуры. Оба вида терроризма отвергают теорию и практику правового государства. Независимость любого региона от центра не означает, что население данного региона признает возникающее государство, которое официально выступает за независимость.

Таким образом, победа над внутренней оппозицией в Грозном и Москве обеспечила господство бюрократии и силовых структур над парламентом. Центр финансировал борьбу с режимом Дудаева, понимая под оппозицией марионеточное правительство и собственные вооруженные силы. В самом начале войны российские военные прямо признавали незаконность противоборствующих военных формирований и собственной карательной деятельности. Тогда как деятельность советских/российских спецслужб началась провалом и закон-

чилась перерастанием спецопераций в открытую войну. В начале войны президент переложил собственную ответственность на территориальное звено армейского управления. По мере краха плана блицкрига на армию начали возлагаться полицейские функции. Президент и Совет Федерации, вводил в заблуждение население страны и мировое сообщество, исключил парламент из числа политически значимых факторов и подчинил ведение войны собственным избирательным интересам. Ведение этой войны аналогичной сталинской практике взятия городов к праздничным датам. Выборы во время войны проводились с массовыми нарушениями и фальсификациями. Российская дипломатия продолжала агрессивную политику центра. С юридической точки зрения деятельность президента сомнительна, а действия мэра Москвы чисто бюрократические.

Оба режима не признавали законность народного ополчения. Центр создал Территориальное управление федеральных органов исполнительной власти, которое исполняло функции гражданской администрации и контролировало марионетку. В ходе войны ложная информация использовалась для пропаганды и принятия решений. Центр стремился представить власть бывшим коммунистическим функционерам[22], одновременно дезавуируя деятельность уполномоченного по правам человека и решения конференций по реализации мира. Оба режима постоянно нарушали сроки и условия перемирия. Бывшая партгосноменклатура и руководители силовых ведомств делали карьеру на чеченской войне. Внутренняя политика пристегивалась к интересам силовых структур, которые осуществляли информационную блокаду и одновременно все более занимали информационное пространство России. Хаос военных действий увеличивался по мере роста влияния политического процесса в центре на события в Чечне.

В ходе войны произошло соединение армии, органов внутренних дел и госбезопасности. Эти структуры извращенно и примитивно понимают демократию. Они не понесли никакой ответственности за массовую жестокость. Завершение войны - следствие сговора властных групп России с верхушкой чеченских боевиков. Этот сговор увеличил влияние силовых структур в регионе, а затем и в стране в целом. Россия перенесла советские методы решения внутренних конфликтов на свою территорию.

Данные тенденции можно рассматривать также в контексте научных и политических дискуссий по проблеме колониализма.

Контекст военно-колониальной империи

До 1980-х гг. в отечественной историографии и социальных науках колониализм определялся как политическое, экономическое и духовное порабощение колоний господствующими классами метрополий. Это определение не отвечало на вопрос: почему речь идет только о господствующих классах, поскольку в колонизации участвовали также низшие слои общества?

Проблема дефиниции. Пересмотр определения начался в период перестройки. В известной книге были опубликованы статьи «Колониализм» французского историка М.Реберью и советского ученого В.Шейниса.

М.Реберью показал, что термин «колониализм» введен в 1905 г. французским журналистом-социалистом П.Луи для обозначения идеологических доктрин, оправдывающих колонизацию. Страны Европы с 1880-х гг. пропагандировали колониальную политику как средство национального престижа и статуса великой державы. Колониализм – следствие промышленной политики Европы, поскольку колонии предлагали сырье и рынки сбыта. Предполагалось, что Франция имеет право на колониальную политику и обязана цивилизовать «низшие расы» как наследница Великой французской революции, выработавшей права человека.

[22] В хронике упоминаются около 100 членов бывшей партгосноменклатуры, имевших прямое или косвенное влияние на события в Чечне.

Одновременно христианство считалось элементом цивилизации и средством избавления язычников и мусульман от варварства. Все эти рассуждения не имеют ничего специфически французского и являются общими идеологическими стереотипами.

Кризис колониализма после 2-й мировой войны привел к тому, что одни историки начали изучать историко-географические формы колониалистской идеологии, другие - последствия колониализма. По мере развития европейских стран колонии становились обузой для них. Экономика Запада приспособилась к политическому краху колониальных империй и заменила колониализм неоколониализмом, не нуждающимся в идеологии. «Этот подход, - пишет М.Реберью, - позволяет измерить дистанцию, возникающую между материальными интересами и идеями, которые должны были бы им соответствовать. Таким образом, можно коснуться проблем, поставленных марксистской критикой колониализма. Маркс и Энгельс видели фактор прогресса в европейских формах захвата и экспансии, поскольку они превращали капитализм в мировую систему. Они были вынуждены признать аргументы тех, кто говорил о пользе, принесенной колониями экономике метрополий, а также тех, кто указывал на долговременные цивилизующие последствия рыночной экономики. Поэтому не надо удивляться неуверенности и колебаниям социалистической мысли – ей часто случалось выдвигать на передний план экономический прогресс, веру в мирное проникновение, а иногда даже формулируется идея «социалистической колониальной политики»[23].

В.Шейнис тоже пишет о негативном политическом и неопределенном научном содержании понятия «колониализм»[24]. В настоящее время колониализм означает: территориальный раздел мира между мировыми державами; систему экономических, политических, идеологических отношений между метрополиями и колониями. Неоколониализм включает то и другое в условиях распада колониальных империй.

Аргументы В.Шейниса сводятся к следующим положениям: невозможно взвесить негативные и позитивные последствия колониализма; нет смысла предъявлять счет бывших колоний к вчерашним метрополиям; на Севере сложились механизмы, которые не сумел выработать Юг; отношения развитых и развивающихся стран не сводятся к продолжению колониализма; надо пересмотреть объяснение отсталости третьего мира как следствия экономической эксплуатации и политического насилия со стороны развитых стран; исчисление в стоимостных категориях масштабов эксплуатации в виде потерь развивающихся стран некорректно и произвольно; оно опирается на перенесение в сегодняшний день прошлых ценовых пропорций или на идеальные модели; развивающиеся страны сами виноваты в блокировке и деформациях развития; экономическая и социальная отсталость – главная основа неравноправия развивающихся стран; для решения глобальной проблемы отсталости надо переместить часть мирового прибавочного продукта из развитых в развивающиеся страны и создать наднациональные экономические и социальные механизмы для выражения общечеловеческих интересов.

В 1990-е г. в отечественных социальных науках начали формироваться другие подходы к проблеме колониализма. Например, Е.А.Глущенко пишет: «Колониализм (империализм) – это проявление пассионарности народа; это – экспансия за пределы национального обитания; это – подчинение автохтонов власти пришельцев, освоение последними завоеванного пространства»[25].

Нетрудно увидеть связь данного определения колониализма с теорией этногенеза Л.Гумилева, который объяснял природу революций вообще и русской в особенности «пассионарными толчками». Согласно Л.Гумилеву, «пассионарные толчки» переживаются этносом в

[23] См.: 50/50: опыт словаря нового мышления. Под ред. Ю.Афанасьева и М.Ферро. – М.: Прогресс-Пайо, 1989. – С. 40

[24] См.: там же, с. 40-45.

[25] Глущенко Е.А. Строители империй. Портреты колониальных деятелей. – М.: XX1 век – Согласие, 2000. – С. 5.

процессе этногенеза в результате деятельности пассионариев - людей с врожденными психическими особенностями. Пассионарии посвящают жизнь одной цели и жертвуют собой во имя других людей. Чем же обусловлен рост числа пассионариев в пределах поколения и почему их человеколюбивые идеалы превращаются в противоположность? На этот вопрос ни Л.Гумилев, ни Е.А.Глущенко не отвечают[26].

А.Эткинд описал историю внутренней колонизации в России и СССР. По его мнению, главные институты российской колонизации - публичная казнь на эшафоте, наказание шпицрутенами, крестьянская община и паноптитикум. Российская империя и Советское государство не перешли границу между принуждением и дисциплиной. «Казнь на эшафоте осуществлялась профессиональным палачом, личным исполнителем монаршей воли, а публика смотрела на казнь как на спектакль»[27]. Наказание шпицрутенами – образец российского коллективизма. В России «…жизнь принадлежит не индивиду, но коллективу, иначе говоря, всем вместе и никому в отдельности. Между демократическим обществом и коллективом, вооруженном шпицрутенами, есть одно важное отличие: свобода индивида не участвовать в обществе»[28]. Казнь прохождением через строй аналогична крестьянской общине: «В обоих случаях мы имеем дело с дисциплинарными практиками, которые осуществлялись на низовом уровне, но вводились и поддерживались монархической властью»[29]. Функция обоих институтов – дисциплинирование коллектива, подавление частных интересов и уничтожение несогласных.

Паноптикум приспособлен для колонизации, при которой субъекты и объекты власти разделены культурной дистанцией. Первое сооружение, соединяющее функции фабрики, тюрьмы и общежития, сконструировано в России в имении Потемкина братом И.Бентама С.Бентамом. Он же был автором потемкинских деревень: «Образ власти как Духа Святого, паноптикон был задуман в России как фабрика, а в Англии использован как тюрьма»[30].

Однако А.Эткинд не учитывает, что эти репрессивные и социальные институты существовали и в других странах и регионах мира. Поэтому они не могут считаться критерием для отличия внутренней колонизации в России от колонизации других стран и регионов.

Б.Б.Родоман систематизировал эмпирические явления и процессы внутренней колонизации в современной России[31]. Он включает в состав внутренней колонизации этнополитический, хозяйственно-демографический колониализм и колониализм в метрополии.

Этнополитический колониализм выражается в том, что в отношении русской нации трудно провести различие расы и этноса. Русский этнос тождествен названию страны и государственному языку. Другие этносы обладают национально-территориальной автономией без права выхода из Российской Федерации. Однако нерусские народы не являются иммигрантами и не переселялись в Русское государство, а были им завоеваны, вытеснены, отчасти истреблены, ассимилированы и лишены государственности. В начале советского периода коренные этносы составляли большинство своих территорий, ныне они оказались в меньшинстве. Таков результат советской колонизации – эксплуатации природных, человеческих ресурсов и милитаризации страны.

Россия удерживает десять территорий, аннексированных СССР (четыре куска Финляндии, два куска Эстонии, один уезд Латвии, северная часть Восточной Пруссии, Тува, Южно-Курильские острова). Почти все эти аннексии произошли после советско-германской войны.

---

[26] Детальный анализ противоречий и политических следствий концепции Л.Гумилева см. в статье: Шнирельман В.А.

[27] Эткинд А. Фуко и имперская Россия: дисциплинарные практики в условиях внутренней колонизации // Мишель Фуко и Россия. Сб. статей под ред. Хархордина О. – СПБ-М.: Летний Сад, 2001. – С. 168.

[28] Там же, с.168

[29] Там же, с.169

[30] Там же, с.176

[31] См.: Родоман Б.Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Под ред. Заславской Т.И. – М.: 1996.

Приобретения у Германии и Финляндии признаны международными договорами. Другие территории остаются спорными. Но почти все прежнее население согнано со своих земель. Системы расселения, лесопользования и дренажа разрушены. На присоединенных территориях произошла топонимическая агрессия – прежние названия заменены новыми, которые скрывают историко-географические особенности. В учебниках и СМИ прошлое замалчивается, поддерживаются колониальные мифы. Например, в СССР было запрещено упоминать о том, что Тува до 1912 г. принадлежала Китаю, а в 1921-1944 гг. существовал независимая Тувинская Народная республика. Она выпускала свои дензнаки и почтовые марки, но затем была присоединена к СССР тем же методом, как и страны Балтии.

Сегодня Россия на своей территории и в других странах СНГ ведет неоколониальные войны, разжигает межэтнические конфликты, насаждает марионеточные колаборационистские режимы в интересах силовых ведомств. Конфликты возникают последовательно, а не параллельно. Значит, они направляются из одного центра, не способного следить более чем за одной ситуацией. В годы советской глобальной экспансии использовалась доктрина «права наций на самоопределение». Сегодня она забыта. Национально-освободительные и антиколониальные движения квалифицируются как «сепаратизм» и «бандитизм». Руководство России официально объявило курс на «демократическое федеративное правовое государство»[32]. На деле оно пользуется колониальным наследием Российской империи и СССР.

Хозяйственно-демографический колониализм. Большую часть России занимают районы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Они заселялись внеэкономическими методами (репрессии, вербовка, переводы по службе и т.п.). Нынешнее население этих районов состоит из пришельцев, поселившихся там после второй мировой войны. Это – социальная группа советских колонистов, которая пока не выделена в особую категорию статистики и социологии. В результате действий этой группы традиционное землепользование, географический и культурный ландшафт коренных народов разрушен, а новый не создан. Верхи коренных этносов примкнули к колонизаторам, перенялт их образ жизни и паразитируют за счет эксплуатации природных ресурсов. Так, Якутия собирается стать вторым Кувейтом: для добычи алмазов опустошена территория, превышающая площадь Швейцарии.

Почти все население окраин является временным. Оно прибыло туда, чтобы «сколотить деньгу», а потом жить на материке в качестве молодых пенсионеров. За колонистами сохраняются права на жилплощадь на родине. Те же льготы полагались военнослужащим и загранработникам. Тем самым внутренняя территория страны приравнена к территориям внешних колоний. Указанная социальная группа жила вне метрополии и находилась на государственной колониальной службе.

Урбанизация окраин специфична. Здесь высока доля городского населения, сконцентрированного в центрах республик и областей, крупных добывающих городах. Малые города фактически отсутствуют, существуют функциональные рабочие поселки. Сельская местность исчезла. Колониальные города изолируются от окружающей среды и лучше связаны с Москвой, чем с окраинами своих регионов. За последнее десятилетие стоимость билетов на самолет сильно подорожала. Но большинство колонистов и их детей летают за счет государства и спонсоров. Социальный статус колониста измеряется числом дней, которые он проводит в командировках в Центр. Существует целая группа представителей предприятий Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые живут в столичных квартирах почти круглый год.

Группа советских и постсоветских колонистов включает профессиональных кочевников – военных, моряков, геологов, строителей и рыбаков. Но различие между туземцами и колонистами провести невозможно. Ради льгот в охоте и рыболовстве колонисты записываются коряками, алеутами, камчадалами, чукчами и т.д. В СССР национальность использова-

[32] Конституция Российской Федерации. – М.: 1997. – С. 2.

лась для поступления в вуз без экзаменов или по льготной квоте. У колонистов тот же мотив позволяет грабить бесконтрольно.

Колониализм в метрополии. В 1990-е гг. произошла репатриация военных из стран Восточной Европы, из-за чего в России усилилась экономическая и социально-бытовая милитаризация. Армия укрепляется как сектор экономики, основанной на принудительном труде. Благосостояние генералитета и офицерского корпуса зависит от ресурсов (энергии, боеприпасов, стройматериалов, рабочей силы), потребляемых вооруженными силами.

Происходит также репатриация колонистов Севера, Сибири и Дальнего Востока, для которых строятся поселки и подсобные хозяйства в Подмосковье. Воспетая К.Паустовским и другими «инженерами человеческих душ» Мещерская сторона стала колонией Воркуты и Норильска. Под давлением местного населения русские уезжают из бывших республик СССР. В то же время представители славянских наций в странах СНГ используются как «пятая колонна» в интересах России. В первой половине 1990-х гг. произошло политическое оформление этого движения, в котором ведущую роль выполняют военные. Одновременно идет миграция в Центральную Россию кавказских и среднеазиатских народов. Большинство бежит от страха, нищеты, голода, холода, безработицы, репрессий, войны и т.д. Зато состоятельные люди приобретают недвижимость в городах и пригородах (за взятку или через подставных лиц), обзаводятся семьями и гаремами, формируют диаспору.

Набирает силу *субурбанизация* (расширение городов и пригородных зон, строительство дач и коттеджей, захват земель под садовые участки и огороды, замена зеленых насаждений гаражами, превращение лесов и оврагов в свалки) и *ситизация* – превращение городов в деловые и увеселительные центры. Прежние жители выселяются из окраин, а бедняки, старики и инвалиды выталкиваются на социальное дно. Происходит «переселение мертвых» - ликвидация кладбищ под застройки, перенос и уничтожение захоронений, стирание последних следов от ранее живших людей. Возрождаются грандиозные проекты организованных переселений. Территорию вдоль будущей скоростной железной дороги Москва-Санкт-Петербург предлагают заселить отставными военными и бывшими колонистами с Севера и зарубежья. Это предложение реанимирует опыт «опричнины» при Иване Грозном.

В состав переселенцев входят те, кто привык командовать, подчиняться и применять силу. Новые мигранты несут с собой колониальное отношение к территории. Центральная и местная власть по-прежнему обладает правом продавать (уступать за взятку) землю, которой она распоряжается.

Центральная Россия стала колонией окраин. Этническая дискриминация - правило функционирования советской империи. На долю славян обычно выпадала государственная служба и заселение окраин, а натуральным хозяйством и теневой экономикой занимались другие этносы. Славяне привыкли к тому, что их кормит и поит государство за выполнение приказов и верноподданность. Другие этносы сохранили патриархальную солидарность в рамках теневой экономики. Но после перестройки страны Балтии и другие государства СНГ унаследовали ту же схему: теперь представители титульных этносов пошли на государственную службу, а русскоязычное население в мелкую торговлю. В СССР это занятие было типичным для «нацменов».

Наконец, Москва - столица метрополии - из города кремлевской прислуги и рабочего поселка при ВПК превратилась в факторию при международном аэропорте Шереметьево. Ее роль в России сравнима с положением Гонконга при материковом Китае. Набирают силу экономические, политические, информационные и иные отличия столицы от провинции.

Б.Б.Родоман делает вывод: «Россия остается военно-колониальной империей, в которой воспроизводятся все виды колониализма, типичные для глобальной колонизации после Великих географических открытий. Специфика России состоит в том, что в ней не существует традиций самоуправления, свободных от типичных для империй связей центра с перифери-

ей. Указанные процессы и тенденции многократно усиливают сферу государственного регулирования, а определить время их завершения невозможно»[33].

В контексте этих тенденций Л.Б.Алаев предлагает следующие направления пересмотра прежних представлений о колониализме: Российская империя и СССР были колониальными империями; в отличие от России европейские державы развили промышленность не за счет выкачки средств из колоний; через 40-50 лет после обретения независимости местные элиты ссылками на «тяжкое наследие колониализма» объясняют отсталость бывших колоний и оправдывают свои политические ошибки и преступления; так же ведут себя руководители России и других государств СНГ; термин «неоколониализм» изобретен советскими марксистами в период распада колониальной системы для объяснения противоречий между догмами и действительностью; руководители освободившихся государств подхватили термин «неоколониализм» для маскировки собственной некомпетентности и коррупции; неоколониализм полезен для бывших колоний; надо создать новую историю колониализма - подробно описать преступления европейских стран и России в бывших колониях и систематизированы неудачные попытки их приобщения к демократии; одновременно надо показать роль Европы и России в модернизации стран третьего мира, выведении их из исторического тупика, вклад в развитие образования, права и судебной системы[34].

Таким образом, накоплен эмпирический и концептуальный материал для разработки новой истории и теории колониализма. Жду предложений со стороны читателей, пока буду обдумывать другую статью.

[33] Родоман Б.Б. Указ.соч., – С. 112.

[34] См.: Алаев Л.Б. «По последним данным разведки мы воевали сами с собой» (к вопросу об основном противоречии нашей эпохи) // Восток. – 2002. – № 4. – С. 55-57.

Наука и общество

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVI-XVII вв.[1]

И.С. Дмитриев
Музей-архив им. Д.И. Менделеева
Санкт-Петербургского государственного университета

Аннотация: *Статья посвящена анализу двух ключевых мифов о научной революции XVI-XVII вв.: гипертрофии механики и математизации естествознания как важнейших характеристик интеллектуальной революции Нового времени. Типичные представления о радикальном разрыве с интеллектуальной традицией прошлого, как предпосылке возникновения "новой науки", по мнению автора статьи, не соответствуют действительности. На базе анализа большого количества первоисточников, автор демонстрирует идейную преемственность в познании природы мыслителями XV-XVI вв.*

Ключевые слова: *научная революция, интеллектуальная традиция, интеллектуальная война, преемственность идей.*

Из года в год прошлое становится все сложнее. Перефразируя У. Шекспира можно сказать: «*There are more things in the history of science than are dreamt of by philosophers*».

Пока наука рассматривалась как воплощение рациональности, ее историки больше прославляли прогресс и ставили своей задачей выявить в прошлом зачатки современных научных воззрений. Здесь уместно вспомнить призыв Ж. Жореса (*Jaurès J.*; 1859 – 1914): «Мы должны взять из прошлого огонь, а не пепел»[2] или, если воспользоваться терминологией другой области знаний, – историк должен выделить сигнал из шума, что, в свою очередь означает, что предметом его анализа и внимания должно стать далеко не все из того, что имело место в реальности.

По определению Д. Сартона (*Sarton G.*; 1884 – 1956), «наука – это позитивное систематизированное знание или то, что принималось за таковое в различные эпохи и в разных местах». Опираясь на эту дефиницию, Сартон сформулировал следующую теорему: «обретение и систематизация позитивного знания – единственная человеческая деятельность, которая является подлинно кумулятивной и поступательной». Отсюда следствие: «история науки – единственный вид истории, который способен проиллюстрировать прогресс человечества»[3].

[1] Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (ПРОЕКТ РФФИ 11-06-00120-а).

[2] Более точно: «la tradition ne consiste pas à conserver les cendres mais à entretenir une flame».

[3] Sarton G. The Study of the History of Science. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1961. (1-е изд-е: 1936). – P. 5.

Эта весьма наивная точка зрения получила, однако, широкое распространение, по крайней мере, среди тех историков и философов, которые настаивали на уникальности феномена науки и его принципиальном отличии и глубинной отчужденности от иных сфер человеческой деятельности (теологии, искусства, философии и т. д.). При этом подчеркивалось: поскольку наука имеет дело с фактами, то в ней, в отличие от *armchair theories* возможно достижение консенсуса по поводу тех или иных утверждений. Неудивительно поэтому, что одной из важнейших проблем в философии науки стала проблема демаркации между наукой и не-наукой[4].

Этой жесткой дихотомии (как и многим другим тенденциям в философии науки) бросил вызов Т. Кун (*Kuhn Th. S.*; 1922 – 1996) в монографии *The Structure of Scientific Revolutions*[5], вышедшей первым изданием в 1962 г. Согласно Куну, между парадигмами не может вестись никакой логической дискуссии, поскольку они пользуются различными трактовками одних и тех же терминов. Побеждает та парадигма, которая оказывается более приемлемой научному сообществу в данное время. Причины же парадигмальных предпочтений могут быть самыми разными – от политических до религиозных[6]. В результате, изрядно поредевшие ряды логических позитивистов стали заполнять специалисты по социальной истории науки. И как заметил У. Ши (*Shea W. R.*; 1937 -), «*once the pure light of rationality, science became a garish sign that was turned on and off by concealed societal pulsations*»[7].

Бурный прогресс социальной истории науки поддерживался, кроме всего прочего, убежденностью исследователей в необходимости тщательнейшим образом учитывать реалии места и времени, не превращая героев историко-научного нарратива в абстрактных носителей тех или иных философских, методологических и/или научных идей (скажем: Р. Декарт (*Descartes R.*; лат. *Renatus Cartesius*; 1596 – 1650) – рационалист; Ф. Бэкон (*Bacon F.*; 1561 – 1626) – эмпирик и т. д.) и не накладывая на прошлое шаблоны и критерии XX или XXI столетия. Именно такая позиция позволила, к примеру, Паоло Росси (*Rossi P. A.*; 1923 -) взглянуть на Ф. Бэкона не через бифокальные линзы традиционной историографии (верхняя часть – эмпиризм, нижняя – индуктивизм), но через призму различных интеллектуальных традиций (рационалистической, алхимической и др.), представив его как создателя сложной и изощренной системы взглядов[8].

Прежние нарративы о великий людях и посетивших их озарениях (инсайтах) в последние два десятилетия XX века стали постепенно выходить из моды, скачок (или застой) в науке теперь приписывались не героям-одиночкам научного поиска, но их совокупностям, разделяя между участниками инновационные заслуги и исследовательские неудачи. При этом, как правило, полагалось, что необходимые для познающего субъекта качества (ум, талант, любознательность, наблюдательность и т. д.) не зависят от времени и пространства (хотя в разные эпохи и в разных местах они проявляются по-разному). Однако на рубеже XX – XXI столетий историки науки снова обратили внимание на роль *Zeitgeist* в формировании лично-

[4] Popper K. R. The Logic of Scientific Discovery. – London: Hutchinson, 1959.

[5] Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolution, enlarged edition. – Chicago: University of Chicago Press, 1970.

[6] История и философия науки: учебное пособие для аспирантов / Под ред. А. С. Мамзина. – СПб: Питер Пресс, 2008. – С. 137 – 141. Я не ставлю здесь себе целью дать критический обзор различных моделей развития науки. Все это можно найти в работах отечественных и зарубежных философов науки и, в частности, в цитируемом в этой сноске учебном пособии.

[7] Shea W. R. The Scientific Revolution Really Occurred // European Review. – Vol. 15. – No. 4. – P. 460.

[8] Rossi P. Francesco Bacone. Dalla Magia alla Scienza. Bari: Laterza, 1957. [Ser.: Biblioteca di cultura moderna; 517] (англ. пер.: Francis Bacon : from magic to science / Translated from the Italian by Sacha Rabinovitch. – London: Routledge & Kegan Paul, 1968 (а также: London: Routledge, 2008). Другим аналогичным примером могут служить работы Ф. А. Йейтс (Yates F. A.; 1889 – 1981) и в частности ее монография об искусстве памяти (Yates F. A. The Art of Memory. – London: Routledge and Kegan Paul, 1966; Йейтс Ф. Искусство памяти. – СПб: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997 (Пер. Е. В. Малышкина)).

сти ученого и в практике поддержки талантливых естествоиспытателей, в том числе и в эпоху интеллектуальной революции Нового времени.

В итоге, картина развития науки стремительно усложнялась и сегодня анализ сложившейся ситуации заставляет вспомнить известную гипотезу Д. фон Неймана (*Neumann J. von*; 1903 – 1957): простейшим описанием объекта, достигшего некоторого порога сложности, оказывается сам объект, а любая попытка его строгого формального описания приводит к чему-то более трудному и запутанному. Или, иными словами, существует некий порог сложности систем, за которым система не допускает сколь-нибудь полного описания (модели), существенно более простого, чем она сама. Возможно, именно к такому порогу в реконструкции интеллектуальной революции Нового времени мы сейчас и подошли. Оказавшись у этого порога, историки науки вынуждены отказываться от многих принятых ранее и, казалось бы, совершенно бесспорных утверждений, или по крайней мере использовать их с крайней осторожностью.

Далее будут рассмотрены два часто встречающихся в литературе (особенно в отечественных учебниках по истории и философии науки) утверждения (мифа) о научной революции XVI – XVII вв.[9] Эти два утверждения вкратце могут быть сформулированы следующим образом:

– «гипертрофия механики как способа миропонимания»[10] – важнейшая черта «новой науки»;

– математизация естествознания – фундаментальная особенность научной революции.

Попутно будут затронуты и другие проблемы историко-научной реконструкции феномена интеллектуальной революции Нового времени, главным образом, в ее натурфилософском срезе.

Блуждания освобождённого разума

Часто можно читать и слышать, что современная наука, основания которой были заложены в XVI – XVII вв., характеризуется такими чертами как критичность, методичность и тем, что в англоязычной литературе обозначается термином *quantification* (в данном контексте этот термин означает, что в эпоху «научной революции» формируются «стандарты и идеалы построения научного знания» и эти стандарты и идеалы «связываются с формулированием законов природы в строгой математической форме и с проверкой теорий посредством опыта», поэтому иногда говорят о математизации естествознания в ходе научной революции, которая, по мнению многих авторов, «не вызывает сомнений»[11]. По поводу сомнений на этот счет я скажу далее.

---

[9] Несколько слов о терминологии. Указанная эпоха засвидетельствовала глубокие изменения в различных областях человеческой деятельности, не только в познании Природы. Историки говорят об экономических преобразованиях (зарождение раннекапиталистической экономики), о религиозном перевороте (Реформация), об изобретении линейной перспективы, о революции в военном деле, о существенных изменениях в теории музыки (формирование равномерно-темперированного строя) и т. д., не говоря уже о новых философских идеях и научных открытиях. Термин *интеллектуальная революция* относится к широкому спектру разнообразных «переворотов», хотя, разумеется, не отражает всего многообразия нововведений, имевших место в XVI – XVII столетиях. Термин *научная революция* более узкий, он относится лишь к одной, хотя и важнейшей области инновационного поля раннего Нового времени, а именно: к познанию природных процессов, объектов и явлений. Я буду употреблять в зависимости от контекста оба этих термина в указанных выше значениях.

[10] Введение в историю и философию науки / Под ред. С. А. Лебедева. Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект; Культура, 2005 (Сер.: *Gaudeamus*). – С. 56. (Раздел написан В. В. Ильиным).

[11] История и философия науки: учебное пособие для аспирантов / Под ред. А. С. Мамзина. – СПб: Питер Пресс, 2008. – С. 12, 16, 110.

Эти три особенности нововременной науки – «*scepticism, methodicality and quantification*»[12] (перечень может быть расширен[13]), – взятые *в совокупности*, *в неразрывном единстве*[14], определили те черты «новой науки», которые отличали ее от предшествующих форм познания Природы.

Типичная картина научной революции, распространенная в литературе (особенно отечественной) в общих чертах выглядит так: наука XVII столетия решительно порвала с образом мышления и регулятивными допущениями предыдущих времен (Античности и, особенно, Средних веков). Старые, восходящие к Аристотелю (384 до н. э. – 322 до н. э.) и схоластическому перипатетизму, методы познания и представления о природных объектах и явлениях были отброшены и благодаря новой методологии были заложены основы классического естествознания и новой философии, созданной Ф. Бэконом, Р. Декартом, Г. Лейбницем (*Leibniz G. W. von*; 1646 – 1716), Т. Гоббсом (*Hobbes Th.*; 1588 – 1679) и Б. Спинозой (*Spinoza B.* de; 1632 – 1677). Эта новая философия, а вслед за ней и новая наука, отказались от квалитативистской перипатетической натурфилософии с ее субстанциальными формами и качествами, естественными местами, целевыми причинами, иерархиями сущностей, лунной гранью, запретом на метабасис и прочими концепциями. Отныне Природа понималась как нечто трудно постижимое и самодостаточное, а не как «*an extension of consciousness and human purposes*»[15]. Физика Аристотеля исходила из того, что любой объект (в том числе и природный) имел особую форму и особое сочетание качеств, тогда как теоретики начала Нового времени обращались к иной предпосылке: в мире есть только *материя* (однородная и бескачественная), существующая в форме корпускул определенной формы и размеров, и *движение* (в том числе движение этих корпускул). И все свойства и качества объяснялись на базе этой «корпускулярной философии». При этом новая наука о Природе была полностью отделена в своих констатациях от человеческих интересов и вообще от факта присутствия человека в мире, т. е. была имперсональна. Скажем, закон гравитации или закон Бойля-Мариотта действовали независимо от того, есть человек и человечество во Вселенной или нет.

В традиционной интерпретации научной революции особый акцент делается также на математизации естествознания, разработке и реализации экспериментальной методологии и на формировании гипотетико-дедуктивного подхода.

Фактологическая сторона научной революции представляется, как правило, следующим образом: начало интеллектуального переворота в природознании связывают с публикацией трактата Н. Коперника (*Kopernik M.*, лат. *Copernicus N.*; 1473 – 1543) *De Revolutionibus Orbium Coelestium* (1543), делая акцент не только на космологической новизне его идей, но и на их общемировоззренческом значении. Затем отмечается роль открытий И. Кеплера (*Kepler J.*; 1571 – 1630) и особенно Г. Галилея (*Galilei G.*; 1564 – 1642), которому ставятся в заслугу кроме научных достижений еще и методологические новации. Параллельно отмеча-

[12] Wilson C. The Invisible World: early modern philosophy and the invention of the microscope. – Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1995. – P. 6.

[13] См., например: История и философия науки. – С. 12 – 13.

[14] Именно *в совокупности*, поскольку, стремление к математической точности можно обнаружить, скажем, у астрономов и астрологов Средневековья, равно как и у мертонских калькуляторов (У. Хейтсбери (*Heytesbury* (или *Hentisberus*) *W.*, ум. в 1380), Р. Суайнсхедом или Суиссетом (*Swineshead* (или *Suisheth*) *R.*; ум. после 1355), Д. Дамблтоном (*John of Dumbleton*; умер ок. 1349) и другие ученики и последователи Т. Брадвардина (*Bradwardine Th.*; ок. 1290 – 1349)), но без каких-либо серьезных попыток критического переосмысления оснований натурфилософского схоластического перипатетизма. Скептицизм как философская позиция и как умонастроение получил широкое распространение в эпоху Ренессанса, но ограничивался, как правило, рамками гуманитарных областей. Методизм П. Рамуса (*Pierre de la Ramée*, *Petrus Ramus*; 1515 – 1572) развивался в границах логики и теории языка.

[15] Gillispie Ch. C. The Edge of Objectivity: An Essay in the History of Scientific Ideas. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1960. – P. 13.

ется прорыв в области философии (эмпиризм Ф. Бэкона и рационализм Р. Декарта), и, наконец, апогеем революционного процесса, признаются открытия И. Ньютона (*Newton I.*; 1643 – 1727) в области математики, механики и оптики. Короче, научная революция при таком подходе вполне укладывается в известную гегелевскую триаду – тезис (схоластический перипатетизм или «Аристотель с тонзурой»), антитезис (коперниканско–картезианская картина мира), синтез («система мира» И. Ньютона). И какие бы оговорки авторами не делались, изложение истории научной революции в большинстве случаев напоминает, говоря словами А. И. Герцена, «высочайший маршрут инкогнито – этап в этап, на станциях готовили лошадей»[16].

Кроме того, неизменно подчеркивается, что Природа в представлении героев научной революции могла быть описана и интерпретирована на языке математики и механики. В качестве подтверждения очерченной выше модели научной революции обычно приводят цитаты из работ Г. Галилея (*Dialogo sopra i due massimi sistemi del mondo* (1632)), Р. Бойля (*Boyle R.*; 1627 – 1691) (*About the excellency and grounds of the mechanical hypothesis* (1674)), Р. Декарта (*Discours de la méthode* (1637); *Principia philosophiae* (1644)) и И. Ньютона (*Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica* (1687)). Особенно часто в этой связи цитируют знаменитую фразу Галилея из *Il Saggiatore*: «Книга Природы написана… на языке математики, и знаки ее — треугольники, круги и другие геометрические фигуры»[17].

В основу этого фольклора (бесспорно, как и каждый фольклор, отражающего некоторую реальность!) положен преформационистский миф о возникновении науки на заре Нового времени. Приведу характерный пример, взятый из популярного учебника по философии науки, где соответствующий текст принадлежит перу В. В. Ильина[18]:

«Науку конституирует единство эмпирической и теоретической деятельности. Однако в периоды античности и средневековья два эти вида деятельности гносеологически и социально противопоставлены, разобщены. Теоретическая деятельность замыкалась на семь классических свободных искусств – астрономию, диалектику, риторику, арифметику, геометрию, медицину, музыку – и только на них». Прерву цитирование, чтобы заметить – медицина в *классические artes liberales* не входила, вместо нее следовало бы назвать грамматику, дисциплину тривия. Продолжу цитату. «Эмпирическая деятельность проходила по ведомству механических, несвободных искусств – ремесленничества. <…>. Данное положение, когда теоретические занятия составляли удел абстрактного интеллекта, а эмпирические (опытно-экспериментальные) занятия – удел конкретного ремесла, крайне затрудняло синтез эмпирического и теоретического уровней, а значит, делало невозможным формирование науки. Представители кабинетной учености, не занимаясь экспериментаторством по психологическим обстоятельствам (отсутствие престижности), обрекали себя на бесплодное системосозидание и схоластическое теоретизирование. Представители же цехового ремесла, не занимаясь вопросами теории по обстоятельствам социальным (сословные барьеры), оказывались не в состоянии перешагнуть рубеж ползучего эмпиризма и беспросветного филистерского невежества. Разрыву этого порочного круга и радикальному изменению ситуации, приведшему к синтезу эмпирической и теоретической деятельности, а вместе с этим – к образованию науки, мы обязаны тем социально-практическим процессам, которые составляли стержень общественной жизни того времени (не очень понятно – какого именно времени, видимо, судя по дальнейшему, речь идет о позднем Ренессансе. – *И. Д.*). <…>. Подобное и происходит в эпо-

[16] Герцен А. И. Концы и начала // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30-ти тт. – М.: Изд-во АН СССР, 1954 – 1965. – Т. 16 (1959): Статьи из «Колокола» и другие произведения 1862 – 1863 годов. – С. 129 – 198 [Письмо четвертое. С. 158 – 167]; С. 163.

[17] Галилей Г. Пробирных дел мастер / Пер. Ю. А. Данилова. – М.: Наука, 1987. – С. 41.

[18] Введение в историю и философию науки. – С. 57 – 58.

ху Ренессанса в результате обусловленного развитием капитализма бурного прогресса промышленности. Таким образом, синтез эмпирической и теоретической деятельности, абстрактного знания и конкретного умения, осуществленный в эпоху Ренессанса, означал возникновение науки в собственном смысле слова».

Оставим в стороне характерный для советских идеологов снисходительно-менторский тон изложения и любовь к обоснованию того, почему, скажем, в XIII столетии не возникло то, что возникло только в XVII-м. В приведенном и в аналогичных рассуждениях (*nomen illis legio*) обращает на себя внимание представление о классической науке как о некой преформативной структуре, уже существовавшей в латентном виде в Античности и в Средние века, но, как сейчас говорят, не в том формате и надо было просто от чего-то отказаться (например, «сбросить оковы» схоластического теоретизирования!), разорвать некий порочный круг, что-то передвинуть на первый план (скажем, идею эмпирической проверки умозрительных выводов), что-то с чем-то соединить (лучше всего теоретическое с эмпирическим) и все, классическая наука готова к употреблению. Как говаривал К. Маркс, «разум существовал всегда, но не всегда в разумной форме». Аналогично и с наукой. Получается, что все эти альберты великие, аквинаты и роджеры бэконы – просто недоразвившиеся декарты и ньютоны. И только титаны мысли XVI – XVII вв. (от Коперника до Ньютона), перешагнувшие «рубеж ползучего эмпиризма и беспросветного филистерского невежества», сумели очистить светлый образ науки от наростов и наслоений схоластического перипатетизма, грубого эмпиризма и мистики, после чего классическое естествознание возникло подобно Афине из головы Зевса в результате концептуальных инноваций, предложенных сравнительно небольшой группой гениальных интеллектуалов-аутсайдеров, сумевших благодаря своему героическому энтузиазму преодолеть сопротивление и косность традиционалистов и прочие препятствия[19]. При этом, как уже было сказано, особое значение в литературе придается двум тенденциям, присущим научной революции: математизации естествознания («формулировка законов природы в строгой математической форме» и, соответственно, широкое использование количественных понятий[20]) и созданию механической картины мира.

Между тем научная (а более широко – интеллектуальная) революция XVI – XVII вв. – это отнюдь не однонаправленный и не предопределенный в своих основных вехах процесс, когда разрыв с аристотелевой традицией автоматически расчищал путь к нововременной

[19] Я уж не говорю (за недостатком места) о том, что распространенный в литературе взгляд на отношение между теоретическим и эмпирическим знанием в Средние века (примером которого служит приведенная в основном тексте цитата), мягко говоря, нуждается в уточнении. Взгляд этот основан на мнениях, зафиксированных в трудах средневековых интеллектуалов и идеологов эпохи (Гуго Сен-Викторского (*Hugues de Saint-Victor*; ум. 1140 или 1141), Св. Бонавентуры (*San Bonaventura*, наст. имя *Giovanni di Fidanza*; 1221 – 1274), Св. Фомы (*Th. Aquinas*; ок. 1225 – 1274) и др.), а мнения их (как и мнения идеологов во все времена) выражают скорее некую идеальную ситуацию, то, что должно быть, а не то, как обстоят дела в реальности. Действительно, хотя многие вопросы, касающиеся природы и характера функционирования практического знания в Средние века, еще недостаточно изучены, есть основания усомниться в справедливости традиционной точки зрения на ситуацию в сфере *Technē* в эту эпоху. Скажем, средневековая архитектура (особенно, если обратиться к грандиозным готическим соборам), свидетельствует о глубоком знании зодчими и мастерами законов статики, сопротивления материалов, о превосходном владении ими приемами технического черчения и т. д. Эти знания, как показывает история средневековой архитектуры, никак не могли быть получены ни в процессе «бесплодного системосозидания и схоластического теоретизирования», ни, тем более, в среде, где доминируют «ползучий эмпиризм» и «беспросветное филистерское невежество», так же как источником поразительных *savoir-faire technique* средневековых строителей не могли быть ни их сверхъестественная одаренность, ни накапливавшийся поколениями практический рецептурный опыт. Планы готических соборов (кстати, представлявшиеся на суд специальных комиссий, включавших как минимум двух профессиональных архитекторов) составлялись весьма грамотными и образованными людьми.

[20] История и философия науки. – С. 16, 50, 109 – 110, 114.

науке и философии. В действительности, то была интеллектуальная война, исход которой отнюдь не был известен заранее ни одной из воюющих сторон.

Разумеется, аристотелизм и птолемеева астрономия были подвергнуты в XVI – XVII вв. жесткой критике и переоценке. Однако, вовсе не самоочевидно, что альтернативой аристотеле-птолемеевой картине мира непременно должна была стать классическая наука, поскольку далеко не все критики традиционного природознания были готовы принять взгляды Коперника и путь к светлому научному будущему мог оказаться куда более длительным и извилистым. Впрочем, он, если вдуматься, и был таковым. Характерный пример – Пьер Гассенди (*Gassendi P.*; 1592 – 1655), который уже в своей ранней работе *Exercitationes paradoxicae adversus Aristoteleos* (1624), резко критиковал Аристотеля, в том числе и его натуральную философию. Поначалу Гассенди увлекли космологические идеи Н. Коперника, которого он возлюбил всей душой[21]. «Прежде всего, друг мой Галилей, – писал Гассенди итальянскому математику и физику, – я хотел бы, чтобы Вы вполне уверились в той душевной радости, которую я испытал, познакомившись с Вашими воззрениями на систему Коперника. Преграды Вселенной разрушены. Освобожденный разум блуждает по необъятному пространству»[22].

Однако чем детальнее французский философ знакомился с *De Revolutionibus*, тем меньше ему нравилась сама манера рассуждения польского астронома, слишком напоминавшая аристотелеву. Возможно, Гассенди уловил несоответствие космологии Коперника традиционной перипатетической физике. В итоге, он обратился к поискам более удовлетворительной натурфилософии. Гассенди искал образец философствования в античном прошлом[23] и в конце концов его выбор остановился на воззрениях Эпикура (341 г. до н. э. – 270 г. до н. э.)[24], что отчасти было обусловлено известной близостью эпикуреизма к волюнтаристской теологии, которой придерживался Гассенди. Разумеется, последний трансформировал эпикурейскую философию в теологически приемлемую форму, поскольку в восприятии Средневековья (в

[21] В 1645 г. Гассенди занял должность профессора математики в *Collège Royal* в Париже. Он первым наблюдал прохождение Меркурия по диску Солнца (7 ноября 1631 г.), предсказанное И. Кеплером. В 1647 г. издал книгу, анализировавшую известные в то время космологические системы (К. Птолемея (Κλαύδιος Πτολεμαῖος, лат. *Ptolemaeus*; ок. 87 – 165), Коперника и Тихо Браге (*Tyge Ottesen Brahe*, лат. *Tycho Brahe*; 1546 – 1601)) и посвященную кардиналу А. Ришелье (*Plessis A.-J. du, duc de Richelieu*; 1585 – 1642) (*Gassendi P.* Institvtio astronomica: iuxta hypotheseis tam veterum, quam Copernici et Tychonis. Dictata a Petro Gassendo regio matheseos professore. Eiusdem Oratio inauguralis, iteratò edita. Parisiis, apud Ludovicum de Heuqueuille, viâ Iacobeâ, sub signo Pacis. M.DC.XLVII [1647]). В 1654 г. появился биографический труд Гассенди о Тихо Браге, Н. Копернике, Г. Пурбахе (*Peuerbach G. von*; 1423 – 1461), И. Мюллере (нем. *Müller J.*, лат. *Regiomontanus*; 1436 – 1476) (*Gassendi P.* Tychonis Brahei, equitis dani, astronomorum coryphæi vita. Authore Petro Gassendo regio matheseos professore accessit Nicolai Copernici, Georgii Peurbachii, & Ioannis Regiomontani astronomorum celebrium vita. Parisiis, apud viduam Mathurini Dupuis, viâ Iacobaeâ, sub signo Coronae Aureae, M.DC.LIV [1654]).

[22] Цит. по: Коньо Ж. Пьер Гассенди – возобновитель эпикуреизма (http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/GASSENDI.HTM).

[23] Osler M. Renaissance Humanism, Lingering Aristotelianism and the New Natural Philosophy: Gassendi on Final Causes // Humanism and Early Modern Philosophy / Edited by Jill Kraye and M. W. F. Stone. – London, New York: Routledge, 2000. – Pp. 193–208; Joy L. S. Gassendi the Atomist: Advocate of History in an Age of Science. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987; Petri Gassendi Diniensis ecclesiae praepositi et in academia Parisiensi matheseos regii professoris Opera omnia in sex tomos divisa: quorum seriem pagina praefationes proximè sequens continet / Hactenus edita auctor ante obitum recensuit, auxit, illustrauit. Posthuma verò totius naturae explicationem complectentia, in lucem nunc primù prodeunt, ex bibliotheca illustris viri Henrici Ludouici Haberti Mon-morii libellorum supplicum magistri. Lugduni [Lyon]: Sumptibus Laurentii Anisson, & Ioan. Bapt. Devenet, 1658. Tomus primus: Syntagmatis philosophici, in quo capita praecipua totius philosophiae edisseruntur, pars prima, siue Logica, itemque partis secundae, seu Physicae sectiones duae priores, I. De rebus naturae vniuersè II. De rebus caelestibus. P. 30. (Репринтное переиздание: Stuttgart-Bad Canstatt: F. Frommann, 1964).

[24] Osler M. Divine Will and the Mechanical Philosophy: Gassendi and Descartes on Contingency and Necessity in the Created World. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 42.

действительности, сильно искаженном) Эпикур слыл атеистом. Результатом крещения Эпикура стал главный труд Гассенди *Syntagma Philosophicum*[25].

Гассенди и люди его круга, как, например, астроном Исмаэль Буйо (*Boulliau I.* или *Bullialdus I.*; 1605 – 1694)[26], литератор и философ-скептик Франсуа де Ла Мот ле Вайе (*De La Mothe Le Vayer F.*, часто публиковал свои произведения под псевдонимом *Orosius Tubero*; 1588 – 1672) и управляющий парижской Палаты счетов и советник Парламента Меца Франсуа Люйе (*Luillier F.*; 1583 – 1652), оказались в оппозиции и аристотелизму, и зарождающейся новой науке. Замечу – они не были первыми, аналогичных взглядов придерживался, к примеру, М. Монтень (*Montaigne M. de*; 1533 – 1592) в *Apologie de Raimond Sebond*, но Гассенди и его последователи пошли дальше в своей критике и старого, и нового. С наибольшей ясностью их позицию, которую они характеризовали как «*sceptique chrétienne*», выразил Ф. Де ла Мот ле Вайе в сочинении *Homilie Académique: Des Sciences*, который, порицая тех, кто надеялся обрести полное знание о природе, писал о необходимости считаться с ограниченностью человеческих возможностей: «мы никогда не достигнем совершенного знания …; как бы умны и способны мы ни были, мы никогда не выйдем из тени незнания, которое составляет часть самой нашей природы»[27].

Надо сказать, что Гассенди, упрекая Коперника в том, что он мыслил в старой (аристотелевой) манере в известном смысле был прав. Действительно, с нашей сегодняшней точки зрения, коперниканская теория стала революционным прорывом в истории человеческой мысли. Вот типичный пример такой оценки: «Выдвигая гелиоцентрическое учение, Н. Коперник разрушал прежнее, существовавшее на протяжении многих столетий, мировоззрение. … Он открыл новые, невиданные прежде возможности для развития не только астрономии, но и всего естествознания. … Он верил в торжество разума и был убежден в том, что знание истины представляет высшую ценность, перед которой должны склонять голову все здравомыслящие люди»[28]. Однако, это – оценка «победителей» (которые, как известно, и сочиняют

[25] Ibid. Chaps. 2 – 4.

[26] И. Буллиальд родился в кальвинистской семье, но когда ему исполнился 21 год он перешел в католицизм и в 26 лет стал священником. В 1632 г. он обосновался в Париже, где занимал должность библиотекаря в *Bibliothèque du Roi*. Он часто бывал в Италии, Германии и Нидерландах, где занимался закупкой книг. Буллиальд состоял в дружеских отношениях с П. Гассенди, М. Мерсенном (*Mersenne M.*; 1588 – 1648), Хр. Гюйгенсом (*Huygens Chr.*; 1629 – 1695) и Б. Паскалем (*Pascal B.*; 1623 – 1662). Он был убежденным коперниканцем и активно поддерживал Г. Галилея. В своей книге *Astronomia philolaica* (1645) он выступил в защиту идеи И. Кеплера об эллиптичности планетных орбит, но, в отличие от немецкого астронома, полагал, что сила, действующая на планеты со стороны Солнца (если она существует, во что Буллиальд не очень верил) уменьшается обратно пропорционально квадрату расстояния между Солнцем и планетой (Linton Chr. M. From Eudoxus to Einstein: A History of Mathematical Astronomy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – Pp. 224 – 225; Nellen H. J. M. Ismaël Boulliau (1605 – 1694), astronome, épistolier, nouvelliste et intermédiaire scientifique Ses rapports avec les milieux du “libertinage érudit”. Avec une bibliographie et un index des noms. – Nijmegen: APA-Holland University Press, 1994 (Ser.: Studies of the Pierre Bayle Institute: 24)).

[27] La Mothe Le Vayer de F. Discours ou Homilies Académiques, IIIe partie: Vingtiéme Homilie Académique: Des Sciences // Oeuvres de Francois de La Mothe Le Vayer. En 14 vols. Dresden, 1756 – 1759. – T. 3, partie 2. – P. 313) [Slatkine Reprints, vol. 1. P. 649]. Следует заметить, что скептицизм (и как умонастроение эпохи, и как философское направление) сыграл заметную роль в процессе формирования нововременной науки. Впрочем, схоластика также в известном смысле построена на скептицизме (Popkin R. H. The History of Scepticism from Erasmus to Spinoza. Berkeley: University of California Press, 1979; Smith A. M. Knowing Things Inside Out: The Scientific Revolution from a Medieval Perspective // American Historical Review. – 1990. – Vol. 95. – Pp. 726 – 744).

[28] Этот образчик историко-научного фольклора я взял из статьи С. В. Девятовой и В. И. Купцова «Судьба учения Н. Коперника» (Вопросы философии. – 2011. – № 1. – С. 83 – 97; С. 85). Хотя эта статья опубликована в главном философском журнале России, каких-либо нетривиальных собственно философских идей в ней нет, и по своему характеру она относится к числу дилетантских историко-научных работ, лишний раз подтверждающих историко-научное невежество авторов, совершенно не знакомых с тем, что происходило и происходит в мировой истории науки в последние 15 – 20 лет (это видно не только из «нафталинных» формулировок статьи,

историю), переносящая наши предпочтения, знания и ценности в прошлое. В XVI, да и начале XVII столетий ситуация выглядела иначе.

Читатели *De Revolutionibus* (которых, кстати, было немного[29]) видели в этом сочинении следующее: автор явно имитирует *Almagest* Птолемея в построении книги, в стиле изложения, в использовании геометрических моделей (круговые орбиты планет, существование планетных сфер, концепция экванта и проч.), но выстраивает свою систему в иной космологии, «вращая» планеты относительно иного, чем в традиционной астрономии, центра и приписывая Земле тройное движение, что вполне допустимо в качестве математического приема, но физическую реальность такой космологической модели невозможно подтвердить никакими способами. Как физическое утверждение гелиоцентризм был интересной догадкой, элегантной гипотезой, но не более того[30]. Не случайно младшие современники Коперника с равной похвалой отзывались и о нем, и о Птолемее, часто называя польского астронома «вторым Птолемеем», выражение которое стало практически стандартной фигурой речи в первые десятилетия после смерти Коперника[31]. Даже И. Ретик (*Rhäticus G. J.*; 1514 – 1576), ученик Коперника, предваривший публикацию *De Revolutionibus* своим вводным трактатом *Narratio Prima*, писал в 1542 г. Г. Хартманну (*Hartmann G.*; 1489 – 1564) о своем учителе не как о человеке, который опроверг систему Птолемея, но как об ученом, который ее развил и усовершенствовал, и потому его (Коперника) «можно сравнить с величайшими умами Античности»[32]. А в *Narratio Prima* Ретик, выбирая, с кем из великих астрономов прошлого можно сопоставить его учителя, заметил: «Я охотнее сравню его [Коперника] с Птолемеем, не потому, что я почитаю Региомонтана меньше Птолемея, но потому, что мой наставник имеет вместе с Птолемеем ту счастливую особенность, что он по божественному милосер-

---

но и из перечня использованной литературы). К сожалению, эта особенность присуща большинству отечественных работ по философии науки. Если, к примеру, Т. Кун перед тем как написать *The Structure of Scientific Revolutions* опубликовал историческое исследование о коперниканской революции (Kuhn T. The Copernican Revolution: planetary astronomy in the development of Western thought. – Cambridge: Harvard University Press, 1957) и ряд историко-научных статей (см., например: Kuhn T. S. Robert Boyle and Structural Chemistry in the Seventeenth Century // Isis. – 1952. – Vol. 43. – Pp. 12 – 36; Kuhn T. S. The Caloric Theory of Adiabatic Compression // Isis. – 1958. – Vol. 49. – Pp. 132 – 140 и др.), а после *The Structure* вышла его монография о формировании ранней квантовой теории (Kuhn T. S. Black-Body Theory and the Quantum Discontinuity, 1894 – 1912. – Chicago: University of Chicago Press, 1987), то наши философы науки, за редкими исключениями, выше этого. В России история науки – это экзотический десерт на черном хлебе философии науки, вкусно, но не всем по карману. Таковы и результаты.

[29] Я имею в виду тех читателей, которые могли разобраться в сложном математическом тексте Н. Коперника. Подр. см.: Gingerich O. The book nobody read: chasing the revolutions of Nicolaus Copernicus. – London: Arrow, 2005.

[30] Swerdlow N. M., Neugebauer O. Mathematical Astronomy in Copernicus's *De Revolutionibus*; parts one and two. – New York: Springer-Verlag, 1984.

[31] См., к примеру: Gemma Frisius R. De radio astronomico & geometrico liber: In quo multa quae ad geographia[m], opticam, geometriam & astronomiam vtiliss. sunt, demonstrantur. Antverpiae & Louanii: Apud Greg. Bontiu[m] sub scuto Basilien[si]., Apud Petrum Phalesium., Ann. Christianae salutis. M.D.XLV [1545], ff. 28v – 29r; Reinhold E. Prutenicae tabulae coelestium motuum. – Tubingae: per Ulricum Morhardum, 1551, sig. a.4r; Tychonis Brahe Dani. Opera omnia. In 14 vols. / Ed. I. L. E. Dreyer. – Hauniae: Libraria Gyldendaliana, 1913 – 1929. (Auspiciis Societatis linguae et litteratum danicarum (Det Danske sprog- og litteraturselskab)). – Vol. I: Scripta astronomica / Ed. I. L. E. Dreyer auxilio Ioannis Raeder. Sumptus fecit G. A. Hagemann. – P. 149.

[32] Copernicus N. De lateribus et angulis triangulorum, tum planorum rectilineorum, tum sphaericorum, libellus eruditissimus & utilissimus, cum ad plerasque Ptolemaei demonstrationes intelligendas, tum uero ad alia multa / Scriptus à clarissimo & doctissimo viro d. Nicolao Copernico Toronensi. Additus est Canon semissium subtensarum rectarum linearum in circulo. Vittembergae: Excusum Vittembergae per Iohannem Lufft, Anno M. D. XLII [1542]. (Книга вышла под редакцией И. Ретика), sig. A.iiv.

дию завершил предпринятое им исправление астрономии, тогда как Региомонтан (увы, жестокая судьба!) ушел из жизни раньше, чем воздвиг свои колонны»[33].

И дело здесь не только в астрономической ситуации, но и в некоторых особенностях отношения людей эпохи Ренессанса к прошлому. *Во-первых*, заслуги античных предшественников следовало уважать и к их вкладу в науку и в культуру надлежало относиться самым бережным образом. Можно говорить о том, что древние чего-то не знали, что-то не заметили, в чем-то их взгляды требуют дальнейшего развития, но резкая критика античного наследия (в том числе и научного) в кругах гуманистов, как правило, считалась дурным тоном. Исключения очень редки. Именно поэтому Коперник так резко осадил И. Вернера (*Werner J.*; 1468 – 1528), когда тот позволил себе написать, что древние *ошиблись* в вычислении движения «восьмой сферы». «… Его [движение восьмой сферы, т. е. далеких звезд. – *И. Д.*], – писал Коперник, – древние математики не могли определить в полной мере вследствие необычайной его медленности. Но если мы желаем исследовать его, то должны идти по стопам (*vestigia*) древних математиков и держаться оставленных ими как бы по завещанию наблюдений. И если кто-нибудь, наоборот, хочет думать, что верить им не следует, то, конечно, врата нашей науки будут для него в этом вопросе закрыты и он, лежа у порога, будет во сне больных грезить о движении восьмой сферы, и вполне заслуженно, ибо он клеветой на древних хотел помочь собственным галлюцинациям»[34]. Предвижу возражение – мол, Коперник требует уважительного отношения к собранным древними астрономами данным наблюдения, но никак не к их теориям. В действительности же, дело не ограничивалось только наблюдениями. Коперник решил «повернуть апсиды» именно с целью более последовательного применения принципов древней астрономии (принципа равномерного кругового движения планет, принципа симметрии Космоса[35] и т. д.).

---

[33] Ретик Г. И. Георгия Иохима Ретика о книгах вращений Николая Коперника первое повествование к Иоанну Шонеру // Коперник Н. О вращениях небесных сфер. Малый комментарий. Послание против Вернера. Упсальская запись / Пер. И. Н. Веселовского. Статья и общая редакция А. А. Михайлова. – М.: Наука, 1964. (Серия «Классики науки»). – С. 488 – 547; С. 488.

[34] Коперник Н. О вращениях небесных сфер. Малый комментарий. Послание против Вернера. Упсальская запись / Пер. И. Н. Веселовского. Статья и общая редакция А. А. Михайлова. – М.: Наука, 1964. (Серия «Классики науки»). – С. 433.

[35] В десятой главе первой книги *De Revolutionibus* Коперник назвал принцип, устанавливающий отношение частей Вселенной – «размеры орбит (а следовательно, и их порядок. – *И. Д.*) измеряются величиной времени обращения» – «первым принципом», и этот первый (или главный) принцип определяет то, что Коперник именовал *симметрией* мира – «*...mundi formam, ac partium eius certam symmetriam*». В переводе И. Н. Веселовского использован термин «соразмерность», что вполне соответствует этимологии слова συμμετρία и контексту его употребления Коперником (Коперник Н. О вращениях небесных сфер. – С. 34). В оригинале: «*ut magnitudinem orbium multitudo temporis metiatur*» (Copernicus N. Opera omnia. Vol. II. De Revolutionibus libri sex. – Varsaviae-Cracoviae: Academia scientiarum Polona, 1975. – Pp. 20, 42). Далее я буду называть этот принцип RT-зависимостью (а также RT-отношением или RT-симметрией), где R обозначает какую-либо величину, характеризующую размер планетной орбиты, а T – время обращения планеты вокруг центра вращения. Польского астронома смутило то обстоятельство, что в теории Птолемея RT-отношение (RT-симметрия) выполняется только для одних (так называемых, *верхних* планет, т. е. для Марса, Юпитера и Сатурна), но нарушается для других (*нижних*, Меркурия и Венеры). Получалось, что характер (а следовательно, и теория) движения Меркурия и Венеры существенным образом отличен от характера движения Марса, Юпитера и Сатурна. Птолемей пришел к заключению, что на основании имеющихся у него данных решить вопрос о порядке планет (особенно нижних) не представляется возможным, как и вообще объяснить все особенности их движения «при помощи круговых равномерных движений, которые по природе свойственны божественному, чуждому беспорядка и неравномерности». «Задача эта, – сетует Птолемей, – представляет очень большие трудности и как следует еще не была решена никем из предшествующих» (Птолемей К. Альмагест: Математическое сочинение в тринадцати книгах / Пер. с древнегреч. И. Н. Веселовского. Науч. ред. Г. Е. Куртик. – М.: Наука: Физматлит, 1998, IX 1, 2. – С. 278). Наиболее вероятным автор *Альмагеста* считал такой порядок планет, при котором Солнце оказывалось в середине (напомню, что Земля к числу планет

Во-вторых, наличие некоторых несовершенств в работах и взглядах древних авторов считалось вполне естественным в силу прогрессивной природы самого процесса познания – от менее к более совершенному знанию. Мысль о преемственности поколений в познании природы мыслителями XV – XVI столетий высказывалась неоднократно. Так например, Э. Рейнхольд (*Reinhold E.*; 1511 – 1553) в речи, посвященной памяти Регионтана, отметил, что «такая передача трудов (т. е. преемственность идей и исследовательской практики. – *И. Д.*) в высшей степени достойна похвалы, ибо предшествующие поколения передают семена искусства следующим поколениям, которые с уважением хранят их и придают им блеск»[36]. Эта позиция отчетливо проявилась, в частности, в автографах, которые оставляли на своих произведениях их создатели. Так, викарий одной из церквей Нюрнберга вышеупомянутый Г. Хартманн (друг И. Вернера) занимался на досуге изготовлением «математических инструментов», в том числе – астролябий. На одной из них, хранящейся ныне в Оксфорде, имеется подпись мастера, гласящая, что он «сделал (*fecit*)» этот инструмент в 1527 г. Однако, во всех надписях на астролябиях, изготовленных Хартманном после 1528 г., указано, что он «делал (*faciebat*)» этот прибор и далее следует дата его изготовления. Использование имперфекта – отнюдь не досадная грамматическая ошибка. Хартманн, употребив *imperfectum indicativi activi*, вместо *perfectum* (как в первом случае), следовал примеру одного из прихожан своей церкви – Альбрехта Дюрера (*Dürer A.*; 1471 – 1528), а тот, в свою очередь, воспользовался свидетельством Плиния Старшего (*Gaius Plinius Secundus*; 23 – 79), который в «Естественной истории» писал, что многие знаменитые художники, в том числе и Апеллес (Ἀπελλῆς, лат. Apelles, ок. 370 – 306 гг. до н. э.), даже свои самые совершенные работы подписывали, используя глагол *facio* в форме *imperfectum activi – faciebat*, чтобы подчеркнуть, что мастер еще не достиг совершенства, хотя вынужден по тем или иным обстоятельствам прекратить работу[37]. Многие владельцы типографий, например, И. Петреус (*Petreius J.*; 1497 – 1550), издавший *De Revolutionius*, в выходных данных также часто пользовались формой имперфекта, например, *Ioannes Petreius excude faciebat*. Другой пример – знаменитая гравюра на фронтисписе «Рудольфинских таблиц» И. Кеплера, иллюстрирующая, кроме всего прочего, «*the progressive nature of accumulating knowledge*»[38]. Дальние от зрителя колонны портика, на которых латинским маюскулом начертаны имена древних астрономов – деревянные, тогда как колонны, изображенные на первом плане, с именами астрономов XV – XVI вв., мраморные и с классическими капителями, причем колонна Тихо – коринфского ордера, тогда как колонна

традиционной астрономией не причислялась): Луна, (Меркурий, Венера), **Солнце**, Марс, Юпитер, Сатурн.

Основанием для подобного «гелиоцентризма» послужило то обстоятельство, что, согласно оценкам Птолемея, сделанными им в *Планетных гипотезах,* в пространстве между сферой Луны и сферой Солнца вполне могли поместиться сферы Меркурия и Венеры. Однако противоречие между птолемеевой гипотезой вплотную вложенных друг в друга небесных сфер и RT-отношением (а выполнимость этого отношения представлялась Копернику естественным требованием к теории планет) сыграло, по-видимому, существенную, если не главную роль в принятии последним гелиоцентрической идеи.

[36] Цит. по: Melanchthon Ph. Orations on philosophy and education / Edited by Sachiko Kusukawa; translated by Christine F. Salazar. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. (Series: Cambridge texts in the history of philosophy). – P. 242.

[37] Scheurl Chr. Oratio doctoris Scheurli attingens litteraru[m] prestantiam, necnon laudem Ecclesie Collegiate Vittenburgensis. M. Fortes fortuna formidat: C. S. D. Lectorem alloquitur Sbrulio ab ore liber: Quid me tam rigidus, quasi sint hic turpia, cernis. Lipsi: Martinus Herbipolensis, 1509, sig. A.iiir-v, sig. C.vir; Koerner J. L. The Moment of Self-Portraiture in German Renaissance Art. Chicago; London: University of Chicago Press, 1993. Pp. 201 – 202; Pliny, the Elder. Naturalis historia. Latin & English / with an English translation by H. Rackham. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London, W. Heinemann, 1938 – 1963. – Vol. I. Preface, – №№ 26 – 27. Впервые Дюрер использовал имперфект *faciebat* в подписи к своему знаменитому автопортрету 1500 г.

[38] Galle K. Building on ruins: Copernicus' defense of ancient astronomers against modern critics // Endeavour. – 2008. – Vol. 32. – № 3. – Pp. 94 – 100; P. 98.

Коперника скромнее – дорическая, хотя Кеплер предпочитал гелиоцентрическую теорию Коперника гео-гелиоцентрической теории Тихо[39].

Современники Коперника вовсе не считали себя революционерами, ниспровергателями античных теорий и традиций. В собственных глазах их возвышало сознание того, что они могут совершенствовать созданное древними и тем самым встать с ними в один ряд. И лишь со временем, к началу XVII в., как заметил К. Галле, «*the goal of correcting the ancients gradually took precedence over the belief in preserving and advancing their work*»[40]. Действительно, Коперник оправдывал свою критику теории Птолемея тем, что среди древних астрономов не было согласия по поводу структуры Космоса и движения планетных сфер и потому в его попытке развить некоторые из древних теорий нет ничего предосудительного.

Если же обратиться, скажем, к «Диалогу» Галилея, то там весьма трудно уловить тему преемственности научной мысли, там речь идет о принципиальном разрыве с прошлым, что, кстати, проявилось не только в содержании и фразеологии трактата, но и в выборе гравюры для титульного листа, особенно во втором и последующих его изданиях (1635, 1641, 1663 и 1699/1700). Если в первом издании (1632) на титульном листе были изображены три персонажа (Аристотель, Птолемей и Коперник), беседующих на равных на фоне Венецианского арсенала, то в лейденском издании 1699/1700 гг. престарелый и немощный Аристотель сидит на скамье, Птолемей стоит в тени, а перед ними стоит моложавый Коперник в позе победителя в споре[41].

Однако между первым изложением Коперником своей гелиоцентрической теории (рукопись *Commentariolis*; ок. 1514 г.) и выступлениями Галилея в поддержку коперниканской космологии как физической истины прошло около ста лет (!). Такой разрыв неслучаен. Современники и ближайшие потомки Коперника в большинстве своем вовсе не считали его теорию убедительной и хорошо обоснованной альтернативой аристотеле-птолемеевской системе мира. У них для этого не было никаких оснований, кроме эстетических, теологических, мистических и т. п. соображений. Да и в современной историко-научной литературе последних десятилетий обозначилась тенденция строго различать историческое значение труда Коперника как оно видилось в постгалилеевскую и, особенно, в постньютонианскую эпоху и его восприятие в догалилеевсие времена, т. е. до начала XVII столетия[42]. До начала XVII в.

[39] Brahe Tycho. Tabulae Rudolphinae, quibus astronomicae scientiae, temporum longinquitate collapsae restauratio continetur: a Phoenice illo astronomorum Tychone, ex illustri & generosa Braheorum in regno Daniae familiâ oriundo equite, primo animo concepta et destinata anno Christi MDLXIV: exinde observationibus siderum accuratissimis, post annum praecipue MDLXXII, quo sidus in Cassiopeiae constellatione novum effulsit, seriò affectata; variisque operibus, cùm mechanicis, tùm librariis, impenso patrimonio amplissimo, accedentibus etiam subsidiis Friderici II. Daniae regis, regali magnificentiâ dignis, tracta per annos XXV. potissimùm in insula freti Sundici Huenna, & arce Uraniburgo, in hos usus à fundamentis extructâ: tandem traducta in Germaniam, in que aulam et nomen Rudolphi Imp. anno MDIIC. Tabulas ipsas, jam et nuncupatas, et affectas, sed morte authoris sui anno MDCI. desrtas, jussu et stipendiis fretus trium imppp. Rudolphi, Matthiae, Ferdinandi, annitentibus haeredibus Braheanis; ex fundamentis observationum relictarum; ad exemplum ferè partium jam exstructarum; continuis multorum annorum speculationibus, & computationibus, primùm Pragae Bohemorum continuavit; deinde Lincii, superioris Austriae metropoli, subsidiis etiam ill. provincialium adjutus, perfecit, absolvit; adq[ue] causarum & calculi perennis formulam traduxit Ioannes Keplerus, Tychoni primùm a Rudolpho II. Imp. adjunctus calculi minister. [Ulm]: Opus hoc ad usus praesentium & posteritatis, typis, numericis propriis, caeteris, & praelo Jonae Saurii, Reip. Ulmanae typographi, in publicum extulit, & typographicis operis Ulmae curator affuit, anno 1627, sig. –r. (Подпись под гравюрой: «Georg Celer sculpsit Norimbergae. Ao. 1627». Книга была задумана и начата Тихо и завершена Кеплером).

[40] Galle K. Building on ruins. – P. 99.

[41] Remmert V. In the Sign of Galileo: Pictorial Representation in the 17th-Century Copernican Debate // Endeavour. – 2003. – Vol. 27. – № 1. – Pp. 26 – 31.

[42] См., например: Vermij R. The Calvinist Copernicans: The Reception of the New Astronomy in the Dutch Republic, 1575 – 1750. – Amsterdam: Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen, 2002. – Pp. 2 – 3, 26 – 30 *et passim.*

перед той частью европейской элиты, которую вообще волновала астрономо-космологическая тематика, проблема выбора между двумя «системами мира», как правило, не стояла, поскольку люди, сведущие в астрономии и математике, брали из каждой системы то, что им казалось наиболее приемлемым и рациональным, критикуя (или хваля) отдельные элементы теории Коперника (или Птолемея)[43]. Исключения были очень редки (например, Кеплер) и это, как правило, были люди, оказавшиеся, как выразился Р. Вермий, «*on the fringe of the learned world*»[44].

Следует иметь в виду и другое немаловажное обстоятельство. Во времена Коперника астрономия делилась на две части: собственно астрономию (которая рассматривалась как математическая дисциплина, изучающая движения светил) и космографию (также математическая дисциплина, изучающая положения и периоды обращений небесных сфер). В Средние века, да и в начале Нового времени космография изучалась чаще всего по учебнику И. Сакробоско (*Sacrobosco J. de*, англ.: *John of Holywood*; ок. 1195 – ок. 1256) *De Sphaera* (ок. 1230), который представлял собой элементарное руководство, не содержавшее никаких вычислений и которое неоднократно переиздавалось с изменениями и дополнениями. В XVI в. появились другие руководства, в частности, *Cosmographicus liber* П. Апиана (*Apianus P.*; 1495 – 1552)[45], в котором были интегрированы астрономия и география. Онтологический статус собственно астрономических утверждений был сомнителен, ибо астрономия как таковая должна была «спасать явления» с помощью математики, тогда как космографические теории призваны были отражать реальность. Однако космографические объяснения вовсе не были «натурфилософскими (физическими)» в понимании предшественников и современников Коперника, ибо предметом натуральной философии были качества и причины вещей и явлений, но не описание реальности, задача, которая возлагалась на натуральную историю и математические науки (включавшие собственно астрономию, оптику, учение о музыкальной гармонии). Иными словами, натурфилософ изучал то, что стояло *за* реальностью и потому его главная задача состояла в том, чтобы эту реальность (уже данную!) *объяснить* в причинно-следственных терминах, а не описывать ее. По мере открытия новых объектов и явлений (географических открытий Колумба (итал. *Cristoforo Colombo*, исп. *Cristóbal Colón*, лат. *Christophorus Columbus*; 1451 – 1506), астрономических открытий Тихо, Кеплера и Галилея и т. д.) выяснилось, что далеко не все они могут быть удовлетворительно объяснены с помощью традиционных (перипатетических *par excellence*) объяснительных схем. Поэтому нараставший эпистемологический кризис был прежде всего кризисом натурфилософским: традиционный объяснительный потенциал натурфилософии оказался недостаточным для охвата новой реальности (точнее, ее фрагментов, ранее неизвестных). Когда же – в XVII столетии! – в научных кругах Западной Европы стали говорить об альтернативе «Птолемей – Коперник», то речь уже шла не только о выборе между двумя (или тремя, если учесть теорию Тихо Браге) астрономическими (космологическими) теориями, но о двух соперничавших натурфилософских системах, поскольку «новая астрономия» стала частью – и символом! – «новой на-

[43] Характерный пример – отношение к гелиоцентризму М. Местлина (*Maestlin* или *Mästlin*, *Möstlin*, *Moestlin M.*; 1550 – 1631), профессора Тюбингенского университета (1584 – 1631), наставника И. Кеплера. Местлин часто ссылался в своих лекциях на гелиоцентрическую теорию, однако, неизменно подчеркивал ее полезность в вычислительном отношении, тогда как в целом, он хвалил Коперника лишь тогда, когда тот следовал аристотеле-птолемеевской традиции (например, когда Коперник писал, что кометы движутся исключительно в подлунной области). (Methuen C. Maestlin's Teaching of Copernicus: The Evidence of his University Textbook and Disputations // Isis. – 1996. – Vol. 87. – № 2. – Pp. 230 – 247; Methuen C. Kepler's Tübingen: Stimulus to a Theological Mathematics. Aldershot: Ashgate, 1998. (Ser.: St. Andrews Studies in Reformation History)).

[44] Vermij R. The Calvinist Copernicans. – P. 5.

[45] Apianus P. Cosmographicus Liber Petri Apiani Mathematici studiose collectus. Landshutae: Typis D. I. Weyssenburgers; impensis P. Apiani, 1524.

турфилософии (новой физики)», а более широко – нового мировоззрения. Решающим событием, в корне изменившим ситуацию, на мой взгляд, следует считать телескопические открытия Г. Галилея. Формально, они не имели отношения к космологической тематике (во всяком случае, из них никак не следовала физическая истинность теории Коперника), однако, они заставили современников Галилея, почти в буквальном смысле слова, взглянуть на небеса другими глазами. Предметом дискуссий стали не движения светил, но сама «природа небес» и чисто математические аргументы отошли на второй план. О строении мира заговорили в терминах физики и разнообразные «*physical speculations*» по поводу строения мира часто были далеки от традиционной философской аргументации, а их авторы и сторонники чаще всего не имели какого-либо систематического («формального», т. е. университетского) математического или философского образования. Далее я еще вернусь к сказанному в этом абзаце.

В настоящее время для многих вдумчивых историков науки Коперник уже не выглядит как «*a thorough-going scientific revolutionary*». Революцию нельзя совершить «задним числом». Но кто же тогда, если не он? Иоганн Кеплер? (Тихо Браге, при всей революционности некоторых его наблюдений, указавших на серьезные дефекты в аристотеле-птолемеевой картине космоса, – в этой связи следует прежде всего указать на его наблюдение *supernova* в 1572 г., – остается в целом фигурой достаточно консервативной[46]).

В известном смысле Кеплер оказался радикальнее Коперника: он последовательней провел идею гелиоцентрической астрономии, доказал эллиптичность планетных орбит, сформулировал три важнейших закона их движения и т. д.), однако, его защита коперниканской теории опиралась на неоплатонические спекуляции о «гармонии мира». Как выразился один британский исследователь, «*Kepler was an intellectual mystic*»[47], рассуждавшим об аналогии между Божественным умом, вносящим в сотворенные вещи начало жизни, и Солнцем, распространяющим в окружающий космос живительное тепло и свет, в силу чего Кеплеру представлялось вполне естественным и логичным следовать коперниканскому гелиоцентрическому учению. Кроме того, Солнце, согласно Кеплеру, ускоряло движение планет, когда они приближались к нему, а по мере их удаления от светила они теряли свой «импетус» (т. е. их движение замедлялось) по причине уменьшения солнечного влияния. Кеплер полагал также, что замечательные астрономические открытия его времени (включая и его собственные) свидетельствовали о том, что человек достиг того состояния, когда мог понимать, хотя бы отчасти, Божественный план Творения, и делать это человек мог с помощью математики[48]. В этом его позиция, при всей ее «мистичности», принципиально отличается от позиции М. Монтеня и Ле Вайера. И это крайне важное обстоятельство, поскольку интеллектуальный кризис, разразившийся в Западной Европе в XVI-м столетии, не ограничивался исключительно борьбой «новаторов» и «новой науки» с традиционалистами, с перипатетической натурфилософией, это была не менее драматичная война «новой науки» против философского (как, впрочем, и иного) скептицизма (или, как тогда говорили – *пирронизма*). На скептический вопрос М. Монтеня «*que sais-je?*» Кеплер мог бы ответить «я знаю законы движения планет» и привести соответствующие математические формулы и геометрические построения. А еще он мог бы добавить, что в его эпоху (т. е. в конце XVI – начале XVII в.) и даже ранее, не только астрономия, но и живопись, литература, философия обратились к по-

[46] Тихо отрицал гипотезу Коперника о тройном движении Земли, ссылаясь на известный аристотелевский аргумент: каждое тело может обладать только одним естественным движением.

[47] Sturdy D. J. A «Crise de la Conscience Européenne avant la Lettre»? Classical Science and the Origins of the Scientific Revolution // International Journal of the Classical Tradition. – 2003. – Vol. 10. – No. 1. – Pp. 54 – 72; P. 59.

[48] Stephenson B. The Music of the Heavens: Kepler's Harmonic Astronomy. – Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1994.

искам скрытых структур мира, которые Господь создал во Вселенной. Ярчайший тому пример – творчество Леонардо да Винчи (*Leonardo di ser Piero da Vinci*; 1452 – 1519), все естественнонаучные интересы которого (в области анатомии, ботаники, зоологии, алхимии и т. д.) были в конечном счете направлены на поиск единой теории всех существующих форм[49].

Леонардо уподоблял человеческое тело микрокосму. Он был убежден, что Бог сотворил человека, следуя тем началам, которые определяют строение Космоса и движение космических тел и чем больше мы знаем об анатомии и физиологии человека, тем лучше понимаем устройство Космоса и *vice versa*. Кроме того, Леонардо постоянно опирался на аналогии между различными «земными» явлениями. К примеру, он был убежден, что если мы поймем законы, по которым вода просачивается через землю, то это углубит наши знания о кровообращении. И такого мнения придерживался не он один. Историки в последние два десятилетия детально изучили взаимосвязи между взглядами и практиками сторонников «новой анатомии» (А. Везалий (нидерл. *Andries van Wesel*, лат. *Andreas Vesalius*; 1514 – 1564) и его последователи) и неоплатоническими идеями о симметрии и порядке Вселенной[50]. Когда Везалий начал заниматься анатомированием человеческого тела в Падуанском университете (1536), его цель состояла не только в определении строения тела человека, но и в демонстрации соответствий между строением тела и устройством Космоса[51]. В том, что такие связи существуют был убежден и английский врач У. Гарвей (*Harvey W.*; 1578 – 1657), который учился в Падуанском университете в 1600 – 1602 гг.[52] В восьмой главе («*De copia sanguinis transeuntis per cor e venis in arterias, et de circulari motu sanguinis*» [«О количестве крови, проходящей через сердце из вен в артерии, и о круговом движении крови»]) своего знаменитого трактата *Exercitatio Anatomica de Motu Cordis et Sanguinis in Animalibus* (1628), он в частности, писал: « … Движение крови можно назвать круговым, подобно тому как Аристотель называл движение атмосферы и дождей, сравнивая это движение с движением светил. Действительно, влажная земля, согретая солнцем, выделяет пары, пары поднимаются, сгущаются и падают обратно в виде дождя и орошают землю; таким же образом – благодаря круговому движению солнца, которое то отдаляется, то приближается, – происходит смена времен года.

То же происходит с телом от движения крови: все его части питаются, согреваются и оживляются приливом более теплой, совершенной крови, снабженной жизненной силой, так сказать, питательной кровью. При достижении различных частей тела кровь охлаждается, сгущается, становится безжизненной. Тогда она возвращается к своему началу, т. е. к сердцу как к созидающему очагу всего тела, для получения совершенства. Там она находит естественную мощную теплоту, богатую жизненными силами, богатую, если можно так выразиться, целебным бальзамом, а затем она вновь идет во все органы, и это круговое движение зависит от движения и пульсации сердца.

---

[49] Keele K. D. Leonardo da Vinci on Movement of the Heart and Blood / With a foreword by Charles Singer. – London: Harvey and Blythe, 1952; Keele K. D. Leonardo da Vinci's Elements of the Science of Man. – New York: Academic Press, 1983.

[50] Sawday J. The Body Emblazoned: Dissection and the Human Body in Renaissance Culture. – London, New York: : Routledge, 1995. Chs. 2, 3, 4; Siraisi N. G. The Clock and the Mirror: Girolamo Cardano and Renaissance Medicine . – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1997.

[51] Carlino A. Books of the Body: Anatomical Ritual and Renaissance Learning / Trans. J. and A.C. Tedeschi. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1999; Hodges D. L. Renaissance Fictions of Anatomy. – Amherst : University of Massachusetts Press, 1985.

[52] Гарвей учился у итальянского анатома и хурурга Иеронима Фабриция (лат. *Hieronymus Fabricius ab Aquapendente*; итал. *Girolamo Fabrici d'Acquapendente*; 1537 – 1619), который в свою очередь был учеником Габриэле Фаллопио (*Falloppio G.*; 1523 – 1562), а тот учился у А. Везалия.

Следовательно, сердце есть основа жизни и солнце микрокосма, подобно тому как солнце можно назвать сердцем мира (*Ita cor principium vitae et sol Microcosmi (ut proportionabiliter sol Cor mundi appellari meretur*))»[53].

Сложившуюся ситуацию очень, на мой взгляд, точно охарактеризовал Дэвид Стерди, который писал о формировании XV – XVI вв. особого интеллектуального пространства, которое «*can be labelled neither* "*Classical*" *nor* "*modern*"»[54], пространство, в котором были локализованы творческие замыслы и достижения Леонардо, Гарвея, Везалия, Парацельса (*Philippus Aureolus Theophrastus Bombastus von Hohenheim*; 1493 – 1541), И.-Б. ван Гельмонта (*Helmont J. B. van*; 1579 – 1644) и многих других ученых и мыслителей[55]. Действительно, Гарвея иногда относят к числу создателей механической философии, но с равным правом его можно отнести и к представителям совсем иной, «органицистской» традиции, корни которой берут свое начало в Античности[56].

«...и каждый встречал другого надменной улыбкой»

Кроме «механической философии», растущая (с начала 1640-х гг.) популярность которой не в последнюю очередь определялась религиозными факторами[57], известное распро-

[53] Гарвей В. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных / Перевод, редакция и комментарии акад. К. М. Быкова. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. (Серия: Классики науки). – С. 7 – 100; С. 57 – 58. (Harvey W. Exercitatio anatomica de motu cordis et sanguinis in animalibus : being a facsimile of the 1628 Francofurti edition, together with the Keynes English translation of 1928. – Birmingham, Ala.: Classics of Medicine Library, 1978. (Ser.: Classics of medicine library).

[54] Sturdy D. J. A «Crise de la Conscience Européenne avant la Lettre»? – P. 63.

[55] По ограниченности места я оставляю в стороне интересную и важную тему о взаимосвязи между развитием естествознания и искусств (особенно, изобразительных) в рассматриваемую эпоху. См. об этом, к примеру: Burke P. Images as Evidence in Seventeenth-Century Europe // Journal of the History of Ideas. – 2003. – Vol. 64. – № 2. – Pp. 293 – 294.

[56] Замечу, что «модернист» Декарт не соглашался с Гарвеем относительно того, как циркулирует кровь в организме, предложив свою теорию. Декарт даже заявил Мерсенну в 1639 г., что если то, что он [Декарт] написал о движении крови, окажется ложным, то вся его философия обесценится (см.: Kenny A. Descartes. A Study of his Philosophy. – New York: Random House, 1968. (Ser.: Studies in philosophy. Random House studies in philosophy). – P. 202).

[57] Характерная особенность новоевропейской натурфилософии и механико-математической картины мира – их опора на доктрину прямого участия Бога в работе *machina mundi* и на представление о вездесущности спиритуалистической активности во Вселенной. К примеру, Р. Бойль полагал, что материя как таковая настолько пассивна, что не в состоянии осуществлять собственное движение, а тем более – управлять им. Отсюда – необходимость божественного вмешательства. Бог, по мысли английского натурфилософа, «в начале должен был запечатлеть определенные движения в частях материи и руководить ими в то время, когда Он размышлял о том, что необходимо для установления изначальной конституции вещей; и <...> с этих пор он должен был <...> поддерживать те силы, которые он придал частям материи, чтобы они могли передавать их движения <...> друг другу. Но я не представляю, как тело, лишенное понимания и чувства <...> в состоянии сдерживать и определять свои собственные движения, да еще так, чтобы эти движения были бы совместимы с законами, о коих тело не имеет ни знания, ни представления» (Boyle R. A Free Inquiry into the Vulgarly Received Notion of Nature // Boyle R. The Works: In 6 Vols. / Ed. Th. Birch. – London, 1772 – 1774. – Vol. 5. – Pp. 158 – 254; P. 170). Декарт пошел еще дальше, допустив, что материя сама по себе не способна даже поддерживать собственное существование, и потому Бог вынужден был творить Вселенную в каждый момент заново (Декарт Р. Сочинения: в 2-х тт. – М.: Мысль, 1989 – 1994 / Составление, редакция, вступительная статья В. В. Соколова. Примечания М. А. Гарнцева и В. В. Соколова. – Т. 1. – М., 1989. – С. 367 – 369).

Кроме созерцательного познания, Богу (строителю, архитектору, художнику, изобретателю Вселенной) свойственно и познание иного рода – через конструирование вещей. Сфера этого эргетического (от греч. εργον – деятельность, работа) познания – актуальные вещи и их взаимодействия, это сфера возможного, сфера *Potentia Dei absoluta*, ибо в реальности нет иных причин, кроме абсолютного *actus voluntatis* Бога. И на этом эргетическом срезе проблемы выявляется глубокое различие между божественным и человеческим познанием –

странение получили другие антиперипатетические альтернативы, в частности, «химическая философия (*Chemical Philosophy*)»[58] и «магнетическая философия (*Magnetic Philosophy*)»[59]. Но *philosophiae mechanicae* заняла лидирующие позиции среди разнообразных «новых философий», хотя обращает на себя внимание почти полное отсутствие консенсуса относительно деталей этой философии среди ее адептов (Декарт, Гоббс, Гассенди)[60].

Впрочем, по отдельным вопросам между сторонниками разных программ могли возникать неустойчивые альянсы. К примеру, Кеплер резко критиковал натурфилософию Р. Фладда (*Fludd R*. или *Robertus de Fluctibus*; 1574 – 1637), считая ее опасной и бессмысленной, и в этой критике Кеплер солидаризировался с отцом Мареном Мерсенном, последовательным механицистом. И по сути в то же самое время молодой Декарт, находившийся под влиянием Исаака Бекмана (*I. Beeckman*; 1588 – 1637), мог размышлять о притягательности идей Розенкрейцеров, одновременно намереваясь (совместно в Бекманом) модифицировать результаты оптических и астрономических открытий и достижений Кеплера, которые имели отчетливую неоплатоническую философскую «оболочку». Далее, когда разразился натурфилософский кризис начала XVII века, в трудах и заявлениях сторонников каждой из конкурирующих программ обозначилась тенденция к поиску облагороженной и более умеренной версии их собственных программ в надежде, что умеренность философских, религиозных, политических и натурфилософских позиций облегчит процесс их социализации. К примеру, весь замысел Ф.

вещи мира в полной мере известны лишь тому, кто их сотворил. В ситуации, когда эманативная трактовка Творения уступала место конструктивистской, когда мир стал пониматься как *machina mundi*, когда творческое искусство стало «искусником и мастерство – мастером» и когда познание божественное и человеческое оказались в двоякой соотнесенности друг к другу: по созерцательному и прагматико-эргетическому основаниям (Funkenstein A. Theology and the Scientific Imagination from the Middle Ages to the Seventeenth Century. – Princeton, 1986. – P. 292), – в этой ситуации практически единственным приемлемым путем познания представлялся путь универсализации тех процессов, которые позволили бы реализовать идеал познания вещи как деятельности по ее конструированию. Такими процессами могли стать только процессы механические. При этом речь могла идти об описании явлений как в терминах взаимодействия материальных «точек» в пространстве, так и в терминах движения особых «точек» в конфигурационном пространстве. В итоге механизация картины мира оказалась, как известно, тесно связанной с математизацией исследовательского метода, о чем см. далее.

[58] Подобно многим другим натурфилософским альтернативам перипатетизму «химическая философия» имела своим истоком неоплатонизм, столь популярный в эпоху Ренессанса и в XVI – XVII столетиях. Как и прочие «оппозиционные» системы, вышедшие из недр неоплатонизма, эта «философия» исходила из взгляда на Вселенную как на организм, т. е. как на совокупность более или менее одушевленных частей, интегрированных в единое целое духовными связями и соответствиями. Знание этого языка соответствий между различными частями мира, как предполагалось, может способствовать установлению контроля человека над Природой. Вместе с тем познание последних придавало человеку совершенно особый статус и открывало для него невиданные возможности получения самых невероятных результатов путем манипулирования природными силами и взаимосвязями (именно эта идея лежала в основании натуральной магии). Более того, познание соответствий между человеком, микрокосмом и Вселенной (макрокосмом) ведет не только к полному познанию природы, но и к углубленному самопознанию человека. Особую значимость в этой ситуации приобретали химические операции и практики, в первую очередь те, которые так или иначе были связаны с медициной и фармацией. В первую очередь в этой связи следует упомяуть исследования и взгляды Парацельса и алхимиков. По мнению Роберта Фладда, алхимия, владеющая ключом к тайнам природы, в состоянии объяснить процессы, описанные в Книге Бытия, ибо Господь тоже был алхимиком и Творение представляло собой в целом химический процесс.

[59] Ее основоположником стал Уильям Гильберт (*Gilbert W.*; 1544 – 1603), придворный врач Елизаветы I и Якова I. Его программа включала новый натурфилософский подход, разработанный им в процессе экспериментирования с магнитами и компасом. Гильберт предложил новую теорию Земли, согласно которой последняя представляла собой гигантский магнит и земной магнетизм есть некая квазиспиритуалистическая сила. Именно магнитная «душа Земли» ответственна за суточное движение планеты (Гильберт В. О магните, магнитных телах и о большом магните – Земле. Новая физиология, доказанная множеством аргументов и опытов / Пер. с лат. А. И. Доватура; ред. ст. и коммент. А. Г. Калашникова. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956).

[60] Сторонников «химической философии» разъединяли не столько разногласия о деталях доктрины, сколько религиозно-политические распри.

Бэкона вращался вокруг «похищения огня» у более радикальных и более опасных (в политическом и религиозном плане) натурфилософов и приспособления их взглядов к своему проекту идущей сверху, т. е. контролируемой государством, реформы знания.

Аналогично, И.-Б. ван Гельмонт выступал за трансформированную и облагороженную алхимическую натурфилософию, за смягчение религиозных, психологических и политических эксцессов парацельсианизма, отнюдь не жертвуя при этом характерным для учения Парацельса акцентом на «опыте» и на идее «химического ключа» к Природе. Аналогично версия механической философии, предложенная Гассенди, основывалась на «опыте» (оценивавшемся несколько скептически) и на стремлении худо-бедно избежать догматизма.

Здесь уместно отметить одно важное обстоятельство: хотя сторонники и механической, и химической философии открыто отрицали схоластический перипатетизм, они в той или иной степени от него зависели. Другими словами, все натурфилософы имели общий набор правил построения и защиты своих программ и общий набор приемов критики противников. Интеллектуальное оружие у всех было практически одним и тем же. Каждая из названных программ имела определенный эвристический потенциал, в том числе и перипатетическая, которой руководствовались, к примеру, те, кто проводил исследования в области физиологии и анатомии. Скажем, У. Гарвей опирался на аристотелианскую по своему генезису «*comparative anatomy*», разработанную детально ранее И. Фабрициусом в Падуе.

Таким образом, каждая из упомянутых программ обладала определенной «живучестью» и вела своих сторонников к новым результатам и открытиям. И каждая программа была нацелена против остальных. Если какое-либо открытие или утверждение признавалось важным, то оно усваивалось адептами конкурирующих программ, при этом его значение иногда преуменьшалось, а затем оно реинтерпретировалось в терминах, приемлемых для данной программы. Так, например, Декарт хотя и назвал открытие Гарвея эпохальным, но радикально изменил его толкование, придав ему механистический смысл. Р. Фладд, приверженец химической философии, поддержал открытие своего друга Гарвея, однако, придал ему мистические коннотации, близкие его (Фладда) взглядам. Против Фладда и Декарта выступил Гассенди, предложивший свое толкование кровообращения, опиравшееся на концепцию пор в перегородке сердца, восходящую к Клавдию Галену (Γαληνός; 129 или 131 – ок. 200 или ок. 210).

Другой пример. Декарт принял результаты Гильберта, не поставив ни одного нового эксперимента, поскольку для Декарта предмет его несогласия с Гильбертом состоял не в самих фактах, приведенных англичанином, а в ином: натурфилософское использование Гильбертом магнита было продиктовано его стремлением установить новую натурфилософскую систему – *Magnetic Natural Philosophy,* – явно неоплатонического характера и тем поддержать космологию Тихо Браге. Усилия Декарта были направлены на то, чтобы перетолковать достижения и результаты Гильберта в духе механицизма, а не развивать теорию Гильберта постановкой новых опытов. И кроме того, Декарт поддерживал «космические» коннотации гильбертовой философии (космический магнетизм, по Декарту, был обусловлен чисто механическими действиями особых корпускул, движущихся внутри агрегатов «третьей материи» и проходящий через них насквозь).

Таким образом, практически всеми участниками этой интеллектуальной войны всех против всех признавалось, что факты теоретически и идеологически «нагружены». Именно об этой «нагрузке» и шли споры. В результате, стараниями Бэкона, Декарта и их последователей-«механицистов» цели и ценности парацельсизма и «химической философии» были очищены от радикальных политических и религиозных «наростов» и стали приемлемыми для интеллектуально прогрессивных, но социально консервативных элит, которые и были основной аудиторией для сторонников механической философии. Алхимия же постепенно

деспиритуализировалась, лишалась своего эзотерического характера, а алхимические практики все чаще интерпретировались в терминах механической философии.

Аналогичные процессы имели место и в иных сегментах натурфилософской деятельности. Так, восприятие новых инструментов, таких как «барометр» Э. Торричелли (*Torricelli E.*; 1608 – 1647) и, позднее, воздушного насоса Р. Бойля, было не просто восприятием новых приборов и новых, полученных с их помощью фактов. Соперничающие натурфилософские программы сталкивались друг с другом как в вопросе о значении полученных фактов, так и по поводу роли инструментов, т. е. споры (и между сторонниками разных программ и между последователями одной и той же программы) касались опять-таки вопросов о теоретической «нагруженности» фактов и интерпретации измерительных процедур.

Однако знакомство с многочисленными и разнообразными результатами экспериментального поиска натурфилософов XVII столетия может ввести неискушенного читателя в заблуждение. В литературе часто подчеркивается, что «новые натурфилософы» искали достоверное атеоретическое знание, т. е. «*matters of fact*», которое должно было стать основанием любого утверждения или аргумента. «*Matters of fact*» имели экспериментальное подтверждение и, как полагали, были воспроизводимы, а потому могли быть засвидетельствованы другими учеными. Но из этого, правильно подмеченного обстоятельства, часто делалось неправильное заключение, будто традиционная натурфилософия оказалась вытесненной внезапно народившейся «*modern experimental science*» (или чем-то к ней близким). Однако такого разрыва не произошло ни в середине XVII столетия, ни позднее. Внимательное изучение нововременной интеллектуальной ситуации показывает, что чем более значимым представлялся некоторый факт, тем более теоретически нагруженным он виделся сторонникам соперничавших исследовательских программ. Да, обсуждение «*matters of fact*» было непременным элементом научного этикета в новых натурфилософских обществах и академиях. Однако, как показали исследования по ранней истории *Royal Society of London* и *Florentine Accademia del Cimento*, подобные обсуждения представляли собой риторические украшения («*the preferred rhetorical icing on still theory-loaded cakes*», как выразился Д. Шустер[61]).

Соперничество программ (сопровождавшееся реинтерпретацией новых и известных фактов) имело важные последствия для организации исследований природы, поскольку ожесточенная и упорная полемика вела (в перспективе) к углубляющейся диссипации и фрагментации натурфилософии на более узкие и квазиавтономные экспериментальные дисциплины. На ранних стадиях этого процесса внутри- и межпрограммная компетитивность стала дополнительным стимулом постановки экспериментов и развития научного инструментария. Причем идея эксперимента не была некой отвлеченной концепцией, поскольку весомость аргументации, основанной на опыте, постоянно росла. И разные натурфилософские программы поддерживали различные области экспериментальных исследований и различные стратегии «нейтрализации» или реинтерпретации экспериментальных результатов, полученных соперниками. При этом все признавали, что критериями успеха должны служить новизна, полезность и продуктивность. И когда около 1660 г. механическая натурфилософия, усиленная вольной бэконианской риторикой, выбилась в лидеры и число ее сторонников стало преобла-

[61] Schuster J. Aristotelianism and its Alternatives // Английский оригинал статьи, опубликованной на итальянском языке в: Storia della Scienza Istituto della Enciclopedia Italiana / Direttore S. Petruccioli. In 10 vol. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2001 – 2004. – Vol. 5: L'Età della Rivoluzione Scientifica (2002) / A cura di D. Garber. Ch. 27. – Pp. 337 – 357. См. также: Boschiero L. Experiment and Natural Philosophy in Seventeenth-Century Tuscany: The History of the Accademia del Cimento. – Dordrecht: Springer Verlag, 2007 (Australasian studies in history and philosophy of science ; vol. 21); The Accademia del Cimento and its European Context / Eds. M. Beretta, A. Clericuzio and L. M. Principe. Sagamore Beach, – MA: Science History Pub., 2009; Shapin S. and Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life: including a translation of Thomas Hobbes "Dialogus physicus de natura aeris" by S. Schaffer. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1985.

дающим, соперничество перешло в более узкие области знания, что, разумеется, позволило переключить энергию спорящих сторон с общих натурфилософских и методологических вопросов на дискуссии по более локальным и частным вопросам.

«Проникающая сила духа и неизменная сила тела»

В описанной выше ситуации неудивительно, что в работах многих выдающихся мыслителей XVII столетия (в частности, Декарта, Бойля и Ньютона) нетрудно обнаружить значимые в смысловом отношении рассуждения, никак не укладывающиеся в распространенные представления о научной революции.

Так, например, Декарт, развивая корпускуляристскую позицию, в пятой главе *Le Monde* переходит к классификации частиц, разделяя их на три разновидности (три типа). К первому типу он относит корпускулы огня, не имеющие «определенной величины, фигуры и расположения»[62]: «элемент огня можно рассматривать как самую тонкую и самую проникающую из всех жидкостей»[63]. Огненные частицы движутся «значительно быстрее, нежели частицы любого другого тела»[64], а потому «частицы пламени захватывают и переносят с собой частицы того тела, с которым они приходят в соприкосновение и которое не оказывает им достаточного сопротивления»[65]. Ко второму типу, Декарт относит частицы воздуха, которые «в отличие от первого элемента ... должны обладать известной величиной и фигурой и быть круглыми (т. е. шарообразными. – *И. Д.*) и связанными друг с другом, подобно песчинкам или пылинкам (странная аналогия! – *И. Д.*). Они не могут так хорошо расположиться и так прилегать друг к другу, чтобы вокруг них не оставалось всегда небольших промежутков, таких, что скорее в них проникнет первый элемент, чем частицы второго элемента изменят свою фигуру, для того, чтобы заполнить промежуток»[66]. И наконец, частицы третьего типа – это частицы земли. «Я полагаю, – пишет Декарт, – что ее частицы настолько больше и движутся настолько медленнее в сравнении с частицами второго элемента, насколько величина и движение частиц второго, отличаются от величины и движения частиц первого элемента. Я даже думаю, что достаточно рассматривать третий элемент как одну или несколько больших масс, таких, что в их частицах очень мало движения или совершенно нет никакого движения, которое заставило бы их изменить положение по отношению друг к другу»[67].

Таким образом, с одной стороны Декарт рассматривает протяженность материи и ее свойство занимать пространство «не как акциденцию, а как ее истинную форму и сущность»[68] и в контексте этой идеи развивает свою корпускулярную теорию, а с другой – использует вполне традиционные перипатетические элементаристские представления, сокращая, правда, число первоэлементов до трех.

---

[62] Декарт Р. Соч. Т. I. – С. 194.
[63] Там же. С. 192.
[64] Там же.
[65] Там же. С. 182 – 183.
[66] Там же. С. 193.
[67] Там же.
[68] Там же. С. 199.

О роли герметических (в частности, алхимических) и теологических представлений в творчестве И. Ньютона написано немало и я не буду их здесь касаться детально[69]. Отмечу лишь некоторые аспекты этой темы.

Недостаточность механистической картины мира, более того – опасность оказаться в мире, где идеализированная модель вытеснила эйдос, в мире бескачественной материи, в мире-механизме, стала осознаваться уже в XVII столетии. И герметические, а также религиозные искания Ньютона – яркий тому пример.

На наш взгляд, две причины толкали его к алхимической проблематике. Первая связана с восприятием им идей «корпускулярной философии», получивших широкое распространение во второй половине XVII в. Источники его знакомства с корпускуляризмом весьма многообразны, но наибольшее воздействие на молодого Ньютона оказали взгляды его старшего современника Р. Бойля. В 1667 или в 1668 г. Ньютон прочитал одну из лучших работ Бойля: «Происхождение свойств и качеств согласно корпускулярной философии»[70]. Эта книга оказала на Ньютона большое влияние, настолько большое, что некоторые биографы ученого даже упрекали его в некритическом восприятии бойлевых идей.

Умозрительной предпосылкой, лежавшей в основании корпускулярной теории Бойля, была мысль о том, что все природные тела состоят из одной «всеобщей материи (*Catholick Matter*)», представляющей собой «субстанцию протяженную, делимую и непроницаемую»[71]. Но если допустить, что «материя по своей природе едина, то наблюдаемое разнообразие тел с необходимостью должно следовать из чего-то иного, но не из природы материи, эти тела образующей. <...>. Чтобы из универсальной материи получить все разнообразие природных тел, остается принять, что некоторые или же все ее части пребывают в движении»[72]. В силу отличий в характере и скорости пространственных перемещений отдельных фрагментов *Catholick Matter* последняя дробится на множество мелких частей. Дробление материи – процесс конечный, приводящий в пределе к первичным частицам – *minima*, или *prima naturalia*, наделенным определенной величиной, формой и движением. Эти *prima naturalia* универсальной материи способны объединяться в отдельные совокупности (Бойль использовал термины «*cluster*», «*coalition*», «*prima mixta*» и др.), т. е. в корпускулы, характеризующиеся формой, размером, движением и структурой и определяющие все свойства тела ими образуемого.

Развивая эти представления, Бойль пришел к мысли о принципиальной возможности любых превращений тел – «*anything from anything*», в том числе и трансмутации неблагородных металлов в серебро и золото[73]. По Бойлю, изменение свойств вещества обусловлено либо внутренней перестройкой корпускулярных кластеров без их соединения с какими-либо дру-

---

[69] Дмитриев И. С. Неизвестный Ньютон: религия и алхимия Исаака Ньютона. – СПб.: Алетейа, 1999; Principe L. M. The alchemies of Robert Boyle and Isaac Newton: Alternate approaches and divergent deployments // Rethinking the scientific revolution / Ed. M. J. Osler. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2000. – Pp. 201—220; Clericuzio A. La macchina del mondo: teorie e pratiche scientifiche dal Rinascimento a Newton. – Rome: Carocci, 2005; Ducheyne S. Newton's Theology and the Flow of Influence // Future Perspectives on Newton Scholarship and the Newtonian Legacy in Eighteenth-Century Science and Philosophy. – Brussels: Koninklijke Vlaamse Academie van Belgie voor Wetenschappen en Kunsten, 2009. – Pp. 35-46; Snobelen S. D. «God of gods and Lord of lords»: The Theology of Isaac Newton's *General Scholium* to the *Principia* // Osiris. – 2001. – Vol. 16. – Pp. 169 – 208.

[70] Boyle R. The Origine of Formes and Qualities According to the Corpuscular Philosophy, illustrated by considerations and experiments. – Oxford: Printed by H. Hall printer to the university, for Ric. Davis, 1666.

[71] Ibid. – P. 15.

[72] Ibid.

[73] «Полагая, что все металлы, – писал Бойль, – а также другие тела сделаны из одной Всеобщей Материи, для всех для них одинаковой, но отличаются друг от друга формой, размерами, движением и структурой составляющих их малых частиц, от чего зависят все действия материи и качества отдельных тел, я не нахожу ничего невозможного в природе вещей для того, чтобы один тип металлов мог бы трансмутироваться в другой» (Ibid. – Pp. 93 – 94).

гими частицами, либо вторичными объединениями их с другими корпускулами, либо частичной деструкцией этих кластеров. Аналогичные мысли можно найти и у Ньютона[74].

Таким образом, сама механическая корпускулярная философия, в той форме, в какой она была воспринята и развита Ньютоном, уже давала основание для внимательного отношения к алхимическим доктринам, наводила на мысль о возможности рационализации алхимической практики. Это – один источник ньютоновского интереса к алхимии.

Второй источник связан с особенностями мировоззрения ученого. XVII век часто характеризуют как эпоху расцвета механистической картины мира. И это во многом справедливо. Однако конкретные формы, в которые отливалось механистическое мировоззрение заметно отличались друг от друга. Одна из самых распространенных форм механицизма XVII столетия восходит к Р. Декарту.

Строя картину универсума, французский философ мысленно устранил из реального природного тела все конкретное (твердость, тяжесть, цвет, запах и т. д.), не оставляя в нем ничего «внутреннего», никакого второго плана бытия (скрытых качеств, стремлений, напряжений и т. д.). Тем самым, все разнообразие свойств исчезает, остается лишь однородная геометрическая протяженность, рассматриваемая «не как акциденция, а как истинная форма и сущность материи». Тождество тела и его качественной определенности уступает место тождеству тела и его пространственного положения. Субстанция отождествляется со своим атрибутом – чистой протяженностью.

В итоге, в картезианской физике не остается места пустоте, вакууму; протяженность и материя оказываются тождественными. А поскольку «мир полон (*plenum*)», то движение тел совершается таким образом, что они переходят из одного места в другое, последовательно занимая все пространство, находящееся между этими местами.

Ньютон весьма скептически относился к картезианским представлениям о материи, пространстве и движении, полагая, что они требуют кардинального пересмотра. Особенно важно, что первые алхимические штудии Ньютона приходятся как раз на период его знакомства с декартовым механицизмом, т. е. на первую половину 1660-х годов. В 1668 - 1669 годах он работает над трактатом «О тяжести и равновесии жидкостей» (*De gravitatione et equipondio fluidorum*), который один из биографов Ньютона назвал «неистово антикартезианским». По мнению ряда историков науки, именно в поисках новой философии Природы английский ученый обращается к алхимии как альтернативе картезианскому механицизму. Действительно, если картезианская философия опиралась на противопоставление тела и духа, объясняя природные явления действием чисто механических причин (толчки, удары, перемещения и т. д.), то в алхимии Природа – это живое тело, и природные явления обусловлены действием *activating agency of spirit*, т. е. активными началами, духовными факторами. Если, далее, в механистической картине мира (не только, кстати, картезианской) фундаментальную роль играло представление об инертной (самой по себе) материи, то алхимики наделяли материю внутренней активностью, которая иногда принимала специфические формы,

[74] Так, в рукописном варианте заключительного раздела «Математических начал натуральной философии» (цитируемый ниже фрагмент не вошел в окончательный текст) сказано: «... разреженная субстанция воды может быть трансформирована постепенным брожением в более плотные субстанции животных и растительных тел, в соли, камни и в различные земли. <...>. Ибо материя всех тел одна и та же, и она может трансмутироваться в бессчетное число форм благодаря операциям природы. <...>. Более того, мягким и постепенным движением тепла частицы тел могут постепенно изменять свое взаимное расположение и соединяться по-новому, а под действием сил притяжения соприкасающиеся частицы <...> могут плотнее прилегать друг к другу» (Newton I. Unpublished Scientific Papers / Ed. and transl. A. R. Hall and M. Boas Hall. – Cambridge: Cambridge University Press, 1962. – Pp. 328, 341). Число подобных фрагментов, в том числе и из опубликованных статей и книг Ньютона, легко может быть увеличено.

например, притяжение магнита (активность в форме притяжения) или несмешиваемость («антипатия») ряда жидкостей (активность в форме отталкивания).

Разумеется, Ньютон верил, что многие природные явления можно в принципе свести к движению корпускул. Но, в отличие от подавляющего числа натурфилософов-механицистов, он не ставил на этом точку, полагая механические категории слишком узкими, чтобы с их помощью адекватно выразить реальность. Особенно беспокоила его в механицизме элиминация из Природы духовного начала. Это беспокойство проглядывает уже в «Вопроснике» (*Quaesiones quedam philosophican*, – средняя часть ньютоновой записной книжки, начатой в 1661 г.), а затем в «*De gravitatione*», где дается следующее определение силы: «Сила – это каузальное начало движения и покоя. И это есть либо внешняя сила, которая порождает, разрушает или, наоборот, изменяет характерное движение в теле; либо это внутреннее начало, посредством коего существующее движение или покой сохраняется в теле и посредством которого любое тело стремится продолжать пребывать в исходном состоянии и противится его изменению. <...>. Инерция – это сила внутри тела, действующая так, чтобы его состояние не изменялось с легкостью под воздействием внешней возбуждающей силы»[75].

И, наконец, в «Оптике» (1704) тема активных начал звучит еще определенней. «Мне кажется, – пишет Ньютон, – что эти частички (мельчайшие корпускулы тел. – *И. Д.*) наделены не только силой инерции, связанной с пассивными законами движения, естественным образом вытекающими из этой силы, но также, что они двигаются под действием активных начал, таких, как начало тяготения и начал, кои служат причиной брожения и сцепления тел»[76].

Почти одновременно с «*De gravitatione*» Ньютон пишет две алхимические статьи. Первая представляла собой список «препозиций» с обширными цитатами из шеститомного собрания позднеантичных, средневековых и ренессансных алхимических трактатов, составленного Лазарем Цетцнером (*Zetzner L.*; 1551? – 1616) и опубликованного в Страсбурге в 1659 – 1661 гг. под названием «*Theatrum chemicum*»[77]. В этой не имеющей названия статье Ньютон ясно формулирует свои взгляды на активные начала Природы: «Жизненный агент, пронизывающий все на земле везде один и тот же, а именно – это ртутный дух (*mercurial spirit*), крайне тонкий и в высшей степени летучий, который рассеян в каждом месте.

Общий способ действия этого агента во всех вещах один и тот же, а именно: он возбуждается к действию тончайшим теплом, но рассеивается большим теплом и, когда он вступает в вещественную массу, его первое действие там состоит в разложении (тела) и в создании хаоса, а уж затем он способствует рождению...»[78].

Вторая статья, которую биографы Ньютона озаглавили «Произрастание металлов» («*The Vegetation of metals*»), посвящена различиям между вегетацией и чисто механическими изменениями. Началами растительного действия, по Ньютону, служит «семенное начало вещей». Однако ученый не ограничивал вегетацию только растительным царством, по его мысли – это любое действие, заключающееся в переходе от менее зрелой, менее специфической формы вещи к более зрелой, более индивидуализированной. «Вегетация, – писал Ньютон, – это единственное проявление латентного спиритуса (духа), и этот спиритус одинаков во всех вещах, которые отличаются лишь соотношением его зрелости и грубой материи»[79].

---

[75] Ibid. – P. 382.

[76] Newton I. Opticks, or A Treatise of the Reflections, Refractions, Inflections and Colours of Light. Foreword by A. Einstein, introd. by Sir E. Whittaker, preface by I. B. Cohen, analytical table of contents by D. H. D. Roller. Based on the 4th London ed. of 1730. – New York, 1952. – P. 401.

[77] Ньютон купил этот шеститомник в апреле 1669 г.

[78] King's College Library, – Cambridge. Keynes MS 12A, f. l^{v}-2.

[79] Цит. по: Westfall R. Never at Rest: A Biography of Isaac Newton. – Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1982. – P. 305.

Одна из главных тем этого эссе – земля и ее минеральные продукты. Ньютон описывает как из недр планеты исходит «металлический спиритус», как он, встречаясь с водой, фиксируется в солях и в минералах, отчуждая, тем самым, свою металлическую природу. Эта фиксация («сращение») – еще не вегетация, но только «грубый механический перенос частей». Если же этот «спиритус» высвобождается из связанного состояния, то он снова «получает металлическую жизнь и в некоторой степени вновь возвращается к своей первоначальной металлической форме»[80]. «Металлические спиритусы» могут выделяться и непосредственно в воздух, становясь эфиром. Ньютон пишет об «эфирном дыхании Земли». Эфир, по Ньютону, – это «тонкий флюид, универсальный агент Природы, ее тайный огонь, единственный фермент и начало всякого произрастания»[81].

Ньютоново утверждение о том, что сила (в том числе и внутренняя сила тела) является определяющей характеристикой движения трудно согласовать с ортодоксальным декартовым механицизмом. Сэр Исаак упорно отстаивал мысль о зависимости материи от Бога, отрицая всякую возможность познания сущности материи, существование которой зависит от божественной воли. Допустим, рассуждал ученый, что Бог решил воспрепятствовать телу войти в некоторый объем абсолютного пространства, занять некую «точку». Эта особая точка, «дырка» в пространстве, оказалась бы весьма реальной, осязаемой в силу своей непрозрачности. Короче, она имела бы все свойства частицы. Если Бог будет перемещать эту «дырку» в соответствии с некоторыми законами, то такая «квазичастица» не будет отличаться от обычных корпускул. Для существования таких «дырок» не требуется ничего, кроме «протяженности и действия божественной воли». Отсюда – различие между протяженностью и телом, «т. к. протяженность вечна, бесконечна, несотворена, везде однородна, неподвижна, не способна вызвать изменения движения в телах или изменений мысли в уме, тогда как тело во всем противоположно»[82]. И кроме того, тела, наряду с протяженностью, обладают также свойствами, посредством коих они могут вызывать ощущения и двигать другие тела. Здесь также выявляется дихотомия активного и пассивного начал Природы, которая у Ньютона дополняется дихотомией алхимической: пассивная материя – оживляющее ее немеханическое начало.

В ньютоновой критике картезианской философии Природы был и другой аспект, связанный с обвинениями французского мыслителя в атеизме. Действительно, разделяя тело и дух, Декарт тем самым отрицал зависимость материального мира от Бога. По мнению Ньютона, конечная причина атеизма – это «понятие о теле, имеющем, так сказать, полную, абсолютную и независимую реальность в самом себе»[83]. И здесь снова просматриваются корни дихотомии, которую сам Ньютон обозначил как дихотомия «проникающей силы духа и неизменной силы тела».

Таким образом, антикартезианство Ньютона имело не только научную, но и религиозную грань. По его глубокому убеждению в Природе существуют действующие начала или, иными словами, нематериальные причины или «агенты», которые нельзя свести к механическим. Важнейшим из них является гравитация (а также магнетизм, электричество, химическое сродство). Эти действующие активные начала, исходящие от Бога, способны передвигать тела в соответствии с божественной волей подобно тому, как человек по своей воле может приводить в движение собственное тело. Активные начала не состоят из корпускул и потому их действие не может быть объяснено в терминах механистической философии. Таким образом, Бог создал не только материальные корпускулы, но и особые нематериальные и не-

[80] Ibid.
[81] Ibid.
[82] Newton I. Unpublished Scientific Papers. – P. 139.
[83] Ibid. – P. 144.

механические «агенты», действие которых, однако, подчинено определенным, математически формулируемым законам, один из которых (закон гравитации) был открыт Ньютоном. (Кстати, заметим, что из великих предшественников Ньютона сходных, неоплатонических по своим истокам, взглядов придерживался И. Кеплер).

Действительно, на какой вопрос отвечала теория гравитации Ньютона? Такой вопрос может быть сформулирован следующим образом: какая нематериальная причина (или какая спиритуальная сила), действие которой может быть описано математически, объясняет и движение планет, и свободное падение тел на Землю? Уже сам этот вопрос подразумевал принятие целого ряда допущений и утверждений, в частности: существование в мире особой (нематериальной) причинности, возможность описать земные и небесные явления одной и той же теорией и т. д. И, что важно в историческом плане, до Ньютона *так* вопрос не ставил никто из его предшественников (даже Кеплер). А механицистам картезианского толка подобная постановка проблемы, характерная для постмеханической, неоплатонической по своему идейному генезису, натурфилософии, была глубоко чужда.

По Ньютону же, без активных начал «тела Земли, планет, комет, Солнца начали бы охлаждаться, замерзать и превратились бы в безжизненные массы..., возникновение, рост и жизнь прекратились бы и планеты и кометы не остались бы на своих орбитах»[84].

Штудируя алхимические трактаты, Ньютон искал в них описание универсальных процессов Природы: возникновения тел в результате соединения противоположных первоначал и очищения несовершенных творений, в результате чего лежащие в их основе духовные начала могли бы получить свое законченное выражение и быть познанными.

Природа, по мысли Ньютона, не может быть сведена к упорядоченному движению или расположению инертных частиц материи, она содержит активные начала, духовные агенты, чье спонтанное действие приводит к результатам, которые не могут быть объяснены в рамках механической философии. Предельным активным агентом Природы служит, по Ньютону, то, что алхимики называли философским камнем, образ которого альтернативен образу пассивной материи механистической картины мира.

Для историков науки теологические размышления и алхимические штудии Ньютона, всегда представляли серьезную проблему. И дело тут не только в чисто технических трудностях изучения соответствующих текстов. Вопрос глубже, речь идет о троичности ньютонова мировоззрения, о том, как соотнести три ипостаси сэра Исаака: Ньютона–теолога, Ньютона–алхимика и Ньютона–естествоиспытателя. Часто исследователи ссылаются на сложный характер времени, на противоречия духовной жизни Англии и вообще Европы XVII в. (что, разумеется, справедливо), некоторые говорят о «разорванном» сознании Ньютона и т. д. На наш взгляд, все три направления его деятельности – теология, алхимия и наука – отражают три стороны (ипостаси) единого цельного мировоззрения. И неизвестно, чье сознание в большей мере «разорвано» – Ньютона, его эпигонов или некоторых позднейших биографов. Конечно, если видеть в английском ученом только творца механистической картины мира, то все остальные грани его творчества останутся неразрешимой загадкой. Но в том-то и дело, что, будучи рационалистом, Ньютон, тем не менее, глубоко понимал ограниченность чисто механистического взгляда на Природу и потому столь привлекательной казалась ему алхимическая идея активных начал. Но этого мало. Был еще третий «компонент» ньютонианского мировоззрения, связанный с нравственным познанием, с поиском им истинных принципов морали. Вынужденный тщательно скрывать свои религиозные воззрения, ученый лишь изредка давал возможность современникам догадываться о своих самых сокровенных мыслях. Одним из таких немногочисленных свидетельств служит следующий фрагмент из заключи-

[84] Ньютон И. Оптика, или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света / Пер. с 3-го англ. изд. 1721 г. с примеч. С. И. Вавилова. – М.; Л.: Госиздат, 1927. – С. 223.

тельного раздела третьего английского издания «Оптики» (1721): «... Я дал намек на некоторые предметы и оставляю эти намеки для исследования и усовершенствования дальнейшими опытами и наблюдения тем, которые имеют охоту к исследованию. Если натуральная философия, следуя этому методу, станет, наконец, совершенной во всех своих частях, расширятся также границы нравственной философии. Ибо, насколько мы можем познать при помощи натуральной философии, что такое первая причина, какую силу она имеет над нами и какие благодеяния мы от нее получаем, настолько же станет ясным в свете природы наш долг по отношению к первой причине, а также друг к другу. И нет сомнения, что, если бы поклонение ложным богам не затемнило язычников, их нравственная философия пошла бы далее ... и вместо учения о переселении душ, почитания Солнца и Луны и умерших героев они научили бы нас поклонению нашему истинному Творцу и Благодетелю, как это делали их предки в правление Ноя и его сыновей, до того как они развратились»[85].

Свойственное Ньютону острое религиозно окрашенное чувство единства мироздания обусловило в свою очередь и целостность его мировоззрения, всех его граней: веры в единого Бога, чувства нравственного долга человека перед Богом и людьми и поиска «совершенной во всех своих частях» натуральной философии. В контексте этого мировоззрения Св. Писание представлялось Ньютону не книгой таинств, недоступных человеческому разумению, но историческим свидетельством, доступным рациональному исследованию и призванным продемонстрировать людям всемогущество Бога, подобно тому как сотворенная Природа демонстрирует его безграничную мудрость. Отсюда – два пути познания Бога: через изучение Природы и через изучение Истории.

Таким образом, в истории научной революции XVI – XVII вв. можно в самом грубом приближении выделить два этапа. Первый – доньютоновский, характеризующийся не только важными научными открытиями, но и созданием механической картины мира, которая сосуществовала (отнюдь не в спокойном равновесии) с иными, скажем, органицистскими представлениями. Эта картина мира («механическая философия») стала главной альтернативой традиционным перипатетическим представлениям. Ее излюбленными символами стали телескоп, микроскоп и воздушный насос, ее лозунгами – «*libertas philosophandi*», «*provando e riprovando*» и «*nullius in verba*». Второй этап связан с творчеством Ньютона. По отношению к описанному выше, «новаторскому» сегменту интеллектуальной жизни Западной Европы Ньютон стал (воспользуюсь словами А. С. Пушкина о Наполеоне) «мятежной вольности наследником и убийцей»[86].

На первый взгляд это кажется странным. Ведь и Декарт, и Галилей, и Ньютон говорили подчас об одном и том же. Действительно, Декарт (с именем которого преимущественно и связывают создание механической картины мира) допускает, что описанные им причины «таковы, что все действия, которые могут из них произойти, окажутся подобными действиям, замечаемым нами в мире», даже если в действительности явления произошли по каким-

[85] Там же. С. 315. Во втором издании «Оптики» этот отрывок заканчивался следующими словами: «Ибо нравственный закон от начал человека во вселенной заключался в семи заповедях, данных сыновьям Ноя. Из этих заповедей первая была – признать единого господа Бога, поклонение которому нельзя переносить на других. И без этого начала не может быть добродетели и чистого имени» (там же. С. 371).

[86] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В десяти томах. Издание четвертое. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977 – 1979. – Т. 2. – С. 159. Сравнение Ньютона с Наполеоном можно найти в статье Д. Хейлброна: «*Like Napoleon, he* (Ньютон. – *И. Д.*) *consolidated the gains of a revolution fought by others and extended it beyond their wildest dreams. But to extend it Newton had to deny the strict mechanical programme on which it was founded, just as Napoleon rejected the republic that had given him his start*» (Heilbron J. L. Coming to Terms with the Scientific Revolution // European Review. – 2007. – Vol. 15. – № 4. – Pp. 473 – 489; P. 485).

то иным причинам»[87]. О том же спустя шестьдесят с лишним лет говорил и Ньютон[88], а спустя примерно сто сорок лет – А. Лавуазье (*Lavoisier A. L. de*; 1743 – 1794)[89].

Как и Галилей, Декарт широко использовал (или, по крайней мере, старался использовать) математические методы в своих физических исследованях. «*Toute ma Physique*, – писал Декарт Мерсенну в июле 1638 г., – *n'est autre chose que Géometrie*»[90]. То, что абстрактные математические рассуждения выявляют «непостижимую эффективность» (Э. Вигнер) при изучении природных явлений, казалось чудом. Однако, и Галилей, и Декарт полагали, что вообще неправомерно различать и тем более противопоставлять физику и математику, поскольку «природа говорит на языке математики» (Галилей) и «действует во всем математически» (Декарт)[91]. Кроме пространственной протяженности материальных тел в физическом мире, лишенном пустоты, ничего нет. Но если физика – это геометрия, то не является ли тогда она (физика) просто мысленной конструкцией. По Декарту и Галилею, математический характер новой науки имеет своим источником, как выразился У. Ши, «*a very style of Nature*»[92]. Однако, как было показано выше, сами картезианские механизмы-причины физических явлений оказывались настолько сложными, что ни о каком математическом описании физической реальности не могло быть и речи[93]. Его *géometrie* – это вовсе не *géometrie abstraite* (как это было, скажем, у Ньютона), но *géometrie concrète*, описывающая «*du sel, de la niege, de l'arc-en-ciel etc*»[94]. Но из этого, по мнению французского философа, никак не следует, что анализ физических явлений должен сводиться к их описанию (словесному или математическому), не затрагивая их причин. Декарт упрекал Галилея в том, что тот вывел свой закон свободного падения из самого явления, а не из его причины, которую итальянский физик не знал. Сам Галилей хорошо понимал это обстоятельство, что видно их следующего фрагмента *Dialogo*:

«САЛЬВИАТИ. ... Что именно движет частицы Земли вниз?

---

[87] Декарт Р. Сочинения: в 2-х тт. – М.: Мысль, 1989 – 1994 / Составление, редакция, вступительная статья В. В. Соколова. Примечания М. А. Гарнцева и В. В. Соколова. – Т. I. – С. 419 – 420.

[88] Напомню его слова из *Opticks*: «Я здесь использую это слово (т. е. *Attraction*. – *И. Д.*) только для того, чтобы обозначить в общем некую силу, посредством которой тела стремятся (*tend towards*) друг к другу, каковы бы ни была причина [этого стремления]» (Newton I. Opticks, or, A Treatise of the Reflections, Refractions, Inflections and Colours of Light / With a foreword by Albert Einstein, an introduction by Sir Edmund Whittaker, a preface by I. Bernard Cohen and an analytical table of contents prepared by Duane H. D. Roller. (Based on the 4th ed., London, 1730). – New York: Dover Publications; Toronto: General Publishing Company; – London: Constable, 1952. – P. 376).

[89] «Мы вовсе даже не обязаны предполагать, что теплород – это реальное вещество, достаточно <...>, чтобы это была лишь какая-нибудь причина отталкивания, раздвигающая молекулы, что позволяет рассматривать явления абстрактно и математически» (Lavoisier A. Traité élémentaire de chimie, présenté dans un ordre nouveau et d'après les découvertes modernes / Avec figures par M. Lavoisier. 2-me édition. – Paris: Cuchet, 1793. – Pp. 5 – 6; первое изд-е: 1789).

[90] Œuvres de Descartes. En 13 tt. / Publiées par Charles Adam and Paul Tannery sous les auspices du Ministère de l'instruction publique. – Paris: Cerf, 1897 – 1913. – Vol. II. – P. 268. (Далее сокр.: AT, номер тома, номер страницы).

[91] AT, III. – P. 37.

[92] Shea W. R. Descartes; Methodological Ideal and Actual Procedure // Philosophia Naturalis: Archive für Naturphilosophie und die philosophischen Grenzgebiete der exakten Wissenschaften und Wissenschaftsgeschichte. – 1984. – Bd. 21, Hefte 2 – 4. – S. 577 – 589; S. 579.

[93] Кроме того, *Principia Philosophiae*, как и другие работы Декарта, посвященные хотя бы отчасти натурфилософской проблематике, не используют математического подхода, за исключением параграфов, в которых речь идет о трех законах природы и семи правилах соударений твердых тел. Однако далее эти правила и законы используются спорадически. Более того, как заметил сам Декарт в письме Шаню (*Chanut*) от 26 февраля 1649 г.: «нет необходимости ... останавливаться на рассмотрении правил движения, которые изложены в параграфе 46 второй части [*Principia Philosophiae*] и в последующих параграфах, по причине того, что это не является необходимым для понимания остального» (AT. V. – P. 291).

[94] AT. II. – P. 268.

СИМПЛИЧИО. Причина этого явления общеизвестна, и всякий знает, что это тяжесть.

САЛЬВИАТИ. Вы ошибаетесь, синьор Симпличио, вы должны были бы сказать – всякий знает, что это называется тяжестью, но я вас спрашиваю не о названии, а о сущности вещи»[95].

Однако дальше констатации этого обстоятельство герои галилеева *Dialogo* не пошли, что категорически не устраивало Декарта. Французский мыслитель полагал, что подход Галилея, допускавший оперирование с силой (или более общо – с причиной), природа которой остается невыясненной, должен быть заменен иным подходом, более строгим, последовательным и систематическим, предполагающим выявление истинных и достоверных причин явлений. Иными словами, Декарт считал возможным и необходимым распространить математически строгий подход на рассмотрение всех природных явлений. Для этого, по его мнению, следовало исключить из рассуждений о природе все концепции, которые:

– не могут быть ясно и отчетливо определены;

– не совместимы с контактным действием, рассматривающимся как универсальная причина любых природных изменений[96].

За этими требованиями стояла убежденность Декарта в том, что рациональное знание обязательно включает в себя знание своих собственных оснований.

В силу сказанного, Декарт отрицал правомерность использования понятия пустоты в рассуждениях о физическом мире, поскольку допуская пустоту, мы допускаем возможность действия на расстоянии (действия «через пустоту»), что в свою очередь ведет к признанию неких оккультных или магических сил или «влияний». Поэтому Декарт видел свою задачу в создании механической теории движения тел, в том числе и теории свободного падения. Следовательно тяжесть тела не может рассматриваться ни как свойство присущее материи это тело образующей, как полагал Аристотель, ни как результат притяжения Земли, как предполагал, к примеру, Бекман. Декарт предложил теорию свободного падения, построенную на концепции контактного взаимодействия тел и теории вихрей.

Ньютон (а до него Галилей), описывая некое механическое явление (скажем, свободное падение), элиминировал из него все факторы и обстоятельства, которые представлялись им «помехой» для выявления сути этого явления. По мысли Галилея, все «то, что происходит конкретно, имеет место и в абстракции»[97]. И потому «философ-геометр, желая проверить конкретно результаты, полученные путем абстрактных доказательств, должен сбросить помеху материи, и если он сумеет это сделать, то ... всё сойдется не менее точно, чем при арифметических подсчетах. Итак, ошибки заключаются не в абстрактном, не в конкретном, не в геометрии, не в физике, но в вычислителе, который не умеет правильно вычислять»[98]. Сказанное означало, что «помехи» не мешают чему-либо стать в соответствие с математической теорией. «Помеха материи» может быть удалена «отслаиванием» ее от явления, но суть явления при этом не меняется. Если же отклонение физического тела от математического обу-

---

[95] Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира – птолемеевой и коперниковой // Галилей Г. Избранные труды: в 2-х тт. – Т. I. – М.: Наука, 1964. – С. 97 – 555; С. 334.

[96] Согласно первому картезианскому «закону природы», каждая вещь, поскольку она проста, продолжает пребывать в одном и том же состоянии («*quod unaquaeqaeque res, quantum in se est, semper in eodem statu perseveret*») и изменяет его только от встречи (контакта) с другими телами (AT. VIII-1. – P. 62; о выражении *quantum in se est* («своей собственной силой»), восходящему, по-видимому, к Лукрецию Кару, см.: Cohen I. B. *Quantum in se est*: Newton's Concept of Inertia in Relation to Descartes and Lucretius // Notes and Records of the Royal Society of London, 1964. – Vol. 19. – Pp. 131 – 155). Согласно второму закону, всякое не встречающее препятствий движение совершается в природе по прямой («*quod omnis motus ex se ipso sit rectus*» (AT. VIII-1. – P. 62)).

[97] Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира. – С. 307.

[98] Там же.

словлено только ошибкой вычисления, то это означает, что *в действительности* никакого отклонения не существует, просто ученый (если угодно, вычислитель — *calcolatore*) «*non sa fare i conti guisti*», не умеет правильно вычислять, ошибочно принимая, скажем, несовершенную физическую сферу (т. е. – не сферу), за совершенную.

Декарт, выстраивая модель явления, шел в противоположной направлении: он «измышлял» многослойную структуру экспланаса теории, которую трудно, а порой и невозможно было ни доказать, ни опровергнуть (разве, что ссылками, на то, что Бог – не обманщик и вложил в нас правильное, хотя и далеко не полное, знание неких исходных первичных истин о физическом мире). В итоге, модель явления оказывалась настолько умозрительно-сложной, что не поддавалась никакой квантификации. Поэтому Ньютон, как ранее Галилей, опираясь на соображения конструктивного прагматизма, полагали, что:

– пустота и движение в пустоте возможны;

– допустимо рассматривать ускоренное движение, не касаясь вопроса о природе тяготения (*gravitas*);

– достаточно признать, что тяготение (какова бы ни была его природа) постоянно по величине и всегда действует одинаково[99].

Конечно, всегда можно сослаться на то, что, мол, не в этом суть дела. Декарт дал философии и науке нечто большее, нежели правильную формулу свободного падения. Он дал «формулу» свободного мышления. Ибо если мы утверждаем, что тяжесть камня есть «реальное» (т. е. оккультное) качество, отличное от самого камня и способное двигать его к центру Земли, то тем самым мы приписываем тяжести знание некой цели и стремление к ней, т. е. мы вносим в неодушевленную материю, как выразился М. К. Мамардашвили, «тень мысли»[100]. И ради этого, т. е. ради освобождения души «в том числе и от пелены самой себя»[101], ради своей умозрительной правоты, Декарт был готов идти против течения, вопреки фактам и конкретным результатам. Более того, «мы принадлежим к тому интеллектуальному универсуму, принципы которого сформулировал Декарт ... и на котором покоятся современная наука и наша цивилизация»[102]. Да и вообще, как сказал Вольтер, «он [Декарт] достоин уважения даже в своих заблуждениях. Да, он делал ошибки, но он их делал на основе метода»[103]. Все это, бесспорно, так. Но и у науки, той самой науки, которую строили Галилей и Ньютон на принципах, которые в целом оставались Декарту чуждыми, была своя правда.

---

[99] Несколько слов здесь уместно также сказать о картезианских правилах соударений тел. Эти правила относятся к соударениям, отвечающим следующим трем условиям: 1) одновременно сталкиваются не более двух тел; 2) сталкивающиеся тела являются «аболютно твердыми (*perfecte dura*)» (AT. VIII-1. – P. 67); 3) сталкивающиеся тела настолько отделены от всех других тел, что не испытывают со стороны последних никакого влияния (я оставляю в стороне вопрос о различии правил соударений тел, изложенных в *Principia Philosophiae*, и сформулированных ранее, в письме Декарта Мерсенну от 25 декабря 1639 г., см. AT. II. – P. 627). Нетрудно заметить, что это третье условие, мягко говоря, не вполне совместимо с декартовой идеей отсутствия пустоты, что и определило в итоге маргинальность этих правил в системе картезианской физики и натурфилософии.

[100] Мамардашвили М. К. Картезианские размышления (январь 1981 года). / Под редакцией Ю. П. Сенокосова. – М.: Издательская группв «Прогресс»; «Культура», 1993. – С. 151. (Далее сокр.: Мамардашвили М. К. КР). С. 151.

[101] Там же. – С. 150.

[102] Дудник С. И. Солонин Ю. Н. Декарт и картезианство в новой парадигме рационализма // Парадигмы исторического мышления XX века: очерки по современной философии культуры. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 149 – 157; С. 151.

[103] «*Il était estimable même dans ses égarements. Il se trompa, mais ce fut au moins avec méthode*» (*Voltaire F.* Lettres Philosophique ou Lettres Anglaises / Avec Introduction, Notes, Choix de Variantes et Rapprochements par R. Naves. Paris, 1964. Quatrozième Lettre: Sur Descartes et Newton. P. 76).

Картезианское разделение души и тела, материи мыслящей и материи протяженной, означало, в глазах Ньютона, отрицание зависимости материального мира от Бога[104]. Здесь, в пояснение сказанного, уместно привести одно любопытное свидетельство. Речь идет о реакции китайских мудрецов на полученные ими от миссионеров сообщения о первых достижениях новой европейской науки. «Мудрецы нашли саму идею науки абсурдной, поскольку, хотя повелителю поднебесной и дано устанавливать законы и требовать их исполнения под угрозой наказания, исполнять законы и подчиняться им дано лишь тем, кто способен эти законы "понять", а "дерево, вода и камни", о которых толкуют мистификаторы-европейцы, очевидно этим свойством "понятливости" не обладают: им нельзя приписывать законы и от них нельзя требовать их исполнения. Глаз традиции здесь предельно четко зафиксировал родимое пятно теологического происхождения науки. Прежде чем говорить о "законах природы", полезно выяснить, а как эти законы там оказались, т. е. выяснить ту самую деталь, от обсуждения которой наука уклоняется уже не первое столетие»[105].

Возможно ли ради свободы философского мышления, ради того, чтобы «держать мысль», пойти против фактов? Ответ Декарта: «Да, можно и необходимо, если для объяснения фактов требуется вводить, прямо или косвенно, некие мыслеподобные состояния, которые будут "подсовывать" нам вместо реальности "фактическую видимость"[106]». Ответ Ньютона: «Нет, нельзя, ибо тогда измышленные "механизмы" природы будут подсовывать нам некую неверифицируемую и нефальсифицируемую теорию, которая будет представлять лишь тень истины». Таким образом, условия свободы (и одновременно – условия ясности и отчетливости) мышления в философии и в науке не совпадали.

Философы и историки науки часто ссылаются на то, что Декарт, как выразился М. К. Мамардашвили, «проиграл бой» Ньютону только в XVII в., но «потом физика XX в. показала, что в умозрительном плане» он все же был прав[107], что время внесло в критику картезианства «смягчающие поправки»[108]. Если под «смягчающими поправками» иметь в виду современные представления о природе вакуума и, вообще, идеи квантовой теории поля, то, разумеется, некую отдаленную аналогию в «схематике мышления» и некую, опять-таки, довольно отдаленную общность базовых концепций картезианства и современной физики найти можно, но эти аналогии, по моему мнению, все же довольно поверхностны (вроде аналогий между алхимической идеей трансмутации металлов и теорией ядерных реакций). Слишком сильно отличаются «подосновы» (философские и физические) указанных воззрений. И еще одно обстоятельство необходимо учитывать: зачастую *то* в идейном наследии прошлого, что с нашей современной (и также исторически преходящей) точки зрения представляется рациональным зерном (например, ранние, XVI – XVII вв., рассуждения о природе теплоты с позиций корпускулярно-кинетических теорий), для минувших эпох и в аспекте общего (поступательного) развития науки оказывается тормозом. (К примеру, пока не были разработаны идеи и методы статистической физики – а это потребовало прохождения научной и философской мыслью долгого и весьма извилистого исторического пути в лабиринтах европейской культуры, а не только карабканья по «горным тропам» физико-математических дисциплин – корпускулярно-кинетические теории не давали, в отличие от «флюидных» теорий тепла, никаких значимых результатов). И если бы Ньютон (здесь «Ньютон» – имя не

[104] Не говоря уж о том, что Ньютон привел доказательство физико-математической несостоятельности теории вихрей (подр. см.: Westfall R. S. Never at Rest: A Biography of Isaac Newton. – Cambridge [Eng].; New York: Cambridge University Press, 1980. – P. 454 – 457).

[105] Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. – С. 130.

[106] Мамардашвили М. К. КР. – С. 155.

[107] Там же. – С. 156.

[108] Дудник С. И. Солонин Ю. Н. Декарт и картезианство в новой парадигме рационализма. – С. 150.

только собственное, но и нарицательное) в свое время не преодолел картезианства, то в XX в. ученым и философам не пришлось бы говорить об «умозрительной правоте» французского мыслителя.

«Средство познания, извлечённое из нашего рассудка»[109]

Теперь – о математизации натурфилософии (или, если воспользоваться терминологией Дж. Генри, о «*The Mathematization of the World Picture*»[110]) в ходе научной революции XVI – XVII вв. В эпоху Средневековья схоластический аристотелизм не только доминировал институционально, составляя основу университетского *curriculum*, но и лежал в основании культурного опыта образованной элиты. Он пронизывал все и всяческое знание, все дисциплины и интеллектуальные практики: от смешанных математических наук до метафизики и теологии. Его подходы и нормы служили образцом для всех конкурирующих разновидностей натуральной философии. При всем многообразии его форм, можно указать присущую всем им общую черту – претензию на описание и объяснение (в причинно-следственных терминах) всех объектов и явлений сотворенного мира и отношений между этим миром и его Творцом. Аристотелизм (в любой его разновидности) включал в себя четыре структурных элемента: (1) учение о субстанциях (материальных и нематериальных), из которых состоит Космос (в частности, концепцию пяти элементов – огонь, земля, вода, воздух и мировой эфир); (2) космологию, которая включала представление о конечной геоцентрической Вселенной, «вложенных» друг в друга концентрических небесных сферах, в центре которых расположена неподвижная Земля; (3) учение о четырех причинах, необходимых для полного описания мира; (4) учение о методе.

Схоласты рассматривали Природу как иерархию качественно отличных друг от друга видов бытия (или субстанций), действия и формы которых определены присущим им целеполаганием. В понимании схоласта, любое натурфилософское объяснение должно опираться на понятия материи и формы, а также на учение Аристотеля о четырех причинах. Математика, по мнению Стагирита и его последователей, такого каузального объяснения природных явлений дать не могла, поскольку она оперировала с неизменными объектами, не существующими независимо от познающего субъекта (т. е. с объектами, являющимися конструкциями нашего ума)[111], а не с реальными природными процессами, не с «*essential*

[109] Кузанский Н. О возможности – бытии (Перевод А. Ф. Лосева) // Николай Кузанский. Сочинения: в 2-х томах. – М.: Мысль, 1979 – 1980. (Философское наследие. Тома 80 и 82). – Т. 2. – С. 135 – 181; С. 161.

[110] Henry J. The Scientific Revolution and the Origin of Modern Science. 3d edition. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. (Ser.: Studies in European history). – P. 18.

[111] «Наиболее физические из математических наук, как-то: оптика, учение о гармонии и астрономия, … в некотором отношении обратны геометрии. Ибо геометрия рассматривает физическую линию, но не поскольку она физическая, а оптика же – математическую линию, но не как математическую, в как физическую» (Аристотель. Физика (Кн. 2, гл. 2; 194a7 – 12) / Пер. В. П. Карпова // Аристотель. Сочинения: в 4-х тт. – М.: Мысль, 1981 – 1983. – Т. 3 (1981). – С. 59 – 262; С. 85 – 86). Следует напомнить, что Аристотель делал акцент не столько на самом движении, сколько на том, *что* именно движется. И от этого «что-то» он не в состоянии абстрагироваться, поэтому движение у Аристотеля – это не самостоятельный субъект, но всегда предикат. И Стагирит указывает на это со всей определенностью: «Не существует движения помимо вещей, так как все изменяющееся изменяется всегда или в отношении сущности, или количества, или качества, или места. А ничего общего нельзя усмотреть в вещах, что не было бы ни определенным предметом, ни количеством, ни качеством, ни какой-нибудь другой категорией. Так что если, кроме указанного, ничего не существует, то и движение и изменение ничему иному не присущи, кроме как указанному» (Физика, III, 1, 200b – 201a). Отмеченная особенность аристотелева понимания движения закрывала возможность его математического описания и тем самым ограничивала роль математики в «науке о природе». К этому следует добавить аристотелев запрет на «метабасис к другому роду (μεταβασιζ ειζ αλλο γενοζ)» (Аристотель. Категории // Соч.: в 4-х тт. – Т. 2 (1982). – С. 51 – 90; Вторая Аналитика // Там же. – С. 255 – 346). Речь идет о запрете «вести доказательство, переходя от одного рода в

natures»[112] и не с телеологией. Следовательно, использование математических описаний явлений не соответствовало целям и задачам натуральной философии. В тех же случаях, когда применение математики оказывалось полезным и даже необходимым (как, например, в астрономии), полагали, тем не менее, что математика дает лишь «*a kind of technical description*»[113], но не объяснение явлений. Поэтому в Средние века математика рассматривалась как наука, занимающая в иерархии дисциплин более низкое положение, чем натурфилософия.

Наиболее важными из числа дисциплин, занимающих в аристототелевой иерархии промежуточное положение между натуральной философией и чистой математикой являлись так называемые «смешанные» математические науки (далее сокр. *СМН*), к числу которых относили оптику, геометрическую астрономию, музыкальную гармонию и механику, включая изучение простейших машин). При этом один и тот же природный объект мог изучаться как натуральной философией, так и СМН, одной или несколькими. Так, например, если исследователя интересовали физическая природа и свойства света, то ему следовало обращаться к натуральной философии, к ее корпусу знаний и к ее методологии. В свою очередь геометрическая оптика, изучающая движение света с помощью геометрических образов, понятий и законов, относилась к категории СМН, но не к чистой геометрии, поскольку прямые линии (или их отрезки) в данном случае представляли собой не математическую абстракцию, но были «нагружены» физическим содержанием (они изображали световые лучи). Однако – и это крайне важно! – геометрические описания оптических явлений (отражения, преломления и др.) не могли дать каузального объяснения природы и свойств света.

Другой пример – геометрическая астрономия. Обычно предполагалось, что она была полностью лишена объяснительной силы, присущей натурфилософии, поскольку не касалась причин планетных движений, а лишь «спасала видимости», используя геометрические модели. Поэтому все изощренные геометрические методы и построения Птолемея выходили за рамки какой-либо правдоподобной реалистической интерпретации, а потому оказывались вне какого-либо натурфилософского толкования. В то же время фундаментальные космологические концепции Птолемея (конечный Космос, в центре которого покоится Земля, различие между подлунным и надлунным мирами, принцип равномерного кругового движения планет и т. д.) напрямую соотносили с аристотелевой натурфилософией, ибо подобные вопросы находились, как говорили средневековые авторы, «*ad curae physicis, non mathematicis*».

В XVI-м столетии стали появляться натурфилософские учения, которые представляли собой альтернативу натуральной философии Аристотеля и которые сыграли важную роль в разрушении схоластического перипатетизма, уступившего к середине XVII в. место различ-

---

другой, как, например, нельзя геометрическое /положение/ доказать при помощи арифметики. Ибо в доказательствах имеются три /стороны/: *во-первых*, доказываемое, т. е. заключение, – то, что какому-нибудь роду присуще само по себе; *во-вторых*, аксиомы...; *в-третьих*, род как подлежащее, состояния и свойства которого, само по себе присущие ему, выявляются доказательством. Поэтому /аксиомы/, на основании которых ведется доказательство, могут быть одними и теми же /в нескольких науках/, но в /науках/, род которых различен, таких, как арифметика и геометрия, не годится геометрическое доказательство для свойств величин, если только эти величины не числа» (Втор. Аналит., A7. 75a 38 – 75b 6). Короче, «у вещей, относящихся к разным и не подчиненным друг к другу родам, различны и их видовые отличия, например, у живого существа и у знания» (Кат., 1b 16 – 17). Из этого следовало, в частности, что не может быть количественного выражения качества (скажем, его интенсивности или пространственного распределения), ибо категории качества и количества разнородны, и поэтому их нельзя смешивать. Такое выражение, как «математическая физика», для Аристотеля нонсенс, это все равно, что говорить о политических симпатиях камней.

[112] Dear P. Discipline & Experience: the Mathematical Way in the Scientific Revolution. – Chicago: University of Chicago Press, 1995. – P. 162.

[113] Ibid. – P. 19.

ным вариантам «механической философии» (хотя перипатетизм продолжал занимать главенствующее положение в университетских курсах). В свою очередь «механическая философия», как уже было сказано, к концу XVII-го столетия была модифицирована и отчасти заменена ньютонианской «*post-mechanist philosophy*», в которой центральное место заняли концепции силы и нематериальных каузальных сущностей (примером которых может служить гравитация).

Рассмотренный выше компетитивный натурфилософский плюрализм начала Нового времени повлиял на уже существовавшие дисциплины, в частности на СМН.

По мере усиления полемики между различными натурфилософскими системами в XVII в. некоторые авторы, скептически (а то и враждебно) настроенные к схоластическому перипатетизму, придавали большее, чем то было в традиции, значение математике, подчеркивая важность ее объяснительного потенциала для натуральной философии. Собственно, истоки такой оценки (или, точнее, переоценки) роли математики в познании природы можно найти уже в эпоху Ренессанса и даже в Средние века, к примеру, в трудах Р. Бэкона (*Bacon R.*; 1220? – 1292), Д. Гундисалинуса (*Gundisalvi D.*, *лат*. *Gundissalinus D.*; fl. 1140), а позднее – Николая Кузанского (*Nicholas of Kues*, *лат*. *Nicolaus Cusanus*; 1401 – 1464).

Так, Роджер Бэкон в первой книги своего трактата *Communia Naturalium* заявлял: «должна существовать одна наука о философии природы, трактующая о том, что присуще всем природным вещам и она будет первой среди естественных наук. Но есть и другие великие естественные науки, многие из коих имеют подчиненные им науки…». И далее Бэкон пишет о том, что кроме науки о природных вещах существуют еще семь специальных наук (*sunt septem specialies*): перспектива (т. е. оптика и теория зрительного восприятия. – *И. Д.*), астрономия, как юридическая (раздел астрологии. – *И. Д.*), так и оперативная (т. е. собственно астрономия. – *И. Д.*), наука о весах (*Sciencia ponderum*) тяжелых и легких тел (т. е. механика. – *И. Д.*), алхимия, сельское хозяйство, медицина и опытная наука (*Sciencia Experimentalis*)»[114], которые должны (по своему статусу) рассматриваться наравне с натурфилософией. Природу, по Бэкону, невозможно понять[115], не обращаясь ни к «семи специальным наукам, ни к математике»[116]. Немногие в XIII столетии, да и позднее, разделяли эту позицию, хотя, скажем, Д. Гундисалинус относил к натурфилософии медицину, а Роберт Килвордби (*Kilwardby R.*; ок. 1215 – 1279) – оптику.

Однако, заявления Р. Бэкона носили скорее декларативный характер. Гораздо важнее другие примеры. Так, Ибн Аль-Хайтам (*лат*. *Alhazen* или *Alhacén*; ок. 956 – 1039) писал в своем трактате об оптике, очень популярном и влиятельном в Западной Европе: «Наш предмет темен и путь к познанию его труден. Более того, наше исследование требует сочетания естественных и математических наук. Наш предмет зависит от естественных наук потому, что зрение есть одно из чувств и оно относится в природным явлениям. В то же время наш предмет зависит и от математических наук, потому что с помощью зрения мы постигаем форму, положение, величину, движение и покой, что изображается прямыми линиями …»[117].

В области механики, мысль о необходимости рассматривать эту математическую дисциплину как часть натурфилософии в Средние века отстаивал Иордан Неморарий (*Jordanus Nemorarius* или *Jordanus de Nemore*; ? – 1237?), следуя в этом традиции Архимеда.

---

[114] Bacon R. Liber primus communium naturalium Fratris Rogeri. Partes prima et secunda / Edidit Robert Steele. Oxonii: e typographeo Clarendoniano [Oxford: Clarendon press], 1909. (Ser.: Opera hactenus inedita Rogeri Baconi (1909 – 1913); fasc. 2). – P. 5.

[115] Бэкон говорил о *книгах* о природе и иных: «*non possunt libri naturales et vulgate sciri*» (Ibid. – P. 11).

[116] Ibid.

[117] Ibn al-Hayṯam, al-Ḥasan ibn al-Ḥasan. The Optics: books I – III on direct vision / Translated with introduction and commentary by A. I. Sabra. In 2 vols. – London: Warburg Institute, University of London, 1989. – Vol. I, 4. – Pars. 2.

Особо следует сказать о Николае Кузанском. По характеристике Б. Г. Кузнецова, несколько пафосной, но в целом верной, Кузанец, следуя за У. Оккамом (*William of Ockham*; ок. 1285 – 1349), «говорит о видимых вещах, о том, что они являются подлинным образом реальности. Но путь, который ведет от Сенсуса, от видимых вещей к познанию реальности, – это путь математики. В главе "О могущественной помощи математики в усвоении различных божественных истин" Николай Кузанский говорит, что "число было образцом для создания вещей". Здесь он следует за Пифагором, но вместе с тем расчищает путь Галилею, его декларации о книге природы, написанной математическими символами.

Может быть, у Николая Кузанского математические идеи идут в одном направлении, а натурфилософские – в ином? Нет, они нераздельны. Математика Николая Кузанского – это натурфилософия, но его натурфилософия, если говорить об основной идее, – это математика»[118]. В главе из трактата Кузанца «Об ученом незнании (*De docta ignorantia*)», на которую ссылается Б. Г. Кузнецов[119], сказано: «Самыми надежными и самыми для нас несомненными оказываются … сущности более абстрактные, в которых мы отвлекаемся от чувственных вещей, – сущности, которые и не совсем лишены материальных опор, без чего их было бы нельзя вообразить, и не совсем подвержены текучей возможности.

Таковы математические предметы. Недаром именно в них мудрецы искусно находили примеры умопостигаемых вещей, и великие светочи древности приступали к трудным вещам только с помощью математических подобий. Боэций, ученейший из римлян, даже утверждал, что никому не постичь божественной науки, если он лишен навыка в математике. Не Пифагор ли, первый философ и по имени и по делам, положил, что всякое исследование истины совершается через число? Пифагору следовали платоники и наши первые учителя настолько, что Августин, а за ним Боэций утверждали, что первоначальным прообразом творимых вещей было в душе создателя несомненно число. Разве Аристотель, который, опровергая предшественников, желал предстать единственным в своем роде, сумел показать нам в "Метафизике" различие сущностей каким-то другим образом, чем в сравнении с числами? Желая преподать свое учение о природных формах – о том, что одна пребывает в другой, – он тоже был вынужден прибегнуть к математическим фигурам и сказать: "Как треугольник в четырехугольнике, так низшее – в высшем" (см.: Мет. VIII 3, 1043b 33 и далее; О душе II 3, 414b 29 и далее – *И. Д.*)»[120]. Однако последователей у Николая Кузанского поначалу оказалось немного. Одним из них был Грегор Рейш (*Reisch G.*; ок. 1467 – 1525), автор весьма популярного в XVI столетии учебника *Margarita philosophica* (1503)[121], написанного в катехизисной форме и охватывающего знания по латинской грамматике, диалектике, риторике, арифметике, музыке, геометрии, астрономии, физике, натуральной истории, физиологии, психологии и этике. Рейш, ссылаясь на Николая Кузанского, относит СМН к натурфилософии, называя этот раздел «спекулятивной философией [материальных] вещей»[122].

Э. Рейнхольд (*Reinhold E.*; 1511 – 1553), немецкий математик и астроном, составитель знаменитых *Tabulae prutenicae* (1551), рассказывая в 1536 г. своим студентам в Виттенберге

[118] Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения: наука XIV – XVI вв. в свете современной науки. – М.: Наука, 1979. – С. 117.

[119] Книга I, глава 11. В более позднем переводе эта глава называется несколько иначе: «О том, что математика лучше всего помогает нам в понимании разнообразных божественных истин» (Николай Кузанский. Об ученом незнании (Перевод В. В. Бибихина) // Николай Кузанский. Сочинения: в 2-х томах. – М.: Мысль, 1979 – 1980. (Философское наследие. Тома 80 и 82). – Т. 1. – С. 47 – 184; С. 64 – 66).

[120] Там же. – С. 65.

[121] Reisch G. Margarita philosophica. Friburghi [im Breisgau]: Chalchographatum primiciali hac pressura per Ioannem Schottum, 1503. Fol. 4r.

[122] Ibid. L. 4, pars 1, cap. 1.

о трудах Эвклида (Εὐκλείδης; ок. 300 г. до н. э.) и Пурбаха, заметил, что «та часть Философии, которая называется “Физикой” берет свое начало в Геометрии»[123].

Однако главная заслуга в изменении статуса астрономии принадлежит Н. Копернику, который выстроил свою гелиоцентрическую «систему мира» как теорию, описывающую истинную структуру космоса. Представляя гелиоцентризм не только как совокупность математических приемов, облегчающих астрономические вычисления, но и как физически истинную теорию, Коперник пошел против не только традиционной астрономии, аристотелевой физики, теологическим предпочтениям и «здравому смыслу», основанному на видимом прохождении Солнца по небосводу и других наблюдениях, но и против принятого понимания роли и места СМН. Согласно традиции, космологические утверждения требовали натурфилософских объяснений и доказательств, тогда как аргументация Коперника имела чисто математический характер. Как отметил британский историк науки Джон Генри, «*No matter how contrary to natural philosophy the motion of the Earth may seem, Copernicus insisted, it must be true because the mathematics demands it. This was revolutionary*»[124]. Более того, Тихо Браге, предлагая свою «компромиссную» теорию движения планет (все планеты вращаются вокруг Солнца, а оно, – вместе с планетами, – движется вокруг неподвижной и расположенной в центре мира Земли), также выступал в качестве «*a mathematical realist*»[125].

Аналогичную позицию занимал И. Кеплер, который писал в *Epitome astronomiae Copernicanae* (1618): «[Астрономия] – это часть физики (т. е. натуральной философии. – *И. Д.*), поскольку она занимается поиском причин вещей и видимостей, поскольку движение небесных тел – это ее предмет и поскольку одна из ее целей – исследовать форму структуры Вселенной и ее частей»[126].

Более того, даже некоторые аристотелианцы стали критически относиться к свойственному аристотелизму маргинализации математики по причине ее иррелевантности к поискам причинных объяснений природных явлений. Это способствовало популярности СМН и избавлению их от аристотелевой эпистемологической *straightjacket*, что было важной причиной изменений в организации знания в XVII столетии.

Так, например, Кеплер, проводил свои исследования по геометрической оптике в контексте неоплатонической концепции света и получил ряд важных результатов в теории камеры-обскуры, теории зрения и др. Декарт подражал Кеплеру, но отрицал неоплатонические коннотации и тем самым натурфилософскую программу последнего. Французский мыслитель исходил из механистической трактовки света, которая привела его к простой версии закона отражения и к общей теории линз. В итоге, геометрическая оптика, одна из СМН схоластов, развилась в строгую физико-математическую дисциплину, работая в которой, исследователи не чурались вопросов о природе света и причинах явлений, как то было ранее.

«Физико-математики, – записал Бекман в своем *Journal*, после знакомства с «французом из Пуату»[127] по имени Рене Декарт, – встречаются очень редко (*Physico-Mathematici paucissimi*)». А Декарт признался, продолжал голландец, что он «кроме меня не встречал ни-

---

[123] Цит. по: Kusukawa S. The Transformation of Natural Philosophy: the Case of Philip Melanchthon. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1995. – P. 180. См. также: Gingerich O. The role of Erasmus Reinhold and the *Prutenic Tables* in the dissemination of Copernican Theory // Studia Copernicana. – 1973. – Vol. 6. – Pp. 43 – 62.

[124] Henry J. The Scientific Revolution. – P. 21.

[125] Ibid. P. 23.

[126] Цит. по: Jardine N. The birth of history and philosophy of science: Kepler’s “A Defence of Tycho against Ursus, with Essays on its Provenance and Significance”. – Cambridge [Cambridgeshire]; New York: Cambridge University Press, 1984. – P. 250. См. также: Westman R. S. The Astronomer's Role in the Sixteenth Century: A Preliminary Study // History of Science. – 1980. – Vol. 18. – Pp. 105 – 147; Donahue W. Astronomy // Early modern science / Edited by Katharine Park, Lorraine Daston. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. (Ser.: The Cambridge history of science; Vol. 3). – Pp. 562 – 595.

кого, кто бы развивал свои исследования так, как это делаю я, т. е. комбинируя физику и математику самым точным образом»[128].

Типичное физико-математическое исследование состояло из двух этапов:

– математическое («строгое») описание некоторого явления в рамках стандартных требований СМН (разумеется, конкретные математические приемы могли варьироваться от автора к автору и от задачи к задаче);

– полученные на первом этапе результаты и выводы интерпретировались в терминах той или иной физической модели, как правило, в терминах некоторого варианта «корпускулярной философии» и эта модель служила ресурсом причинно-следственных трактовок явлений.

Разумеется, на втором этапе «физико-математического» исследования в подавляющем большинстве случаев ни о какой строгости и доказательности в рассуждениях речи не шло, это было царство «истины, выбранной по желанию», как выразился Декарт[129].

Здесь следует отметить важную особенность *physico-mathematica*: в отличие от СМН новая дисциплина рассматривалась ее адептами *как часть* натурфилософии («*proper domains of natural philosophy*», по выражению Д. Шустера[130]).

Но можно ли тогда говорить о математизации натуральной философии (естествознания) в ходе научной революции? Ведь математизация какой-либо области знания предполагает, что поначалу данная область не использовала математических методов (как это было, скажем, с химией), а затем начался процесс внедрения в нее тех или иных математических подходов и понятий (процесс, истоком которого часто служило применение количественных описаний и оценок и определенная модификация качественных объяснений). В случае научной революции XVI – XVII вв. ситуация иная: математика продолжала применяться там, где она применялась и ранее, т. е. в СМН (хотя со временем используемый математический аппарат обогащался новыми методами, например, использованием дифференциального и интегрального исчислений, позднее – вариационного исчисления, тензорного анализа и т. д.), но статус СМН стал меняться. Теперь математические методы использовались не только,

---

[127] Пуату (*Poitou*) — старинная французская провинция, с главным городом Пуатье (*Poitiers*). Декарт в 1614 г. окончил иезуитский коллеж *La Flèche*, а в ноябре 1616 г. – университет в Пуатье (*Poitiers*), после чего поступил добровольцем в протестантскую армию штатгальтера Республики соединенных провинций Морица Нассауского (1567 – 1625). Такое стало возможным потому, что Франция активно поддерживала Нидерланды в их борьбе с Испанией.

[128] Journal tenu par Isaac Beeckman de 1604 à 1634. En 4 vols. / Ed. Cornelius de Waard. The Haague: M. Nijhoff, 1939 – 1953. [1: 1604 – 1619, 1939; 2: 1619 – 1627, 1942; 3: 1627 – 1634 <1635>, 1945; 4: Supplement, 1953]. Vol. I. P. 244.

[129] Декарт Р. Сочинения: в 2-х тт. – М.: Мысль, 1989 – 1994 / Составление, редакция, вступительная статья В. В. Соколова. Примечания М. А. Гарнцева и В. В. Соколова. Т. I. – С. 203.

[130] Schuster J. A. What Was Early Seventeenth Century ‘Physico-Mathematics’? Or, Did the ‘usual suspects’ aim to replace natural philosophy with mathematics, or to reform natural philosophy from within? What was Early 17th Century Physico-Mathematics // For Quadrennial Conference of the US, UK and Canadian History of Science Societies, Keble College Oxford, July 2008: Double Session on Connecting Disciplines: Mathematics, Natural Philosophy and Reason in the Early-Modern Era (http://www.descartes-agonistes.com/index.php?option=com_docman&task=cat_view&gid=42&Itemid=53). Pp. 1 – 7; P. 3. Иезуиты также использовали термин «*physico-mathematica*» (см., например: Zucchi N. Nova de machinis philosophia: in qua, paralogismis antiquæ detectis, explicantur machinarum vires unico principio, singulis immediato. Accessit exclusio vacui contra nova experimenta, contra vires machinarum. Promotio philosophiæ magneticæ ex ea novum argumentum contra systema Pythagoricum. Initium operis proposita distinctius exhibet, errata, suis locis asterisco notata, corrigit. Romae: Typis hæredum Manelphij, M.DC.XXXXIX [1649]), но только как синоним СМН (Baldini U. The Development of Jesuit “Physics” in Italy, 1550 – 1700: A Structural Approach // Philosophy in the Sixteenth and Seventeenth Centuries: Conversations with Aristotle / Eds. C. Blackwell and S. Kusukawa. – Aldershot: Ashgate. 1999. – Pp. 248 – 279; P. 259).

чтобы «спасать явления». Коперник и его единомышленники исходили из того, что «спасти явления» может только физически истинная теория. Появление и быстрое распространение, особенно начиная с 1630-х гг., *physico-mathematica* как особой дисциплины свидетельствовало не только о возросших амбициях математиков, которые активно захватывали когнитивные угодья натурфилософов, но и о том, что математическое знание стало моделью и эталоном научного понимания природных явлений. Позднее итог этих изменений будет афористически подытожен И. Кантом (*Kant I.*; 1724 – 1804): «*Ich behaupte aber, daß in jeder besonderen Naturlehre nur so viel eigentliche Wissenschaft angetroffen werden könne, als darin Mathematik anzutreffen ist*»[131].

Иными словами, имела место не математизация картины мира (или натуральной философии), а скорее *физикализация* СМН, благодаря чему они стали частью натурфилософского знания, и у И. Ньютона появились веские основания дать своей книге дерзкое по меркам традиции название – «Математические начала натуральной философии (*Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica*)» (1687).

Необходимость физикализации СМН осознавалась многими учеными XVI и особенно XVII столетий, что видно из их высказываний, их реальной исследовательской практики, а также из используемой ими терминологии[132]. Но никто из них не предполагал математизировать традиционную натурфилософию. Речь, повторяю, шла о другом – *о физикализации mediarum scientiarum* (т. е. СМН), что поначалу и сближало их статус со статусом натуральной философии, а в итоге привело к тому, что СМН просто стали ее составной (математизированной) частью[133]. Поэтому распространенное утверждение о математизации науки в эпоху научной революции требует далеко идущих оговорок. На мой взгляд, его можно понимать лишь в следующем смысле: в Средние века натурфилософия представляла собой нематематическую дисциплину, главная задача которой состояла в поисках причинных объяснений природных явлений, тогда как в эпоху научной революции, в результате переосмысления познавательной роли математики в изучении этих явлений и восприятия ее в качестве идеала строгой науки, изменился эпистемологический статус СМН, вследствие чего последние были включены в корпус натурфилософских дисциплин. Иными словами, имела место рецепция натурфилософией смешанных математических наук, сопровождавшаяся отказом от аристотелевого запрета на «метабасис к другому роду» и началом господства «математического

[131] Kant I. Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft. – Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch, 1786. Vorrede. – S. III – XXIV; S. VIII. («Вместе с тем я утверждаю, что в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики»).

[132] К примеру, Кеплер ввел термин «небесная физика».

[133] Что касается «новой науки» Галилея, в частности, его концепций свободного падения, движения тела, брошенного под углом к горизонту и колебаний маятника, то тут ситуация особая: галилеевы взгляды и достижения в области механики не вписываются в очерченную выше картину возникновения физико-математических дисциплин из ранее существовавших СМН. Действительно, механика Галилея – это не ранняя (упрощенная) версия механики Ньютона. То была отдельная наука *sui generis*, занимавшая несколько автономное положение по отношению к натурфилософским системам эпохи (хотя многие конкретные результаты Галилея, скажем, уравнение равноускоренного движения, вошли в корпус классической механики). Собственно, Галилей не строил никаких «систем» и те, кто ссылался на его достижения и концепции (а это главным образом, сторонники «механической философии»), делали это скорее на чисто риторическом уровне. Ни Гассенди, ни Декарт, ни Гоббс, ни Ньютон не интегрировали наследие Галилея в свои натурфилософские построения, что, однако, не означает, что эпистемологические воззрения Галилея оказались в стороне от философской полемики XVII в. Однако галилеева механика оказалась трудно приспособляемой к антиаристотелевым вариантам натуральной философии, имевшим хождение в XVI – XVII столетиях и опиравшимся на нетрадиционные теории простых машин. Механика Галилея оставалась идеалом (или источником вдохновения) для формирующихся физико-математических дисциплин, но по своему характеру была несколько им инородна (подчеркну еще раз – речь идет не об общей философско-методологической позиции Галилея, она-то как раз хорошо вписалась в методологию классической науки, но о характере его конкретных рассуждений по тем или иным вопросам).

аппарата» в тех науках, которые и до научной революции были математизированы в рамках системы СМН, в результате чего ч*и*сла и геометрические фигуры, лишенные своих пифагорейско-платонических сакральных и философских смыслов, стали, как казалось, инструментами, своего рода универсальными отмычками практически ко всем дверям храма природы[134].

Процесс изменения статуса СМН имел и иную грань. Как-то в 1666 г. некий анонимный автор[135] задался таким вопросом: занятия какой областью знания в наибольшей мере облагораживают и развивают личность? Теология? Но для этого необходимо специальное образование, дававшее право на трактовку предметов божественных. Натурфилософия? Но в ней много спорного, недостоверного и неопределенного. Математика? Она требует много сил и времени. В итоге, автор остановил свой выбор на трех науках – этике, политике и литературе. Именно они, по его мнению, учат истинной философии, необходимой, чтобы хорошо и достойно прожить жизнь. Однако так думали не все.

Многие современники автора полагали, что для развития ума и души полезнее всего именно занятия математикой. Декарт, Паскаль, Лейбниц и многие другие утверждали, что только математические занятия (возможно, вкупе с натурфилософскими) позволяют нам прожить достойную и добродетельную жизнь. Иными словами, математические и натурфилософские штудии не только обогащают наши знания о мире, но и благотворно действуют на нас самих, оттачивая наши умы и облагораживая и укрепляя наши души, развивая наши познавательные и эмоциональные способности. В свою очередь усовершенствованные умы и души оказываются наилучшими инструментами для совершенствования наук.

Впрочем, многие моралисты, теологи и философы XVII в. опасались, как бы математические и натурфилософские труды не отвлекли нас от Бога и от «нужд низкой жизни». Поэтому они напоминали, сколь важно заниматься науками не ради их самих, но непременно

---

[134] Математика стала пониматься как универсальная наука о порядке вообще, об отношениях и структурах, охватывающая сущности, ранее представлявшиеся нематематическими по своей природе (движение, интенсивности и т. д.). Джозеф Глэнвиль (Glanvill J.; 1636 – 1680), вспоминая платоновский образ Бога-геометра, замечает: «Вселенная должна быть познана тем искусством, посредством которого она была создана» (Glanvill J. Plus Ultra, or the Progress and Advancement of Knowledge since the Days of Aristotle. In an account of some of the most remarkable late improvements of practical, useful learning: to encourage philosophical endeavours. Occasioned by a conference with one of the notional way. – London: Printed for J. Collins, 1668. – P. 25), т. е. числом и мерой. Математика, таким образом, стала суверенным языком культуры, универсальным способом воспроизведения вещественно-природных связей. Декарт задумывает и реализует программу «введения ... арифметических (фактически, алгебраических. – *И. Д.*) терминов в геометрию» (Descartes R. Oeuvres. In 11 tt. / Publiées par Ch. Adam et P. Tannery. Paris, 1897 – 1913. (Reedition: Paris, 1964 – 1974). T. VI. P. 370) и «выражения» геометрических фигур алгебраически, преодолевая тем самым запрет Аристотеля. Тяжкий грех метабасиса стал добродетелью, а математические операции трансформировались в зримые формы и фигуры, что и дало Декарту возможность преобразовать физику причин в физику наглядных образов. Более того, сама математика понимается теперь не только как язык описания природных явлений. Математические (в первую очередь – геометрические) объекты стали рассматриваться как истинные элементы вещей, их начали находить там, где ожидали встретить чисто физические причины, и трактовать «как форму предмета самого по себе, форму предмета, полученного в результате изолирующего эксперимента, т. е. предмета безусловного, всеобщего, действительного и необходимого, такой объект становится основанием критики всей чувственности» (Ахутин А. В. История принципов физического эксперимента: от Античности до XVII в. – М.: Наука, 1976. – С. 220). Все многообразие чувственных восприятий – запах, цвет, вкус и т. д. – было при этом отнесено к феноменам субъекта или объект-субъектных отношений.

[135] Этим автором был французский моралист Ш. Сент-Эвремон (*Saint-Evremond Ch. de Marguetel de Saint-Denis, seigneur de*; 1613 – 1703), сочинение которого называлось *Jugement sur les sciences ou peut s'appliquer un honneste home* (*Saint-Évremond Ch. de Marguetel de Saint-Denis*. Oeuvres en prose. En 2 TT. / Textes publiés avec introduction, notices et notes par René Ternois. – Paris: Marcel Didier, 1965. (Société des textes français moderns). T. 2. – Pp. 6, 11, 12).

думая о получении полезных результатов (для пользы ближнего) и *ad maiorem Dei gloriam inque hominum salutem*. Да, науки могущественны, но и опасны: они могут развивать интеллект, но могут и отвратить его стремления жить достойно, в первую очередь это касается чрезмерно абстрактных и алгоритмизированных методов математики и логики, скажем, алгебраических вычислений. Особенно опасно «автоматическое» (механическое, неотрефлексированное) использование математических методов и научного инструментария. Поэтому у Декарта, Паскаля и Лейбница (среди выдающихся мыслителей эпохи интеллектуальной революции именно эта тройка наиболее эффективно сочетала собственно философскую деятельность с занятиями математикой и натурфилософией) столь ясно проявилось стремление интегрировать математические практики в философскую рефлексию.

Подобная моральная ориентация и мотивация исследований в области математики и натурфилософии имеет глубокие экстранаучные причины. Западно-европейская культура рубежа XVI и XVII столетий была насыщена возможностями одновременного реформирования и личности, и знания о мире. Идеалы реформирования и того, и другого могли быть (и были) различными: «Духовные упражнения» И. Лойолы, «Опыты» М. Монтеня, «О мудрости» П. Шаррона и т. д., но конечная цель была одна: создать элиту, наделенную особыми умственными, духовными и моральными способностями и добродетелями. И занятия математикой должны были стать тем «духовным упражнением», которые могли помочь в реализации указанной цели. Но это уже другая тема, которой будет посвящена моя следующая публикация.

UNDERPERFORMANCE В ТЕОРИИ И УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПРАКТИКЕ[1]

А.Н. Олейник
Институт международных экономических и политических исследований РАН

Аннотация: *В настоящей статье предпринята попытка применить понятие underperformance к анализу российской научной среды. Автор обращает внимание на тот факт, что объём располагаемых российскими научно-исследовательскими организациями денежных ресурсов вполне сопоставим с аналогичными показателями на Западе. Однако при этом их продуктивность, измеряемая в числе и качестве публикаций, остается крайне низкой. По мнению автора, это объясняется тем, что существующая система стимулов ориентирует ученых и исследователей на поиск и захват ренты, а не на собственно научно-преподавательскую деятельность и осуществление инноваций. Как следствие, надежды на переход от экстенсивного к инновационному типу развития российской экономики остаются весьма призрачными.*

Ключевые слова: *эконометрический анализ эффективности научно-исследовательских организаций, феномен underformance, конкурентоспособность, рента, инновации.*

В экономической литературе активно используется понятие underformance, то есть неспособность экономики или фирмы достичь рассчетных показателей, которые отражают степень их обеспечения ресурсами. Иными словами, при наличных ресурсах национальная экономика должна расти быстрее, а фирма – получать бóльшую прибыль, чем это происходит в реальности. Например, эконометрический анализ однозначно указывает на underperformance социалистических экономик в 1970-1980-ые годы не только по сравнению с развитыми капиталистическими странами, но и рядом развивающихся стран[2].

[1] В данном дискуссионном материале использованы идеи, первоначально выдвинутые автором в серии развернутых комментариев, опубликованных в газете «Ведомости»: «Реформа академии: Ужасы академического городка» (No. 185/1712 за 2.10.2006), «Реформа науки: Правила освоения» (No 33/2551 за 26.02.2010) и «Взятки в вузах: Высшая школа коррупции» (No 81/2599 за 6.05.2010).

[2] Weill L. On the inefficiency of European socialist economies relative to developed and developing economies // Journal of Productivity Analysis. – 2008. – Vol. 29. – No. 2. – Pp. 79-89.

Феномен underperformance может также наблюдаться и в научных и образовательных организациях, прежде всего университете. Специфика таких организаций с этой точки зрения заключается лишь в том, что критерии их эффективности будут несколько иными. Так, вместо прибыли более релевантным критерием представляются такие показатели, как число публикаций в ведущих изданиях, количество студентов и востребованность выпускников на рынке. Деньги при этом выступают в роли одного из основных ресурсов, а не результатов деятельности. Впрочем, если наука не представляет собой автономную функциональную подсистему «сложного» общества с присущими только ей критериями значимого, то для оценки эффективности научных и образовательных нередко применяют и заимствованные из других сфер показатели эффективности: например, объем привлеченных денежных средств[3].

В настоящей статье предпринята попытка применить понятие underperformance к анализу российской научной среды. Согласно рабочей гипотезе, в отдельных случаях объем располагаемых российскими научно-исследовательскими организациями денежных ресурсов приближается к аналогичным показателям на Западе. Однако при этом их продуктивность, измеряемая в числе и качестве публикаций, остается несопоставимой. Возможное объяснение underperformance в науке аналогично тому, которое упоминается в более широком контексте underperformance: существующая система стимулов ориентирует ученых и исследователей на поиск и захват ренты, а не на собственно научно-преподавательскую деятельность и осуществление инноваций. Если данное предположение верно, то надежды на переход от экстенсивного к инновационному типу развития российской экономики весьма призрачны, ведь даже внутри науки инновации генерируются не благодаря существующим институциональным соглашениям, а во многом вопреки им.

Для сравнительного анализа выбран ведущий российский университет: по критерию среднего балла, полученного абитуриентами на Едином Государственном Экзамене Национальный Исследовательский Университет – Высшая Школа Экономики (НИУ-ВШЭ) занимает 4-ое место среди всех российских вузов[4]. Показатели его финансовой, научной и образовательной деятельности сопоставлены с рядом западных университетов, которые находятся в средней части национальных рейтингов университетов. Решение сравнивать одного из «национальных чемпионов» со средними по большинству параметров североамериканскими и западноевропейскими университетами сознательно: ведь если гипотеза об underperformance подтверждается для одного из лучших университетов, то еще меньше шансов ее опровергнуть в остальных случаях.

В американском случае взят университет, занимающий 143-ю строчку из 262 в рейтинге национальных университетов по версии журнала U.S.News & World Report[5]. В канадском случае использован рейтинг журнала Maclean's[6]. В этой стране университеты подразделяются на три категории: исследовательские (medical-doctoral), полноформатные (comprehensive) и специализирующиеся на программах для бакалавров (primarily undergraduate). Для сравнения взят университет, находящийся в середине списка полноформатных университетов (5-е место из 12). Во Франции за основу взят рейтинг университетов по версии газеты La Tribune. Выбран университет, характеризующийся средними показателями соответствия критериям, использованным при сравнении магистерских программ[7]. Включение в выборку неанглоязычного университета позволяет учесть языковой фактор при оценке количества публикаций в ведущих мировых научных изданиях.

---

[3] Попытка сопоставления в контексте образовательной деятельности собственных и заимствованных из других сфер критериев оценки предпринята в Oleinik A. Does education corrupt? Theories of grade inflation // Educational Research Review. – 2009. – Vol. 4. – No. 2. – Pp. 156-164.

[4] Данные журнала Форбс: http://www.forbes.ru/rating/luchshie-universitety-rossii-novyi-reiting-forbes/2010

[5] http://colleges.usnews.rankingsandreviews.com/best-colleges/rankings/national-universities/data

[6] http://oncampus.macleans.ca/education/2010/11/10/our-20th-annual-university-rankings/

[7] http://www.latribune.fr/static/palmares-universites/masters.php

Затраты без выпуска

Сопоставление объемов финансирования университетов позволяет заключить, что хотя общий объем годовых доходов НИУ-ВШЭ пока еще ниже, чем в остальных рассматриваемых случаях, он оказывается вполне сопоставим (Таблица 1). За исключением американского университета, где в операционный бюджет включена сумма (US$495 миллионов) полученного при его основании и впоследствии увеличиваемого за счет операций на фондовом рынке гранта (endowment), в других университетах размеры доходной части годового бюджета носят один и тот же порядок. К тому же следует учесть, что все университеты, за исключением НИУ-ВШЭ, предлагают программы как в социальных и гуманитарных, так и естественных науках. А последние требуют более значительных капитальных вложений в оборудование. Например, из бюджета университета «Мемориал» финансируется медицинский факультет с учебным госпиталем и клиникой, а так же один из крупнейших в Северной Америке Океанографических институтов с флотом учебных судов.

Таблица 1. «Основные показатели учебной, научной и финансовой деятельности Национального Исследовательского Университета – Высшей Школы Экономики за 2009 год в сравнительной перспективе»

	НИУ-ВШЭ	***University of Mississippi***	***Memorial University of Newfoundland***	***Université de Nantes***
Страна	***Россия***	***США***	***Канада***	***Франция***
Количество студентов в бакалавриате	12033	11948	14705	18968
Количество студентов в магистратуре	2272	1911 487 (Law school)	2653	12864
Общее количество студентов	14305	14346	17604	31832
Количество штатных преподавателей	1491	729	1047	1569
Количество административного и обслуживающего персонала	1241	1774	1490	1602
Количество проректоров (из них первых)	14 (4)	5	3	7
Количество деканов	12	10	6	12
Общие доходы, миллионов (в национальной валюте/в US$[8])	5670,4 рублей/ US$199,4	US$1580	CAN$332,1/ US$337.5	267€/ US$378,4
Средняя месячная заработная плата штатного профессора (до выплаты налогов)	126829 рублей/ US$4460	US$11458[9]	CAN$9705/ US$9864	4200€/ US$5952,2
Средняя месячная заработная плата штатного	64021 рубль/ US$2251	US$8398,7	CAN$7986/ US$8117	3500€/ US$4960,2

[8] Конверсия осуществлялась по курсу на 20.3.2011 по данным сайта www.xe.com.

[9] Средняя за 9 месяцев: во многих американских университетах профессорско-преподавательский состав не получает зарплату по основному месту работы в свободный от преподавания семестр.

доцента (до выплаты налогов)				
Среднее месячное вознаграждение ректора (или президента), учитывая бонусы (до выплаты налогов)	1277109,7 рублей/ US$44910,3	US$37231,3	CAN$22237,3/ US$22601,2	н.д.
Библиотечный фонд (печатные издания)	~74000	1900000+	~1900000	500000+
Число публикаций сотрудников в журналах, включенных в *ISI Web of Science* в период с 1.1 по 31.12.2009	45	1382	826	860

Источники информации:
http://www.mun.ca/ciap/FACT_BOOK_2009.pdf
http://www.caut.ca/uploads/2010_CAUT_Almanac.PDF
http://www.olemiss.edu/
http://www.olemiss.edu/depts/university_planning/institutional_research/faculty_and_staff/2009-2010/sug_salary_comparison_fall_2009_10.pdf
http://www.univ-nantes.fr/
http://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/cid22657/maitres-de-conferences.html#carriere-et-remuneration/
http://www.hse.ru/figures/

На эти деньги предоставляются образовательные услуги тоже сопоставимому числу бакалавров и магистров. Европейские университеты более «перенаселены», если судить по количеству студентов, приходящихся на одного штатного преподавателя. Не смотря на статус исследовательского, относительное число магистров в НИУ-ВШЭ отнюдь не выше, чем в остальных случаях.

Сопоставление средней заработной платы профессорско-преподавательского состава приводит к неожиданному выводу: вопреки расхожему мнению, отдельные российские университеты способны предложить вполне конкурентоспособную заработную плату своим сотрудникам, особенно учитывая относительно низкий уровень налогообложения в России. Зарплата профессора в НИУ-ВШЭ приближается к европейскому уровню, пока несколько отставая от североамериканского. Это даже позволяет данному вузу выйти на международный рынок академического труда: в 2008 г. к преподаванию в нем были привлечены 48 иностранных преподавателей и научных сотрудников, причем некоторые из них были включены в штат на постоянной основе[10]. Что касается заработной платы первых лиц, то она в НИУ-ВШЭ не только не ниже, а значительно выше установленной в двух североамериканских университетах (уровень зарплаты руководства университетов в Западной Европе не подлежит обязательному раскрытию)[11].

При сравнимости объема доступных финансовых ресурсов – как на уровне университета, так и на уровне отдельного преподавателя – показатели научной «производительности» в НИУ-ВШЭ на порядок отстают от других включенных в выборку университетов. Стоит

[10] Кузьминов Я. И. Об итогах деятельности ГУ-ВШЭ в 2004–2009 годах: доклад. – Москва: ГУ-ВШЭ, 2009, Приложение. – С. 44.

[11] Согласно официальной декларации о доходах ректора НИУ-ВШЭ, включенной в «Сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленные членами Правительства Российской Федерации за отчетный финансовый год с 1 января 2009 года по 31 декабря 2009 года».

учесть, что университет имеет статус исследовательского, то есть ориентированного прежде всего на производство, а не трансляцию знаний[12]. Преподаватели и исследователи НИУ-ВШЭ в 2009 году опубликовали в ведущих международных академических изданиях, включенных в наиболее авторитетную базу данных ISI Web of Science (включающую в себя Science Citation Index и Social Science Citation Index), лишь 45 работ[13]. И это не смотря на выплату материальных бонусов (денежных надбавок) за каждую публикацию в международных изданиях. Вообще говоря, наблюдается некоторая позитивная динамика этого показателя: 26 публикаций в 2007 году, 33 – в 2008 году и 56 в 2010 году. Но эти темпы абсолютно недостаточны для «догоняющего развития» (catching up), то есть выхода в обозримом будущем на уровень научной производительности любого другого из сравниваемых университетов.

Другим аргументом в подтверждение тезиса об underperformance НИУ-ВШЭ может служить тот факт, что при сопоставимости операционного бюджета библиотечный фонд в этом университете на порядок ниже. А ведь хорошая и своевременно пополняемая библиотека является одним из важнейших компонентов научной деятельности, позволяя исследователям ссылаться в своих работах на последние исследования в той или иной области, а значит и увеличивать шансы их принятия к публикации в ведущих журналах. Причем в социальных науках книги нельзя полностью заменить доступом к электронным базам журнальных статей, ибо формат монографии остается по-прежнему одним из наиболее востребованных при публикации результатов исследований (в отличие от естественных наук).

Внутри «чёрного ящика» университета

В кибернетике и науках об управлении при моделировании сложных систем используется аналогия «черного ящика». Происходящее внутри этого ящика недоступно для наблюдения, зато можно манипулировать факторами на его входе (ресурсы) и выходе (полезный эффект). «Для управления очень сложными системами необходимо применять такие методы манипулирования входами и классификации выходов, которые связаны с анализом и причин, и следствий»[14].

Неоклассическая экономическая наука долгое время – до публикации работ Рональда Коуза[15] – рассматривала фирму и другие организации именно в качестве «черного ящика». Внутри него ресурсы – капитал и труд – превращались в конечный продукт или услугу. Институциональная экономика попыталась взглянуть внутрь «черного ящика», сделав акцент на таких элементах организационной структуры, как тип лежащих в ее основе контрактов, отношения принципал-агент, система стимулов, система мониторинга и контроля и так далее. Данный подход вполне может быть применен и к анализу университета как особого типа организации. Он призван помочь вскрыть источники underperformance внутри самой организации.

Принципалы и агенты

Как и любая другая организация, университет функционирует на основе властных отношений. Они присутствуют и в аудитории, и на кафедре, и в деканате или ректорате. Власть

[12] Пьер Бурдье в этой связи различает два типа ученых: лекторе (трансляторе существущий знаний) и аукторе (создателе новых знаний), Bourdieu P. Qu'est-ce que faire parler un auteur? // Sociétés et representations, numéro spécial 'Michel Foucault Surveiller et Punir*:* la prison vingt ans après', 1996. – P. 14.

[13] Поиск был осуществлен 20.3.2010 с испльзованием ключевых слов 'Higher Sch[ool]' AND 'Russia' в поле «Адрес автора».

[14] Бир С. Кибернетика и менеджмент. – М.: URSS, 2006. С. 77.

[15] Коуз Р. Фирма, рынок и право. – М.: Дело, 1993.

структурирует как взаимодействия между преподавателями и студентами, так и контакты в самой профессорско-преподавательской среде. Пьер Бурдье вообще утверждает, что отличительной чертой действующего в научной среде индивида – он называет его homo academicus – является стремление к получению большей власти[16], что отличает его от утилитарно ориентированного homo œconomicus.

В случае НИУ-ВШЭ внутренняя иерархия имеет особенно сложный и многоуровневый характер. Если по общей численности административного и обслуживающего персонала НИУ-ВШЭ несколько отстает от других включенных в выборку университетов, то по количеству «первых лиц» этот вуз безусловный лидер. Это может указывать на определенный дисбаланс между, с одной стороны, количеством «генералов» и, с другой стороны, количеством «офицеров» и «солдат», принимающий особенно наглядные формы в российской армии. Примечательно, что большое количество проректоров, в том числе первых, противоречит ограничению количества заместителей руководителя двумя лицами, который активно отставало руководство НИУ-ВШЭ в процессе административной реформы государственного аппарата 2003-2008 годов.

Данный перекос в иерархической структуре, во-первых, ложится тяжелым бременем на операционный бюджет, ибо «генеральские» должности по определению дороже (в смысле окладов и расходов на содержание заместителей и секретариатов). По уровню вознаграждения «первых» лиц НИУ-ВШЭ не только не отстает от других сравниваемых вузов, но и значительно опережает их, если судить по уровню заработной платы и бонусов его ректора[17]. Во-вторых, он сказывается на системе стимулов, делая для исследователя административную карьеру еще более привлекательной, чем сугубо научно-исследовательскую деятельность (то есть усиливая ориентацию homo academicus на аккумулирование административных позиций). Зачем писать (и многократно перерабатывать на основе полученных комментариев) статьи и книги, если участие в бюрократическом документообороте сулит большие преимущества, выражающиеся как в статусе, так и в уровне дохода?

Отсюда риск «окапывания в офисах» (managerial entrenchment), то есть несменяемости занимающих высшие административные должности по нескольку сроков кряду. Ректор НИУ-ВШЭ, к примеру, не сменялся с момента основания университета в 1992 году, тогда как в многих западных университетах действует ограничение на количество сроков, в течении которых одно и то же лицо может занимать высший исполнительный офис (по аналогии с ограничением двумя мандатами максимального срока президенства в США).

Здесь следует подчеркнуть еще один аспект. НИУ-ВШЭ, как и любой другой российский вуз, заключает со своими штатными сотрудниками долгосрочные трудовые договоры. Согласно статье 332 Трудового кодекса РФ, эти договоры должны перезаключаться на конкурсной основе не реже чем раз в пять лет. Иными словами, институт пожизненного найма после 5-8-ми летнего испытательного срока, tenure, практикуемый в Северной Америке, здесь отсутствует. При перезаключении договора всегда можно найти, к чему придраться, учитывая отсутствие абсолютных критериев научной и преподавательской производительности (особенно при отсутствии включенных в ISI Web of Science публикаций[18]). В результате не только свобода ученого при определении программы исследований оказывается под угрозой, но и возрастают стимулы к получению внеконтрактных гарантий занятости в виде уста-

[16] Bourdieu P. Homo academicus. – Paris: Ed. de Minuit, 1984.

[17] Попытка выяснить систему вознаграждения проректоров и других занимающих административные позиции лиц (прежде всего, деканов), закончилась неудачей: на официальный запрос в планово-финансовое управление НИУ-ВШЭ 28.02.2011 был получен отрицательный ответ: «это руководители университета и такие данные точно представлены не будут».

[18] Даже их наличие не стало препятствием против отказа экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова продлить трудовой договор с автором этой статьи в декабре 2003 года, тогда занимавшего должность старшего научного сотрудника этого вуза.

новления «хороших отношений» с руководством, или, еще лучше, собственно занятию руководящей должности.

Раздача слонов

Другим возможным источником организационной неэффективности является система распределения средств на исследовательские и образовательные (в рамках программы «Учитель и ученики») проекты. Бюджет Научного Фонда, через который финансируются индивидуальные исследования сотрудников, их поездки на научные конференции и семинары, а так же проекты с вовлечением студентов «Учитель и ученики», составил 50,5 миллионов рублей в 2009 году и 76,3 миллионов в 2010 году[19]. Формально указанные средства распределяются на конкурсной основе. В реальности процесс имеет ряд сходных черт с «раздатком» или «редистрибуцией», представляющих собой систему распределения редких ресурсов, альтернативную конкурсной.

При использовании «раздатка» или «редистрибуции» ресурсы распределяются «по чину», то есть в соответствии с местом, занимаемым заявителем в иерархической системе[20]. При этом критерий эффективности их использования с точки зрения декларируемых целей (например, способность достижения результатов, которые имеют шансы быть опубликованными в ведущих международных журналах) оказывается менее релевантным.

На «редистрибутивные» принципы распределения средств на исследовательские и образовательные проекты указывают следующие факты. На официальном форуме НИУ-ВШЭ преподаватели факультета права разместили несколько постов, в которых они выражают свое возмущение фактом систематической поддержки заявок одного из близкого к руководству факультетом сотрудников, чей список публикаций и прочие достижения на научно-образовательном поприще «оставляют желать лучшего»[21]. Примечателен ответ представителя руководства вуза: данная информация не заслуживает внимания, ибо «почти все заявки [поступившие на последнем конкурсе от преподавателей факультета права, в том числе и «проблемная»] удовлетворены».

Если «качественный» пример выглядит неубедительно (тем более, что не все подписанты раскрыли свои имена – видимо, перезаключение контрактов у многих из них не за горами), то обратимся к количественному. На факультете социологии четыре кафедры (не считая кафедр, открытых различными компаниями по изучению общественного мнения). За последние шесть лет представители одной из них – по стечению обстоятельств возглавляемой членом руководства вуза – получили больше грантов, чем работающие на остальных трех вместе взятых (Таблица 2).

Таблица 2. «Распределение поддержанных заявок на получение индивидуальных исследовательских и образовательных (по программе «Учитель и ученики») грантов между кафедрами социологического факультета НИУ-ВШЭ»

Кафедра		***2005***	***2006***	***2007***	***2008***	***2009***	***2010***	***всего***
X	Инд. Гранты	1	1	0	0	2	2	6

[19] Данные с официального сайта НИУ-ВШЭ: http://www.hse.ru/figures/image.html?i=48486.

[20] Бессонова О. Раздаточная экономика России. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 8-11; Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С. 108-115.

[21] Форум НИУ-ВШЭ:
http://forum.hse.ru/newforum/index.php?t=msg&th=17881&start=0&S=a71d813bdb4a852904ec0c85725b150f
http://forum.hse.ru/newforum/index.php?t=msg&th=18726&start=0&S=56537a6ea8357e7e5da3e49cc7aef3d6.

Автор благодарен студентам, слушавших его курс «Институциональные теории государства» на факультете прикладной политологии НИУ-ВШЭ весной 2011, за обращение его внимания на данный случай.

	Образ. Гранты		0		0		0	0
Y	Инд. Гранты	0	0	0	0	0	0	0
	Образ. Гранты		0		0		0	0
Z	Инд. Гранты	0	1	1	1	2	0	5
	Образ. Гранты		0		1		1	2
W	Инд. Гранты	1	4	0	1	2	4	12
	Образ. Гранты		1		2		1	4

Источник информации:
Данные о поддержанных в Научным Фондом НИУ-ВШЭ заявках:
http://www.hse.ru/science/scifund/uu
http://www.hse.ru/science/scifund/uu

При распределении денег на исследовательские и образовательные проекты институциональные гарантии транспарентности этого процесса отсутствуют, равно как и механизмы обратной связи между подающими заявки лицами и теми, кто принимает решения. Так, от анономных рецензентов требуется обоснование отклонения заявок, но эти документы доводятся до сведения заявителей только по специальному запросу последних (в Северной Америке по результатом конкурсов исследовательских заявок до сведения их авторов доводится не только окончательное решение, но и его мотивированное обоснование). Апеллирование решений по заявкам на гранты невозможно, даже если они были приняты с процедурными нарушениями (например, в условиях конфликта интереса, о чем ниже) или их обоснование содержит фактические ошибки.

Особого внимания заслуживает отсутствие формальной политики в отношении конфликта интереса. Именно такая политика позволяет избежать обвинений в предвзятости при распределении средств на исследовательские и образовательные проекты: наличие родства, дружеских отношений, общих финансовых и даже научных интересов (например, в результате принадлежности к одной и той же научной «школе») между подающим заявку лицом и рецензентом не допускается. На сегодняшний день большинство университетов в Северной Америке (в том числе все канадские университеты) имеют формальные правила, минимизирующие вероятность конфликта интересов и регулирующие поведение сторон при его возникновении. Например, в университете «Мемориал» принято достаточно широкое определение конфликта интереса: «Конфликт интереса возникает в любой ситуации, когда есть угроза расхождения личных интересов сотрудника и его или ее обязательствами по отношению к университету, так что независимый наблюдатель будет сомневаться, не продиктованы ли решения и поступки сотрудника прежде всего соображениями личной выгоды, принимающей как материальную, так и иные формы»[22].

Наличие писаных правил в отношении конфликта интересов, а так же механизмов их применения (enforcement) служит одной из основных предпосылок снижения коррупционности при распределении денег на исследовательские и образовательные проекты. Ведь согласно одному из предложенных в институциональной экономике определений коррупции она сводится к любому оппортунистическому отклонению от исполнения организационной роли (описанной в должностной инструкции, регламенте, профессиональной этике). «Коррупция в организации предполагает вовлеченность как минимум двух субъектов, X и Y, из которых по крайней мере Y играет формальную роль в этой организации. Установленная в рамках организации роль обязывает Y следовать некоему набору этических правил, как минимум некоторые из которых производны от официально декларируемых организацией целей. X сознательно пытается добиться нарушения Y по крайней мере одного из таких этических правил,

[22] MUN Conflict of Interest Policy: http://www.mun.ca/policy/status/Conflict_of_Interest_-_Final_Draft.pdf

причем и X, и Y осознают данный факт. Имея возможность вести себя иначе, Y тем не менее нарушает это правило в интересах X»[23].

Например, в случае организации поступления абитуриента (X) в вуз за взятку, сотрудник приемной комиссии или организатор олимпиады (Y) ставят ее участников в неравные условия. Аналогична конфигурация отношений, возникающая при конкурсном распределении грантов, только здесь и X (податель заявки), и Y (член конкурсной комиссии или рецензент) оба играют формальную роль в организации. Примечательно, что заявка автора настоящего материала на участие в ежегодной конференции НИУ-ВШЭ с докладом о различных формах коррупции в университетской среде – от взяток при поступлении до «распила» (то есть распределения в соответствии с индивидуальными или узкогрупповыми интересами) денег на исследовательские и образовательные проекты – была отклонена «ввиду ограниченности числа работ, которые могут быть [на ней] представлены».

Стимулы к захвату ренты

По сравнению со средней, базовая заработная плата штатных сотрудников НИУ-ВШЭ относительно невелика: месячный оклад профессора, доктора наук, составляет 28 тыс. рублей плюс 8 тыс. автоматически начисляемой «стимулирующей» доплаты[24]. Получаемые в итоге 37 тыс. не идут ни в какое сравнение с 126,8 тыс. рублей (1:3,4), получаемыми профессором в среднем (см. Таблицу 1). Аналогичный разрыв наблюдается и с оплатой труда доцента, кандидата наук: 26 тыс. против 64 тыс. (1:2,5). Разница между базовой и средней заработной платой объясняется просто: существует сложная система различных бонусов и доплат: от 20 тыс. в месяц «за академическую работу» до 40 тыс. в месяц (в течении 2-х лет с момента публикации) за статью, увидевшую свет в зарубежном рецензируемом журнале.

Казалось бы, при таких условиях все штатные сотрудники только и будут делать, что публиковать свои статьи в ведущих зарубежных журналах. Этого, однако, не происходит. Возможная причина кроется в искажении выстраиваемой в НИУ-ВШЭ системы стимулов, причем сразу по нескольким направлениям. Два из них были указаны ранее: многие надбавки выплачиваются за занятие административных должностей, то есть их дают «по чину». Для получения других надбавок, например, «за вклад в научную репутацию НИУ-ВШЭ» (40 тыс. в месяц), требуется установление «хороших отношений» с руководством вуза, ибо эти надбавки выплачивают по решению состоющей из его представителей комиссии.

Другие направления искажения системы стимулов тоже заслуживают внимания. Во-первых, низкая доля базовой ставки в средней зарплате может приводить к использованию сотрудниками излише рискованных стратегий получения как научного, так и общественного признания. Иными словами, в таком случае увеличивается «субъективный риск» (moral hazard)[25]. Вуз – это, конечно, не шахта, где занижение базовой заработной платы ведет к опасному для жизни игнорированию техникой безопасности, но и здесь «девиантные» стратегии получения бонусов способны нанести много вреда организации.

Во-вторых, сложившаяся система оплаты труда основана на предположении, что на самом деле профессорско-преподавательский состав ведет себя согласно модели homo œconomicus. Его представители занимаются исследованиями и пишут статьи не для того, чтобы открыть что-то новое, а чтобы получить дополнительную материальную полезность. В конечном счете стимулируется не собственно инновационная деятельность – с помощью масштабных инвестиций в библиотеку, в защиту интеллектуальной собственности и ав-

[23] Hodgson G. & Jiang S. The Economics of Corruption and the Corruption of Economics: An Institutionalist Perspective // Journal of Economic Issues, Vol. 41, No. 4, 2007, p. 1053.

[24] «Окна роста» НИУ-ВШЭ за 18.1.2011: http://www.hse.ru/data/2011/01/18/1208079129/Okna_21_scheme.pdf

[25] Милгром П. и Робертс. Дж. Экономика, организация и менеджмент. – Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2001, т. 1. – Гл. 6.

торских прав (автор настоящего материала потратил больше года, пытаясь пресечь несанкционированное испольование написанной им учебной программы другой кафедрой НИУ-ВШЭ), в развитие исследовательской инфраструктуры (обеспечение преподавателей отдельными офисами, покупка подчас дорогостоящих институциональных лицензий специализированных компьютерных программ, например, для контент-анализа) – а поиск ренты. Инноватору в таких институциональных условиях просто не выжить: он или она будут попросту неконкурентоспособны по сравнению homo academicus и homo œconomicus.

Заключение

Сделанный весьма предварительным образом вывод о том, что один из лучших российских университетов в области социальных наук underperforms ввиду значительных искажений в сложившейся системы стимулов, может показаться излишне категоричным и пессимистичным. Действительно, для его подтверждения требуется более масштабные сопоставления результатов научной и образовательной деятельности университетов в зависимости от объема располагаемых ими ресурсов и организационной структуры, в том числе с использованием эконометрического моделирования. Данный материал носит характер дискуссионного и поставленная при его написании цель будет достигнута, если такое более масштабное исследование состоится.

Другим оправданием резкости в постановке акцентов является сама специфика анализируемого случая: НИУ-ВШЭ претендует на официальный и неофициальный статус места, где воспитывают завтрашнюю элиту. Последовательные сторонники демократии утверждают, что без опыта ее практического применения в повседневной жизни – на рабочем месте или на университетской скамье – демократия на макро-уровне не заработает[26]. Поэтому приобретаемый в университете опыт важен не только с точки зрения вложений в человеческий и социальный капитал, но и с точки зрения навыков публичных действий, как студентов, так и преподавателей. Если они не носят демократического и транспарентного характера даже в «оплоте либерализма», то о какой модернизации и смене вектора развития с экстенсивного на инновационный может идти речь?

[26] Dahl R. After the Revolution? Authority in a Good Society. – New Haven, CT and London: Yale University Press, 1990.

Должное и сущее

ДУХОВНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[1]

В.Н. Порус
Государственный университет – Высшая школа экономики

Аннотация: *В статье рассматривается духовность, как фундаментальная основа социального единства; варианты трактовки её оснований, природы и смысла, критерии её вырожденности и полноценности, условия её существования и исчезновения.*

Ключевые слова: *духовность, бездуховность, личность.*

Спорами о духовности заполнено информационное пространство России. И какими спорами! Листать страницы Интернета, выданные «поисковиками» по запросу «российская духовность» – что окунаться в «котлы кипучие»: бурлят и пузырятся страсти, спорщики почем зря поносят своих действительных и воображаемых противников, взаимные оскорбления, готовность вписаться в «дискуссию», не разобравшись в ее сути, не поправив даже грамматических ошибок в своих писаниях… Оппонент твоих личных воззрений – враг народа! Без преувеличения, в информационной среде идет гражданская война, и линия фронта резче даже не там, где затронуты «материальные интересы» тех или иных групп сограждан, а там, где сталкиваются мировоззренческие позиции.

Что, пожалуй, общее даже для самых ярых комбатантов, так это признание, что с духовностью у нас дело из рук вон плохо. Кризис! Катастрофа! (Похоже на карканье ворон над мусорной свалкой). С этим согласны все или почти все. Встречаются, правда, и забавные (почти пародийные) выступления, в которых российская духовность сопоставляется с чем-то похожим «не у нас», чаще – «на Западе», и это сопоставление – в нашу пользу (то ли «там» еще хуже, то ли «у нас» совсем не плохо!). А как сопоставлять? Разумеется, по чему-то соизмеримому и подобному. Например, назовем «духовностью» такое свойство людей, благодаря которому они читают книги, смотрят кино, слушают музыку, а то и молятся – в храме ли, приватным ли образом, не суть дела. Тогда можно сравнивать духовность «у нас» и «у них» – по числу (на душу населения) электронных «ридеров», наушников, вдавленных в ушные раковины и струящих в мозг мелодии и ритмы, по кассовым сборам кинотеатров, по плотности толпы прихожан и так далее, в том же духе. И даже определять *рейтинг духовности* различных стран (такие предложения есть, ей-ей, не шучу, не верите, посмотрите сами[2]) по уровню грамотности, количеству посещений кино и театров в единицу времени, по знанию

[1] В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0065 «Эпистемологический анализ проблемы культурной идентичности», реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012-2013 гг., а также в рамках исследовательского проекта «Субъект и культура: основы междисциплинарного исследования проблемы», поддержанного Центром фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ, ТЗ 55, 2012 г.

иностранных языков и т. п. Думаю, по таким критериям можно определять рейтинги духовности не только стран и континентов, но и отдельных городов и весей, а то – устроить «зачеты», скажем, для членов партии «Единая Россия». Отличников поощрять, отстающих – посылать на курсы повышения духовности.

Но все-таки преобладают более серьезные мнения о плачевном состоянии духовной культуры в России, и отдельные оптимистические высказывания не меняют общей картины. Я уже писал об этом, приводя данные социологов РАГС при Президенте РФ, опубликованные в 2005 г.[3] Думаю, такие исследования, проведенные сегодня, если изменят эту картину, то в сторону более мрачных констатаций. Оппоненты, имеющие разные мнения о культурном кризисе, о его причинах, истоках и перспективах, согласны, по крайней мере, в том, что кризис *продолжается и углубляется*[4], и соревнуются в его описаниях, характер которых, естественно, зависит от понимания того, что такое «духовная культура» или «духовность».

Водораздел – на разных уровнях, вплоть до «глубокой метафизики». Для многих участников спора характерно понимание «духовности» на уровне базовой оппозиции «духовное-материальное». Такая оппозиция зафиксирована, например, в «Толковом словаре русского языка»: «Духовность — свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными»[5]. Здесь тавтология: духовность есть преобладание духовного, но она скрадывается акцентом на «преобладании»[6]. Если мы понимаем, что такое «духовные интересы», то «духовность» – это их победа над прочими, сводимыми в кучу под названием «материальность». Оппозиция иногда прямо-таки поражает своей бескомпромиссностью. Вот лаконичная формула: «Духовность можно выразить через материальность как материальность со знаком минус»[7]. Это даже слегка пугает: *нормальный* человек с *материальными* интересами рискует оказаться в унизительном минусе, что касаемо до его духовности! Но уж как бы то ни было, при таком понимании причина кризиса очевидна: злостная инвазия «материальности» во все сферы нашего житья-бытья, уже почти приведшая к погибели духовности (торжествовавшей, видимо, когда привлекательной материальности было много меньше!).

На это указывают и результаты социологических опросов. По данным ФОМ (декабрь 2006 г.)[8], на вопрос «Выросла или уменьшилась духовность в современной России по сравнению с советским временем» респондентов, отвечающих «уменьшилась», вдвое больше, чем тех, кто думает, что «выросла» (45 против 23%). В чем уменьшение? Характерные ответы: «Всюду власть денег», но при этом «Всюду бедность, а бедным не до духовности, они озабо-

[2] Многообразие российской духовности. Сообщение о VI-й общероссийской конференции по вопросам развития страны (22.02.2008), организованной партией «Единая Россия», на сайте Центра социально-консервативной политики /[Эл. ресурс]. – Эл. текстовые дан. – http://www.cscp.ru/gallery/12/1/9514/, свободный.

[3] См.: Порус, В.Н. Обжить катастрофу. Своевременные размышления о духовной культуре России/ В.Н. Порус // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 24-36.

[4] «Современное состояние духовной культуры России следует квалифицировать как глубокий кризис, представляющий собой угрозу для национальной безопасности» (см.: Колин К.К. Духовная культура общества [Эл. ресурс]/ К.К. Колин. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://soratniki-online.ru/Blog/ViewPost.aspx?PostID=38598#firstCom-ment, свободный).

[5] Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., Азбуковник, 1999.

[6] Подобные тавтологии встречаются в самых авторитетных словарях и энциклопедиях. Ср.: «Духовность – высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности» (см.: Краткий психологический словарь/ Под общей ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. – Ростов-на-Дону, Феникс, 1998.). Какие человеческие ценности высшие? Разумеется, духовные! Значит, *духовность* есть уровень развития личности, определяемый *духовными ценностями* как регуляторами этого развития.

[7] Вальцев, С.В. Закат человечества. Книга о вырождении, охватывающем все новые народы и страны/ С.В. Вальцев. – М., Книжный мир, 2010.

[8] Духовность вчера и сегодня. Материал от 11.01.2007 на сайте «База данных ФОМ» / [Эл. ресурс]. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/whatsnew/-d0700120, свободный.

чены только своим выживанием», «Люди разобщены, каждый за себя, общество расслоено на массу бедноты и кучку богатеев», видимо, поэтому «Люди стали злее, агрессивнее, бессовестнее», «Общество поражено коррупцией, стяжательством, преступностью, бандитизмом», а значит – «Какая духовность там, где нет закона, где нравы уголовного мира?». Люди видят угрозу духовности, причину ее падения в пришествии «царства чистогана», в котором духовные связи извращены или разрушены, где человеческие чувства, скажем, любовь или дружба, да и мысли людей – предметы купли-продажи. Очевидно, что для многих «преобладание материального над духовным» – следствие перемен, в результате которых в России реставрированы основы рыночной экономики и соответствующей социально-политической структуры. Другие возмущены не самой реставрацией, а бандитскими формами, в какие она отлилась в постсоветский период. Как бы то ни было, предельно широко (и расплывчато) понятая «материальность» выступает в сознании респондентов как враг духовности, яд, которым отравляются религия, нравственность, интеллект, творчество.

Характерны ответы на вопрос «Что сегодня могло бы способствовать росту духовности в нашей стране?». Многие видят этот рост в усилении роли религии и церкви в общественной и культурной жизни – больше храмов, больше проповедей, религиозное просвещение и воспитание должны войти в государственную систему образования, «народ надо вернуть к вере в Бога». Государству следует усилить свою культурно-просветительскую и нравственно-охранительную роль: нужна цензура в средствах массовой информации, особенно на ТВ, необходимы запреты на «пропаганду секса и насилия». (Государству препоручается даже «борьба с пошлостью»!). Совместными усилиями государства и церкви должны быть не только поставлены заслоны всем видам «антидуховности», но и поднят уровень «духовного воспитания», ориентирования людей на «духовные ценности»: взаимную любовь, уважение друг к другу («Граждане! Будьте взаимно вежливы, уступайте места пассажирам с детьми, людям пенсионного возраста и беременным женщинам!» – призыв, особенно действенный в набитых битком вагонах московского метро!), совесть, доброта, отзывчивость, взаимопомощь, бескорыстность, доверие, снисходительность, милосердие. Надо, чтобы деньги (явный враг духовности!) не были приоритетом в жизни людей («Сравнять бедных и богатых, тогда, может быть, лучше будут относиться друг к другу»), устранить несправедливость (один из способов: посадить в тюрьму «олигархов», отняв у них наворованные богатства), заботиться о людях, особенно о пенсионерах (первоочередное: понизить оплату ЖКХ-услуг!) и детях, реализовать социальные программы, повысить уровень медицинского обслуживания и т. п. Все это невозможно при капитализме, поэтому «Либо капитализм, либо духовность», tertium non datur.

Заметим: рост духовности, считают многие, должен следовать за повышением *материального* уровня жизни и справедливым распределением общественного *богатства*, какого ждут от власти. Противоречит ли это утверждению о противоположности «материальных» и «духовных» интересов? Только по видимости. Но духовность убивают не сами по себе материальные блага, а несправедливое их распределение, засилье воров и жуликов, имущественное и социальное неравенство. Отсюда: если власть восстановит справедливость, духовность вернется – step by step – сама собой и возобладает, наконец, над пошлой и низкой материальностью.

Понятно, и сама власть должна перемениться, чтобы соответствовать этой великой задаче: «Рыба воняет с головы», «Заменить чиновников, вплоть до высших», но «Укрепить центральную власть, дисциплину, чтобы был порядок, чтобы перестали, наконец, воровать», «Все зависит от Президента», «Нужна политика государства по отношению к духовности», «Духовность надо пропагандировать», «Власть должна бороться с пьянством и наркоманией», «Власть должна объединять народ единой целью», «Нужна национальная идея», «Власть должна обеспечить стабильность, чтобы люди не боялись завтрашнего дня». Рецепты разные, среди них почти нет демократических призывов, зато встречаются такие:

«Власть должна выгнать из страны представителей других национальностей» (от них-то и угроза русской духовности!), «Укрепление страны способствует укреплению духовности» (речь, видимо, идет, прежде всего, о мощи Вооруженных сил и о военно-патриотическом воспитании), «Нужна сильная центральная власть» (хочется «твердой руки», что поддержит не только падающую экономику, но и духовность). Очень важна мысль о том, что власть должна принадлежать «духовному лидеру страны»; здесь уже речь о *слиянии* властных и духовных полномочий. Впрочем, слышатся и ноты отчаяния: «Слишком далеко все зашло», «Нашу духовность уже ничто не спасет», «Возврата нет».

Красноречивы цифры: из числа опрошенных каждый десятый видит зависимость роста духовности от повышения материального уровня жизни, почти столько же – в усилении роли религии в жизни людей, примерно по 5-6% предлагают усилить нравственное воспитание, ввести цензуру для СМИ, ограничить «власть денег», приобщать людей к культуре. Всего 3% говорят о необходимости экономических преобразований для подъема духовной культуры, еще 3% – о восстановление духовности через «экспроприацию экспроприаторов», по 2% – о приобщении к искусству и организации здорового досуга (спорт, экскурсии, художественная самодеятельность и пр.), об укреплении законности и борьбе с преступностью. Разочарованных пессимистов мало, всего 1%, но не намного больше и тех, кто предлагает «начинать с себя», т.е. понимают проблему духовности как личную, требующую для своего решения «внутренних усилий» (2%); зато людей, которые не смогли ответить на поставленный вопрос – почти половина (44%).

Мы видим, что относительное большинство респондентов понимает «кризис духовности» как беду, пришедшую «со стороны» (из-за происков врагов, падения экономики, разлагающего влияния капитализма, ослабления или вырождения власти, ложных ценностей, внедряемых в сознание через «продажные СМИ», распада системы воспитания и образования и т.п.). Но всего больше тех, кто не знает ни причин падения духовности, ни способов ее подъема (или просто не понимает вопроса!).

Подобные установки характерны не только для респондентов социологических опросов. Они просматриваются и в мнениях ученых, исследующих социальные процессы, связанные с тем, что называется «сферами духовной жизни». Вот одно из них: российское общество в его современном состоянии «глубоко дифференцировано», поэтому духовность «не распространяется теперь на все общество»; образование утратило функцию «трансляции духовности», оно ориентировано «на ценности массовой культуры», тогда как «духовность» характеризует «культурную традицию и элиту» (к кому относится последний термин?). Все это означает утрату «специфической сущностной характеристики российской культуры». Восполнить утрату – значит восстановить связь образования и духовности. Но как это сделать в условиях дезинтеграции и «глубокой дифференциации» общества? Ответ напрашивается: ликвидировать или, по крайней мере, приостановить процессы, создающие эти условия. А что это за процессы? Прежде всего, реализация «либерально-рыночной модели реформирования российской системы образования», которая ориентирована преимущественно на потребности глобального рынка образования и труда и «противоречит сегодняшним целям и ценностям национального развития». Вот эту модель и следует, мягко выражаясь, «скорректировать». В противном случае, единения духовности и образования не получится, а значит, не будет обеспечена «высокая конкурентоспособность российской экономики и российского общества в целом на мировом уровне»[9].

Ход мысли, скажем так, несколько странен. Итак, всему виной либеральная модель экономики, пустившая метастазы в систему образования, вследствие чего эта система оторва-

[9] Руденко, В.А. Образование и духовность в современном российском обществе: факторы и вектор диспозиции в процессе системных реформ: автореф. дисс. докт. социол. наук [Эл. ресурс]/ В.А. Руденко. Ростов-на-Дону, ЮФГУ, 2007 г. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://delist.ru/article/15042007_rudenkova/page3.html, свободный.

лась от духовности, что приводит к утрате специфики российской культуры (иные культуры, скажем, в странах Западной Европы или Северной Америки, такой «сущностной спецификой», ясное дело, не обладают, поэтому у них с духовностью, видимо, дело совсем плохо). Если так пойдет и дальше, мы потеряем шансы в конкуренции нашей экономики и «общества в целом»… с теми странами, в которых либеральная экономика (здесь не важно, какая именно модель таковой!) главенствует, что почему-то *увеличивает* их конкурентоспособность, хотя и оторвана от духовности! Или нам конкурировать не с этими странами? Но тогда что такое «мировой уровень»? И что такое конкуренция между «обществами в целом»?

Но не будем вникать в логические затруднения, возникающие, когда подобные мнения оформляются в концепцию и затем – в практические рекомендации. Важнее другое: и здесь духовность общества и отдельных людей ставится в зависимость от экономики и социальной политики властей, их реальных или мнимых достоинств и пороков. Иногда говорят и об обратной зависимости, но как-то сквозь зубы, «в сторону». Это не очень-то согласуется с противопоставлением «материальности» и «духовности». Но в любом случае «духовность» пытаются определить через множество ее явлений: что-то вроде обобщения по сходным признакам (духовность есть то общее, что имеется у людей, чьи интересы и устремления располагаются в сферах религии (веры), искусства, музыки, науки, чьи действия заслуживают высоких нравственных оценок и т. д.).

Вот характерный пример: «*Духовность – это атрибутивное свойство человеческой сущности, присущее субъекту умение и усилие приобщаться к культуре, востребовать и применять позитивные смыслы и опыт предыдущих поколений на практике; нравственно-этическое состояние субъекта, возникающее в процессе постоянно осуществляемого им выбора, трансцендирования к ценностям и идеалам, выходящим за пределы обыденных человеческих возможностей; процесс взаимодействия через него трансцендентного и имманентного*»[10]. Не сказать, что все ясно: что такое, например, «взаимодействие трансцендентного и имманентного» через «выбор, трансцендирующий к ценностям и идеалам, выходящим за пределы обыденных человеческих возможностей»? Но суть не в этом. В приведенном определении (как и во многих сходных с ним) – все тот же «логический круг», с каким мы уже сталкивались, внимая словарям: рассматриваются «духовные явления», анализируются их признаки, а затем, обобщая по этим признакам, приходят к определению «духовности» как таковой. Логический круг – плохой ориентир. И действительно, не ступив и шагу, мы попадаем в ловушку противоречий.

Например, если «духовность» – атрибут человеческой сущности, то по отношению ко всякому человеку уместна альтернатива: либо он – духовен, либо причислен к представителям рода человеческого по ошибке. Иначе, существование сего представителя совпадает с его сущностью или же лишено последней, «отчуждено» от нее. Следовательно, есть «бездуховные», которые и люди-то только по «акцидентальным признакам», но не по «эссенциально-атрибутивным». Чего же им не хватает? Умения и охоты *приобщаться* к культуре (значит, посещать концерты или храмовые проповеди, читать книги и любоваться пейзажами И. Левитана – это то, чего они не хотят или не умеют?). Способности и желания учиться умуразуму у старших и следовать их хорошим традициям (значит, *бездуховные* индивиды учились не у тех учителей, не тем традициям или оказались нерадивыми учениками, но, так или иначе, они «к добру и злу постыдно равнодушны»). «Трансцендирующего» выбора в пользу *духовных идеалов и ценностей* они сделать, конечно, не могут, а значит, не ощущают себя *нравственными* существами; они способны только покорно подчиняться установлениям власти («и перед властию – презренные рабы»). Так, может, они и правы? Не глупо ли стремиться к тому, что «выходит за пределы человеческих возможностей», и не лучше ли ко всеобще-

[10] Коневских, Л.А. Духовность как предмет философско-культурологического анализа: автореф. дисс. канд. филос. наук/ Л.А. Коневских. – Екатеринбург, УрГУ, 2008. – С. 8.

му примирению ограничиться пределами *существования* и не высовываться из них в поисках призрачной *сущности*?

Гляньте окрест себя, а то и в зеркало. Многих ли ваших знакомых характеризует стремление к недостижимому? Выходит, что «духовность» – удел гипотетической горстки избранных, посягающих на то, что *обыденным людям* недоступно в принципе. Так все-таки *обыденные* люди имеют какое-нибудь отношение к человеческой сущности или нет? Получается – нет, ибо какая же сущность без атрибута «духовности»?

Обидно, знаете ли. Себя я, признаюсь, из числа обыденных людей не исключаю. За что же меня отлучать от «духовности»? Впрочем, почему обидно? Потому, что «бездуховными» называют людей им в порицание. Быть духовным – хорошо, бездуховным – плохо. А на каком основании раздаются эти оценки? Почему «духовность» – это что-то высокое, а «бездуховность» – низкое, унизительное? Вот ведь некоторые психологи резонно замечают, что «дух» и «духовность» не обязательно коннотируют с «положительной высотой», но могут иметь и «отрицательный» смысл. Дух может быть «нечистым», «злым», «нищим», а проявления «духовности», соответствующие таким смыслам «духа», суть: варварство, ложь, культ насилия или смерти, идолопоклонство и т.п.[11] По сути же, положительные оценки привносятся из религии (кстати, не любой!): духовность связывается со Святым Духом, но не с «нечистой силой», противостоящей Ему из преисподней.

Если так, то «светские» рассуждения о духовности явно или неявно надстраиваются над базисными положениями христианской религии, что естественно, ибо современная европейская культура не только генетически связана с христианством, но и проникнута христианскими ценностями, даже учитывая, что многие и многие представители этой культуры эту связь считают анахронизмом. Но если философы или ученые хотят определять духовность, идя не от веры, а от опыта и логики, они не могут предпосылать *оценки духовности* еще не сделанным *выводам о ее природе*.

Кстати, и богословы, учитывающие влияние науки и научных ценностей в современном мире, иногда пытаются рассматривать духовность как «живой феномен», предстающий в многообразии исторически изменчивых форм[12]. Чтобы «распознать» эти формы именно как «духовные», а не какие-либо иные, следует исходить из некоего «пред-научного» понимания, и оно не может не быть религиозным: «Духовность затрагивает самую суть нашего человеческого существования – наше отношение к Абсолюту»[13].

Этим отношением проникнуты все сферы человеческого бытия, но в каждой из них оно имеет особые формы. Это «мирская духовность» (отношение к Абсолюту, как оно проступает в повседневной жизни, в экзистенциальных переживаниях, в семейных и дружеских связях, в образовании и воспитании, в здоровье и в болезни, в рождениях и смерти, в любви и вражде, в привязанности к родным местам и в охоте к их перемене и т.д.). Это «институты духовности», в которых воспитываемое и передаваемое через поколения «отношение к Абсолюту» выступает осознанной ценностью, главным ориентиром надежд и поступков, как то, чему служат и посвящают жизнь (христианское или буддистское монашество, ислам, даосизм, храмовая литургия, светские «школы мудрости», духовное искусство, учения пророков, утопии, экологические движения и пр.). В то же время это и «противодвижения», в которых духовность обретает иногда причудливые, но всегда взрывающие закостенелость традиций формы (юродивые, пророки-реформаторы, анахореты, мученики, изгнанники, провозвестники «конца времен»). В них возникают, укрепляются и развиваются мысли и чувства людей, связывающие их с источником и основанием их жизни, дающим ей смысл, последнее

[11] См.: Зинченко, В.П. Живое Знание. Психологическая педагогика (Материалы к курсу лекций)/ В.П. Зинченко. – Самара, Издательство Самарского ГПУ, 1998. – С. 189.

[12] См.: Ваайман, К. Духовность. Формы, принципы, подходы. Т. 1-2/ Пер. с нидерл./ К. Ваайман. – М., Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009.

[13] Там же. Т. 1. – С. xix.

обоснование, оправдание и утешение. Иначе сказать, в каждой из этих форм и во всей их совокупности люди находят свой путь к Богу, а значит, «очеловечиваются».

Итак, религиозное пред-понимание, и лишь затем – научное исследование феноменов духовности, которое должно прийти к совпадению с религиозным смыслом этого понятия, но уже на новой, обогащенной многообразным опытом почве. Тем самым, надеется К. Ваайман, наука о духовности становится спутником и союзником религии и богословия, они идут рядом, дополняя и поддерживая друг друга.

Поддерживая – потому что и религиозные представления, и научные обобщения жестко сопоставляются с реальностью, которая то и дело их опровергает. Если духовность – это исторически переменчивые, но все же постоянные в своей основе формы «любви», «доброты», «почтительности», «сострадания ко всему живому», «безграничной готовности к прощению», «милосердия», то они резко контрастируют с немилосердной, бессмысленно-беспощадной или безнадежно-равнодушной к человеку действительностью, а потому и выглядят чем-то странно-невозможным (как слова Иешуа о том, что «все люди добрые, злых людей нет», произносимые им уже на пороге мучительной и безвинной гибели от рук «добрых людей»), даже «идиотичным» (вспомним, как Ницше называл «идиотом» Христа, или слова и поступки «идиота» – князя Мышкина, «заброшенного» в мир Тоцких и Рогожиных). Идя рядом и не давая друг другу упасть под напором этих опровержений, религия и наука как бы связывают воедино смысл реальных фактов и событий с вечным смыслом священных текстов, в свете которых духовность и предстает как связь между Богом и человеком (то, что К. Ваайман называет «божественно-человеческим преображением»[14]).

В то же время, эти суждения создают поле напряжения между духовностью и жизненной реальностью, далекой от совершенства, требуемого этой связью. Оно захватывает как «внешние», так и «внутренние» формы духовности: ведь внутренний духовный мир человека может отчуждаться от внешних по отношению к нему духовных форм. Когда отчуждение заходит достаточно далеко, внутренняя духовность может вступить в жесткий конфликт с этим миром. И тогда не исключено (так часто и бывает), что это восстание внутреннего духа примет форму отрицания (протеста, сомнения, отталкивания). Не отсюда ли и оценки «отрицательной духовности», какие она получает от «внешнего мира духовности»? «Восстание» внутреннего духа может быть и его «последним падением»: вспомним, как этой диалектикой играл Байрон в своем «Каине»!

Но отчужденность все же может преодолеваться. Нужна активность «внутреннего духа», его напряженная работа, «интериоризирующая» формы «внешней духовности», преобразующая ее в *личную историю*. Поэтому духовность нельзя «вложить» в человека (так сказать, «одухотворить» то, что само по себе пассивно, когда человек, по словам Гамлета, подобен «губке»). Духовность нельзя «выучить» как таблицу умножения, заимствовать, присвоить. Она вырабатывается «изнутри» интеллектом, чувствами, а главное – деятельным участием человека в жизненных ситуациях, в которых он сталкивается с «внешними» (объективированными в культуре) формами духовности. И ощущается им как сила, что не только наполняет жизнь страданиями и радостями, надеждами и отчаянием, болью и наслаждением, но и придает им смысл, объясняющий и оправдывающий, соединяющий все их многообразие в единое целое, которое можно назвать «Лицом», «Личностью».

Без этой активности встреча с «внешними формами духовности» (жизненными традициями, произведениями искусства, религиозными учениями, философскими идеями, откровениями и образцами человечности) может стать столкновением застывших в мертвой безразличности «объектов». Тогда может статься, что человек отнесется к этим формам лишь как к памятникам (а то и надгробиям), вызывающим – когда любопытство, а когда – скептическое равнодушие или отторжение.

[14] Там же. С. 420.

Эту активность подчеркивал, даже отождествлял с нею «духовность», Н.А. Бердяев. «Дух и духовность перерабатывают, преображают, просветляют природный и исторический мир, вносят в него свободу и смысл», – писал он[15]. Сила, совершающая эту работу, считал философ, не возникает как результат некой природной эволюции, она изначальна, имманентна, сама свидетельствует о своем божественном происхождении. Духовность всегда субъективна, «объективная духовность есть бессмысленное словосочетание»[16], но можно говорить об «объективированных», то есть отчужденных или «омертвленных» формах духовности, которые хотя и необходимы для преодоления в человеке животной природы, но не достаточны для полной актуализации его духовной потенции.

Возможна ли такая актуализация? Это зависит от того, способен ли человек охранить и укрепить свою «богочеловеческую» связь. Если связь разрушена («гордыней» – иллюзией богоравности, отчаянием от невозможности найти опору духовности в вере, разочарованием, подстерегающим, когда работа «внутреннего» духа постоянно искажается или ее плоды уничтожаются сопротивлением «внешнего» мира), духовность может принять бесчеловечный и безбожный характер («торжество дьявола в борьбе за душу человека»). Поэтому все силы своей души человек должен употребить на поддержание в себе осознанного «богочеловечества».

Путь, на который философ зовет человека, пролегает в тумане, в котором можно и заблудиться. Если подлинное бытие человека – его духовная жизнь, и поиски Бога – поиски *свободные*, а значит, *не гарантированные*, – то богоподобие может быть измышлением гордыни, человекобожеством, враждебным Богочеловечеству. Так заблудился Кириллов из «Бесов» Достоевского. Этому человеку не откажешь в безудержной жажде свободы. Но его жизнью и смертью играет бес, и то, что Кириллов принимает за духовное пробуждение, есть его личная гибель.

Слово «должен» в рассуждениях Бердяева о духовности относится не ко всем людям, а только к избранным, добровольно взявших на себя бремя свободы. Следовательно, и духовность – удел отнюдь не всеобщий. Бердяевская «духовность» – то, что отличает «рыцарей духа», прочих – «обыденных» – людей еще надо «втащить в свободу», превратить в совладельцев духовных богатств. Вот так и делится человечество на неравные по числу и качеству части. Стадо и пастыри. Пастырь *должен* быть духовным, свободным. Стадо же примет (а примет ли?) духовность из его рук. Видимо, не замечая противоречия со своим же пониманием духовности, которая всегда *субъективна* и спонтанна, Бердяев видит в большинстве людей только *объекты*, в которые духовность еще нужно *вдохнуть*, воззвав к их пока еще скрытому для них самих «богочеловечеству». Впрочем, предприятие это ставит целью нечто недостижимое в границах истории, в которых происходит только подготовка мета-истории с ее божественным смыслом. И, следовательно, «духовность» есть предчувствие этого смысла, в котором ход истории предстает как «трагическое, все большее и большее раскрытие внутренних начал бытия, раскрытие самых противоположных начал, как светлых, как темных, как божественных, так и дьявольских, как начал добра, так и начал зла»[17]. Духовность – это способность глядеть в лицо истории, не отводя глаз ни от ее красоты, ни от ужаса, не подчиняясь ни тому, ни другому, без умилительного славословия или отрешенной созерцательности, но и без цинизма, прикрывающего пустоту и отчаяние; способность, благодаря которой людям – пусть не всем и не вдруг – дано осознать смысл «богочеловечества».

Но бердяевское понимание «духовности», очевидно, слишком аристократично, чтобы претендовать на всечеловечность. К нему – все тот же вопрос: как быть с духовностью «обыденных людей», чья вера в Бога проста как надежда на Его милость, но далека от горделиво-

[15] Бердяев, Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Бердяев, Н.А. О назначении человека/ Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – С. 321.

[16] Там же.

[17] Бердяев, Н.А. Смысл истории/ Н.А. Бердяев. – М., Мысль, 1990. – С. 150.

го чувства избранности на подвиг свободы? Тем паче: как быть с духовностью людей, далеких не только от веры, но и от стремления к ней? Осмысленно ли говорить о «безрелигиозной духовности», о которой надобно что-то знать еще прежде того, чтобы исследовать ее явления?

Что общего у религиозного и «светского» пониманий духовности? Как замечает В.А. Лекторский, общее в том, что «цели и смысложизненные ориентиры личности укоренены в системе над-индивидуальных ценностей». Для религиозной мысли эта система берет начало в сфере «трансцендентного» и транслируется в человеческий мир благой волей Создателя. Светское же понимание духовного «обычно связывается со сферами науки, морали и искусства, ибо считается, что человек, посвятивший себя познанию мира, творению художественных ценностей, приобщению к этим ценностям, демонстрирующий образцы нравственного поведения, тем самым заведомо обладает чертами духовности»[18].

Здесь источники человеческой духовности (но уже не атрибутивно-сущностной, ибо не всякий человек посвящает себя науке, морали и искусству, а о демонстрации *образцов* нравственного поведения говорить применительно к большинству людей было бы совсем уж неправдоподобно!) названы конкретно. Но В.А. Лекторский указывает на то, что «обычное связывание» духовности с перечисленными сферами мысли и действия встречается с трудностями. «Влиятельнейшая традиция западной философии и западной культуры, роль которой за последние триста лет была весьма существенной, утверждает, что для понимания действительного смысла науки, искусства и морали нет никакой необходимости прибегать к понятию духовности, что это понятие не проясняет, а только затрудняет понимание реального положения вещей»[19]. Эта традиция, идущая от идей европейского Просвещения, «переводит» любые разговоры о духовности на язык рационального, прежде всего, научного знания, освобождая их от постороннего влияния со стороны авторитетов, господствующих мнений, верований. И поскольку удовлетворительного перевода вроде бы не получается, эти разговоры утрачивают ценность и содержательность, вызывая сожаление или раздражение.

Действительно, замечает В.А. Лекторский, занятия наукой, с точки зрения этой традиции, не носят на себе следов того, что когда-то на ныне устаревшем языке философской метафизики называлось «духовностью». Они требуют развитого интеллекта и профессионализма, но «в них нет ничего такого, что противоречило бы пониманию человека как эгоистичного и своекорыстного существа»[20]. Такие слова, как «истина» или «объективность», хотя еще встречаются в эпистемологических или философско-научных словарях, но собственно над-индивидуальной ценностной нагрузки не несут, а обозначают лишь методологические ориентиры, которых по тем или иным соображениям придерживаются ученые (социологи науки выясняют и классифицируют эти соображения, часто приходя к выводам, что они связаны с весьма прозаическими целями и мотивами работы ученых – материальной выгодой, стремлением к высокой планке престижа, к доминированию в научном сообществе и пр.). Рассуждения в духе А. Пуанкаре или А. Эйнштейна о высокой духовности и нравственной высоте науки прекрасноловны, но к реальности отношения не имеют. Наука – одна из многочисленных профессий или форм бизнеса. Все прочее, как говорил в знаменитом романе Т. Манна Лаван обманутому им Иакову, горевавшему из-за того, что силу и слова любви он отдал не прекрасной Рахили, а подсунутой ему немилой ее сестре, «чепуха и пустое мудрствование».

То же самое – об искусстве. Оно может пониматься по-разному: в духе фрейдизма – как сублимация сексуального либидо, как компенсация несбывшихся мечтаний, как реализация неугомонного эстетизма, как сфера развлечений и досуга, как разновидность «символического обмена» (по Ж. Бодрийяру), участники которого, помимо того, что «развлекаются», еще и

[18] Лекторский, В.А. Духовность и рациональность / Лекторский, В.А. Эпистемология классическая и неклассическая/ В.А. Лекторский. – М., «Эдиториал УРСС», 2001. – С. 32.

[19] Там же.

[20] Там же. С. 33.

удостоверяют уровень социального престижа, как безотчетная жажда творческой личности овладеть самой жизнью, подчинив ее фантазии и заставив подражать себе. Произведения искусства могут исследоваться методами структурной лингвистики, семиотики, теории информации, герменевтики, да бог весть еще какими инструментами науки. Но нет надобности связывать искусство с «духовностью». И нет причин разделения искусства на «высокое» (то бишь, «близкое духовности») и «массовое» («низкое», приноровленное ко вкусам черни, не способной на внутреннее, часто болезненно-мучительное, напряжение «духа», а ждущее от искусства примерно того же, чего ждут от вкусной пищи или занимательного досуга вроде «дайвинга» или «шопинга»). Как всякий товар, искусство находит своего потребителя-покупателя: одним по вкусу сонеты Шекспира, другим – романы Поль де Кока или Дарьи Донцовой.

Тот, кто возжелал бы вмешиваться своими поучениями и рассуждениями о «духовности» в этот всеохватный процесс производства-обмена-потреб-ления явлений искусства, заслуживает прозвания «несносным занудой» и выпроваживания из респектабельных дискуссий об искусстве и его роли в современной культуре. Что до нравственно-воспитательной функции искусства, она еще кое-кем и кое-как признаётся, но лишь в форме распространения некоторых правил общежития, однако даже и здесь, заметим, правила могут быть очень разными; одни станут подражать симпатичным героям «Московской саги» В. Аксенова, другие – брутальным персонажам Л.-Ф. Селина, третьи, познакомившись с романами Е. Косинского или Дж. Литтелла, вообще с отвращением отвернутся от самой идеи общечеловеческих правил жизни, за которой, как за ширмой, скрываются беспредельное насилие, жестокий цинизм, ничем не обузданное зверство.

«Духовность» не обнаруживается и в сфере морали. Она также насквозь пронизана рациональным расчетом. Моральным называют поведение, которое наиболее выгодным и дальновидным способом связывает человека с его окружением. «Другой человек существует для меня, таким образом, только постольку, поскольку он помогает или мешает реализации моих собственных интересов»[21]. Утилитаризм в его современных рафинированных формах вытесняет в глухие закоулки сознания попытки связать мораль с «духовностью» или какими–то другими философскими «реликтами», вроде категорического императива И. Канта.

Что же получается? Попытка связать определение «духовности» с такими сферами человеческой жизни, в которых, казалось бы, только и искать «проявления духовности», оказывается неудачной как раз потому, что в этих сферах уже нет никакой «духовности» (или, по крайней мере, считается, что нет!).

Нет чего? Не того ли, что видела в духовности традиция, возводящая ее к религиозным основам? По-другому сказать, «обмирщенное» представление о духовности, не обретя самостоятельности и потому апеллируя к тому, от чего пытается уйти, не находит точки опоры и повисает в пустоте. И значит, чтобы «секулярная духовность» обнаружила себя в указанных сферах, она должна искать и найти эту свою самостоятельность. Чтобы узнать себя в «духовных явлениях», она должна, прежде всего, понять, чего искать. Знать свое лицо.

По мнению В.А. Лекторского, причина неудачи в том, что псевдо-по-нятия «науки», «искусства» и «морали», на которых основывается современное недоверие к «духовности», ущербны. Это проистекает из гипертрофии черт «технологической цивилизации», например, стремления к рационализации всех сторон человеческого бытия, к «расколдовыванию мира» (М. Вебер), к устранению из его описаний неясности и таинственности, окутывающих его «духовные измерения».

Я бы выразился иначе: система ценностных универсалий культуры, оболочкой которой является «технологическая цивилизация», центрируется вокруг «рациональности» как системообразующей ценности, те же ценности, которые искони относились к духовным, «переоб-

[21] Там же. С. 34.

лачаются», «переводятся» на язык рациональных описаний, вбирают в свою сердцевину рациональность, что позволяет им как-то сохранять свое место в этой системе. А то, что не «переводится», должно быть девальвировано. Иначе система утратит свое единство и будет разъедена противоречиями, рассыплется. Отсюда: либо стройная и гармоничная система ценностей без «духовности», либо крах системы с неясными последствиями.

Но верна ли такая альтернатива? Хочется верить, нет. Ведь она ставит перед, казалось бы, невозможным выбором: рациональность или духовность. В.А. Лекторский пытается ее смягчить: все-таки ни наука, ни мораль, ни искусство не делятся без остатка на свои «рациональные описания». Есть и бескорыстная любовь к истине, и любовь к людям, есть неподвластные расчету человеческая доброта и красота отношений между людьми, которым продолжает (вопреки формалистам и теоретикам «технологических подходов») служить искусство, и моральные подвижники. Иначе, культурная (а я бы сказал, антикультурная!) традиция, которая все это ставит под знак сомнения, к счастью, не единственна и не заполняет собой всё пространство человеческого бытия.

Может, оно и так, но заглянем в перспективу: какова тенденция развития «технологической цивилизации»? Если названная традиция развивается быстрее и активнее других, оттесняя их на периферию бытия или вовсе уничтожая, то сказанное – не более, чем слабое утешение. Не сегодня, так завтра в «технологическом мире» всё равно не останется места духовности.

Но ведь есть предел, в который уже упёрлась «технологическая цивилизация»: она стоит перед неизбежностью антропологической катастрофы, о чём свидетельствуют экологические, экономические, политические, военные кризисы, охватывающие не только внешнюю среду обитания людей, но и их внутреннее, душевное состояние. И, следовательно, она должна быть реформирована, необходим поворот к «духовности»: «При этом, если этот «поворот» не означает простого отказа от всех приобретений, достигнутых на пути технологического развития, а их включение в преобразованном виде в состав новой целостности, то он должен мыслиться не как возврат к архаическим и мифологическим ценностным установкам, а как переход к новой системе отношений человека и природы, человека и человека»[22]. Какова эта «новая система», пока не совсем ясно, но некоторые ее черты уже понятны: смена «преобразовательных» установок по отношению к природе на «коэволюционные» (Н.Н. Моисеев), «диалогический» подход к межличностным связям (М.М. Бахтин), «мультикультурализм», уважение к истории и признание неисчерпаемости инициированных ею смыслов, сохраняющих потенцию актуализации в настоящем и будущем и т. д.

Процесс перехода к этой системе можно кратко выразить так: «он состоит в признании Иного, неподвластного мне ни посредством грубой силы, ни с помощью хитрых рациональных уловок: природной реальности, другого человека, иной культуры, прошлого. С Иным можно лишь вступить в коммуникацию, в диалог, в ходе которого меняется каждый его участник. Вот эта совокупность духовных ориентиров и выступает как система высших надиндивидуальных ценностей, которым подчинены все остальные (в частности, утилитарные) ценности»[23]. Развитие этого процесса необходимо повлечет изменение оценок науки, искусства и морали как резервуара «духовности», из которого будут подпитываться усилия, необходимые для того, чтобы трансформация цивилизации не останавливалась, ибо это путь ее спасения от катастрофы. Изменятся и представления о «рациональности»: они не будут противопоставлять ее «духовности»[24].

---

[22] Там же. С. 36.

[23] Там же.

[24] Эволюция этих представлений – предмет отдельного рассмотрения. Здесь отмечу, что поиски так называемой «гибкой рациональности» диктуются, помимо прочего, стремлением придать «рациональности» «духовное измерение»: трудно увидеть и понять «духовность» в жестких, застывших формах.

Что это, благое пожелание или констатация чего-то реального, ощутимого? Заметим, что к размышлениям В.А. Лекторского, как они изложены в его статье, также можно предъявить логические претензии. Разве «новые отношения», связывающие человека с другими людьми, с обществом и природой, так уж неподвластны «рациональным уловкам»? И разве в коммуникации и диалоге люди не стремятся достичь вполне определенных условий взаимного понимания, хотя бы они и признавали, что такое понимание требует от них изменения своих изначальных позиций? Неужели мы вынуждены допустить, что это стремление приостановится, если коснется над-индивидуальных ценностей? Допущение слишком сильное, чтобы быть вероятным.

Я думаю, что названные или намеченные черты новой системы отношений между Человеком и Миром – это не что иное, как приступ к иной конструкции системы ценностных универсалий культуры. Эта система такова, что она не сосредоточена вокруг некоего центра (например, вокруг «рациональности»), а скорее напоминает «ризому», в которой всё связано, но не образует иерархию: культурные универсалии равноправны и равноценны. Такая система свободна в перемене конфигураций: связи подвижны и переменчивы, их значимость, как и «ценностный ранг» участвующих в них универсалий, относительны. Иначе сказать, культура – живая связь предельных ценностных ориентаций людей, благодаря усилиям которых (сознательным и неосознанным) эта связь то поддерживается в относительной стабильности, то приходит в движение (даже разрушительное), чтобы затем обрести новую устойчивость.

Если так, мы подошли к ответу на вопрос о том, что такое «духовность», если пытаться определить это понятие не через религиозные основания и не через определенные сферы человеческой деятельности. И получим не одно, а два определения, дополнительные друг к другу.

Эти определения опираются на понимание культуры как системы «горизонтных» ценностей (универсалий), которым люди (по крайней мере, большинство из них), признающие эти ценности, следуют как ориентирам в жизненном пространстве. Тогда по отношению к культуре духовность есть способность поддерживать или, напротив, расшатывать эту власть ценностей. Потенция согласия с культурой или протеста против нее, реализуясь, обнаруживает человеческую свободу, как необходимое условие духовности. Перефразируя известный афоризм Ж.-П. Сартра, скажем: *человеческий дух всегда свободен или его нет*. Естественно, в рамках данной культуры духовность может быть оценена как положительно, так и отрицательно, равно как и культурные ценности, по отношению к которым духовность себя определяет, могут оцениваться по-разному, до противоположности этих оценок. Духовность есть актуализация человеческой свободы, в том числе и в первую очередь – по отношению к культуре. Это – духовность в ее субъективном значении.

Объективация духовности (вопреки Н.А. Бердяеву, я не считаю, что эти термины образуют противоречие, если употреблены вне религиозного смысла) также может быть определена как потенциал культуры, реализуемый в переменах системы культурных универсалий. Дух культуры свободен и потому способен к этим переменам. Иначе живой культуры нет, а есть только ее формальная оболочка, которую именуют цивилизацией.

Если принять эти «определения» (памятуя, что от них не надо требовать научной строгости, поскольку они являются философскими предпосылками научной работы с понятиями «культуры» и «духовности»), то очевидно, что они дополнительны одно другому. Понятно, что «духовность» в ее субъективном значении осмыслена только в том случае, если полагается «объективированная духовность» культуры и, наоборот, последняя определяется через «субъективную духовность» человека. Но эти определения таковы, что ни одно из них не может быть элиминировано или сведено к другому. Они осмыслены только совместно.

Духовность – не «титул», который присваивают человеку или обществу за некие заслуги и достоинства. Это не похвала или знак отличия для избранных, но потенциал внутренней свободы. Положительные или отрицательные оценки результатов его реализации, делаются

не по абсолютной и вневременной ценностной шкале (как при религиозной трактовке духовности), а конкретно-исторически и, следовательно, они изменчивы. Последнему утверждению не следует приписывать плоский релятивизм. Знаки «плюс» или «минус» на проявлениях свободы, конечно, расставляет культура, как правило, полагая свои оценки верными на все времена. В этом сила ее самотождественности, которая, однако, может стать и слабостью, если в системе ее ценностных универсалий критическая рефлексия (воплощенная, прежде всего, в философии и в искусстве) утрачивает свою преобразующую функцию, благодаря которой эта система, воспринимая импульсы изменчивой действительности, способна меняться так, чтобы отвечать на вызовы времени. За утратой следует самодовольное расслабление, предвестник старения и вырождения («заката культуры», предсказанного О. Шпенглером и Н.А. Бердяевым на заре прошлого европейского столетия). Поэтому важно понять, является ли всеми констатируемый кризис духовности признаком упадка, идущего к последнему (катастрофическому) пределу, или же это рубеж, за которым – новое восхождение, возрождение и расцвет.

Это, безусловно, в первую очередь, относится к российской культуре. Россия обладает огромным запасом «объективированной духовности»: памятью о великих военных победах, добытых колоссальным напряжением не только физических, но в первую очередь, духовных сил народа, великой литературой, шедеврами искусства, философской и религиозной мысли, первоклассными научными достижениями. Но в очевидном упадке находится «внутренняя свобода» людей, без каковой эти запасы, доставшиеся нынешним поколениям в наследство от минувших времен, становятся музейными экспонатами, коллекциями коллективной памяти, но не импульсами, поддерживающими напряжение свободного ума и раскованного чувства, этих необходимых условий личного деятельного участия в культуре. Российской духовности для преодоления кризиса недостает не благоволения или жесткого контроля власти (свободу нельзя получить в подарок или как награду за лояльность), не заклинаний призрака пресловутой «материальности», не ожидания чудесного преображения, даруемого высшими силами (как писал в своих последних дневниках Ю.Ф. Карякин[25], Христос призвал человека к сотворчеству, а не к рабской терпеливой покорности; это же была любимая мысль С.Л. Франка[26]), а самокритичной оценки, беспощадной к пассивности или пристрастию к дешевым суррогатам, но берущей за главный ориентир и образец самоотверженную тягу к действию, в котором культура находит себе поддержку и тем самым поддерживает человека.

«Поворот к духовности», который пытается предугадать В.А. Лекторский, есть выстраданная современной культурой (на пороге кризиса или уже за ним?) необходимость устранения разрыва между ценностными универсалиями и жизненными устремлениями людей. Это направило бы человеческую свободу на созидание, а не разрушение культуры, вернуло бы утерянное единство существования и сущности человека.

Осуществится ли этот «поворот», достанет ли на это потенциала российской свободы, покажет время. Для оптимистических прогнозов сегодня оснований, к сожалению, мало. Но, возможно, осознанная опасность антропологической и культурной катастрофы создаст такое напряжение свободного духа, какое сможет разрядиться новыми преобразовательными усилиями.

[25] См.: Кацура, А.В. Памяти Юрия Федоровича Карякина/ А.В. Кацура // Вестник РФО. – 2011. – № 4. – С. 201.

[26] См.: Франк, С.Л. Непостижимое / Франк, С.Л. Сочинения/ С.Л. Франк. – М., Правда, 1990. – С. 548.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО МИРОПОРЯДКА И СТРАТЕГИИ РОССИИ

Н.С. Розов
Институт философии и права
Сибирского отделения РАН

Аннотация: *В статье рассматриваются вопросы глобальных тенденций мирового развития, предотвращения мировых конфликтов, выравнивания уровня экономического и политического развития стран в глобальном масштабе .*

Ключевые слова: *мегатенденции, двухъярусная система безопасности, геополитика.*

Сочинять историю впрок – увлекательнейшее занятие
Ярослав Гашек

Всё, что существует на свете, когда-то было мечтой.
Карл Сендберг

Нужен нормативный образ глобального будущего

Одна из важных причин непоследовательности современной внешней политики России – отсутствие ясного представления о предпочтительном образе мирового порядка, с которым можно было бы сопоставлять национальные интересы, приоритеты, разрабатываемые стратегии и текущие решения.

Пресловутый «прагматизм», кажется, уже почти всем застил глаза. Во внешней политике России он зачастую сближается с принципом «С волками жить – по-волчьи выть». Особенно плохо такая «волчья» политика сочетается с привычными для официозных речей словесами об особой российской «духовности».

Однако в России действительно есть более высокая и достойная интеллектуальная и нравственная традиция в осмыслении мировой политики и глобального будущего, чем примитивный «прагматизм». Достаточно вспомнить идеи Д.С. Сахарова и М.С. Горбачева о новом мышлении, о новом, более гуманном образе мирового порядка. Эту традицию сейчас чуть ли не в одиночестве развивает Сергей Ковалев в своей доктрине «идеалистической по-

литики», пусть и чрезмерно наивно в некоторых пунктах[1]. Можно ли этот высокий нравственный пафос сочетать с более или менее реализуемыми проектами переустройства основных институтов, регулирующих международные взаимодействия?

До сих пор роль желаемого для России образа мировой политики играет общеизвестная доктрина: переход к пресловутой «многополярности», восстановление гегемонии России на постсоветском пространстве, признание ее важнейшими центрами силы (Объединенной Европой, США, Китаем) как великой и равной им державой. Сюда же относятся явные позывы Кремля к восстановлению расстановки сил «холодной войны», что манит призрачным возвратом к статусу сверхдержавы.

Беда таких мечтаний не только и не столько в нереалистичности, сколько в том, что понуждаемые ими действия Кремля приводят ровно к обратному результату – росту отчуждения от России, ее изолированности, неуклонному отпадению даже самых «верных» союзников (таких как Белоруссия, Армения, Таджикистан), к насмешкам и пренебрежению со стороны мирового сообщества[2].

Какова же альтернатива? Оттолкнемся от основных структурных характеристик современного мирового порядка и представим его эскизный проект в рамках понятийных каркасов универсальной модели исторической динамики и трех мегатенденций мирового развития[3].

Социальный резонанс и мегатенденция «лифт»

Перспективный ответ обусловливает переход к *фазе «Социальный резонанс»*: здесь интересы, установки и стереотипы влиятельных групп, широких масс связываются с выбранным направлением ответа, соответствующими социальными структурами, новыми символами, что часто персонифицируется в фигуре и имени лидера. Основа социального резонанса – *положительное подкрепление* для влиятельных групп и расширяющегося круга сторонников от результатов выбранного направления деятельности (рис. 1)

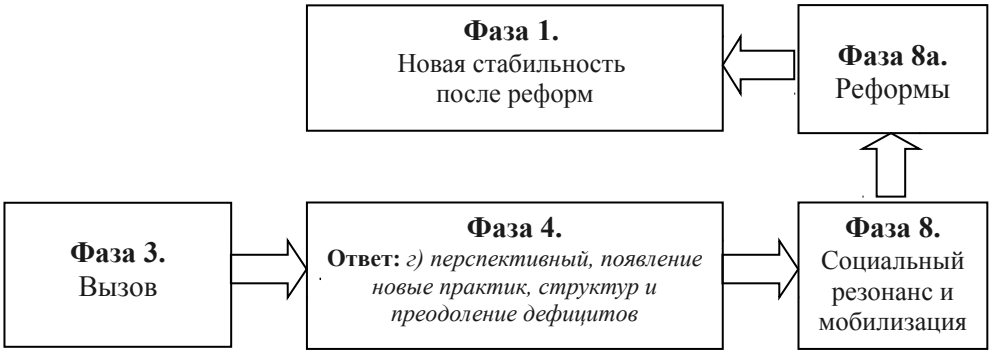

Рис. 1. Контур установления новой стабильности после крупных реформ, проведенных в течение поколения (25-30 лет).

[1] Ковалев, С. Политический идеализм и реальная политика: вызов XXI века // Ежедневный журнал. 3 марта 2010 [Эл. ресурс]/ С. Ковалев. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://ej.ru/?a=note&id=9918, свободный.

[2] Ясный и удручающий сигнал – фактическое исключение России из G8 в начале 2010 г.

[3] Розов, Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития/ Н.С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992; Розов, Н.С. Глобальный кризис в контексте мегатенденций мирового развития и перспектив российской политики/ Н.С. Розов // Полис. – 2009. – № 3. – С. 34-46.

Основа успеха ответа на вызов состоит в совокупности взаимоподкрепляющих деятельностей и поведений. Социальный резонанс может длиться месяцы и годы.

Для макроистории и социальной эволюции большое значение имеют продолжающиеся в поколениях ответы – *динамические стратегии* как совокупности согласованных стратегий и практик с единой объективной ориентацией и таким накоплением результатов, что в течение двух или более поколений они становятся плацдармом (ресурсами, средствами, возможностями) для продвижения в том же направлении.

Динамические стратегии ведут к многообразным тенденциям роста (рост производства, торговли, богатства, населения, могущества, контролируемой территории, престижа, привлекательности и т.д.). Известно, что *всякий рост обуславливает рост потребности в ресурсах,* соответственно, приводит к новым вызовам и необходимости находить новые адекватные ответы. Отсюда следуют два принципиальных сценария:

1. *свертывание динамической стратегии,* когда ресурсов недостаточно, новые вызовы не преодолеваются, тенденции роста приводят к росту дефицитов, что снижает сам рост, т.е. устанавливаются отрицательные обратные связи между тенденциями;
2. *развертывание комплекса динамических стратегий*, когда получен доступ к изобильным ресурсам, новые вызовы преодолеваются новыми обеспечивающими стратегиями (соответственно, эффективными социальными структурами и практиками).

Надежный и длительный успех сопровождает не изолированные стратегии, но комплексы стратегий, что можно показать на двух почти наглядных примерах: завоевательной и экстенсивной коммерческой стратегии (создание на новых территориях новых рынков сбыта и производств).

Как завоевания, характерные для империй, так и геоэкономическая экспансия, характерная для современного капитализма, успешно продолжаются в течение двух и более поколений, только если сопровождаются социоинженерной (создание полицейских, налоговых, судебных, финансовых структур и служб) и культурной (распространение религии, идеологии, образования, стандартов материального и духовного потребления) динамических стратегий.

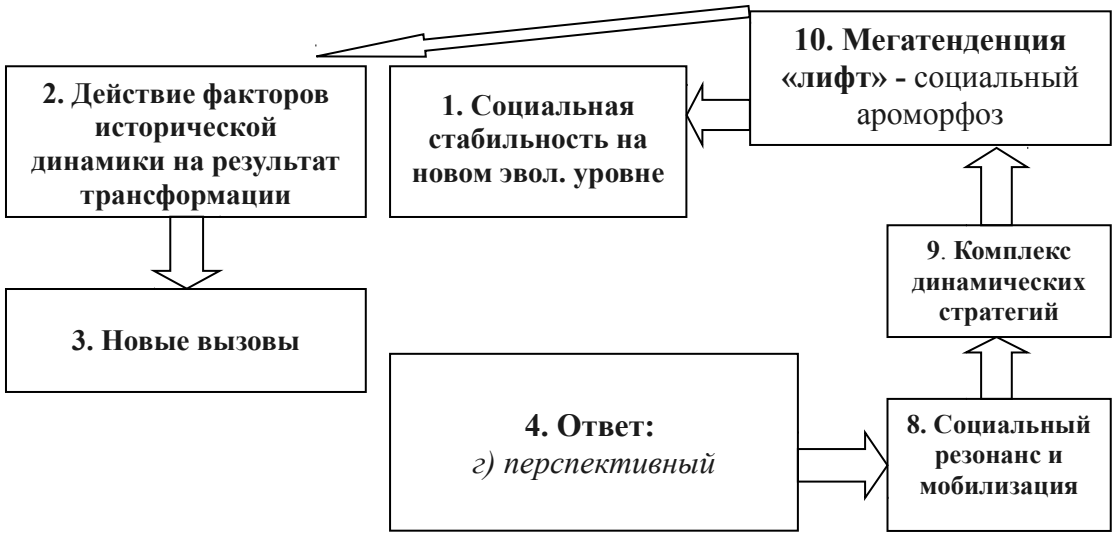

Рис. 2. Контур крупных эволюционных скачков (прогрессивных революций, социальных ароморфозов).

Именно успешный комплекс динамических стратегий переводит систему в *фазу Мегатенденция «лифт», социальный ароморфоз. «Лифт»* – это тренд-структура с контурами положительной связи между тенденциями роста при слабости (блокировании) тормозящих негативных связей. Многогранный подъем и расцвет («европейское чудо», «японское чудо» и т.д.) происходят благодаря действию этих мощных всеохватных механизмов.

«Лифт», вообще говоря, может остановиться на любом «этаже роста», как раз вследствие появления непреодолимых дефицитов, активации негативных связей и т. д. (рис. 3).

В некоторых случаях фаза *«Лифт-ароморфоз»* делает общество образцом для подражания других обществ, становится эволюционно необратимой. Тогда это явление *исторической динамики* обретает статус явления *социальной эволюции*[4]. Такие феномены называются также эволюционным скачком, прогрессивной революцией (неолитическая революция, военная революция, промышленная революция, научно-техническая революция), генезисом (антропогенез, политогенез, рождение цивилизации). Самим этим трансформациям посвящена особая модель[5].

Мегатенденции мирового развития

В начале 1990-х гг. в книге «Структура цивилизации и тенденции мирового развития» были выделены три мегатенденции как устойчивые связи взаимоусиливающих тенденций в разных сферах (прежде всего, геоэкономике, геополитике, геокультуре и глобальной экологии). Каждая мегатенденция была определена как совокупность контуров положительной обратной связи между тенденциями (трендами) из разных сфер: политической и геополитической, экономической и геоэкономической, культурной и геокультурной, социальной, экологической, технологической[6].

Мегатенденция I, условно названная «*Вестернизацией*», включает большинство известных процессов и явлений, которые позже стали пониматься в рамках парадигмы «глобализации». Огромную силу этого мегатренда сейчас подкрепляет Китай как экспортер глобального масштаба.

За прошедшие годы Мегатенденция I, с одной стороны, значительно усилилась, с другой стороны, стала более размытой в культурно-цивилизационном плане; теперь имя «глобализация», пожалуй, более адекватно отражает ее сущность, чем «вестернизация». Мондиализм, неолиберализм, открытие рынков, снижение пошлин, минимизация государственного вмешательства (особенно в чужих странах) – основные идеологии соответствующих мировых сил.

Мегатенденция II, *протестная и изоляционистская*, включает национальные движения, а также создание союзов и блоков, противодействующих вестернизации и глобализации. Подъем мусульманского фундаментализма, антизападная политика и риторика Кубы, Ирана и Северной Кореи, левый поворот в Венесуэле, отчуждение России от Запада, ее попытки создать политические и военные блоки в противовес НАТО, националистические, особенно антиамериканские, движения во множестве стран – все это проявления Мегатенденции II.

---

[4] Ср.: Гринин, Л.Е., Коротаев, А.В. Социальная макроэволюция: генезис и трансформации Мир-Системы/ Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

[5] Розов, Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Пролегомены [Эл. ресурс]/ Н.С. Розов. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/fti/, свободный. Гл. 5.

[6] Розов, Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития/ Н.С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992. Гл. 4.

Она не столь сильна и глобальна, как Мегатенденция I, но, все же, до сих пор составляет значимую и драматическую антитезу последней, иногда прорываясь в яркие исторические события (Кубинская революция, Иранская революция, многочисленные теракты).

В геоэкономическом аспекте Мегатенденция II потерпела сокрушительное поражение при распаде Варшавского блока и СССР. Теперь она выражается в спорадических попытках национальных правительств выдвинуть заслоны зарубежной продукции, банковской экспансии, остановить отток капиталов и мозгов и т. д. Тот факт, что кризис мировой экономики 2008 г., практически никак не способствовал консолидации и укреплению сил Мегатенденции II, свидетельствует о ее слабости и бесперспективности (ср. со следствиями Великой депрессии начала 1930-х гг.).

Однако сбрасывать со счетов мировые силы агрессивного протеста нельзя. Хорошо известно, что мусульманские страны, шедшие в эпоху «холодной войны» по «некапиталистическому пути развития», т. е. находившиеся под влиянием коммунистической идеологии и СССР как тогдашнего флагмана протестной Мегатенденции II, стали затем в первые ряды антизападной политики, либо превратились в рассадники исламского фундаментализма, долговременные очаги насилия и нестабильности (Ирак, Палестина, Алжир, Боливия, Сирия, Ливан, Сомали и т. д.).

Идея «построения Коммунизма во всем мире» вполне органично переросла в идею «всемирного Халифата». Разумеется, идеологически этот проект уже далеко не столь универсален и привлекателен, экономические, военные, административные ресурсы «сил Халифата» на порядки меньше, чем были «силы мирового социализма».

Однако появились террористические сети, пусть не глобального, но весьма широкого распространения. Сам терроризм, хоть и является «оружием слабых», но представляет острейшую проблему, причем, уже не только для Западного мира, но и для России. Именно в разнообразных формах террористических сетей, организованного пиратства, международной нелегальной торговли оружием и наркотиками, разрастания безгосударственных зон насилия проявляется Мегатенденция II в начале XXI века.

Мегатенденция III была обозначена как «*Многополюсное партнерство*». Ее носители ориентируются на экологические, демократические, гуманистические принципы. Признавалась ее слабость, утопичность, присутствие скорее, в публицистике и программах прогрессивных партий и движений развитого мира, чем в реальной политике[7].

Увы, за прошедшие годы усиления не произошло. Сохраняются экологические, пацифистские и правозащитные движения, появился «альтерглобализм», но пока видимого успеха нет. Намечается «маркетизация» Мегатенденции III и встраивание ее в Мегатенденцию I, например, в форме навязывания ведущими странами и компаниями жестких экологических норм при собственной монополии на удовлетворяющие этим нормам технологии (явление, структурно сходное с тем, как первоначально протестная рок-музыка стала обычным товарным сектором буржуазного истеблишмента).

Глобальный транзит без глобального конфликта?

Однополярность, биполярность, многополярность – слишком примитивные схемы для нынешнего сложного, динамичного и крайне несимметричного мира. При проектировании нового мирового порядка следует учитывать эту сложность, работая с ней на четырех основных уровнях: *глобальном (*ООН и ее обновленные структуры), *региональном* (крупные державы-лидеры, берущие на себя ответственность за сохранение мира и добрососедства в сво-

[7] Там же.

ем мировом регионе), *национальном* (национальные государства, включающие державы, способные вести военные действия на региональном или глобальном уровнях), и *субнациональном – провинциальном* (межэтнические конфликты, мятежи и подавление мятежей при эскалации насилия уже не могут быть делом только национального правительства, причем, это касается также западных стран, переживающих массированную иммиграцию).

Мировой порядок в геополитическом аспекте всегда будет предполагать структуры силового принуждения и механизмы мирного, дипломатического решения возникающих проблем и конфликтов. Сейчас уже на трех верхних ярусах есть такие структуры: миротворческие силы ООН, региональные военно-политические блоки (сильнейший среди которых – НАТО) и национальные вооруженные силы. Как же обстоит дело с механизмами принятия решений на международном уровне?

В настоящее время основные силовые и дипломатические структуры расположены на национальном уровне как оборонные ведомства и МИДы, ориентированные, главным образом, на контакты с другими МИДами. На региональном уровне одиноко возвышается громада НАТО с доминированием США. Остальные региональные блоки либо также созданы Америкой еще во времена «холодной войны», либо имеют пока рыхлый и неустойчивый характер (ШОС и др.), либо недавно созданы и только формируют свою субъектность (внешнеполитическое ведомство ЕС).

На глобальном уровне обладающие формально высшим статусом Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ООН в последние два десятилетия показывают слабость и неэффективность.

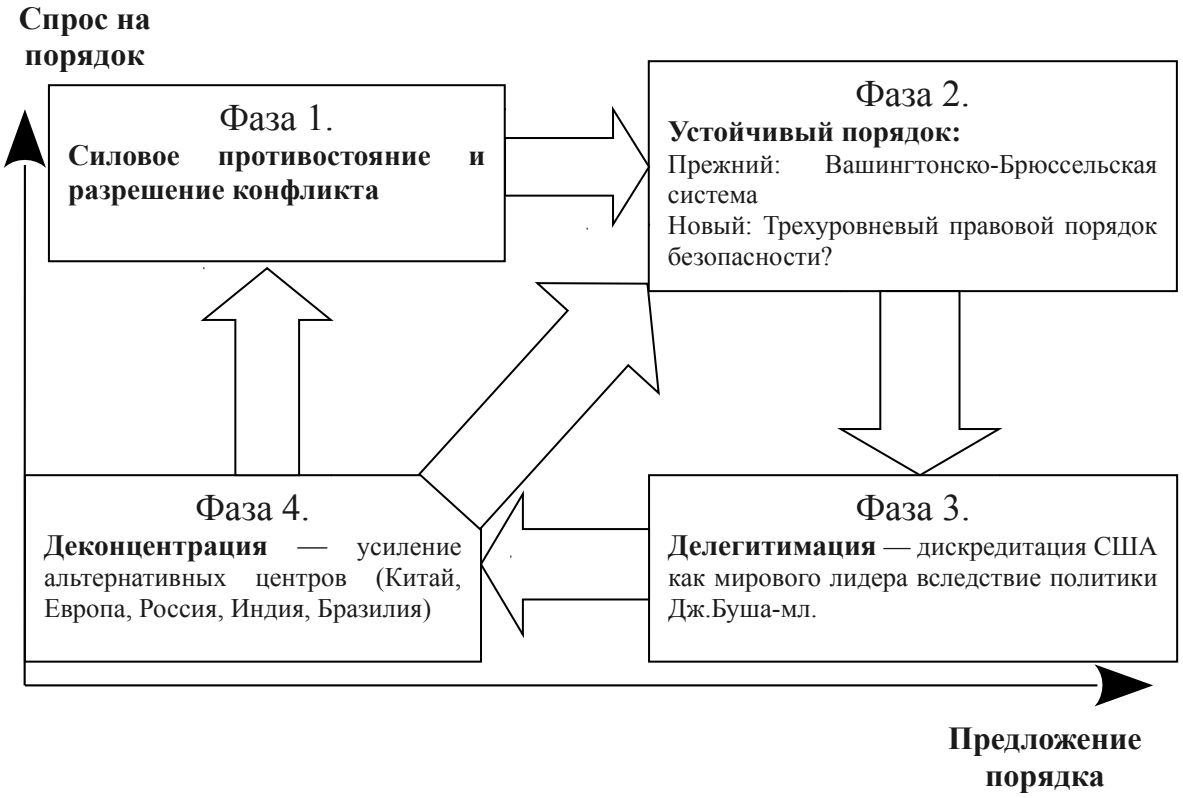

Рис. 3. Перспектива перехода к новому мировому порядку в рамках модели циклов гегемонии Дж. Модельски.

Обращает на себя внимание растущее расхождение между формальной структурой (Генеральная Ассамблея ООН и Совет Безопасности) и реальными структурами принятия важнейших международных решений (США и НАТО, G7 и G8, группа 13, группа 20 и т.д.[8]).

Идеи руководства США по построению «многопартнерского мира» (созданию временных альянсов для решения конкретных проблем), очевидно, направлены на продолжение американского глобального доминирования, поскольку при фактическом отсутствии формальных сдерживающих структур в каждом временном альянсе будет господствовать сильнейшая держава – США.

Однако, период почти общепризнанного доминирования «единственной сверхдержавы» завершился при общем осознании неутешительных итогов Иракской авантюры (фаза «Делегитимация»[9]). Фактически мир сейчас переживает сильно смягченную фазу «Деконцентрации» (рис. 3).

До «Конфликта» дело пока не доходит, но только из-за отсутствия явных держав-претендентов («челленджеров»). Иран слаб для этого (не говоря уже о Венесуэле, Кубе, Северной Корее). Российское руководство блокировано своими интересами на Западе и внутренними проблемами, кроме того, антизападная риторика, судя по всему, является в России в большей мере инструментом манипулирования общественным сознанием, но не действительной идеологией правящей группы.

Китай слишком мудр для открытого противостояния мировым лидерам, к тому же, его активность на внешней арене тормозится остающимися проблемами массовой бедности и контроля над этническими провинциями (Тибет, Уйгурия и др.). Япония, Индия, Турция, Бразилия, Аргентина, Мексика либо уже интегрированы в западный истеблишмент, либо стремятся к этому.

Появляется весьма перспективная возможность установления нового мирового порядка – перехода к фазе 2 «Устойчивый порядок» напрямую, обойдя фазу 1 «Конфликт». Страны, желающие расширить свое влияние, объективно заинтересованы не в дальнейшем ослаблении формальных обязывающих международных институтов (что развязывает руки мировому гегемону), а в их развитии и укреплении.

Совет Безопасности ООН – проблема закрытости и дееспособности

Со времени своего основания Совет Безопасности ООН (СБ) работал в большой мере в качестве «морозилки» – для консервации глобального геополитического status quo после победы союзников в 1945 г. Этот замороженный порядок «потек» с 1989-1991 гг., поэтому вполне закономерно снизились реальные значимость и авторитет СБ. Сейчас он нуждается не только в расширении и новой легитимации, но и в новых функциях – отслеживать динамику главных очагов напряженности в мире, взаимодействовать с региональными структурами, совместно с ними разрабатывать общую, справедливую и легитимную в глазах мирового сообщества стратегию по разрешению конфликтов.

СБ также не должен оставаться «закрытым клубом победителей». Давно назрела необходимость расширить СБ (очевидно, включив в него Германию, Японию, Индию, Бразилию, возможно, Южную Африку). Следует разработать четкие и, вероятно, весьма строгие условия вхождения в него новых стран, связанные с величиной населения и ВВП, с продолжи-

[8] См. об этом детальнее: Малаян, Р. Международные организации в формирующемся миропорядке/ Р. Малаян // Космополис. – № 1 (20). – Весна 2008.

[9] Модельски, Дж. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия / Война и геополитика. Альманах «Время мира». Вып. 3/ Дж. Модельски. – Новосибирск, 2003. – С. 455-485.

тельным и ответственным поддержанием мира на своей и прилежащей территории, с опытом миротворчества, с готовностью предоставить значительный потенциал для сил ООН и проч.

Следует сказать, что в структурах ООН достигнуто вполне адекватное и масштабное понимание современных угроз глобальной безопасности, способов их преодоления[10]. Не хватает только механизмов реализации соответствующих планов, должной консолидации стран, даже на региональном уровне, не говоря уже о глобальном.

Насколько оправдан в современных условиях статус СБ ООН как верховного рефери по вопросам мировой геополитики, полномочного давать санкции державам и региональным структурам (тому же НАТО) на применение военной силы?

Требуются такие силовые и дипломатические структуры на региональном и глобальном уровнях, которые, с одной стороны, были бы достаточно авторитетны и эффективны для поддержания мира, с другой стороны, не давали бы возможности сильнейшим державам проводить силовые акции за пределами своей территории без согласия партнеров и сугубо в собственных интересах.

Нужна двухъярусная система международных судов по проблемам безопасности

Базовым является вновь правовой принцип, центрированный на международной судебной системе с двумя ярусами: глобальным и региональным.

Для первого яруса есть прототип – международный суд в Гааге. К сожалению, нет не только практики, но даже идей судебного разрешения самых острых, чреватых военными действиями международных конфликтов (Израиль-Палестина, США-Ирак, США-Афганистан, Россия-Грузия). Парадоксально, что даже такие страны как США, во внутренней политике которых авторитет суда непререкаем, во внешней политике ориентированы либо на решения закрытого «пакта победителей» – Совета Безопасности ООН, либо на собственный произвол (бесславные военные акции в Афганистане, Косове-Сербии и Ираке).

Ситуация изменится кардинальным образом, когда появится *международный суд под эгидой ООН* (оптимально – за пределами Западного мира, что будет иметь важное символическое значение) по вопросам безопасности, демаркации границ, сепаратизма /самоопределения наций, расположения военных баз, крупных военных операций, особенно, за пределами своих границ, конфликтов, связанных торговлей оружием и наркотиками и т. п.; когда такой суд возьмет на себя решение всех серьезных конфликтов в соответствии с международным правом, а сильнейшие мировые державы с этим согласятся, когда он обретет необходимый авторитет и легитимность, не будет восприниматься в мире как орудие западных держав для возмездия «провинившимся».

В трехъярусной структуре (с национальным, региональным и глобальным ярусами), вероятно, должен быть установлен *принцип субсидиарности,* хорошо показавший себя в функционировании Европейского Сообщества (все локальные проблемы решаются на максимально низком уровне иерархии и только при необходимости передаются на более высокие уровни).

[10] В «Докладе Группы высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам» перечислены шесть блоков угроз: 1) война между государствами; 2) насилие внутри государств, включая гражданские войны, массовые нарушения прав человека и геноцид; 3) нищета, инфекционные болезни и экологическая деградация; 4) ядерное, радиологическое, химическое и биологическое оружие; 5) терроризм; 6) транснациональная организованная преступность. Для борьбы с этими угрозами рекомендуется «политика предотвращения», создание сети международных и региональных организаций, координирующих деятельность национальных государств (см.: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. 2005 [Эл. ресурс]. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://www. un.org/russian/secureworld/report.htm, свободный).

Соответственно, необходимы *региональные международные суды* по тем же вопросам, полномочные принимать решения по внутрирегиональным конфликтам.

Другой важный принцип – общественный и правовой контроль над работой не только национальных, но также региональных и глобальных структур, что должно проявляться в опубликовании документов, регулярных пресс-конференциях и проч. Дело в том, что политики даже противоборствующих стран могут быть (и часть бывают) заинтересованы не в разрешении, а в затягивании и даже обострении конфликтов, а иногда и в развязывании войн. Открытость ведущейся политики и общественный контроль служат хоть и не абсолютным, но достаточно высоким барьером для реализации такого рода стратегий.

Региональные силовые структуры получат авторитет после ряда успешно разрешенных конфликтов в соответствии с решениями международных судов.

Провинции – безоружны, но защищены

Неслучайно в образ трехъярусной системы безопасности был оставлен «за бортом» нижний уровень провинций (областей, земель, штатов, в России национальных краев и республик – Субъектов Федерации). Появление и укрепление национальных государств привело к монополизации военной силы на подконтрольных территориях. Нет разумных доводов в пользу нарушения этой монополии, зато известно множество межэтнических конфликтов, в том числе, резни, «этнических чисток» как со стороны центральных правительств, так и со стороны мятежных провинций.

Провинции, в том числе, этнические анклавы, должны остаться демилитаризованными (между прочим, это напрямую касается и нынешней Чечни, где Москва явно утратила монополию контроля над вооруженными силами). При этом, они оказываются в слабой позиции перед лицом национальных правительств, контролирующих армию. Поэтому права и свободы жителей провинций, этнических меньшинств должны с особым тщанием обеспечиваться международными судами и подчиненными им силовыми структурами (вначале региональными, затем глобальными).

Здесь также действует принцип субсидиарности. Если не решаются проблемы и конфликты на местном уровне, то подключается национальное правительство. Уже на этом этапе для легитимации своих действий оно должно привлекать региональных наблюдателей[11].

Если национальное правительство не справляется (продолжается межэтническое насилие, исчезновение людей, терроризм и т. д.), то потерпевшая сторона обращается в международный региональный суд. Его решения выполняют все признающие судебный авторитет силы, при конфликтах – региональные структуры (местные военные альянсы).

В самых крайних случаях конфликт становится предметом разбирательства в международном суде глобальной юрисдикции и смежных структурах (СБ ООН и др.), привлекается более широкая международная помощь (причем, «жесткая сила» – самый последний пункт в программе действий).

Отличить лидерство от гегемонии

Как же быть с большим сохраняющимся американским превосходством? Реальное различие сил, военно-политического и экономического потенциала нельзя устранить ни формально-уравнительными правилами (одна страна – один голос и проч.), ни введением международных судов. Их авторитет быстро рухнет, когда мировая сверхдержава откажется выпол-

[11] Например, при разрешении конфликтов на Северном Кавказе нужно не закрываться всеми силами от международного контроля, а напротив, привлекать наблюдателей, прежде всего, из Европы и Турции.

нять судебные решения. Принципиальное решение состоит в последовательном проведении различения, вслед за Грамши и Арриги, лидерства и гегемонии.

Лидерство страны означает определение общих целей, прокладывание пути для всех других стран, выработку новых полезных всем образцов, общих справедливых правил международного взаимодействия (игра с ненулевой суммой). Лидерство сопряжено с *ответственностью* – готовностью и способностью решать возникающие общие проблемы. Лидер преимущественно использует *мягкую силу* по Дж. Наю – демонстрирует привлекательность предлагаемого пути[12]. Лидер прибегает к *жесткой силе* лишь в крайних случаях, легитимно (с санкции СБ ООН, в будущем – с санкции авторитетного международного суда) и при поддержке широкой международной коалиции.

Гегемония страны означает использование силы и влияния для получения преимуществ, обычно в ущерб другим странам, навязывание своих образцов в корыстных целях, создание правил взаимодействия, выгодных для своей страны и невыгодных для других (игра с нулевой суммой). Гегемония сопряжена с *автономией от ответственности* и огораживанием своей страны от внешних проблем – склонностью перекладывать потери, груз решения проблем на слабейших. Гегемон может иногда использовать *мягкую силу*, но главную ставку делает на *жесткую силу* (политическое давление, экономические санкции, втягивание зарубежные правительства во внешние долги, военное вмешательство и соответствующие угрозы).

Универсальная традиция политической риторики состоит *в претензиях на лидерство при подспудном стремлении к гегемонии.*

Действительно, на словах все стремятся к лидерству: США и Европа – в мире, Китай и Индия – в Азии, Иран – в мусульманском мире, Россия – на постсоветском пространстве. На деле, все в разной степени стремятся заполучить гегемонию. Новый мировой порядок будет более справедливым, гуманным и устойчивым, если удастся выстроить формальные и неформальные институты, способствующие тому, чтобы «дела приблизить к словам», чтобы каждый претендент на лидерство (и гегемонию) в мировом регионе делал и соразмерный вклад в развитие этого региона.

Никто не сможет запретить США претендовать на глобальное лидерство, но в новом мировом порядке оно будет сопряжено с ответственностью и весьма существенными затратами на развитие во всех тех регионах, где Америка стремится лидировать. Новые глобальные и региональные структуры призваны одновременно связывать и направлять разного рода активность.

Принципиальный подход состоит в том, чтобы:

а) сделать общеизвестным и общезначимым, достоянием публицистики, общественного мнения различение лидерства и гегемонии;

б) тесно связать лидерство *с правотой* как неукоснительным следованием *нормам международного права*;

в) *гегемонию,* напротив, трактовать как постоянную *угрозу нарушения международного права,* что нарушает интересы и достоинство всех других государств – участников международного взаимодействия;

г) создать механизмы взаимного контроля, чтобы под видом «лидерства» ни одна держава не достигала чрезмерной, опасной или невыгодной для других гегемонии;

д) претензии к странам-гегемонам (например, Кубы – к США) и обратные претензии (например, США – к Ирану или Северной Корее) решать в региональных международных судах, а затем – в международном суде глобальной юрисдикции при ООН.

[12] Nye, J.S. Soft Power. The Means to Success in World Politics/ J.S. Nye. – New York: Public Affairs. – 2004.

Россия и Запад: трансформация базового отношения

Рассмотрим вначале возможности модификации базовых геокультурных и геополитических отношений между Россией и Западом.

Можно смело утверждать, что в рамках бинарной структуры Россия-Запад, тем более, в условиях борьбы за геокультурное, геоэкономическое и геополитическое влияние на постсоветском пространстве никакое излечение от извечного метания России между заносчивым «особнячеством» и послушным «западничеством» не возможно. «Потеря» Прибалтики, Грузии, Украины, Молдовы, а также бездумная телепропаганда резко усилили массовые антизападные настроения в России; в то же время, объективные потребности в технологическом и социально-экономическом развитии, рост мирового терроризма, нарастание нестабильности диктуют союз с Западом. Европейство России, тягу России к Европе не отменить (даже сталинский «железный занавес» не помог).

Пока подросток выясняет со взрослым, «кто главнее», пока невротик наедине со всем миром мечется от самовозвеличивания к самоуничижению, шансы на взросление и выздоровление почти нулевые. Ситуация кардинально меняется, если человека удается вовлечь в солидарное партнерское сообщество с общей деятельностью, в которой таланты и усилия этого человека дают видимые всем плоды и отдачу. Кажущаяся далекой аналогия, на самом деле, выражает глубокие инварианты социальной действительности, действующие на всех уровнях — от микро- до макро-.

Итак, России *вместе* с Европой (Западом?) нужно найти такую общую деятельность, которая позволила бы России избавиться от метаний, реализовать свой потенциал, завоевать тем самым престиж, не поступаясь исконными святынями.

Эта общая деятельность должна, прежде всего, отвечать долговременным интересам России, быть по каким-то параметрам выгодной и значимой для Европы, а также отвечать общим глобальным трендам (в позитивной их части).

Позитивные тренды и перспективы цивилизаторской миссии

Долговременными глобальными трендами, которые, несмотря на известные издержки, можно смело трактовать как позитивные, являются:

1. индустриализация, урбанизация, развитие транспортной, энергетической, коммуникационной инфраструктуры, информатизация, технологический прогресс, коммерциализация (расширение рынков товаров и услуг);
2. повышение общего уровня образования, развитие науки, культурного производства;
3. развитие систем социальной защиты, развитие институтов, защищающих интересы и права граждан;
4. пацификация (умиротворение конфликтов, построение надежных систем международной безопасности).

В чем состоит стратегический интерес России? Оставим глобальные амбиции: реально воздействовать на Африку, Южную Америку, Океанию Россия в ее нынешнем положении и не может, и это ей ни к чему. Речь должна идти о Евразии, прежде всего, *самой территории России и прилегающих регионов (Лимитрофа)*.

Указанные выше тренды могут осуществляться в Евразии на европейский, американский, российский, китайский, индийский, японский, арабский, иранский, турецкий манер.

Зависит же это напрямую от силы геополитического, геоэкономического и геокультурного влияния соответствующих центров в разных регионах Евразии, а также от силы и эффективности альянсов между такими центрами.

Наиболее патриотично смотрелась бы борьба за «русский путь», однако уж слишком многие «но» тому препятствуют:

– бесславный распад СССР и дискредитация «русского коммунизма»,
– страхи перед новорусским имперским реваншизмом,
– весьма скромный мессианский потенциал современного православия,
– широко известные в мире сырьевой перекос в российском экспорте (периферизация экономики),
– коррумпированность государства.

Главное же — никакой внятной идеи кроме нового витка принудительной мобилизации и борьбы против мировой гегемонии Запада вообще и США, в особенности, в пресловутом «русском пути» не содержится. При таких условиях не стоит даже вступать в конкуренцию с «китайским», «западным», «мусульманским» путями обустройства Лимитрофа, тем более, всей Евразии.

Ситуация меняется радикально при создании разумных альянсов. Главный и наиболее перспективный альянс для России практически по всем направлением — это союз с Европой, объективно конкурирующей с США в мире, но лучшие шансы имеющей именно в Северной и Центральной Азии. *Российская территория при таком подходе становится главным плацдармом для европейско-российской цивилизаторской роли.* Новое звучание обретает незаслуженно осмеянный и полузабытый лозунг времен Перестройки — Европа от Дублина до Владивостока.

Очевидно, что сам плацдарм должен получить более высокое развитие (плотность дорог и коммуникаций, производственные цепочки, сеть научно-технологических центров, налаженные рыночные и финансовые институты) для последующей экспансии вовне. Урал, Сибирь и Дальний Восток должны стать первым центром внимания для цивилизаторской европейско-российской активности. Значимость Сибири при этом действительно возрастает[13].

Революционным шагом в этом направлении был бы перенос столицы, по меньшей мере, крупнейших экономических министерств на восток страны — предположительно в Западную Сибирь. Такого рода идеи неоднократно высказывались[14], есть политико-экономические и экономгеографические обоснования.

---

[13] Цымбурский, В.Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: Цивилизация и ее геополитика/ В.Л. Цымбурский. – М. 2000.

[14] Р.В. Вишневский предлагает такой план: «Следует выделить 7-8 перспективных регионов, которые могли бы стать точками роста в России. Претендентами на это смотрятся Санкт-Петербург, Екатеринбург, Сочи — поскольку в него и так планируется вложить большое количество денег, один из трех регионов Поволжья: Нижний Новгород, Казань и Тольятти, у каждого из которых есть свои плюсы и минусы. Казань интересна с точки зрения укрепления федерализма, Нижний Новгород как экономический центр региона, а Тольятти для компенсации городу потерь, причиненных проблемами на «АвтоВАЗе». Также это должен быть один город в Сибири, скорее всего, Новосибирск и один город на Дальнем Востоке — Владивосток или Хабаровск. Москва, например, может остаться местом пребывания президента. В каждый из городов следует вынести одно или несколько федеральных министерств, а также фактически в приказном порядке потребовать ведущие компании перерегистрировать свои штаб-квартиры в одном из этих городов России. Полагаю, что можно предоставить корпорации право выбора города расположения штаб-квартиры. Перенесение федерального министерства должно сопровождаться полным переездом его штата в этот город, либо же с увольнением старых специалистов и набором новых на новом месте» (см.: Вишневский, Р.В. Перенос Третьего Рима [Эл. ресурс]/ Р.В. Вишневский. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.slon.ru/blogs/vishnevsky/ post/305750/, свободный).

Сама мысль о таком переносе многим до сих пор фантастической и неосуществимой. Однако тренд запустения востока России при одновременном росте могущества и демографического, геополитического давления Китая продолжается. Без революционных решений и действий, началом которых будет знаковый перенос крупных министерств, отвечающих за развитие восточных регионов страны, угрозы потери огромных окраинных территорий будут неуклонно расти.

При этом, вовсе не обязательно городить новый мегаполис или располагать столицу в мегаполисе (Екатеринбурге, Новосибирске или Красноярске). Путь строительства специализированного административного центра на новом месте показал себя вполне эффективным (Вашингтон, Бразилиа, Астана). Кроме того, идея субсидиарности, децентрализации бюджетной политики, возможно, только при условии такого переноса станет реализуемой[15].

От циклической пробуксовки – к мегатенденции «лифт»

Теперь рассмотрим, что обещает предлагаемый план европейско-российской цивилизаторской миссии в соответствующем концептуальном каркасе.

Развивающаяся система горизонтальных договоров естественным образом приводит к учету интересов участников, позитивному опыту сотрудничества и *социальному резонансу*. Европейско-российская цивилизаторская миссия в Северной, Центральной Азии и на Кавказе включает целый комплекс динамических стратегий: коммерческую, культурную, социоинженерную, технологическую, миграционную.

Возникают три кардинальных вопроса:

1. будет ли отдача (насколько результаты оправдывают затраты, — причем, не только в коммерческом смысле)?
2. насколько велико ресурсное пространство для развертывания динамических стратегий в случае хорошей отдачи?
3. какие ожидаются противодействия и тормозящие, угнетающие факторы?

Вообще говоря, эти вопросы требуют самостоятельного исследования. Здесь будут приведены только наиболее очевидные доводы.

Цивилизаторская миссия — это всегда большие затраты с отсроченной отдачей. На первом этапе для азиатской части России отдача состоит в индустриализации и новой волне заселения этих территорий. На втором этапе, для прилежащих азиатской части России стран отдача состоит в расширении зоны развитой инфраструктуры, образованного населения, стабильности и благополучия, что, в свою очередь, означает рост новых потребительских рынков для товаров, услуг и культурной продукции России и Европы, снижение нелегальной и нежелательной иммиграции.

Ресурсное пространство измеряется территорией, населением и энергетическим потенциалом Северной и Центральной Азии — его точно хватит на реализацию динамических стратегий в течение несколько поколений.

Европейско-российскому цивилизаторскому альянсу, вероятно, в большей или меньшей мере будут противостоять США (с Японией), претендующие на глобальное доминирование, Китай — негромко, но эффективно *уже проводящий собственную цивилизаторскую*

[15] В России характеристики географического центра страны, относительно теплого климата, неплохой экологии, просторной площади для строительства и благоприятного природного ландшафта сочетаются, например, на юге Алтайского Края — у кромки гор (родина Василия Шукшина, между прочим). Москва же, как древний исторический центр и одна из мировых культурных, интеллектуальных, экономических столиц, отнюдь не будет обижена, наоборот, вздохнет свободнее.

миссию в Азии, а также арабо-мусульманский мир, ревностно оберегающий свои земли от экспансии «неверных».

Заметим, что напряженность отношений Америки с мусульманским миром (актуальная) и с матереющим Китаем (потенциальная), гораздо интенсивнее, чем возможное противостояние китайцев и мусульман предлагаемому европейско-российскому цивилизаторскому альянсу. Эти внутренние противоречия в рядах вероятных конкурентов на просторах Евразии — залог востребованности европейской переговорной культуры в разломах Лимитрофа. Появляется шанс для нового, теперь уже не циклически буксующего, а неуклонного подъема и расцвета России.

В богатой, славной и трагической русской истории было почти все, кроме мегатенденции «лифт» — устойчивого автокаталитического положительного контура тенденций роста и структурного развития (принудительно-мобилизационные периоды, приводившие к триумфам и величию, не воспроизводились, буксовали всплесками кратких циклов, переходили к стагнации и разложению[16]. Однако, нет абсолютных, принципиальных препятствий для создания и складывания нового пути развития России — комплекса динамических стратегий, переходящих в мегатенденцию «лифт».

Выявленный стратегический вектор для России — это, конечно же, не рецепт излечения, но шаг в самоопределении и указание на открывающееся смысловое пространство политических и философских дискуссий о будущем страны.

Достижение Россией влияния, могущества и престижа на международной арене

Такое возможно только при здоровой и динамично развивающейся социальной и экономической системе, для чего, в свою очередь, необходима *институциональная революция*[17], массированная модернизация организационного управления, инфраструктуры и технологий; а для этого, в свою очередь, необходимы прочные союзы с наиболее модернизированными странами (Германия, Франция, Великобритания, страны Скандинавии, США и Канада).

По многим причинам Россия отодвинута к периферии в мировом экономическом пространстве. Чтобы придвинуться ближе к центру, нужно не бряцать оружием и не перекрывать газовые вентили, а напротив — искать, чем привлечь центры мировой экономической активности.

Как говорилось выше, в интересах России — отнюдь не распад нынешней системы американской гегемонии, а ее медленная эволюция в сторону большего влияния и участия других мировых сил. Предпочтительные союзники в такой стратегии: Объединенная Европа, Турция, Индия, Южная Корея, Бразилия, возможно, Мексика.

Достижение морального, культурного и геополитического престижа России возможно только через *последовательную внешнюю политику, основанную на четких принципах.* С учетом известных традиций и амбиций таковыми должны быть:

а) принципы справедливости и равенства в международных отношениях, устранения «двойных стандартов», пресечение манипулирования общими правилами со стороны сильнейших держав;

---

[16] Розов, Н.С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление?/ Н.С. Розов // Полис. – 2006. – № 3. – С. 74-89.

[17] Розов, Н.С. Колея и перевал: макросциологические основания стратегий России в XXI веке [Эл. ресурс]/ Н.С. Розов. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.nsu.ru/ filf/rozov/publ/kol-per.htm, свободный.

б) строгое соблюдение международного права, договоров при последовательной критике и изменении тех норм права, которые не соответствуют принципам справедливости и равенства;

в) последовательная и надежная защита малых и слабых стран от давления, притеснения, эксплуатации со стороны сильнейших держав;

г) направленность на повышение авторитета и эффективности обновленных глобальных структур (СБ ООН, международный суд ООН по безопасности), на создание и легитимацию региональных правовых и силовых структур.

Как сочетать скромность и твёрдость в геополитике

Вместо межеумочного метания между «Западом» и «российской самостью»[18], вместо неуклюжих попыток встать вровень с такими гигантами современной мировой политики как США и Объединенная Европа, следует проявить одновременно скромность и твердость (чему вполне можно поучиться у Китая).

Скромность — в признании своих серьезных внутренних проблем, в готовности поддерживать чужие инициативы, особенно, если они соответствуют образу желаемого глобального будущего (в варианте, представленным выше, или ином).

Твердость — в защите принципов справедливости и международного права. Фактически такая позиция и означает устойчивый союз с силами гуманистической Мегатенденции III как внутренней конструктивной оппозиции для глобализующей Мегатенденции I.

Практически речь идет об активизации дипломатии в союзе с европейскими партнерами в сфере институциональных изменений международной системы в направлении:

а) утверждения верховенства права в международных отношениях не на словах, а на деле — через учреждение авторитетных судов,

б) самоограничения мировых экономических элит,

в) поддержки беднейших социальных слоев и регионов, развития соответствующей инфраструктуры, образования, гражданских институтов и проч.

Если России удастся стать одним из движителей гуманистической Мегатенденции III, то она резко повысит свой престиж и влияние, получит надежных союзников, повысит свою безопасность во многих аспектах.

Требуются также долговременные и масштабные инвестиции в *мягкую силу* (образование элиты, переводы, поддержка изучения русского языка и культуры, научный и образовательный обмен, совместные творческие проекты и проч.) для восстановления притягательности России в Ближнем Зарубежье (читай, Лимитрофе), причем, без раскалывающей сегрегации по национальному признаку.

Итак, политика достоинства и величия России — это внутренние институциональные преобразования, рост мирного престижа в международном правовом порядке, совместная с Европой цивилизаторская миссия, наращивание культурной привлекательности. Экономическую основу для всего этого должен составить подъем России в миросистемной геоэкономической иерархии, но это уже отдельная тема.

[18] Шевцова Л. Доктрина межеумочности // Ежедневный журнал, 3 июля 2009 г. [Электронный ресурс]/ Л. Шевцова. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.ej.ru/ ?a=note&id=9223, свободный.

УСЛОВИЯ ИНТЕГРАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В ПРОЦЕССЕ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ

А.В. Бутина
Институт философии и права
Сибирского отделения РАН

Аннотация: *В статье дан анализ эндогенных условий интеграции интеллектуалов в процессы низовой самоорганизации в России и странах Латинской Америки во второй половине XX века. Представлены результаты исследования мотивов сотрудничества и паттернов личных связей интеллектуалов и активистов гражданских движений.*

Ключевые слова: *интеллектуалы, гражданская самоорганизация, метод теоретической истории, оперантное подкрепление.*

Проблема роли интеллектуалов в обществе – одна из ключевых в современном зарубежном и российском социально-философском дискурсе. Интеллектуалы и их сообщества все чаще рассматриваются в качестве представителей «креативного класса»[1], носителей социального капитала, направленного на раскрытие потенциала общества, его модернизацию. Изучение интеграции социальных проектов интеллектуалов в различные формы гражданской активности представляется значимым и в контексте анализа проблемы взаимосвязи социальной и ментальной динамики. Практический смысл исследования состоит в возможности нахождения пути преодоления отчуждения, относительной атомизированности в российском обществе.

Оценка участия интеллектуалов в функционировании общественных организаций и движений сталкивается с целым рядом проблем методологического характера.

Во-первых, несмотря на то, что проблема роли интеллектуалов в обществе стала предметом теоретического осмысления еще в конце XIX века, исследование феномена интеллектуалов и разработка концепции гражданской самоорганизации, социальных движений и групп происходили в рамках самостоятельных теоретических направлений, подчас независимо друг от друга.

Во-вторых, на сегодняшний день в России не сложилось оригинальной концепции интеллектуалов. Большинство исследований в данной области представляют собой анализ зару-

[1] Галкин, Д.В., Казанкина, Е.В. Истина в мире без истины: самоопределение интеллектуалов в культуре постиндустриального общества / Д.В. Галкин, Е.В. Казанкина// Вестник ТГУ. – 2007. – № 298. – С. 76.

бежных теорий и попытку интерпретации с их позиций российской действительности[2]. Сохраняется путаница в употреблении понятий «интеллектуалы» и «интеллигенция». Онтологические, социально-экономические, культурно-политические характеристики интеллигенции разрабатывались в трудах отечественных ученых на протяжении многих десятилетий и значительно более подробно. Кроме того, сегодня широко используются термины, обладающие смежной коннотацией, например «эксперты»[3], «профессионалы», «фабрики мысли»[4], «интеллектуально-активная группа»[5]. В современных российских исследованиях разрабатывается также проблема конверсии интеллигенции в интеллектуалов[6]. Итогом такой конверсии является концепт интеллектуала, наделенный качествами субъекта общественной динамики, гражданской ответственностью и многими другими характеристиками, традиционно приписываемыми представителю интеллигенции.

В-третьих, становление интеллектуалов как социального слоя в России было существенно затруднено. По мнению американского исследователя Э. Голднера, причинами этого являлись «бюрократизация интеллектуалов» или «интеллектуализация бюрократии» в советский период российской истории. Кроме того, значительная часть образованной прослойки с советских времен была представлена технической интеллигенцией, для которой специализированные профессиональные интересы были превыше всего[7]. В результате многие «технари» проявляли пассивность в решении вопросов, не связанных непосредственно с профессиональными интересами[8].

Стоит отметить, что большинство научных работ, посвященных проблемам интеллектуалов в обществе, сохраняет деонтологический пафос, делает значительный акцент на долге интеллектуалов перед обществом. Определение, взятое за основу в настоящем исследовании: «интеллектуалы – это люди, которые создают деконтекстуализированные идеи»[9], позволяет преодолеть нормативистскую трактовку и включить в круг интеллектуалов в России профессиональных производителей идей в самых различных областях.

Для оценки потенциала участия интеллектуалов на процессы гражданской самоорганизации, его характера и устойчивости, представляется важным выявить факторы, обусловливающие интеграцию интеллектуалов в деятельность субъектов гражданской активности.

---

[2] Голиченко, Т. Интеллектуалы в фокусе современных французских социологических, политологических и исторических исследований/ Т. Голиченко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 2; Иноземцев, В. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе/ В. Иноземцев // Социологические исследования. – 2000. – № 6; Квакин, А.В. Интеллектуальная элита – интеллектуалы/интеллигенция: еще раз о соотнесении понятий/ А.В. Квакин // Интеллигенция и мир. – 2001. – № 2/3; Сморгунов, Л.В. Интеллектуалы в политике/ Л.В. Сморгунов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Сер. «Философия. Социология». – 2008. – Том 21 (60). – № 3; Фирсов, Б.М. Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века/ Б.М. Фирсов // Звезда. – 2001. – № 8.

[3] Ашкеров, А. Экспертократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма/ А. Ашкеров. – М.: Европа, 2009.

[4] «Фабрики мысли» и центры публичной политики: международный и первый российский опыт. – СПб: Норма, 2002.

[5] Куренной, В. Интеллектуально-активная группа населения и ее взгляды/ В. Куренной // Мониторинг общественного мнения. – 2009. – № 3 (91). – С. 183-190.

[6] Степанова, О.К. Понятие «интеллигенция»: борьба в символическом пространстве и во времени/ О.К. Степанова // Социс. – 2003. – № 1.

[7] Цит. по: Галкин, Д.В., Казанкина, Е.В. Истина в мире без истины: самоопределение интеллектуалов в культуре постиндустриального общества/ Д.В. Галкин, Е.В. Казанкина // Вестник ТГУ. – 2007. – № 298. – С. 77.

[8] А.В. Соколов относит этих интеллектуалов к личностям, «идущим на компромисс с официальными требованиями власти ради получения относительной свободы творческого самовыражения» (см.: Соколов, А.В. Поколения русской интеллигенции/ А.В. Соколов. – СПб: Изд-во СПб ГУП, 2009. – С. 572).

[9] Коллинз, Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – С. 67.

Цель настоящего исследования – определить мотивы сотрудничества интеллектуалов с активистами общественных организаций и движений.

Совокупность точек зрения на поставленную проблему в современной социальной мысли концентрируется вокруг ряда моделей:

Интеллектуалы как субъекты гражданской ответственности. По мнению немецкого социолога Р. Дарендорфа, «интеллектуалы несут ответственность перед обществом. Общества, где они немы, лишены будущего. Обязанность интеллектуалов – отчетливо выражать [существующие точки зрения] и таким образом обращаться к тем, кто несет на себе тяготы и невзгоды реальной жизни»[10]. Во французской социальной мысли схожие позиции занимали публицист П. Низан[11] и философ М. Фуко[12]. Французский социолог П. Бурдье налагал на интеллектуалов обязательство действовать в качестве коллективного сознания нации, занимая определенную позицию в общественных вопросах и активно выражая ее в публичном пространстве. Роль интеллектуала, по его мнению, состоит в гуманитарной экспертизе социально-экономических и политических процессов. Выражая свой взгляд на европейскую действительность, Бурдье утверждал, что в современном ему обществе важно и даже необходимо, чтобы некоторые независимые интеллектуалы присоединились к социальному движению. По его мнению, в новом качестве интеллектуалы могут заниматься «коллективным изобретением коллективных структур изобретения, которые породят новое социальное движение, то есть новое содержание, новые цели и новые международные методы действия»[13].

Интеллектуалы как выразители интересов или позиций определенных социальных групп. Данный тезис согласуется с концепцией «органических интеллектуалов» А. Грамши. Таких интеллектуалов каждый новый класс создает вместе с собой и формирует в своем поступательном развитии, они являются «специалистами» в области отдельных сторон первоначальной деятельности нового социального типа, который новый класс вывел в свет[14].

Интеллектуалы как организаторы. По мнению итальянского философа и последователя А. Грамши Н. Боббио, у современных интеллектуалов нет достаточно веских оснований для культурных инициатив и гражданских акций в рамках деятельности какой-либо партии. Разграничения в сообществе интеллектуалов проходят не среди органических и неорганических, а скорее среди интеллектуалов, уже организованных и тех, кому организоваться еще предстоит[15]. Таким образом, задача интеллектуала во взаимоотношениях с субъектами гражданского общества – служить организующим началом, образом созидательного разума.

Интеллектуалы как критики и стратеги. На осуществление интеллектуалами в обществе критической функции в разное время указывали Й. Шумпетер[16], Р. Арон[17], Ю. Хабермас[18] и другие. Такая позиция, а также утверждение роли интеллектуалов в качестве разработчиков программ общественного развития, близки и многим исследователям в современ-

---

[10] Дарендорф, Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением/ Р. Дарендорф // Полис. – 1997. – № 6.

[11] Голиченко, Т. Интеллектуалы в фокусе современных французских социологических, политологических и исторических исследований/ Т. Голиченко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004.– № 2. – С. 46-47.

[12] Фуко, М. Политическая функция интеллектуала / Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью. Т. 1/ М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – С. 201-209.

[13] Бурдье, П. Заангажированное знание [Эл. ресурс]/ П. Бурдье. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://bourdieu.name/content/za-angazhirovannoe-znanie, свободный.

[14] Грамши, А. Тюремные тетради (Избранное)/ А. Грамши. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – С. 191-219.

[15] Боббио, Н. Интеллектуалы и власть/ Н. Боббио // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 162-171.

[16] Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия/ Й. Шумпетер. – М.: Экономика, 1995. – С. 201-214.

[17] Арон, Р. Опиум интеллектуалов/ Р. Арон // Логос. – 2005. – № 6. – С. 186.

[18] Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала/ Ю. Хабермас // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 3.

ной России, в числе которых Л. Шевцова[19], В. Мартьянов[20], О. Яницкий[21], Ю. Резник[22] и другие.

Анализ современной американской социальной мысли позволяет выделить и типы интеллектуалов, вовлеченных в различные формы гражданской активности.

Публичный интеллектуал. Понятие «публичный интеллектуал» в своем значении восходит к используемому в XIX веке во Франции определению «ангажированный интеллектуал», описывавшему интеллектуалов, критиковавших политику государства и оправдывавших реакцию на действия властей со стороны гражданского общества. Широкое распространение в американском социально-философском дискурсе термин «публичный интеллектуал» получает благодаря Ч. Райт Миллсу, который в 1944 г. публикует эссе «Социальная роль интеллектуала», отталкиваясь от прагматических воззрении Д. Дьюи на включенность в социальное обращение научных разработок либеральных и левых интеллектуалов[23]. В произведении «Знание и власть» Миллс определяет публичного интеллектуала в качестве носителя морального сознания общества[24].

Интеллектуал-фабианец и *интеллектуал-фрилансер.* По мнению американского социального критика И. Хоува, для интеллектуалов, жаждущих совмещать серьезную социальную критику с защитой демократических институтов, есть два основных направления деятельности – путь «фабианца» и путь «фрилансера»[25]. На практике действует смешанная модель, но выделение идеальных типов открывает значительные возможности для анализа явления. Фабианец всецело отдается участию в движении за социальные реформы, посредством чего он чувствует, что служит обществу в качестве исторического наставника. Он организует свою деятельность рационально, с уважением к историческим ценностям, придавая этой деятельности идеологическое значение. Такой интеллектуал может стать лидером движения, но в этом случае он более не принимает участие в поиске истины, но вынужден писать пропагандистские прокламации, которые рано или поздно наполнятся ложным содержанием. Если фабианец достаточно умен, а его партия достаточно либеральна, чтобы предоставить ему свободу жизненного пространства, то он может выполнять двойственную функцию, что означает необходимость быть одновременно и политическим актором, и сохранять дистанцию по отношению к своему движению. В отличие от фабианца, интеллектуал-фрилансер считает всякое политическое участие ниже своего достоинства. Такого рода активность препятствует его самовыражению, принуждает его брать на себя роль, для которой он недо-

[19] Морозова, М. Политолог Лилия Шевцова об адаптантах и антисистемщиках [Эл. ресурс]/ М. Морозова. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.svobodanews.ru/ content/article/24092269.html, свободный.

[20] Мартьянов, В. Траектория постсоветских интеллектуалов: осознание «нового класса» или выработка общественного согласия / Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов/ В. Мартьянов. – М.: Наследие Евразии, 2009. – С. 87.

[21] Яницкий, О.Н. Интеллигенция умерла? [Эл. ресурс]/О.Н. Яницкий. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.isras.ru/ blog_yan_23.html?&printmode, свободный.

[22] Резник, Ю.М. Социальная теория и гражданская миссия интеллектуалов [Эл. ресурс]/ Ю.М. Резник. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/ 1208388353.pdf, свободный.

[23] Brouwer, D. Public intellectuals, public life and the university / Public intellectuals, an endangered species? / D. Brouwer; ed. by A. Etzioni and A. Bowditch. – N.Y., 2006. – P. 33.

[24] Mills, C.W. On knowledge and power / Public intellectuals, an endangered species? / C.W. Mills; ed. by A. Etzioni and A. Bowditch. – N.Y., 2006. – P. 257.

[25] Понятие «фабианец» в модели И. Хоува характеризует тип политического активиста, отличающегося приверженностью идеалам социал-демократии, осуществления общественно-политических преобразований путем парламентской борьбы и постепенных институциональных изменений. Термин «фрилансер» Хоув использует для определения интеллектуала, занимающего критическую позицию по отношению к действительности, формально не причастного к деятельности какого-либо конкретного социального института или центра производства знаний (см.: Howe, I. Intellectuals, Dissent and Bureaucrats / Public intellectuals, an endangered species? / I. Howe; ed. by A. Etzioni and A. Bowditch. – N.Y., 2006. – P. 78).

статочно эрудирован и, более того, толкает на то, чтобы стать жалким, впав в зависимость от власти. Фрилансер предлагает только один продукт – критику. Он заботится не о власти, но о влиянии, и даже менее о влиянии в социуме, чем в сообществе таких же интеллектуалов[26]. Хоув приходит к выводу о том, что оба типа интеллектуалов находятся в диалектической зависимости. Фабианец сталкивается с риском пагубного приспособления к условиям социальной среды, соблазном действовать хитростью и вводить в заблуждение сторонников. В свою очередь фрилансер чересчур правдив и изолирован от влияния общества. Таким образом, когда платформа фабианца начинает занимать лидирующие позиции, тогда и возникает потребность во фрилансере как критике, и наоборот, когда очевидно, что идеи фрилансера неоспоримы, тогда тот нуждается в прагматических навыках фабианца для их продвижения[27].

И все же очевидно, что гражданский этос, как форма самосознания, формируется далеко не у всех интеллектуалов. Сам факт того, что интеллектуал критикует власть или симпатизирует программе того или иного социального движения еще не служит достаточным основанием его участия в гражданской активности. С той же вероятностью, мотивами могут выступать, к примеру, удовлетворение материальных потребностей, приобретение новых статусов, конкуренция в сфере интеллектуального сообщества и т.д.

Для изучения причин и мотивов сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов с помощью метода теоретической истории[28] проведен сравнительный анализ включенности интеллектуалов в различные формы низовой самоорганизации в типологически сходных случаях – в России и странах Латинской Америки (Бразилии, Мексике, Чили) во второй половине XX века. Общий тип социально-политического и экономического развития данных регионов отмечают Е. Гонтмахер, В. Красильщиков и другие эксперты. Роль интеллектуалов в динамике политического процесса в странах Латинской Америки является предметом пристального внимания исследователей гражданской самоорганизации в России[29].

Для адекватной интерпретации в качестве объектов анализа выбраны положительные и отрицательные случаи интеграции интеллектуалов в деятельность общественных организаций и движений.

Положительные случаи характеризуются успешной реализацией социальных проектов интеллектуалов; наличием отношений взаимной заинтересованности интеллектуалов и субъектов гражданской активности; наличием площадок для диалога.

К данной группе относятся: СССР 1960-х гг. (ММК Г.П. Щедровицкого, методологическое движение, правозащитная деятельность акад. А. Сахарова), СССР 1979 г. (программа «Экополис» Д. Кавтарадзе); Россия 1990-е гг. (миссионерская деятельность А. Меня, проекты Леонтьевского центра, центров «Индем», «Стратегия»); Мексика 1994 г. (деятельность субкоманданте Маркоса в Сапатистской армии национального освобождения); Бразилия 1961-1964 гг. («педагогика освобождения» П. Фрейре); Бразилия 1985 г. (участие интеллектуалов в движении безземельных рабочих).

---

[26] Howe I. Op. cit. – P. 79.

[27] Howe I. Op. cit. – P. 80.

[28] Розов, Н.С. Историческая макросоциология. Методология и методы/ Н.С. Розов. – Новосибирск: НГУ, 2009.

[29] Ворожейкина, Т.Е. Государство и общество в России и Латинской Америке/ Т.Е. Ворожейкина // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6; Красильщиков, В.А. Латинская Америка сегодня – Россия завтра (оптимистический вариант будущего России)/ В.А. Красильщиков // Мир России. – 2002. – Т. 11. – № 1. – С. 57-96; Гонтмахер, Е., Григорьев, Л., Малева, Т. Средний класс и российская модернизация [Эл. ресурс]/ Е. Гонтмахер, Л. Григорьев, Т. Малева. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.riocenter.ru/ru/ news/analytics/248, свободный.

Отрицательные случаи – это случаи, в которых социальные проекты интеллектуалов не имеют успешной реализации; как интеллектуалы, так и гражданские активисты не проявляют заинтересованности в последующем взаимодействии, не формируются площадки для диалога.

В числе подобных случаев следующие: СССР 1950-е (протесты ученых); СССР 1960-е гг. (деятельность Ю. Левады, сотрудников Института международного рабочего движения); Россия 1992-1994 гг. («команда Гайдара»); Чили 1973 г. («Чикагские мальчики»); Бразилия 1965-1967 гг., Мексика 1983 г. – пассивность интеллектуалов при авторитарном режиме.

Предваряя рассуждение о субъективных факторах включенности интеллектуалов, необходимо отметить, что структура политических возможностей участия интеллектуалов в деятельности общественных организаций и движений – как совокупность экзогенных факторов – в большинстве как положительных, так и отрицательных случаев имела неблагоприятный характер. Показателями этого служат преимущественно закрытый характер политической системы как фон развития ситуации в исследуемых случаях, отсутствие или подавление оппозиции, противодействие правящей элиты разработке и воплощению социальных проектов интеллектуалов. Однако в положительных случаях репрессии не являются фактором, достаточным для исключения интеллектуалов из проблем и практик общественных организаций и движений.

Определяющее значение для успешной интеграции скорее имеет наличие у интеллектуалов организационного потенциала, социального и символического, что позволяет им строить сети взаимодействия с субъектами гражданской активности и самоорганизации.

Анализ форм взаимодействия интеллектуалов и субъектов гражданской активности демонстрирует их преимущественно неформальный характер. В исследуемых российских случаях к таким формам относятся: домашние семинары, игры, кружки, круглые столы, встречи, собрания. Большинство рассматриваемых положительных случаев в странах Латинской Америки характеризовалось отсутствием стабильных диалоговых площадок, что также компенсировалось участием интеллектуалов и гражданских активистов в неформальных интерактивных ритуалах; примерами служат также собрания приходских общин в Бразилии, практика личных встреч в рамках проведения «иной кампании» мексиканскими сапатистами[30].

В положительных случаях можно обнаружить более или менее устойчивую структуру или паттерны личных связей между интеллектуалами и гражданскими активистами:

Семейные, супружеские связи. Ярким примером является случай акад. А.Д. Сахарова. В начале 1970-х гг. присутствуя на процессах над правозащитниками, Сахаров познакомился с Е. Боннэр, которая стала его супругой в 1972 г. В «Воспоминаниях» А. Сахаров много пишет о роли, которую сыграла его Е. Боннэр в его собственной правозащитной деятельности, развитии сети контактов с диссидентами [31].

Наставничество. Александр Мень был духовным наставником, а подчас и крестным отцом многих правозащитников, например, А. Солженицына, А. Галича, А. Вознесенского и других.

---

[30] Starr, A. Participatory democracy in Action: practices of the Zapatistas and Movimento sem terra / A. Starr, M.E. Martinez-Torres, P. Rosset // Latin American Perspectives. – 2011. – № 1 (38). – P. 102-119; Сова, О.Н. Сапатисты XXI века: этапы, концепция и методы партизанской борьбы в Мексике /О.Н. Сова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 3. – С. 179-183.

[31] Сахаров, А.Д. Воспоминания [Эл. ресурс]/А.Д. Сахаров. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.ihst.ru/projects/sohist/memory/sakhmem/content.htm, свободный.

Логика конкуренции в интеллектуальной среде. Конкуренция в интеллектуальной среде – одна из форм существования интеллектуальных сетей, значимый способ взаимодействия интеллектуалов. Борьба за признание, удовлетворение престижных потребностей – важнейший мотив участия интеллектуалов в гражданской активности. Интеллектуал может стать идейным лидером общественного движения, или его символом, как, к примеру, акад. Сахаров и субкоманданте Маркос. В случаях достижения движением успехов в реализации требований, интеллектуал мог занять значимый государственный пост.

Коммерческий интерес. В 1990-е гг. успешное взаимодействие интеллектуалов и общественных организаций часто происходило в формате экспертного сопровождения деятельности, оказания консультационных услуг, обучения активистов. Это в свою очередь проводилось за счет финансовой поддержки НКО со стороны международных фондов (Фонд Сороса, фонд Конрада Аденауэра, фонд Карнеги и т.д.).

Безусловно, не следует исключать тот факт, что участие интеллектуала в гражданской самоорганизации может быть обусловлено его идеологической установкой, профессиональной направленностью. Этим, в том числе, объясняется взаимодействие П. Фрейре с активистами движения «теологии освобождения» в целях реализации педагогического проекта в Бразилии. В современной России социалистическая идеологическая ориентация объединяет интеллектуалов и сторонников общественного движения «Альтернативы». Кроме того, гражданский активизм – одна из областей исследовательского интереса.

Обращает на себя внимание и то, что в большинстве положительных случаев можно обнаружить наличие «оперантного подкрепления» интеграции интеллектуалов[32]. Случаи деятельности интеллектуалов – акад. А.Д. Сахарова, методологов, советских экологов – представляют собой не просто опыт разового участия интеллектуалов, но это, как правило, продолжительное взаимодействие, характеризующееся определенной частотой контактов. В непосредственных личных контактах повышается интенсивность эмоций, а также возможность установления значимой обратной связи. Успех первого взаимодействия в исследуемых случаях выступает фактором положительного оперантного подкрепления – обусловливает последующее обращение субъектов гражданской активности к интеллектуалам. Так только Г.П. Щедровицкий провел свыше 90 организационно-деятельностных игр до конца 1980-х гг.

Опираясь на теорию Скиннера, можно утверждать, что различия между положительными и отрицательными случаями интеграции состоят еще и в том, что в отрицательных случаях имеет место негативное подкрепление или устранение позитивного, последствием которого может стать наказание.

Отметим, что деятельность «команды Гайдара» в России и «чикагских мальчиков» в Чили также можно описать в терминах установления значимой обратной связи с представителями политической элиты. Большое значение в данном контексте приобретает позиция субъекта, взаимодействующего с интеллектуалом.

Изучение субъективных факторов в случаях успешной интеграции не позволяет выявить какого-либо универсального мотива, подталкивающего интеллектуала к участию в практиках гражданских движений. Скорее можно утверждать наличие различных мотивационных комбинаций, изменяющихся в зависимости от конкретной ситуации взаимодействия.

Так, например, конкуренция в интеллектуальной среде, потребность артикуляции идей и проектов, получения общественного признания подталкивали интеллектуалов к сотрудничеству с гражданскими группами интересов. Участие в деятельности движений посредством

[32] Термин Б.Ф. Скиннера: «Данный термин показывает, что поведение «воздействует» (ope-rates) на среду, генерируя последствия. Следствия определяют свойства, по которым устанавливается сходство реакции» (см.: Скиннер, Б.Ф. Оперантное поведение / История зарубежной психологии. Тексты/ Б.Ф. Скиннер. – М.: Издательство Московского университета, 1986. – С. 60-95).

консультирования или обучения сторонников часто становилось профессиональной деятельностью интеллектуалов, что, в свою очередь, накладывало отпечаток на условия их проживания и личной жизни.

Анализ проектов интеллектуалов в исследуемых случаях показывает, что конечным адресом выступают отнюдь не субъекты гражданской активности, с которыми выстраиваются отношения сотрудничества. В большинстве случаев именно потребность в участии в подготовке повестки дня для политической элиты, и, следовательно, в оказании влияния на процесс разработки и принятия политических решений обусловливает включенность интеллектуалов в практики общественных движений.

Безусловно, на успех интеграции оказывают влияние как структура политических возможностей и организационный потенциал, так и совокупность эндогенных факторов – мотивов и особенностей оперантного подкрепления сотрудничества интеллектуалов и субъектов гражданской активности. Однако оценить, какие ощутимые результаты приносит работа интеллектуалов, непросто. Обычно должно пройти много времени, прежде чем появится возможность измерить их влияние на развитие общественного движения, а результаты измерения легко оспорить. Тем не менее, в исследуемых случаях роль интеллектуалов в низовой самоорганизации состоит в развитии и поддержании символической сферы движения, групповой идентичности сторонников. Функция интеллектуалов – это также формулирование целей движения и стратегии деятельности лидеров. Совместные интерактивные ритуалы выступают одним из наиболее значимых факторов динамики ценностно-нормативных фреймов – замены адаптивной установки участников движений на активистскую, что является важнейшим проявлением взаимосвязи социальной и ментальной динамики, а в общефилософском ключе – отражением проблемы соотношения бытия и сознания.

Переводы и комментарии

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ФАШИЗМ»: К НОВЫМ СМЫСЛАМ СТАРОГО КОНЦЕПТА (Предисловие переводчика)

С.П. Поцелуев
Южный федеральный университет

Аннотация: *Текст представляет собой предисловие переводчика к переводу работы Дьёрдя Лукача "Тезисы Блюма". В предисловии обосновывается актуальность идей Д. Лукача для современной политической мысли, кратко излагается история работы, а также даётся её общая характеристика.*

Ключевые слова: *неомарксизм, Д. Лукач, глобализация, демократический фашизм, новый авторитаризм.*

Актуальность некоторых идей Дьёрдя Лукача – самого крупного марксистского философа прошлого столетия – становится особенно заметной в контексте нынешних дискуссий о дефицитах демократии в условиях глобального капитализма.

Во-первых, сама глобализация делает необходимым взгляд на капитализм как на целое; во-вторых, остается крайне актуальной мысль известного сочинения Д. Лукача «Истории и классового сознания» (1923) о том, что парламентская демократия сама по себе не может гарантировать человеку свободу от овеществляющего воздействия капиталистического механизма, от политического отчуждения. А это значит, что и сегодня есть основания задуматься о демократических альтернативах господствующей модели демократии. Сам Лукач оказался перед необходимостью подобных размышлений не только в своей критике сталинской модели социализма, но также еще раньше, когда в 1928 году он разрабатывал программу действий коммунистической партии Венгрии. Интересны в этой связи содержащие указанную программу «Тезисы Блюма», перевод фрагментов которых мы предлагаем читателям нашего журнала.

«Тезисы Блюма» – это условное название политических тезисов, подготовленных Д. Лукачем (имя «Блюм» было тогда его партийной кличкой) в 1928 году ко II съезду Венгерской компартии, по поручению ее ЦК. Здесь не место обсуждать роль этих тезисов в эволюции философских и политических воззрений венгерского коммуниста. Об этом он сам довольно ясно высказался в Предисловии 1967 года к новому изданию «Истории и классового сознания». Заметим только, что теоретическое содержание «Тезисов Блюма» Лукач впоследствии назвал скрытым terminus ad quem своего последующего развития, хотя в 1928-м этот документ был принят в штыки руководством партии, а его автор обвинен в «правом ревизионизме». Философ сделал вид, что раскаивается, написал «самокритику», чтобы не оказаться

вне политической поддержки в период наступавшего фашизма, но для себя сделал один принципиальный вывод: «Если я столь очевидно был прав, как я был прав с этими тезисами, и, тем не менее, должен был потерпеть такое явное политическое поражение, тогда мои практические способности как политика должны вызывать большие сомнения. Осознав это, я мог теперь со спокойной совестью сойти с политической сцены и вновь сконцентрироваться на теоретической работе. Впоследствии я никогда не пожалел об этом решении»[1].

Наверняка, такое решение покажется актуальным и для многих современных «интеллектуалов во власти». Однако актуальным представляется и само содержание «Тезисов Блюма», а именно, в контексте нынешних дискуссий о проблемах глобального капитализма.

Крушение здания Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке наглядно показало всему миру, что пресловутый тезис о конце истории является не более чем философской сказкой. Во всяком случае, система миропорядка, сложившаяся после второй мировой войны, ныне окончательно разрушена, однако это не сделало мир ни безопаснее, ни демократичнее. Напротив, борьба с новым врагом – «международным терроризмом» – грозит сузить сегодня пространство демократии. Оказывается, что «для государства неконтролируемый терроризм есть идеальный враг, который все оправдывает: от арестов, обысков, контроля, цензуры в СМИ до военизированных формирований в метро. Против людей, которые стоят вне человечества, оправданы любые средства. Раз врагу свойственно быть везде и нигде, значит, атаковать его можно в любом месте»[2]. Не менее опасными для демократии могут оказаться и внешнеполитические последствия «борьбы с терроризмом». Они выражаются в ускоренном построении нового мирового порядка, при котором ограничение прав и свобод не только отдельных граждан, но и целых государств может осуществляться под предлогом борьбы с «террористическими режимами», «государствами-негодяями» и т.п.

Заметный рост авантюризма и агрессивности во внешней и внутренней политике современных государств провоцирует на исторические параллели с фашизмом. В левой политической литературе можно прочесть о «демофашизме» или «неолиберальном фашизме», однако зачастую эти слова используются как бранные метафоры, не более. В отличие от этого, «Тезисы Блюма» содержат определенную концепцию «демократического фашизма» или «демократической формы фашизации». Под этими терминами венгерский марксист понимал в условиях хортистской Венгрии (но и не только в ней) «демократическую ликвидацию всей буржуазной демократии и всех буржуазно-демократических реформ», «осуществление фашизма в рамках демократии», что предполагало фактическое выключение всех (формально сохраняемых) демократических прав и свобод посредством специальных постановлений и мероприятий правительства. В таком политическом режиме Лукач уже во второй половине 20-х годов прошлого века видел специфически американский (альтернативный итальянскому фашизму) вариант буржуазного тоталитарного порядка и пророчил ему большое будущее в среде «западных демократий».

Сегодня эти идеи венгерского коммуниста оказываются востребованными в контексте левой критики капитализма, причем как глобального, так и отечественного. В этой критике речь тоже идет о феномене «нового авторитаризма», когда национальные и международные демократические институты превращаются в символический фасад, прикрывающий авторитарную практику «глобальных игроков». Левые утверждают: лицемерно борясь за права человека, неолиберальный капитализм нередко сам провоцирует рост (или оказывается политическим сообщником) различных идеологий неравенства – расизма, фашизма, религиозного фундаментализма.

Сошлемся в этой связи на книгу Ноама Хомского «Прибыль на людях. Неолиберализм и глобальный порядок», в которой дается критика тоталитарных моментов неолиберальной

[1] Lukács G. Geschichte und Klassenbewußtsein // Georg Lukács Werke. Bd. 2., "Geschichte und Klassenbewußtsein, Frühschriften II". – Neuwied und Berlin: Hermann Luchterhand Verlag, 1968. – S. 33.

[2] J.-P. Carasso, G. Dauvé, K. Nesic. Grauer September // Wildcat-Zirkular. – Nr. 61, Januar 2002.

идеологии глобализации. В своей книге Хомский анализирует одно из фундаментальных представлений американской демократии, состоящее в том, что «большая бестия» (как выражался А. Гамильтон), т.е. малоимущее гражданское большинство, не должно становиться поперек дороги «богатому меньшинству». Для этого надо систематически (прежде всего, пропагандой, т.е. «муштрой общественного мнения») формировать мнение большинства в пользу меньшинства. В этом своеобразном «демократическом» тоталитаризме Хомский усматривает параллель между «прогрессивной теорией демократии и марксизмом-ленинизмом»[3], отмечая, что особая гениальность этого порядка состоит именно в том, чтобы люди еще и платили за свою «привилегию» быть обманутыми посредством идеологических манипуляций.

Конечно, мысль о своеобразной «тоталитарности» рыночного либерализма, американского «образа жизни» и т.п. высказывалась и до Хомского, и она вовсе необязательно была связана с «классовым подходом» в смысле Маркса или Лукача. Достаточно вспомнить, к примеру, об анализе «культуриндустрии» в «Диалектике Просвещения» Т.Адорно и М.-Хоркхаймера или о тезисе австрийского философа Х.-Д.Кляйна о глубинном «национал-социалистическом» укладе всей современной мировой политики, когда сохранение социального мира внутри развитых государств достигается за счет крайне агрессивной, эксплуататорской внешней политики[4]. Однако нынешняя актуальность понятия «демократического фашизма» из «Тезисов Блюма» состоит именно в том, что оно имеет конкретный политический смысл. Ведь Лукач осмысливает исторически парадоксальное и для коммунистов необычное положение, когда в условиях фашизации внутриполитической жизни они были вынуждены становиться передовыми борцами за буржуазную демократию, – ту самую демократию, которую они подвергали резкой критике с «классовых позиций» пролетариата.

Нынешние левые критики капитализма находятся в сходной ситуации: в условиях имперской глобализации, когда смысл и суть демократии подвергаются беспрецедентному выхолащиванию, становится очевидным, что «демократия» отнюдь не является исключительно буржуазным состоянием, к которому коммунисты могут стремиться только из тактических соображений; как раз наоборот, «демократия может оказаться идеей глубоко антикапиталистической и революционной»[5]. Впрочем, мысль о том, что коммунизм есть лишь попытка последовательно провести в жизнь собственные идеалы буржуазии – свободу, равенство и братство – встречается уже в трудах классиков марксизма.

* * *

Перевод «Тезисов Блюма» осуществлен с немецкого издания: Georg Lukács Werke. Frühschriften II. Bd. 2. Hermann Luchterhand Verlag: Neuwied und Berlin, 1968. – S. 697-722. Данный текст, в свою очередь, представляет собой перевод венгерского источника: Részeletek a «Tézistervezet a magyar politikai és gazdasági helyzetröl és a KMP feladatairól» (Blum-Tézisek) c. dokumentumból // Párttörténeti Közlemények, 2. Jg., Heft 3 (1956), – S. 75-94 [первая публикация]). Русский перевод «Тезисов Блюма» был сверен с венгерским оригиналом, за что переводчик выражает глубокую благодарность М.А. Хевеши. При подготовке издания были частично использованы редакторские примечания как указанного издания 1968 года, так и более раннего издания: G. Lukács. Thesen über die politische und wirtschaftliche Lage in Ungarn und über die Aufgaben der Kommunistischen Partei Ungarns (Blum-Thesen, 1928), (Auszug) // G. Lukács. Schriften zur Ideologie und Politik. (Ausgewählt und eingeleitet von P. Ludz). Darmstadt und Neuwied: Luchterhand, 1973. – S. 290-322.

[3] Хомский Н. Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок. – М.: "Праксис", 2002. – С. 83.

[4] Klein H.-D. Philosophie der Gegenwart - Versuch einer Begriffsbestimmung (200 Jahre nach 1789) // Wiener Jahrbuch für Philosophie, 21, 1989. – S. 47-63.

[5] Валлерстайн И. После либерализма. – М.: УРСС, 2003. – С. 200.

Дьердь Лукач

ТЕЗИСЫ БЛЮМА
(фрагменты)

Аннотация: *Журнал «Политическая концептология» публикует перевод фрагментов работы Дьердя Лукача «Тезисы Блюма», подготовленной им ко II съезду Венгерской компартии в 1928 году. Перевод с немецкого выполнен С.П. Поцелуевым.*

Ключевые слова: *неомарксизм, фашизм, история Коммунистической партии Венгрии, демократический фашизм, новый авторитаризм.*

Предварительные замечания редакции «Известия партийной истории» (печатный орган, издаваемый Институтом истории партии при ЦК ВПТ[1]):

Сотрудники архива Института истории партии при ЦК Венгерской партии трудящихся, занимавшиеся периодом 1929-1939 годов, обнаружили во время своей работы один важный документ из истории Коммунистической партии Венгрии (КПВ) - так называемые «Тезисы Блюма», автором которых является товарищ Дёрдь Лукач.

Тезисы были написаны в конце 1928 года в целях подготовки политического реферата для II съезда Венгерской компартии. Они анализируют положение КПВ, общую обстановку в Венгрии и указывают – на основе принятой VI конгрессом Коминтерна программы[2] – на

[1] **ВПТ** - **В**енгерская **п**артия **т**рудящихся (венгр.: a **M**agyar **D**olgozók **Pá**rtja /**MDP**/) – название партии венгерских коммунистов, существовавшее до 1956 года. За свою историю венгерским коммунистам не раз приходилось менять название своей партии. В момент ее основания в ноябре 1918 года она называлась Коммунистической партией Венгрии (КПВ) (венг.: a **M**agyar **K**ommunista **Pá**rt /**MKP**/), и этот вариант назавания партии просуществовал вплоть до 1948 года. Однако, когда в марте 1919 года Социал-демократическая партия Венгрии под давлением своего левого крыла (Е. Ландлер, И. Хамбургер, Д. Нистор, Е. Варга и др.) объединилась с КПВ, то образовалась Венгерская социалистическая партия, распавшаяся, правда, сразу же после гибели Венгерской советской республики в августе 1919 года. В условиях хортисткого режима венгерская компартия (КПВ) действовала в подполье, однако совместно с левыми социал-демократами она организовала свое легальное «подразделение»: Социалистическую рабочую партию Венгрии (СРПВ) (венгр.: a **M**agyar **Sz**ocialista **M**unkás**p**árt /MSZMP/), которая действовала под руководством КПВ до 1928. В июне 1948 года КПВ объединилась на платформе марксизма-ленинизма с венгерскими социал-демократами, образовав Венгерскую партию трудящихся (ВПТ). После бурных событий 1956 года партия венгерских коммунистов стала называться Венгерской социалистической рабочей партией (ВСРП). Русскоязычные версии названий венгерских политических партий приводятся по изданию: История венгерского революционного рабочего движения. Т.1-3. – М., 1970-1974 гг.

необходимость изменения стратегической установки партии, на идею демократической диктатуры рабочих и крестьян. Несмотря на это, в тезисах не были сделаны из самих по себе правильных стратегических установок необходимые выводы относительно союзнической и аграрной политики, а также тактики партии в целом.

Данные тезисы стали предметом внутрипартийной дискуссии в 1929 году.

После этой дискуссии и Открытого письма Исполкома Коминтерна (ИККИ) тезисы были отклонены вначале Центральным Комитетом, а затем и II съездом КПВ (февраль - март 1930), как ложный и оппортунистический документ именно с точки зрения упомянутой в них стратегической установки.

Текст тезисов разделен на пять глав:

I. Положение КПВ во время I-го съезда и ее развитие до пленума 1929 года;

II. Основные изменения в период бетленовского режима[3] и классы;

III. Положение рабочего класса;

IV. Деятельность КПВ в период после пленума;

V. Главные проблемы текущего момента.

Предлагаемый текст представляет собой главы I и V, а также разделы "A" и "D" главы V «Тезисов Блюма».

Тезисы о политической и экономической ситуации в Венгрии и задачах Коммунистической партии Венгрии

I. Положение КПВ во время I-го съезда и ее развитие до I-го пленума 1928 г.

1. КПВ провела свой первый съезд[4] в период быстро развивающегося массового движения левой ориентации. Лучшие левые элементы рабочего класса начали объединяться в оппозицию. Уже в начале этого движения КПВ удалось установить связь с наиболее сознательной частью оппозиции и вовлечь ее в сферу своего влияния. В начале 1925 года движение привело, в связи с новой, заключенной на *сельских* выборах коалиции, к расколу социал-демократической партии.

2. Политическая линия СРПВ[5] была с самого начала правильно ориентирована на принципиальные вопросы классовой борьбы в Венгрии: крушение консолидировавшейся тогда контрреволюционной системы и сплочение недовольных масс. Поэтому СРПВ с самого начала принимала в качестве своей программы позицию принципиального отказа от коалиционной политики и вместо соглашения с буржуазией предлагала рабочим возможность ра-

[2] Программа Коммунистического Интернационала была принята VI конгрессом Коминтерна 1-го сентября 1928 года в Москве.

[3] Граф Иштван Бетлен (1874-1946) был в апреле 1921 года назначен Правителем Хорти венгерским премьер-министром. Будучи еще депутатом венгерского парламента (середина июля 1920 года), Бетлен инициировал союз наиболее солидно представленных в парламенте политических партий: Партии христианско-национального объединения и Христианской партии земледельцев и мелких сельских хозяев. После майских выборов 1922 года Бетлен руководил правительством, опираясь на коалицию этих партий. Однако вследствие растущих внутриполитических трудностей, ставших особенно заметными в период 1927-1928 годов, он по собственному желанию ушел в отставку. Его преемником на посту премьера стал граф Дьюла Каройи.

[4] Первый съезд вновь созданной нелегальной КПВ состоялся 18-21 августа 1925 года в Вене.

[5] Социалистическая рабочая партия Венгрии (СРПВ) была основана в апреле 1925 года, согласно принятому в ноябре 1924 года решению КПВ. Фактическим лидером партии был Иштван Ваги [István Vági] (1883-1940), официально же во главе партии стояло Правление. В качестве свидетельства тесной связи между легальной ВСРП и нелегальной КПВ (а наличие такой связи полиции так и не удалось доказать) см. выписку из протокола заседания ЦК КПВ от 21 августа 1925 года. Эта выписка под № 100 опубликована в книге: Dokumentumok a Magyar forradalmi munkásmozgalom történettéből, 1919-1929, hrsg. vom Magyar Szocialista Munkáspárt Központi Bizottságának Párttörténeti Intézete, – Budapest 1964. – S. 267 ff.

боче-крестьянского союза. В этом смысле она выдвигала, - со всей остротой, какая только возможна в легальных условиях, - на передний план своей политики земельный вопрос, т.е. о земле, бесплатно полагающейся крестьянам. Съезд КПВ, в основном, прояснил стратегические вопросы массового левого движения, подробно рассмотрев все связанные с демократией теоретические и практические проблемы, характерные в тот период для Венгрии.

3. Вскоре после съезда все руководство Венгерской компартии было арестовано[6], поэтому материалы съезда не удалось распространить среди членов партии. Надо было формировать совершенно новое партийное руководство. Этот процесс консолидации продвигался вперед достаточно быстрыми темпами, и весной 1926 года партия уже снова была в дееспособном состоянии. Однако начавшийся процесс консолидации не получил своего завершения. Хотя нелегальная организация заработала, и партия без бóльших потрясений свела счеты с судорожно цеплявшимися за иллюзии легальности ликвидаторами (Вайсхаус[7] и сотоварищи), ей все же не удалось поставить руководство КПВ на твердую партийно-коммунистическую основу. Правда, во время начавшегося осенью 1926 года массового движения партия смогла мобилизовать относительно большое число людей (2000 подписей на выборах), ей удалось также внести в массы главный лозунг своей переходной программы: требование республики, управляемой рабочими и крестьянами. Однако реорганизация, организационная консолидация обретенного партией влияния осталась далеко позади масштаба ее политического воздействия. Пленум Центрального Комитета в рождественские дни 1926 года осознал скрывавшиеся в этой ситуации опасности и поставил в центр своей работы создание нелегальной КПВ, подчеркнув, что СРПВ представляет собой лишь одну из областей деятельности КПВ. Полицейское преследование опять сделало невозможным выполнение этого постановления: в феврале 1927 года все руководство КПВ было арестовано[8].

4. За этими арестами, которые почти полностью загнали СРПВ в подполье и лишили ее связи с массами, последовало тяжелое поражение и период кризиса. Это было связано не только с тем, что строительство партии продвигалось вперед с большим трудом, а образование партийных кадров создавало большие трудности; сверх того, на передний план выступили самые разные течения ликвидаторства всех направлений. Ликвидаторы представляли кажущиеся в корне различные и противоречащие друг другу позиции, отчасти полный уход в нелегальность, отчасти - напротив, полное принятие легальных возможностей борьбы и отказ от нелегальности. В случае успеха их деятельность могла бы привести лишь к ликвидации КПВ. При этом обращало на себя внимание и ликвидаторство ренегатов: оно преследовало концепцию исключительно идеологической работы и вело упорную демагогическую и доходящую до доносительства борьбу против практической работы партийных ячеек. В ходе острой полемики КПВ удалось искоренить из партии все течения ликвидаторства, устранить влияние в ней ренегатов, а также в значительной мере изолировать *от* людей, симпатизирующих партии.

Три четверти деятельности СРПВ была нелегальной, что вынудило партию к новой тактике. Необходимо было выйти за линию, определенную рождественским пленумом, нуж-

---

[6] После первого съезда ВКП в Венгрию для организационного укрепления партии был послан Матиас (Матьяш) Ракоши [Mátyás Rákosi]. Уже в начале своей деятельности он был арестован. См. о процессе против «Ракоши и товарищей» в статье: Inprekorr, 5. Jg., Nr. 155, vom 15.11.1925, S. 2321 ff. Позднее были арестованы Золтан Ваш [Zoltán Vas], Игнац Гёгёш [Ignác Gögös] и еще 50 человек.

[7] Аладар Вайсхаус [Aladár Weißhaus] (1887-1963) играл важную роль в нелегальной КПВ в период с 1923 по 1925 годы. Был одной из ключевых фигур при основании СРПВ. Во второй половине 20-ых годов все чаще занимал праворадикальную позицию, за что и был исключен из рядов КПВ.

[8] Среди арестованных был и Золтан Санто [Zoltán Szantó] (в период Венгерской советской республики - командующий Первым красным интернациональным батальоном), над которым, вместе с другими 52-мя арестованными, был устроен суд в мае 1927 года. См.: Die Rote Gewerkschaftsinternationale, 7. Jg., Nr. 12 (1927), – S. 768 ff.

но было выстроить регулярную работу фракций во всех массовых организациях и создать ее основу – нелегальную организацию партячеек. Надо было улучшить технику и дух конспирации в партии. После преодоления больших объективных и субъективных препятствий началась, наконец, работа. С распадом бетленовской консолидации, - а распад этот был вовремя осознан и правильно оценен партией, - влияние СРПВ постоянно росло, росла также партийность руководства и организации. И все же оставался разрыв между политическим влиянием партии и его трансформацией в организацию. Такого рода проблемы породили постоянно обострявшийся процесс, которому партия подвержена до сих пор, и который не смогли сдержать ни всплывшие перед комиссией по внешним делам противоречия в связи с вопросом Юлиуса[9], ни многочисленные аресты. Однако явным признаком организационного упрочения партии является то, что аресты, как в самой Венгрии, так и за границей (Бела Кун)[10] были предприняты в относительно ограниченном объеме и ни на мгновение не смогли помешать продолжению партийной работы. Расширенный пленум Центрального Комитета летом 1928 года извлек уроки из этого периода и разработал директивы для дальнейшей деятельности партии[11]. Делегация партии в составе местных и зарубежных товарищей приняла участие в VI конгрессе Коминтерна.

IV. Деятельность КПВ в период после пленума

1. Политическая перспектива и линия тезисов пленума оказались правильными. Общая политическая ситуация, равно как и развитие рабочего движения, двигались в отмеченном там направлении. Тезисы пленума дали партии возможность, в общем и целом правильно среагировать на указанные в них тенденции развития. Тем не менее, партия добилась лишь весьма незначительных успехов в решении самого важного сегодня вопроса рабочего движения: в образовании левого рабочего фронта.

2. Быстрое развитие этих тенденций осенью вынудило партию заявить о своей принципиальной позиции по вопросам ПСВРС [MÉMOSZ][12] и венгерских слесарей. Партия быстро и, в сущности, правильно осуществила ставший столь необходимым поворот в профсоюзной тактике, т.е. в жизненно важной в нынешних условиях сфере деятельности.

3. Наиболее важные успехи деятельности партии в прошедший период:

a) Формирование партийного руководства. Посредством усиления работы высших и низших органов партии росла политическая дееспособность КПВ. Однако партия все еще оставалась не в состоянии, немедленно и организованно повести в бой всех своих членов в интересах признанного правильными действиями.

b) Растущая партийность приносит с собой и улучшение конспиративных методов, а вместе с этим - снижение числа арестов, а также меньшую эффективность уже произведенных арестов. Политическим следствием этих фактов является уничтожение ликвидаторства внутри партии, если понимать под ним те формы ликвидаторства, которые распространились в период кризиса 1927-1928 годов. Следствием этих фактов является также растущее влияние и успешная борьба партии при уничтожении ликвидаторства вне партии. Отсюда следует, что партии, хотя и медленно, но все в большей мере удается побороть страх лево ориен-

[9] Юлиус [Julius] (Дьюла Алпари [Gyula Alpári]) (1882-1944), лидер «люксембургианской» оппозиции внутри венгерской социал-демократии в период до 1914 года. С 1907 года - один из наиболее видных руководителей венгерской рабочей молодежи, с начала 20-ых годов - популярный главный редактор «Internationale Presse-Korrespondenz».

[10] Бела Кун был арестован в Вене 26 апреля 1928 года. См.: Inprekorr, 8. Jg., Nr. 42, vom 1. 5. 1928. – S. 754. Процесс по его делу состоялся 26 июня 1928 года. См.: Op. cit., Nr. 58, Nr. 61. – S. 1044, S. 1096.

[11] См. выдержки из тезисов пленума ВКП от июля 1928, опубликованные под № 140 в книге: Dokumentumok a Magyar forradalmi munkásmozgalom történetéből, 1919-1929, a. a. O., – S. 397 ff.

[12] MÉMOSZ – a **M**agyar **É**pitö**m**unkások **O**rszágos **Sz**akszervezete – **п**рофессиональный **с**оюз **в**енгерских **р**абочих-**с**троителей (ПСВРС).

тированных рабочих по отношению к нелегальной Коммунистической партии. (Ныне часто случается так, что лево настроенные рабочие ищут партию, во-первых, чтобы примкнуть к ней, и, во-вторых, потому что чувствуют, что они в качестве беспартийных не смогут эффективно работать без тесной связи с партийной организацией). Этот страх есть главное препятствие для формирования единой лево ориентированной рабочей партии, потому что он мешает лучшей части левых элементов рабочего класса участвовать в рамках партии (т.е. при наличии партийной дисциплины, организованно и планомерно) во всех производственных, профессиональных и политических движениях.

c) Стачка в Шальготарьяне[13] означает существенный шаг вперед в развитии партии. Это была первая более широко задуманная стачка, которая была начата и проведена под руководством коммунистов, по указаниям КПВ и вопреки сопротивлению бюрократии. И несмотря на многие проявившиеся в руководстве ошибки и колебания (особенно по отношению к штрейкбрехерской бюрократии), это движение все же следует признать успешным, тем более что распространение забастовки из Шальготарьяна на всю страну было успехом вдохновленных коммунистами делегации, посетивших другие шахты.

Благоприятное действие забастовки проявилось в ходе национальной конференции в ожесточенном сопротивлении, которое оказали горняки, в особенности шахтеры Тарьяна и Таты, после внезапного прекращения стачки в Пилишвёрёшваре.

d) Влияние партии на выбывших из профсоюза слесарей увеличивается постоянно, что прежде всего проявляется в растущем классово-боевом духе наших листовок. Работа возникающей среди слесарей и токарей фракции подготавливает почву для создания настроенного в классово-боевом духе объединения рабочих-металлистов.

e) Формирование выдержанной в классовом и боевом духе оппозиции ПСВРС, которую можно записать в качестве успеха на свой счет, тем более что при образовании этой оппозиции была подавлена причислявшая себя к ней централистская псевдооппозиция (Палоташ)[14]. Помимо этого, нужно было также воспрепятствовать тому, чтобы бюрократия при помощи быстро принятых мер смогла изолировать вождей движения от оппозиционно настроенных масс.

f) Несмотря на растущее воздействие коммунистов на широкие массы рабочих и расширение политического влияния партии в целом, ей так и не удалось ни на профсоюзном, ни на политическом уровне сплотить воедино (в идеологическом и тем более организационном плане) под своим руководством лево настроенных рабочих.

4. Причины недостаточной работы партии в массах:

a) Организационные: Слабость ячеек, их недостаточное влияние на предприятиях, неудачное формирование фракций (ПСВРС), непланомерная, разобщенная работа фракций (социал-демократическая оппозиция, культурные организации).

b) Нехватка опытных функционеров. Низкий уровень партийных функционеров, их политическая неопытность вообще и неопытность в сочетании легальной и нелегальной работы. Это послужило главной причиной неспособности партячеек приобрести на предприятиях соответствующее влияние.

c) Правильные оценки и лозунги партии часто становились достоянием рядовых членов партии и тем самым – масс лишь с опозданием или были недостаточно эффективными

[13] В ноябре и декабре 1928 года на шахтах Шальготарьяна, Печа, Таты и Пилишвёрёшвара прошли забастовки.

[14] Имре Палоташ [Imre Palotás]- горняк, с 1921 года - активный коммунист, был неоднократно под арестом, стал одним из лидеров нелегальных коммунистов внутри профсоюзного движения. В 1923 году был вместе с другими 17 членами исключен из ПСВРС. Причиной исключения послужило сопротивление Палоташа, которое он оказал стремлению профсоюзной бюрократии вступить в открытую борьбу с коммунистами.

d) Колебания, проявившиеся у низшего руководящего звена партии, особенно во время кампании, организованной рабочими-металлистами[15].

e) Недостаточные и нерегулярные связи с движением молодых рабочих. Хотя в период после пленума здесь наметилось существенное улучшение, проявившаяся во время акций, связь все еще остается недостаточной и слишком слабой.

f) Полное отсутствие работы с женщинами, что, прежде всего, стало причиной отсутствия влияния партии на забастовки в текстильной промышленности.

5. Но эти организационные причины ни в коем случае не исчерпывают всю ситуацию. Остающийся разрыв между пролетарским влиянием партии и его организационным использованием, организационной консолидацией, а значит, и дееспособностью партии, имеют под собой и политические основания. Наиболее важными из них являются следующие:

a) Партия все еще не показывает в полной мере свое истинное лицо, даже в тех случаях, когда она сама инициирует и проводит акцию. Это, без сомнения, чревато трудностями и опасностями. Однако нелегальный опыт других стран показывает, что данная проблема разрешима. Людей надо побуждать к конспиративной работе, но нельзя ограничиваться только конспиративной политикой. Если партийные ячейки, объединяя вокруг себя симпатизирующих им людей, способны мобилизовать их на политические акции, тогда открытое выступление партии более не влечет за собой опасности ареста. Но при усилении этих акций партия не должна делать никаких уступок страху перед этим открытым выступлением, страху, который чрезмерно сохраняется у низовых организаций после пройденного уже периода развития. Только в этом случае правильные акции партии могут вызвать действительно серьезный отклик и оказать массовое воздействие даже среди непосредственно не связанных с нею слоев рабочего класса.

b) В своей агитации и пропаганде партия не всегда была способна включить в свои злободневные вопросы главные стратегические лозунги из тезисов партийного пленума и сделать, таким образом, спонтанные или вызванные ею самой классовые столкновения сознательной части левого рабочего фронта, к образованию которого она стремилась.

c) Партия была не способна в должной мере донести до масс часть своих стратегических лозунгов (борьба против войны, борьба «за демократические требования»).

d) При реализации тезисов пленума и выработке партийной линии внутри центрального партийного руководства (Юлиус, Роберт[16]), а также среди рядовых партийцев обнаружились правоуклонистские тенденции, которые часто не позволяли партии достаточно быстро или достаточно решительно реагировать на события. Эти тенденции зачастую представляли собой лишь пессимистические настроения, причиной которых является распространенное среди работающих в тяжелых условиях товарищей ощущение, будто их затраты и организационные усилия находятся вне всякой связи с поставленными перед ними задачами. Однако закрывать глаза на эти факты нельзя, ибо, в сущности, за каждым проявлением правого уклонизма стоит чувство несоответствия между усилиями и задачами. За большинством данных проявлений стоит эта идеология слабости, уклонения от конкретных боевых задач. Естественно, что данная проблема должна оцениваться дифференцированно – и против таких отклонений от партийной линии нужно принимать разного рода меры, в зависимости от того, обнаруживаются ли они на уровне высших или низших партийных органов, в систематической форме или в виде изолированных мнений. В целом, эти отклонения и настроения появляются неожиданно и неорганизованно с разных сторон, не образуя никакой фракции. Но объективно они связаны друг с другом, поскольку представляют собой ложную оценку важ-

[15] Речь идет о подхваченном КПВ движении рабочих-металлистов за повышение заработной платы. Своего апогея движение достигло в августе 1929 года. См. Документ № 157 в книге: Dokumentumok a Magyar forradalmi munkásmozgalom történettéből, 1919-1929, a. a. O. – S. 440 ff.

[16] Роберт [Robert] (Бела Санто [Béla Szántó]), (1881-1951) - в период Венгерской советской республики - народный комиссар Красной армии. В 20-ых годах - деятель Красного Профинтерна.

нейших проблем современной ситуации в Венгрии. Это мешает решению актуальных и принципиальных вопросов партии, замедляет выработку ясной теоретической позиции.

6. Наиболее важными из этих правоуклонистских тенденций являются следующие:

a) Позиция товарища Юлиуса, а также его оценка режима Бетлена и социал-демократии. Товарищ Юлиус заявляет, что он совершенно не согласен с проводившейся в последние годы политикой. Его позиция образует связную и ориентированную вправо систему взглядов. Он отрицает фашистский характер режима Бетлена и врастание социал-демократической партии в бетленовский фашизм, оценивая социал-демократов как оппозиционную партию, борющуюся за демократические реформы. Если бы это было так, тогда КПВ должна была явно пересмотреть всю свою политику.

В действительности же проведенный товарищем Юлиусом «анализ» практически привел бы к тому, что для Коммунистической партии не осталось бы ничего другого, кроме как поддерживать оппозиционную социал-демократическую партию в ее борьбе за демократические реформы или, в лучшем случае, сдвигать их влево. Для КПВ в данном случае оставалась бы в качестве самостоятельной задачи лишь чисто теоретическая пропаганда диктатуры пролетариата. Платформа товарища Юлиуса, помимо полной ошибочности его анализа, послужила бы лишь возвращению партии в ситуацию, непосредственно последовавшую за падением венгерской пролетарской диктатуры, а именно, на уровень чисто пропагандистской группы. Эта точка зрения, отвечая отклоняющимся от нормы (венгерским) отношениям, уподобляется точке зрения других интернациональных правоуклонистских групп и, в сущности, выражает боязливый уход от решения трудных актуальных задач, стоящих перед партией.

b) точка зрения товарища Роберта еще в большей мере обнаруживает на себе отпечаток идеологии слабости. Товарищ Роберт замечает, правда, надвигающуюся фашизацию и постоянное уменьшение численности профсоюзов, однако он ничего не смыслит в конкретных обстоятельствах этого развития. По этой причине он механически отождествляет малочисленность профсоюзов с низким уровнем рабочего движения. В неорганизованности рабочих масс он механически усматривает признак распада движения, а в спонтанных движениях – лишь ожидание мессии. Следствием этой близорукой установки, совершенно слепой по отношению к радикализации масс, а также многообразию и развитию этой радикализации, является то, что товарищ Роберт уклоняется от решения современных конкретных и принципиальных задач партии. Он облекает это уклонение в одежды мнимого радикализма. Он утверждает, что организационные тезисы пленума противоположны его политическим тезисам, что линия и перспективы пленума противоречат друг другу. При этом он не замечает необходимого диалектического противоречия, которое возникает в случае всякого спонтанного движения, - противоречия между перспективами и линией партии: цель партийной работы состоит именно в том, чтобы придать чисто спонтанному движению другое направление, в котором оно стало бы в дальнейшем развиваться. Помимо этого, товарищ Роберт отрицает значение спонтанно проявляющегося сдвига влево в разных общественных сферах (культура, социал-демократическая оппозиция и т.д.). Он пытается редуцировать работу партии исключительно к деятельности ячеек на предприятиях, обосновывая это тем, что можно только так, «на линии сильнейшего сопротивления», добраться до масс. Но допустим, мы избегаем борьбы против центризма, отождествляем регресс профсоюзов с гибелью рабочего движения и, как следствие, представляем фашизацию в качестве неизбежного явления, против которого рабочий класс даже не думает защищаться, более того, даже не сознает его. Таким образом, в этом случае мы не замечаем полевения рабочего класса, даже не видим, что рабочий класс уже сейчас, пусть лишь спонтанно, борется против подготовки фашизации. Но если это так, то какое, спрашивается, поле деятельности остается тогда для ячеек на производстве? Эти ячейки, изолированные от фракционной работы и лишенные политического содержания, означали бы откат на такую ступень развития, которая располагается ниже уровня, уже достигнутого партией за последние годы. Производственные ячейки продолжали бы тогда свое

существование лишь формально, безо всякой возможности действия и политизации. Но именно сейчас перед КПВ стоит задача: на всех фронтах рабочего движения, везде, где есть массы, с помощью центрального положения производственных ячеек продолжить работу с целью формирования лево ориентированного рабочего движения под руководством партии. Таким образом, и эта позиция товарища Роберта предполагает идеологию слабости. Он устраняет зазор между организационной силой и политическим влиянием партии, но таким образом, что вообще упраздняет политическое влияние КПВ.

c) Недооценка центризма, шаткая и нерешительная позиция по отношению к центристам. Такого рода позиция распространена и в кругу работающих в Венгрии товарищей. (Это тоже есть часть системы товарища Роберта). Данная позиция проявляется в разных формах, часто даже совершенно противоречивым образом, отчасти тем способом, что социал-демократы уже не могут оказывать никакого влияния на массы, что наша победоносная борьба против социал-демократии затрудняется только полицейским преследованием, что за Енё Кишом в действительности никто не стоит и т.д. Отчасти указанная позиция проявляется и как страх перед тем, что работающие нелегально коммунисты слишком бы скомпрометировали коммунистический характер классово-боевой оппозиции, поведи они в резкой форме идеологическую борьбу против центризма. Оба воззрения представляют собой правый уклон, или, по меньшей мере, тенденцию, которая, становясь осознанной, может превратиться в правый уклонизм, потому что она уклоняется от нынешних конкретных задач партии. Центризм един с теми средствами социал-демократии, с помощью которых она отстраняет стремящиеся влево, но еще недостаточно сознательные, массы от Коммунистической партии или, по крайней мере, от ее влияния. Таким образом, если коммунисты желают получить под свое руководство лево ориентированных рабочих, они должны по всему фронту повести борьбу против центристской идеологии. Но будет не достаточным, если они в конкретных случаях докажут, что центристы состоят на службе у Пейера и компании[17]; надо стремиться к тому, чтобы разоблачить перед рабочими центристскую идеологию как главное препятствие для классовой борьбы, чтобы выбить эту идеологию из головы рабочего класса. Незнание центризма как наиболее опасного нашего врага, или его поддержка, могут в Венгрии точно так же означать правый уклонизм, как и во всем международном революционном движении.

d) Равным образом, именно правоуклонистские настроения, а не только неловкость и неопытность, скрываются за страхом перед сочетанием легальной и нелегальной работы, за стремлением спрятаться за нелегальной деятельностью, за страхом обнаружить себя и даже за страхом перед открытым выступлением партии. Из-за того, что партия уже переросла период чистой пропаганды и в тезисах пленума поставила перед собой задачу проводить акции самостоятельно, без помощи маскировочных организаций, произошел переворот во всей партийной тактике, который глубоко подействовал на поведение каждого члена партии. Некоторые наши товарищи оказались не способны сделать из этого переворота все тактические и организационные выводы, а значит, они еще не поняли, что безопасность базисных коммунистических организаций является тем большей, чем более широким оказывается вокруг них кольцо из действительно и эффективно симпатизирующих им людей. Эти товарищи страшатся того, что партия покажет в политических акциях свое подлинное лицо; они боятся провала организаций. Здесь мы имеем дело с двоякого рода испугом перед конкретными партийными задачами, которые превращаются в правую позицию: часть партийцев не умеет окружать свою ячейку или фракцию широким кольцом симпатизирующих ей людей; с другой стороны, из-за вытекающего отсюда чувства слабости у партийцев появляется страх

[17] Карой Пейер (1881-1956) один из профсоюзных лидеров, социал-демократ. В 1919 году - министр внутренних дел в правительстве Пейдла, в 1920 г. - министр народного вспомоществования в правительстве Хусара. В 1927 г. - генеральный секретарь Совета профсоюзов, с 1925 по 1944 гг. - депутат Национального Собрания. Эмигрировал из Венгрии в 1947 году.

перед собственным открытым выступлением. Эта позиция не приемлема потому, что партия никогда не сможет воздействовать на широкие, еще не охваченные ее влиянием массы и не сможет стать вождем всех левонастроенных рабочих, если эти массы знают лишь принципы коммунистов, но не видят их конкретных действий.

e) Такого рода позиция, вредная по своим последствиям и проистекающая из собственной слабости, проявляется также в том, что отдельные товарищи и партийные организации хотят уклониться от решения конкретных задач партии, пытаясь заменить обязательные массовые акции сложными маневрами и обходными путями, учреждением внепартийных организаций и за волосы притянутых параллельных акций. Связанная с этим спешка и хаотичность ослабляет авторитет партии не только в глазах масс, но дезорганизует и самих партийцев.

Партия должна вести идеологическую борьбу против правых тенденций и правых позиций. Однако в этой идеологической борьбе нужно строго отличать течения, возникающие по большей части из субъективной слабости и неопытности, от систематически представленного, сознательного правого уклонизма. С первыми надо вести непрерывную просветительскую работу. Посредством регулярной работы нужно попытаться искоренить организационные слабости, которые преимущественно являются причинами такой позиции. И товарищам должно быть при этом открыто заявлено, что без подавления такой позиции организационные слабости партии неистребимы. В отношении же систематически представленного правого уклонизма, напротив, партия должна вести острую и решительную борьбу. Эти уклонистские тенденции должны быть вырваны из партии вместе с корнем – именно потому, что они относятся к принципиальным, стратегическим вопросам партийной жизни и скрывают от партийцев те объективные экономические и политические условия, которые определяют стратегию партии. Из-за этого данные тенденции делают невозможным для членов партии понимание и правильное применение ее политической директивы.

V. Главные проблемы текущего момента

1. Последствия перегруппировки сил внутри венгерской политической жизни и внешнеполитическое поражение режима Бетлена проявляются в трех главных направлениях, которые тесно между собой связаны и суть различные моменты одного и того же процесса. Следовательно, партия должна на это реагировать таким образом, чтобы данное единство обнаруживалось в повседневной борьбе и было понятным для масс. Речь идет о следующем*:* a) полная ликвидация демократических реформ, буржуазной демократии, причем ликвидация, проводимая в демократических формах; b) планомерное расширение фашизации, осуществляемой, по всем признакам, в «западных», а не в итальянских формах, т.е. в формах, не противоречащих демократии; c) подготовка войны против Советского Союза; война как сплочение фронта национального единства.

2. Тем самым вопрос об отношении партии к демократическим реформам ставится как никогда остро. Прежняя линия партии была правильной в вопросе республики, а также в связи с отношением партии к возникшему тогда предвыборному блоку. Правильным был и резкий отпор, данный обнаружившейся по отношению к партии правой оппозиции (Юлиус). Но нынешняя ситуация ставит данный вопрос еще острее и требует от нас более конкретных позиций. КПВ до сих пор правильно раскрывала тот факт, что партии так называемых демократических реформ не достаточно энергично борются даже за буржуазно-демократические реформы. Современная ситуация дает, однако, возможность широким массам воочию убедиться в том, что буржуазные реформы преданы, в том, что фашизируемая государственная машина лишь облечена в демократические одежды, что все это происходит при согласии всех буржуазных партий и при участии социал-демократов. Факты все яснее показывают, что КПВ является сегодня единственной партией в Венгрии, которая серьезно борется за буржу-

азную демократию. Эта борьба партии должна распространяться не только на пролетариат, она должна быть расширена до массовой борьбы. Главный лозунг этой борьбы, направленной на свержение всего режима Бетлена, звучит так: демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

А. *Демократическая диктатура*

3. Принятая VI конгрессом Коминтерна программа очень правильно относит Венгрию к числу тех стран, где в связи с переходом к пролетарской революции вопрос демократической диктатуры играет решающую роль. Партия, таким образом, должна всевозможными средствами прояснить этот вопрос в первую очередь членам партии, а потом и широкими массам рабочих. При выяснении этого вопроса должны учитываться следующие моменты:

a) надо принять меры против нигилизма по вопросу буржуазной демократии, нигилизма, распространившегося среди рабочих вследствие разочарования политикой социал-демократии. Взгляд марксизма на буржуазную демократию как на наиболее подходящее поле борьбы для пролетариата нужно всячески популяризировать среди членов партии. Необходимо понять, что осуществление такого боевого поля нуждается в серьезной революционной борьбе. При этом должен учитываться и пропагандироваться опыт революции 1917 года в России и 1918-1919 годов в Венгрии. (Ленин в начале 1917 года назвал Россию "самой прогрессивной демократией в мире")[18].

b) Уже заранее нужно бороться против мнения, будто демократическая диктатура есть форма правления при переходе от режима Бетлена к диктатуре пролетариата. Согласно этой точке зрения, сегодня, значит, существует режим Бетлена, потом мы завоюем демократическую диктатуру, и вот когда мы эту диктатуру построим и осуществим, тогда только наступит время для диктатуры пролетариата. Формы демократической диктатуры могут быть очень разными. В начале 1917 года Ленин[19], оппонируя Каменеву, который хотел приковать партию к форме демократической диктатуры 1905 года, подчеркивал, что в начале революции 1917 года демократическая диктатура была осуществлена в совершенно определенных формах: одной из этих форм было альтернативное правительство, образованное советами рабочих и солдатских депутатов. Таким образом, демократическая диктатура как полное осуществление буржуазной демократии является в строгом смысле слова полем сражения, полем решающей борьбы между буржуазией и пролетариатом. Одновременно она выступает, конечно, и важнейшим средством этой борьбы, возможностью обратиться к самым широким массам, побудить и повести их к спонтанной революционной самодеятельности, а также ослабить те организационные и идеологические формы, при помощи которых буржуазия в «нормальных условиях» дезорганизует широкие массы трудящихся. Демократическая диктатура есть возможность создания тех организационных форм, при помощи которых широкие слои пролетариата могут заявить буржуазии о своих интересах. На сегодняшней ступени развития демократическая диктатура принципиально не совместима с экономической и общественной властью буржуазии, хотя очевидно-классовое содержание конкретных целей этой диктатуры, а также ее требований, подлежащих непосредственному осуществлению, не выходит за рамки буржуазного общества, даже выступает полным осуществлением буржуазной демократии. (В отличие от этого, в 1793 году реализация полной демократии еще не находи-

[18] Точно такой формулировки у Ленина нет. Лукач, по-видимому, ссылается на мысль, высказанную Лениным в т. н. Апрельских тезисах: «Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран». См.: В.И. Ленин. Полное собр. соч. – Т. 31. – С. 114. Аналогичную мысль Ленин высказывает позднее в «Детской болезни "левизны" в коммунизме»: «В несколько дней Россия превратилась в демократическую буржуазную республику, более свободную - в обстановке войны, - чем любая страна в мире». См.: В. И. Ленин. Полное собр. соч. – Т. 41. – С. 14.

[19] См.: В. И. Ленин. Письма о тактике // В. И. Ленин. Полное собр. соч. – Т. 31. – С. 133 и далее.

лась в принципиальном противоречии с властью капитализма и даже способствовала его развитию). Поэтому в случае революции Керенского (как и революции Каройи) неизбежно создавалась ситуация, когда буржуазия сразу же пыталась демонтировать «самую развитую» демократию, возникавшую с началом революции. Таким образом, буржуазия стремилась к тому, чтобы как можно быстрее восстановить обеспечивающую власть капитализма «нормальную демократию», т.е. состояние, при котором восстановленный государственный аппарат, общественные организации, экономическое превосходство буржуазии и т.д. снова упраздняют спонтанность масс, а сами массы вновь дезорганизуются буржуазией и ее агентами, в первую очередь социал-демократами. Демократическая диктатура, хотя она в своем непосредственном, конкретном содержании и не выходит за пределы буржуазного общества, выступает, таким образом, диалектической формой перехода к революции пролетариата – или к контрреволюции. Остановка в условиях демократической диктатуры, понятая в смысле «конституционно зафиксированного» периода развития, неизбежно означала бы победу контрреволюции. Демократическая диктатура может быть, поэтому, понята только как конкретный переход, в процессе которого буржуазная революция превращается в революцию пролетариата. «Нет никакой китайской стены между буржуазной революцией и революцией пролетариата»[20].

с) Поэтому членам партии нужно очень точно объяснить противоположные функции буржуазной демократии. Надо четко различать ситуации, когда, в одном случае, буржуазия выступает в условиях демократии политически господствующим классом, и когда в другом случае она, сохраняя экономическую эксплуатацию, передает власть, хотя бы отчасти, широким рабочим массам. В первом случае функция демократии состоит в рассеивании, дезориентации и дезорганизации рабочих масс. Во втором случае – в подрыве и дезорганизации политической и экономической власти буржуазии, в организации самостоятельных действий рабочих. Коммунисты, таким образом, должны ввиду ценности или никчемности демократии ставить вопрос таким образом: Власть какого класса будет дезорганизована демократией? Оказывает ли демократия с буржуазной точки зрения консолидирующее или деструктивное воздействие? («Борьба» социал-демократии за демократические реформы всегда проходила под знаком консолидации в интересах предотвращения революции). Все лозунги демократической диктатуры должны, следовательно, оцениваться с этой позиции, с точки зрения мобилизации масс и дезорганизации буржуазии. Возьмем, к примеру, становившийся тогда актуальным пролетарский контроль над производством. Нельзя при этом питать иллюзий тагого рода, что данный контроль мог бы оказать на производство какое-то «консолидирующее» воздействие. Разоблачение буржуазного саботажа, а при случае лишь пресечение его, значимы только как борьба за власть, как инструмент мобилизации масс.

4. Если мы хотим применить в нынешних условиях демократическую диктатуру в качестве конкретного стратегического лозунга, тогда у нас не должно быть никаких сомнений относительно того, что означает послевоенный империализм на современном этапе развития, и какие формы принимает демократия в интересах консолидации власти буржуазии. Этот вопрос затушевывается среди широких масс европейских рабочих вследствие того факта, что демократия в большинстве европейских стран возникла в результате буржуазной революции, что угнетенные и эксплуатируемые классы столетиями или, по крайней мере, десятилетиями вместе с буржуазией боролись за свержение феодального абсолютизма и за установление буржуазной демократии. Поэтому массы только с большим трудом понимают возникшую с наступлением империализма совершенно новую ситуацию, хотя кажется, будто наглядный школьный пример этой ситуации дает нам демократия Соединенных Штатов Америки. Здесь буржуазии как господствующему классу (который должен был уничтожить феодальную власть без помощи пролетариев и полупролетарских масс) удалось создать такие формы де-

[20] Вольная цитата из Ленина. См.: В.И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский // В.И. Ленин. Полное собр. соч. – Т. 37. – С. 312.

мократии, в которых были даны все возможности для свободного развития, накопления и распространения капитала. В этих формах сохранились крайние формы демократии, в рамках которых, однако, трудящиеся массы не могли оказывать абсолютно никакого влияния на собственное политическое руководство. Американская демократия не только экономически, но и политически является идеалом для ныне господствующей буржуазии. Политическое развитие великих «западных демократий» все больше склоняется в последние годы к созданию такого рода демократии в самых разных ее вариациях. Демократические иллюзии, распространенные в рабочих массах, которые, за исключением уже упомянутых революционных традиций, особенно живы во Франции, но актуальны и в Германии, поддерживаются политикой социал-демократов. Социал-демократия, которая в период сразу после русской революции сконцентрировала свои усилия на агитации против диктатуры пролетариата, активно помогает теперь построению во всех европейских государствах демократии американского типа. С точки зрения рабочей бюрократии эта установка имеет под собой очень серьезные экономические основания. Послевоенный империализм не может более, в особенности из-за подготовки новой мировой войны, но еще и в силу ожесточенной конкуренции за мировой рынок, терпеть профсоюзную борьбу предвоенного типа в какой бы то ни было ее форме. Но это означает как раз фашизацию профсоюзов. Эта фашизация имеет очень разные формы проявления. Один из ее типов был создан Муссолини, который с помощью мелкобуржуазной и среднекрестьянской контрреволюции разбил старые профсоюзы и на их месте построил новые. Это решение скрывает в себе опасности, как для буржуазии, так и для рабочей бюрократии. Буржуазии стоит больших усилий трансформировать мелкобуржуазную контрреволюцию в консолидацию крупной буржуазии. Одна часть рабочей бюрократии теряет свои позиции в рабочем движении (итальянская эмиграция); та же часть, которая приспособилась к фашистской системе, опасным образом противопоставляет себя рабочим массам. При таком решении кажется более благоприятным, безопасным и менее проблематичным (как с точки зрения крупной буржуазии, так и с позиции рабочей бюрократии) метод, который в Германии был уже осуществлен посредством государственного арбитража [Schlichtungswesen]. В Англии этот метод уже отчасти действует благодаря биллю о профессиональных союзах, увенчать который призван ныне "мондизм"[21]. Ясно, что классовое содержание обеих систем - в отношении к пролетариату - является одним и тем же. Только вот методы здесь разные. Правда, данное различие в методах означает, что в каждом фашистском государстве власть осуществляют разные слои, т.е. они в разной мере участвуют во власти. На основе такой ситуации становится понятным, почему вся международная социал-демократия ставит сегодня вопрос следующим образом: демократия или фашизм. Посредством такой постановки вопроса социал-демократия скрывает от рабочих действительные классовые цели возможной в современном империализме демократии и поддерживает подавление классовой борьбы, институциональные препятствия для борьбы за повышение заработной платы, фашизацию профсоюзов, врастание социал-демократии и профсоюзной бюрократии в фашистский государственный аппарат. (Подготавливающие войну последствия всей этой системы лучше всего видны в законопроекте Поля-Бонкура[22] о мобилизации, который тоже сводится к американскому образцу). Итак, подобно тому, как на первом этапе пролетарской революции первостепенная задача состояла в том, чтобы разоблачить ошибочную постанов-

[21] «Мондизм» - социально-политическое движение с целью установления рабочего сообщества между предпринимателями и профсоюзами. Свое название движение получило от имени крупного английского промышленника и политика Альфреда Монда [Alfred M. Mond] (1868-1930). В документах VI конгресса Коминтерна «мондизм» соотносится с процессом превращения британской Лейбористской партии в либеральную буржуазную партию, родственную по типу континентально-европейской социал-демократии. См.: Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала (тезисы VI конгресса Коммунистического Интернационала) // Коммунистический Интернационал в документах …, – С. 785.

[22] Жозеф Поль Бонкур [Paul-Boncour] - французский политик, с 1919 года - депутат-социалист во французском парламенте и (до 1928 года) представитель Франции в Лиге наций.

ку вопроса о диктатуре и показать, что настоящий вопрос гласит: диктатура буржуазии или диктатура пролетариата, - так и сейчас первейшая задача заключается в разоблачении ошибочной постановки вопроса: демократия или фашизм. Нужно показать, что начинающееся у нас теперь демократическое развитие является точно так же, как и в «западных демократиях», разновидностью фашизации, которая, в противоположность к итальянскому типу, основывается на сотрудничестве крупной буржуазии с рабочей бюрократией. Поэтому лозунгу «демократия или фашизм» должен быть противопоставлен другой лозунг - «класс против класса», а борьбе за демократические требования, обеспечивающие маневренность рабочим слоям – борьба за демократическую диктатуру.

Из-за трансформации производственного порядка в эпоху послевоенного империализма роль государства тоже переживает существенные изменения. Возникает тесная связь между государством и капиталистическим производством. С одной стороны, она выражается в постоянно растущем влиянии государства на возможности капиталистического производства, капиталовложений и капиталистического накопления и т.д., а с другой стороны, - в постоянно растущем влиянии крупного капитала (банковского капитала и управляемой им тяжелой индустрии) на государство. Такого рода тесная связь крупного капитала с государством обнаружилась уже в период предвоенного развития. Развитие во время войны и после войны только усилило эту тенденцию. Однако постоянное обострение классовой борьбы все больше принуждает государство к тому, чтобы создавать себе институциональную безопасность. Дезорганизация масс, отсутствие их влияния на государственную жизнь, запрещение законом классовой борьбы рабочих, - все это само по себе не является чем-то новым, однако в нынешней ситуации это оказывается моментом нового отношения. Ибо: *a)* политический вес и политический уровень масс сегодня выше, чем в предыдущие периоды развития. Однако же: *b)* и находящиеся в распоряжении крупного капитала средства массовой информации (пресса и т.д.) ныне гораздо более развиты, чем прежде, и *c)* налицо совершенно новый момент, когда такого рода тенденции единства крупного капитала с государством поддерживаются официальным руководящим слоем рабочего класса. И здесь в качестве модели служат тоже Соединенные Штаты Америки. В противоположность этому, в Европе имеются политические и экономические отличия принципиального свойства: *a)* Верхний слой рабочего класса в Америке (как и в европейских империалистических государствах перед войной) может быть материально удовлетворен посредством накопления и экспорта капитала, посредством объема и быстрого роста сверхприбылей. Европейский же базис такого развития очень узок. *b)* Классово-боевых традиций европейского пролетариата в Америке нет. *c)* В многочисленных государствах Европы буржуазия только в послевоенный период стала политически господствующим классом (Германия) или ей досталась гораздо бóльшая, чем раньше, доля в политическом руководстве страной (Венгрия). Поэтому попытка связать политическую демократию при фактическом отсутствии влияния масс с институциональным или произвольным подавлением классовой борьбы ни к чему в Европе не привела и привести к американскому идеалу не сможет. Все же это не мешает буржуазии и рабочей бюрократии в их стремлении приблизиться к американскому типу. Но предпосылки этого должны быть в Европе более шаткими, чем американские, поэтому никакая европейская буржуазия не станет полностью отказываться от возможности «классического» (итальянского) типа фашизма. Она будет держать наготове эту возможность на случай обострения классовой борьбы, отрыва масс от буржуазии. Поэтому нынешнее капиталистическое государство эпохи империализма в равной мере стремится к тому, чтобы полностью лишить массы влияния, охватывая и мобилизуя их посредством государства (или «общества» при надзоре со стороны государства). Демократическая форма фашизации является самой адекватной, но далеко не единственной формой этой двойственной цели.

5. Развитие в Венгрии отличается, таким образом, в силу исторических и общественных условий, как от итальянского, так и от английского образца. Поражение пролетарской рево-

люции привело в Венгрии к власти мелкобуржуазные и среднекрестьянские слои населения. Однако им не удалось разбить или дезорганизовать профсоюзное движение; и еще меньше им удалось, подобно Муссолини, приобрести себе последователей среди рабочих. (Глубокие причины этого сопротивления следует искать в подавлении революции и в демократических иллюзиях рабочих по отношению к социал-демократии). Консолидация крупных землевладельцев и капиталистов, сменившая мелкобуржуазную и среднекрестьянскую контрреволюцию и встроившая ее органы в государственный аппарат, долгое время оперировала в этом вопросе при помощи противоречивых методов и отчасти продолжает оперировать до сих пор (с одной стороны, пакт с социал-демократами, с другой - их поддержка). Правительство Бетлена проводило в последние годы быстрыми темпами перестройку государственного аппарата и общественных организаций. И это сделает вскоре возможным принятие «западно-демократических» методов (причем абсолютно все равно, кто произведет это принятие – Бетлен или кто-то другой). Наиболее важными из этих мероприятий являются следующие:

a) Вопрос о парламентском регламенте и о необходимости публичного выдвижения кандидатов в избирательных округах с тайным голосованием. Это позволило бы режиму без всякой для него опасности распространить выборы с тайным голосованием на уровень провинции или даже деревни. *b)* Новый закон о прессе, который при помощи суммы залога и принципа повышенной личной ответственности может легко и в легальном порядке помешать возникновению любой оппозиционной прессы или столь же легально уничтожить уже возникшую. *c)* Ликвидация городской и т.п. автономии. *d)* Верхняя палата для обеспечения безграничного господства крупного капитала наряду с любого рода парламентом. *e)* Регламентация права собраний и объединений, поддерживающая в рамках закона современное положение, т.е. полное упразднение права собраний и объединений для рабочих и крестьян.

f) Фашизация страны. *g)* Фашистская культурная политика. И, наконец, самое важное: *h)* Упразднение права на забастовку посредством введения государственного арбитража. Когда все это строение оказывается достаточно прочным, тогда уже нет никаких препятствий для того, чтобы режим Бетлена или его либерального преемника мог перейти к всеобщим выборам с тайным голосованием, отменить все чрезвычайные законы и распоряжения и, таким образом, перейти на позицию полной западной демократии. Конституционный монарх был бы истинным венцом этой демократии. Такая демократия стала бы общественным базисом для венгерской контрреволюции, чтобы та, служа Англии, вступила бы в войну против Советского Союза. Что же касается такой демократической ликвидации всей буржуазной демократии и всех буржуазно-демократических реформ, то все буржуазные политики от Бетлена до Енё Киша обнаруживают в этом вопросе полное единство. Протест мелкобуржуазных фашистов против данного блока значит не очень много. Восторженной поклонницей и провозвестницей такой демократической системы является социал-демократическая партия. Таким образом, с усилением капиталистического производства и контрреволюции, с отдалением от революции, венгерская контрреволюция вступает в период «западного развития». КПВ есть единственная партия, которая в противовес режиму Бетлена ведет настоящую борьбу за демократические реформы.

6. В этой борьбе, которая с необходимостью достигает своего пика в борьбе за демократическую диктатуру, партия должна сохранять свой прежний лозунг: «республика»[23]. Она должна сохранять его до тех пор, пока выражением спокойной и беспрепятственной власти крупных землевладельцев и крупного капитала является согласие с коронацией легитимного короля, пока борьба за республику представляет собой для широких масс одновременно борьбу за все демократические свободы - за право на собрания, объединения, стачки и т.д. В

[23] Требование «республики» было центральным лозунгом СРПВ. Этот лозунг играл важную роль в программе переходного периода, сформулированной после V конгресса Коминтерна (соответственно, после откомандирования Ракоши в Венгрию) и принятой на первом съезде КПВ.

ходе пропаганды этого лозунга ни один коммунист не должен позволить ввести себя в заблуждение посредством так называемой республиканской пропаганды социал-демократии. Наоборот: следует указывать на то, что лозунг республики означает для социал-демократов не что иное, как прикрытие легитимизма, как роль сторожевого пса по отношению к фашистам мелкобуржуазной партии Альбрехта. Конечно, и в будущем партия не должна выдвигать лозунг республики изолированно. Республиканский лозунг может иметь место только в борьбе за полную демократию, за республику, во главе которой стоит правительство рабочих и крестьян, в борьбе против демократической ликвидации демократии, как осуществление лозунга «класс против класса», как мобилизация для проведения необходимой борьбы за демократическую диктатуру. (Эта позиция в отношении республики имеет силу, однако, лишь до тех пор, пока союз крупных землевладельцев с крупным капиталом соглашается с конституционной монархией. Если же он – из внешнеполитических соображений – откажется от этого и осуществит в Венгрии буржуазную республику немецко-австрийского типа, тогда КПВ должна будет пересмотреть свои тактические лозунги, ничего не меняя в своей стратегической директиве).

7. Эта борьба за рабочих должна вестись в теснейшей связи с требованиями рабочих, понятыми в самом строгом смысле. Должно быть показано, что в центре всего демократического фашизма стоят снижение жизненного уровня рабочих и ликвидация права на забастовку. Следовательно, идею борьбы за демократическую диктатуру нужно вбивать в головы рабочим в постоянной связи с борьбой против фашизации и государственного арбитража. В этой борьбе необходимо, конечно, указывать на практическое значение всех демократических прав и свобод (право собраний и объединений, свобода печати и т.д.) для повседневной классовой борьбы рабочих. Необходимо также начать борьбу на предприятиях за свободу передвижения рабочих (система доверия, производственный комитет). Должна быть, далее, разоблачена практика режима, направленная против любого рабочего движения (депортации, роль полиции в забастовках горняков и сельхозрабочих). Одним словом: борьба за буржуазные свободы должна быть соединена с повседневными потребностями рабочих. Именно принимая во внимание эти повседневные вопросы, необходимо предпринять разоблачение социал-демократического предательства, органического приспособления социал-демократии к демократическому фашизму. И насколько необходимо бороться против всякого нигилизма, который проявляется по отношению к буржуазным свободам, настолько же надо с пролетарской позиции выносить на передний план относительную ценность демократии – ее ценность в буржуазном обществе, а значит, и в демократической рабоче-крестьянской диктатуре. "Между эксплуататором и эксплуатируемым, между буржуа и пролетарием не может быть равенства" (Ленин)[24]. Полное осуществление буржуазной демократии еще далеко не упраздняет эксплуатацию рабочих.

8. Своеобразие венгерской ситуации состоит в том, что рядом с относительно развитым и далее развивающимся капитализмом здесь сохраняется неизменной феодальная форма землевладения, которая даже после земельной реформы[25], скорее, ухудшилась, чем улучшилась. Правда, отдельные представители господствующих классов, выступающие против джентри-провинциализма, ясно сознают, что современное состояние землевладения несет в себе зародыш крестьянской революции. Поэтому, чтобы предупредить ее, они говорят о возможности новой земельной реформы. Однако с объективной точки зрения распределение земельной

[24] См. раздел «Может ли быть равенство эксплуатируемого с эксплуататором?» в работе В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский». См.: В. И. Ленин. Полное собр. соч. – Т. 37. – С. 259-267.

[25] Первая земельная реформа была проведена в Венгрии в период советской диктатуры - в марте - апреле 1919 года. Все землевладения, превышавшие по площади 57 га (а это составляло примерно половину общей площади владений), были экспроприированы, а экспроприированное имущество трансформировалось в сельскохозяйственные производственные кооперативы. Новый передел земли последовал в Венгрии сразу после падения советского режима, в 1920 году. Однако обе эти реформы в итоге фактически оставили неизменной феодальный характер аграрных отношений в Венгрии.

собственности не сможет даже незначительно измениться в результате такой реформы, поскольку землевладение и крупный капитал все теснее срастаются друг с другом. У средних крестьян и, тем более, беднейших слоев крестьянства, нет своих партий. Городские мелкобуржуазные партии и социал-демократия и в этом отношении безоговорочно следуют за крупным капиталом. Следовательно, и здесь КПВ остается единственной партией, которая пишет на своих знаменах необходимость последовательного осуществления требований буржуазной революции: безвозмездная экспроприация крупного землевладения, революционный захват земельных участков, требование «землю – крестьянам!». Без настойчивой пропаганды, без решительной борьбы в интересах осуществления союза рабочих и крестьян, демократическая диктатура остаются лишь пустой фразой. КПВ должна все делать для того, чтобы привлечь к этой программе все более широкие слои сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты. Она должна, поэтому, также заинтересовать те слои рабочих, которые еще не утратили своих связей с землей. Посредством регулярного и организованного установления отношений с работниками сельского хозяйства партия должна пытаться укорениться в беднейших слоях деревенского населения. В интересах восстановления доверия со стороны крестьянства, разочарованного контрреволюцией, КПВ должна вести беспощадную самокритику своей неудачной аграрной политики во время пролетарской диктатуры. Должно быть без обиняков сказано, что ныне партия изменила свою позицию, занятую в период диктатуры. Каждому члену партии должно быть объяснено, что речь здесь идет о принципиальном, стратегическом вопросе партии: о неизбежной предпосылке завоевания власти и освобождении пролетариата. Следовательно, не допустимо мнение, будто это «никакой еще не социализм», что интересы поддержания производства и обеспечения рабочих нуждаются в другой политике и т.д. Все члены партии должны понимать, что речь сейчас идет об основополагающем вопросе перехода от буржуазной революции к революции пролетариата, что власть крупных землевладельцев и крупного капитала может быть уничтожена в Венгрии лишь в ходе такого рода революции, а пережитки феодализма могут быть искоренены только путем уничтожения капитализма.

D. *Лозунги и непосредственные задачи партии*.

30. В соответствии с вышеизложенными размышлениями и задачами, деятельность КПВ ориентируется на следующие лозунги:

a) борьба за падение режима Бетлена. Борьба против всякого рода псевдооппозиционности по отношению к режиму Бетлена, а также против буржуазной и социал-демократической псевдооппозиции.

Никакого пакта с буржуазией: класс против класса – да здравствует союз рабочих и крестьян!

Борьба против осуществления фашизма в рамках демократии.

Борьба против дезориентирующего рабочих лозунга: «Демократия или фашизм». Борьба против социал-демократии как главной опоры фашизма. Борьба за всеобщую свободу, которая обеспечивает рабочим свободу движения (право собраний и объединений, свобода печати и право на забастовку). Борьба за сосредоточение этих прав и свобод вокруг требования республики, во главе с рабоче-крестьянским правительством. Борьба за демократическую диктатуру рабочих и крестьян. Борьба за диктатуру пролетариата.

Борьба за революционный захват земли бедным крестьянством и за безвозмездную конфискацию всех крупных имений размером свыше 100 моргенов земли. Свободную землю для крестьян.

b) Борьба за классово-боевое единство рабочего движения. Борьба против разделения и распада рабочего движения, против разлагающей партийную организацию политики бюро-

кратии. Защита классово-боевого характера профсоюзов от влияния бюрократии в старых профсоюзах, а в случае необходимости - и за их пределами. При защите классово-боевого характера профсоюзов наши руки не должны быть связаны их основными правилами.

Защита профсоюзов от фашизма – от правительства Бетлена и его союзницы, бюрократии. Ликвидация примиренческой критики. Финансовому положению рабочих может помочь только доведение классовой борьбы до конца.

Восьмичасовой рабочий день. Реальная заработная плата. Поддержка безработных. Борьба против рационализации.

Вопрос классовой борьбы как вопрос всего рабочего класса. Включение неорганизованных рабочих в борьбу за повышение заработной платы. Включение неорганизованных рабочих в классово-боевые профсоюзы.

«Аполитичность» [Unpolitisch-Sein] убивает и экономическую борьбу. «Свободная от политики» [politikfreie] профессиональная предвзятость или синдикализм ведут рабочих к фашизму. Политизация экономической борьбы. Солидарность всех бастующих рабочих. Борьба против штрейкбрехеров. Борьба против государства, которое поддерживает штрейкбрехеров, ограничивает возможности забастовок и отменяет право на забастовку. Борьба против фашистов. Борьба за улицу.

Предприятие есть крепость рабочих, ведущих классовую борьбу. Система доверия. Заводские комитеты, заводские движения за увеличение заработной платы вопреки воле бюрократии: против профсоюзов, руководимых бюрократией. Основой классово-боевой организации является предприятие. Пропаганда в пользу осуществления идеи индустриального союза (заводские кассиры).

Да здравствует Профинтерн! [VSZI][26]. Попытка вступления в Профинтерн.

c) Режим Бетлена ведет Венгрию к войне. Враг находится не вне, а среди нас. Никакой региональной неприкосновенности. Борьба с ревизионистским мошенничеством. Освобождение наций может быть достигнуто только посредством интернациональной революции пролетариата.

Социал-демократическая партия есть военный резерв режима Бетлена. Социал-демократическая партия есть резерв центра как «оппозиции». Долой Пейера и Енё Киша, защитников военной политики Бетлена!

Бетленовский режим готовит войну против Советского Союза. Советский Союз должен защищаться нами против атаки империалистов. Превращайте империалистическую войну в войну гражданскую! Солдаты из числа рабочих и крестьян, переходите в советскую Красную Армию!

Долой пацифистские иллюзии! «Мир» Лиги наций означает подготовку войны против Советского Союза. «Радикальный» пацифизм есть обман рабочих. Они полагают, что войну можно предупредить в последний момент. (Но это невозможно будет сделать ни путем бойкота, ни при помощи стачки).

Прекратить бойкот армии. Марш в армию! Марш в Лéвенте[27]! Вперед на военные заводы, на железную дорогу, на почту и телеграф! Вступайте во все необходимые для войны организации, чтобы дезорганизовать их работу, чтобы направить оружие и военные средства буржуазии против нее самой.

Агитация среди солдат. (Нужно выработать для этого требования).

---

[26] **V**örös **Sz**akszervezeti **I**nternacionálé (VSZI) – Красный Интернационал профсоюзов (Профинтерн), международное объединение революционных профсоюзов в 1921 - 1937 годах. Всего состоялось пять конгрессов Профинтерна (все в Москве).

[27] «Лéвенте» [Levente] (обычное значение венгер. слова - витязь, рыцарь) - название профашистской молодежной организации (а также отдельного ее члена) в хортистской Венгрии. По статусу организация была государственной, в ее состав входила молодежь от 14 до 21 года. Целью было националистическое воспитание молодежи, сопряженное с начальной военно-спортивной подготовкой.

31. Перечисленные здесь лозунги и задачи КПВ ставят в большей мере, чем раньше, в центр политической работы основные организации партии, т.е. заводские партячейки. Они делают политизацию ячеек основной задачей. С какой бы «сферой деятельности» не были связаны лозунги КПВ, они образуют единую систему, поэтому, оторванные друг от друга, они не могут быть поняты рабочими. И, тем более, нельзя под отдельными лозунгами вести рабочих в классовое сражение. Реальным основанием этого единства является жизнь рабочего, его повседневные проблемы. Только так эти лозунги могут действительно стать плотью и кровью рабочего. Задача ячеек, стало быть, заключается в том, чтобы понять все происходящее на предприятии, все его актуальные, конкретные проблемы, и чтобы связать эти проблемы с общим положением рабочего класса, т.е. с его освобождением. Посредством приспособления к такому развитию и благодаря обобщению конкретных, повседневных проблем предприятия, посредством приспособления к национальным и интернациональным меркам надо помочь рабочим преодолеть обособленность их производственной борьбы, спонтанные и узкие рамки методов этой борьбы, не теряя при этом связи с конкретными повседневными проблемами.

Предприятие должно стать нашей крепостью. Предприятие есть исходный пункт нашей стратегии. Вся борьба, вся массовая работа КПВ (через фракции) может быть только тогда успешной, когда ее фундамент состоит из основы жизни рабочего и классовой борьбы, т.е. из жизни рабочего на предприятии.

РАФИНИРОВАННЫЙ ДОГМАТИК

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье критически анализируются основные идеи и жизненный путь одного из ведущих представителей неомарксизма Дьёрдя Лукача. Автор признаёт, что Д. Лукач был выдающимся толкователем работ К. Маркса, создавшим и реконструировавшим категориальный аппарат, оказавший огромное влияние на современные формы марксизма. Однако, по мнению автора, марксизм самого Д. Лукача антирационален и антинаучен, поскольку, в соответствии с принципом единства теории и практики, обуславливающим примат политического участия над познавательными ценностями, представляет собой отказ от интеллектуальных, логических и эмпирических критериев истины. Как следствие, полагает автор, марксизм Д. Лукача есть поиск собственной интеллектуальной безопасности, результатом которого становится партийный догматизм.*

Ключевые слова: *неомарксизм, Д. Лукач, история коммунистического движения, теоретический догматизм.*

Рассеянное перелистывание

Фигура Георга Лукача меня интересовала в 1960-80 годы. Не сама по себе, а как один из разделов моей первой исследовательской программы. В этой программе я пытался соединить жизненный опыт с интересом к книгам вообще, а к социальной философии – в особенности.

В школьных советских учебниках общество, которое было создано в СССР, называлось «социализмом». Мой отец был рабкором, писал в газеты. В том числе о несправедливости существующих расценок за труд. За это его обвинили в клевете, исключили из КПСС. Поэтому со школьной скамьи меня занимал вопрос: почему при социализме разнообразное начальство является господином, а человек труда низведен к роли холуя?

В связи с болезнью и смертью отца я вынужден был бросить десятый класс дневной школы, работать, одновременно учиться в вечерней школе. Горжусь, что в 18 лет был бригадиром грузчиков. По действующему в 1960-е годы Кодексу законов о труде начальство комбината хлебопродуктов имело право принудить нас в течение года к 120 часам (если не забыл…) сверхурочной работы в год. Норма погрузки-выгрузки на человека за восемь часов была такая - 28 тонн. Мы грузили по 35-45 тонн (пусть читатели попробуют представить эту

работу). Постоянно перевыполняли норму. Но к концу работы (когда все были измочалены) почти всегда ставили под погрузку еще два вагона. Это 120 тонн. На их погрузку требовалось не менее четырех-пяти часов интенсивной работы бригады из шести человек. Так что вместо законных 8 часов мы нередко работали по 12. А вместо законных 120 часов сверхурочных у нас фактически было до 300 часов в год. Правда, получали в месяц от 120 до 150 рублей в месяц. В начале 1960-х гг. это был большой заработок. Но я тогда начал задумываться: а сколько это в долларовом эквиваленте и действительно ли наш заработок выше заработка какого-нибудь докера из Марселя или Гамбурга? Ведь мы гегемоны, как трубила тогда советская пресса…

Короче говоря, превращение в раба мне вскоре надоело. Я начал размышлять: разве в СССР нет эксплуатации человека человеком? Обсуждать эту тему со старшими товарищами по бригаде. И говорить им, что надо требовать соблюдения КЗОТа. Если начальство его не соблюдает, надо организованно вместе бросить работу. Из школьных учебников я знал, что именно так поступали настоящие пролетарии. Умудренные советской жизнью трудяги эту тему поддерживали, но едва появлялся директор с очередным требованием приступить к сверхурочной работе - безропотно продолжали ищачить. Правда, давали по стакану водки и хорошую закуску - для поднятия тонуса и появления второго рабского дыхания. Директор назвал меня «подрывником»… Так на практике я убеждался, что у советского рабочего класса никакой солидарности нет – продадут в любой момент. Это способствовало выработке критического отношения не только к власти, но и к рабочему классу, который считался «гегемоном» в соответствии с идеологическим шаблоном.

Для ответа на поставленный вопрос я решил создать теорию бюрократии. Эта тема в советском обществоведении была неизученной. Но в газетах постоянно публиковались статьи о фактах бюрократизма. После фиксации диссонанса между марксистской теорией и советской практикой я сформулировал вполне «идеологически выдержанные» задачи (если перейти на советский партийный жаргон): проанализировать взгляды Карла Маркса и Фридриха Энгельса на проблему бюрократии на всем протяжении их теоретической и политической деятельности; изучить под таким же углом зрения все наследство В.И.Ленина; освоить социологию Макса Вебера, особенно его теорию бюрократии; сравнить подходы Маркса, Энгельса, Ленина и Вебера к проблеме бюрократии; применить выводы этих исследований для описания политической истории СССР[1].

Учеба на философском факультете частично объяснила природу интеллигентской боязни изучать поставленный вопрос: Троцкий еще в 1920-е годы констатировал бюрократическое перерождение советской власти. Если добавить к этому тезису констатацию: сама революция увеличивает число государственных должностей, особенно идеологических чиновников, - то Лев Давыдович был прав. Это добавило в мою программу существенный пункт: изучать проблему бюрократии во взаимосвязи с анализом процессов догматизации марксизма, причем не только не только в трудах теоретиков Второго Интернационала (об этом можно было прочесть в советских учебниках по истории КПСС), но и Коммунистического Интернационала, а также в деятельности политических партий и государств, превративших марксизм в официальную идеологию. В контексте этой программы меня интересовал и Георг Лукач, наряду с другими фигурантами теории и практики марксизма. Ему посвящена глава в одной из моих книг[2].

В процессе написания этой книги и несколько лет после ее издания я читал курс по истории и теории марксизма для студентов философского, затем политологического отделения Ростовского университета. Этот курс частично переплетался с исследовательскими целями,

[1] Краткое изложение результатов выполненной программы см.: Макаренко В.П. Цикл работ 1985-2000 гг. по фундаментальным проблемам политической науки [Электронный ресурс] – URL: http://lib.sibnet.ru/book/2544

[2] См.: Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. – Ростов-на-Дону, изд.РГУ, 1992

хотя скорее был следствием моего книжного любопытства. Второе советское собрание сочинений Маркса и Энгельса (50 томов) я прочел полностью, полное (пятое) собрание сочинений Ленина (55 томов) даже дважды. На это ушло десять лет. Соседи по коммунальной квартире надо мной смеялись. Однако это чтение имело и позитивные следствия: оно привело меня к стойкому отвращению ко всем вариантам советских учебников по философии и прочим общественным наукам, а значит - ко всей идеологическо-пропагандистской машине советского государства.

Потом мне надоела история и теория марксизма. Однако проблемы бюрократизации политики и государства, догматизации идеологий (всех, а не только марксизма) меня интересуют до сих пор. Нынешняя публикация работы Георга Лукача в переводе С.П.Поцелуева - хороший повод повторить пройденное.

Прежде всего скажу о впечатлении читателя. Со времени первого чтения книг Лукача я считаю их невыносимо скучными. В процессе подготовки этой публикации рассеянно перелистал те книги Лукача, которые есть в моей домашней библиотеке. Чуть челюсть не свихнул от скуки. Ни Гегеля, ни гегельянцев давно терпеть не могу. Мой жизненный опыт ко времени поступления на философский факультет сложился так, что я скептически относился к спекулятивному способу мысли. Его можно обозначить иным русским словом.

Я поступал на философский факультет, одновременно работая грузчиком на Ростовской реалбазе хлебопродуктов. Долгое время стеснялся сказать товарищам по работе, куда я поступил[3]. Все же пришлось открыться. Коллега по бригаде тут же отреагировал: «А-а-а, так ты будешь мозгоебателем!?».

Прошло более сорока лет. А вопросы остаются: относится ли эта квалификация ко всей философии вообще или к ее советскому варианту или же только к гегельянской ветви марксизма? относится ли эта характеристика ко всему сообществу философов или к советской его форме или же только к отдельным индивидам?

На эти вопросы я ответил в книге «Марксизм: идея и власть». После чтения «Тезисов Блюма» возник другой вопрос: не устарела ли глава, которая специально посвящена Лукачу? На протяжении последних двух месяцев прочел несколько свежих работ о Лукаче и советской философии[4]. В процессе чтения вспомнил, что Н.Н.Козлова в своей книге построила ментальную карту типов советских людей. Среди них был тип осведомителя НКВД, который обычно носил подмышкой «Диалектику природы» Фридриха Энгельса и «Капитал» Карла Маркса, чтобы производить впечатление на окружающих[5]. Случайно ли такое совпадение?

Монстр советской философии

«Интеллектуально-идеологический монстр советской философии» (метафора принадлежит Г.С.Батыгину и И.Ф.Девятко) начал складываться после революции. Первое поколение советских философов раскололось на «диалектиков» и «механистов». С.Н.Корсаков считает,

[3] О природе стеснения или чувства неловкости, возникающего, когда приходится называть себя философом, можно написать особое исследование.

[4] См.: Земляной С. История, сознание, диалектика. Философско-политическая мысль молодого Лукача в контекстах XX1 века // Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. / Перевод, предисловие С.Н.Земляного. – М., Логос-Альтера, 2003. – С. 7-69; Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920-1930-е гг. – СПб, Изд. Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; – М., Летний сад, 2004, особенно сс.111, 139, 148, 212, 452, 482, 492; Корсаков С.Н. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН. Ред. Гусейнов А.А. и др. – М., Прогресс-Традиция, 2009. – С. 95-195, особенно с. 98,107, 112-113; Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Трудные послевоенные годы // Там же, с.196-241, особенно с. 196, 199, 207, 210, 213, 222, 228, 231

[5] См.: Макаренко В.П. «Пуганый народ» и проблема восстановления памятника Ломоносову // Политическая концептология. – 2009. – № 1 http://politconcept.sfedu.ru/2009.1/19.pdf

что вождь «диалектиков» А.М.Деборин правильно понимал материалистическую диалектику и потребности ее развития как метода; что он был прав, квалифицируя взгляды «механистов» как позитивистские, немарксистские. С.Н.Корсаков проводит аналогию между задачами, которые ставил перед марксистами А.М.Деборин в 1920-е гг., и исследованием диалектики «Капитала» в 1960-е гг., которое связано с именами А.А.Зиновьева, Э.В.Ильенкова, В.А.Вазюлина и др.: «Исследования диалектики «Капитала» 1950-1960-х годов были наиболее ярким проявлением трудного возрождения творческой философской мысли и стали своеобразным советским вариантом неомарксизма. Во многом они были новаторскими по сравнению с западными аналогами. Но документы показывают, что ренессанс творческого диалектического марксизма мог состояться на отечественной почве значительно раньше. Соратники А.М.Деборина были людьми убежденными, теоретически подготовленными и талантливыми. Все это могло бы состояться, если бы процесс не был насильственно прерван, а философы физически уничтожены»[6].

Итак, ренессанс советского творческого марксизма, с одной стороны, восходит к деятельности группы «диалектиков» 1920-х годов, с другой стороны, является разновидностью западного неомарксизма. Попутно С.Н.Корсаков описал прежде неизвестный в истории философии предмет - обзоры философских дискуссий для ЦК ВКП(б). Эти обзоры были инструментом философской борьбы в СССР. К их составлению приложили руку «диалектики». Существует сходство между интересами политического руководства СССР и интересами группы «диалектиков»: те и другие стремилась к полному идеологическому контролю за философской издательской продукцией; на «диалектиков» возлагалась обязанность отслеживать «идеологические диверсии». Группа Деборина боролась не только против идеалистов, но и против тех, кто иначе, чем они, понимали марксизм. В обзорах философских дискуссий можно было представить своих философских противников-марксистов как ревизионистов, которые должны быть разгромлены идейно и организационно. По форме то была информация, а по сути - использованием политических рычагов в борьбе с оппонентами. В советской философии «…форма сольется с сутью и журнальную статью, докладную записку и донос в НКВД будет уже невозможно отличить друг от друга»[7]. Стало быть, тип осведомителя НКВД и формы советской философской продукции могут рассматриваться как взаимосвязанные явления.

Г.С.Батыгин и И.Ф.Девятко показали, что основным вопросом советской философии был вопрос о власти. Отделение философии Академии наук СССР воспринималось как политотдел и вызывало опасения у специалистов. В советской философии под дискуссиями понимался обмен обвинениями, отражающий столкновение борющихся группировок. В итоге философского погрома 1930 г. и послевоенных дискуссий определился исход конфликта между «умниками» и «идеологами» в философском сообществе: победила глупость: «Умники» как будто существуют только для того, чтобы быть битыми. Может быть, в этом проявляется русская самобытность?..»[8].

Все пишущие о Лукаче единогласно зачисляют его в разряд «умников». С.Земляной огорчен тем, что советский марксизм игнорировал интеллектуальные достижения неомарксизма (западного марксизма). По мнению С.Земляного, Лукач был неомарксистом. С.Земляной считает, что Э.Ильенков и М.Мамардашвили в своих трудах воспроизвели точки зрения Лукача и Корша. В этом смысле в СССР/России возник неомарксизм. Сегодня труды неомарксистов притягательны, поскольку в российской политике нет левого измерения. Но уже более сотни лет в марксизме существует противоречие между сущим и должным, политикой и этикой. Лукач в своих трудах создал образец разрешения данного противоречия – таков вердикт С.Земляного.

[6] Корсаков С.Н. Указ.соч., с.107

[7] Там же, с.113

[8] Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Указ.соч., с. 231.

А.Н.Дмитриев показал, что неомарксизм – это круг интеллектуалов от Г.Лукача и К.Корша до создателей «критической теории» (от М.Хоркхаймера до В.Беньямина). Неомарксизм – это специфический личностный социокультурный феномен, в состав которого входят: культурный радикализм Лукача - «сумасшедшего гегельянца» и гейдельбергского мыслителя одновременно, который отрекся от собственной художественной утонченности ради эстетического «спасения в миру»; сектантский ригоризм ортодокса, непримиримого борца с любым оппортунизмом ради чистоты новообретенной коммунистической идеи в виде ленинизма. Есть основания считать, что Лукач был связан с советской разведкой (по линии Коминтерна), выполняя роль «ловца душ», а не разведчика или агента. А.Н.Дмитриев отмечает, что Лукач пришел к постепенному «примирению с действительностью» сталинского социализма в одной стране. Но этот аспект Дмитриев не обсуждает (хотя ссылочный аппарат его книги свидетельствует, что ему известны работы этого круга). Дмитриев считает перспективным соотнесение философско-социологической концепции Лукача с теоретическими представлениями молодого Маркса 1840-х гг. Лукач – это переплетение «философского и критического анализа высочайшего типа – особенно в истории диалектики – с грубейшим преклонением перед меняющимися распоряжениями ЦК. Лукач возвел на высочайший уровень теорию всемогущего ЦК». Ситуация последних лет свидетельствует о возрастающем спросе на марксизм в пределах отечественного интеллектуального рынка.

Попутные замечания

Теперь сделаю несколько замечаний. Мне кажется, значительно интереснее было бы изучить творчество Лукача не для реанимации неомарксизма, а в контексте истории советского шпионажа – внутреннего (тип осведомителя НКВД, который использовал произведения классиков марксизма для приманки) и внешнего, в котором фигуры типа Лукача выполняли роль «ловца душ». К.Шлегель показал, что коммунистический агент был новым культурным типом. Белые и красные генералы верили в победу оружия. «Советские агенты мыслили в категориях массового просвещения, пропаганды и манипуляции общественными настроениями. Они знали, что разоблачениями и листовками в охваченных брожением массах можно добиться большего, нежели бюрократическими процедурами, коварством и интригами. И в области дипломатии, театра и искусства, и в сфере подпольной борьбы советский агент оказывался современнее своего анахроничного противника»[9]. Можно ли рассматривать интерес Лукача к искусству и философии как средство разведывательной деятельности, порожденной эпохой революции? Эту проблема требует детального обсуждения.

Во-вторых, я специально занимался сравнением взглядов Гегеля и молодого Маркса на проблему государства и бюрократии и показал, что уже ко времени написания «Манифеста Коммунистической партии» Маркс радикально разошелся с Гегелем по этим вопросам[10]. Специфика бюрократических структур объясняет природу лукачевского переплетения пиетета перед диалектикой с преклонением перед «всемогущим ЦК». Поэтому призыв А.Н.Дмитриева заставил меня ухмыльнуться – пусть молодые порезвятся...

В-третьих, на протяжении 1990-2000 гг. в отечественной философии сложилась вполне определенная тенденция реабилитации Лукача для пропаганды неомарксизма в теоретических и политических целях. Я думаю, этот путь ведет в никуда. Даже чтение нескольких недавно опубликованных книг и статей о Лукаче позволяет сформулировать вопрос, на который в них ответа нет. Поэтому благодарю С.П.Поцелуева за то, что после прочтения его перевода статьи Лукача у меня возникла идея републиковать свой текст о Лукаче более чем

[9] См.: Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919-1945). – М.: Новое литературное обозрение, 2004, Там же, с.412

[10] См.: Макаренко В.П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. – Ростов-на-Дону: изд. Рост.ут-та, 1985.

двадцатилетней давности. Все прочитанные мной свежие работы о Лукаче свидетельствуют, что моя книга еще не прочитана. Буду рад убедиться в ошибке, если читатели журнала на нее укажут.

* * *

Фигура Лукача в истории марксизма остается предметом спора. Большинство считает его самым выдающимся философом во времена сталинской ортодоксии. Он умел излагать главные положения ленинизма на языке немецкой классической философии. И выработал стиль, удобный для части западноевропейской левой интеллигенции XX в. Остальные марксисты не это не были способны. Часть из них считает Лукача троянским конем официальной советской идеологии, который под вывеской сталинизма разрабатывал «аутентичный марксизм». Другая часть считает Лукача сталинским философом. Кто же более убедителен?

Труды и дни

Лукач вступил в коммунистическую партию в возрасте тридцати трех лет. К тому времени он уже создал труды, не имеющие отношения к марксизму. На протяжении оставшейся жизни он был связан с ленинско-сталинским марксизмом. Принимал участие в его политико-идеологических трансформациях. Сталинские ортодоксы неоднократно осуждали Лукача. Он подчинялся партийной дисциплине и отказывался от собственных взглядов. А едва менялась конъюнктура - отказывался от прежних покаяний. Сочинял предисловия и послесловия к новым изданиям своих работ. Уточнял, как следует понимать ранее опубликованные сочинения.

После вступления в коммунистическую партию Лукач постоянно клялся в верности ленинизму. Поэтому ответ на частный вопрос: был ли Лукач сталинским философом? - зависит от ответа на общий вопрос: каково отношение между ленинизмом и сталинизмом? Цитаты из работ Сталина, панегирики ему в работах Лукача встречаются реже, чем в обычной советской идеологической продукции. Но является ли частота цитирования решающим аргументом для решения поставленных вопросов? Славословия «мудрому вождю и учителю народов» украшали все советские тексты. Включая учебники по физике и книги о вкусной и здоровой пище. Однако сталинскую физику, математику и диетологию создать не удалось.

Лукач после смерти Сталина писал, что постоянно критиковал сталинизм, но подчинялся ему по тактическим соображениям. Эти суждения тоже нельзя принять безоговорочно. На мой взгляд, решающим критерием для ответа на поставленный вопрос является философско-политическое содержание и смысл работ Лукача, созданных в разные периоды его жизни.

Лукач написал немало трудов по эстетике и литературной критике. Но его нельзя считать «прежде всего» эстетиком и литературным критиком, затем философом. В соответствии с собственным пониманием марксизма Лукач подчинял все проблемы категории «тотальности». Он понимал тотальность как целостность социальных процессов в единстве прошлой и будущей истории человечества. По его мнению, именно такой подход отличает марксизм и гегельянство от всех прочих философских ориентаций. Лукач был философом при анализе всех вопросов, которыми он занимался.

Обычно творчество Лукача рассматривают в контексте мирового марксизма и немецкой классической философии. Пишут также о значении венгерской культурной традиции в его творчестве. Однако большинство работ Лукач писал на немецком языке и посвящал истории немецкой культуры. Он знал язык, литературу и философию Германии лучше, чем культуру любой другой страны. За исключением родной Венгрии, в которой прошли его юность и старость.

Георг Лукач родился в Будапеште в еврейской буржуазной семье. Его отец был банкиром. В годы учебы в гимназии и университете принимал участие в социалистических кружках, патроном которых был Э. Сабо - венгерский левый социал-демократ. Сабо был теорети-

ком анархо-синдикализма, а не ортодоксальным марксистом. Под его влиянием Лукач некоторое время увлекался идеями Сореля. На его развитие повлияла также модернистская, антипозитивистская культура рубежа XIX-XX вв. Лукач стремился найти всеохватывающее мировоззрение, противостоящее позитивистской и эмпирической умеренности в частных делах и политике. В то же время он противостоял консервативной христианской и националистической традиции. Подобно множеству ровесников в разных странах Европы, он искал новую метафизику. В этом духе участвовал в работе театрального общества, которое стремилось найти сценическое воплощение философских драм Ибсена, Гауптмана, Стриндберга.

Несколько лет Лукач провел в Берлине, слушал лекции Зиммеля. В немецких университетах тогда господствовало неокантианство, молодые философы попадали под его влияние. Лукачу нравились те версии неокантианства, которые концентрировались на вопросах философии истории и методологии социальных наук и стремились выйти за рамки критического подхода в кантовом смысле слова[11]. С 1913 г. Лукач продолжал учебу в Гейдельберге, слушал лекции Риккерта и Виндельбанда, познакомился с М.Вебером и Э. Блохом. С 1906 г. он писал статьи для литературных журналов. Часть из них составили его первую книгу «Душа и формы», изданную в 1910 г.

Эта книга - разновидность философского эссе на литературные темы. Л. Гольдман усматривает в ней трагическое кантианство с феноменологической окраской, поскольку понятие формы у Лукача соответствует понятию значимой структуры у феноменологов. Но структурализм Лукача оставался статичным. При поиске смысла художественного произведения отодвигался в сторону вопрос о его историческом генезисе и модификациях. Лукач рассматривал художественное произведение как способ оформления человеческого чувства жизни или «души». Стремление найти форму для души естественно и неизбежно, хотя такая форма является одновременно отказом от содержания. Желание подчинить душу форме отражает специфику искусства. В нем фиксируется неспособность человеческого духа создать синтез внутреннего и внешнего, субъективности и ее выражения. Лукач полемизирует с методами, которые описывают лишь случайности жизни и отвергают поиск сущности. По его мнению, натурализм и импрессионизм не соответствуют смыслу искусства.

Стремление обнаружить сущность и смысл художественного произведения отражает трагизм жизни. Судьба индивида зависит от невидимых и непонятных сил, которых выражаются в неразрешимых конфликтах. Лукач критикует эстетизм - веру в автономию формы по отношению к генезису художественного произведения. Форма есть способ организации единства мира. Если духовная жизнь сама по себе является нищенской и хаотичной, то совершенство формы не может придать ей ценность. С точки зрения Лукача, современная художественная культура сводится к поискам абстрактных форм (наследованию совершенства старых форм, в которых не помещается новое содержание) или к попытке отбросить форму вообще. Оба стремления выражают не кризис формы, а кризис жизни, которая отражается в искусстве.

В 1916 г. Лукач опубликовал работу «Теория романа». В 1950-е гг. он признал этот труд реакционным, идеалистическим, мистическим. Сегодня «Теория романа» считается одним из важнейших достижений Лукача, поскольку тот серьезно изучал Достоевского и Кьеркегора. Под влиянием этих мыслителей он пришел к выводу: роман как литературный жанр есть выражение мира, в котором человеческие отношения опосредованы отчужденными социальными формами и институтами. Существование романа - свидетельство болезни культуры, неспособности людей к непосредственной коммуникации. Величие Достоевского в том, что он показал отношения между людьми, свободные от социальных или классовых обстоятельств. Поэтому его произведения не являются романами в собственном смысле слова.

[11] Кант полагал, что теория познания логически должна предшествовать любой метафизике, в результате чего метафизические вопросы оказывались неразрешимыми или плохо сформулированными.

Проблематика «утопии» Достоевского предвосхищает вопрос, который занимал Лукача после того, как он стал марксистом: возможно ли общество, в котором будут сняты социальные и институциональные перегородки между людьми и они будут общаться как индивиды, а не как представители анонимных сил? Однако при написании «Теории романа» Лукач находился под влиянием Дильтея и Гегеля. Рассматривал литературные формы как выражение исторических целостностей, которые ищут в искусстве самосознания. Искусство есть сфера объективации духа эпохи, а ее смысл не сводится к форме. Искусство самостоятельно, его нельзя подвести под философское или научное творчество. Поэтому ошибочны как рационалистическая интерпретация художественного творчества, так и романтическая вера в привилегированное положение искусства.

Важное место в ранних работах Лукача занимают проблемы этики. Он фиксирует противоречие между намерениями и результатами действий индивидов; потребностью самовыражения и функцией экспрессии; потребностью непосредственной коммуникации и социальными формами, которые ее исключают. В годы первой мировой войны он пишет работу о Кьеркегоре как критике Гегеля. Некоторые исследователи творчества Лукача (например, Л. Конгдон) считают, что его переход к марксизму объясняется ситуацией, которую он толковал как кьеркегоровское «или — или»: невозможность синтеза различных ценностей и необходимость принудительного выбора в условиях борьбы.

Лукач вернулся в Будапешт в 1915 г. Стал одним из инициаторов философских кружков и свободных школ, в которых интеллигенция выражала свои страхи и надежды на фоне войны. В этих кружках участвовали К. Маннгейм, А. Гаузнер, Б. Барток, М. Поланьи, З. Кодали. Со временем они приобрели известность в разных сферах культуры. В политической борьбе кружки занимали левую, но не большевистскую позицию. Поэтому для товарищей и коллег было неожиданностью вступление Лукача в компартию Венгрии сразу после ее основания в 1918 г. За несколько дней до этого он опубликовал статью, в которой резко критиковал большевизм. По мнению Лукача, будущее бесконфликтное общество может возникнуть лишь как продукт диктатуры и террора. В то же время он был убежден, что большевизм остается единственной возможностью для интеллигенции, которая не хочет ни активно, ни пассивно принимать мир, породивший жестокости войны и угрожающий разрушением всей цивилизации.

С этого момента Лукач принял марксизм как единственно верное моральное, интеллектуальное и политическое решение. До конца жизни он целиком принадлежал коммунистическому движению. Поверил, что марксизм есть окончательное решение загадок истории, а коммунизм гарантирует человеку освобождение всех возможностей и синтез всех сил, разрешение конфликтов между индивидом и обществом, индивидом и индивидом, случайностью и сущностью человеческого существования, моралью и правом. У интеллигента остается единственный выбор - присоединиться к исторической волне, которая обещает будущий окончательный синтез.

Некоторое время надежды Лукача на европейскую революцию подтверждались. В Венгрии возникла советская республика. Она просуществовала с конца марта до конца июля 1919 г. Руководил венгерскими коммунистами Бэла Кун - будущая жертва советского террора. В его правительстве Лукач занимал пост заместителя наркома просвещения. После падения Венгерской советской республики начались кровавые репрессии. Большинство ее вождей сбежало за границу. Лукач несколько недель скрывался, затем сбежал в Вену. Тут его арестовали. Если бы Австрия экстрадировала его на родину, там его наверняка бы повесили. Несмотря на протест группы писателей.

Начинается жизнь в изгнании. Она заполнена теоретической и пропагандистской работой. А также типичными для эмиграции спорами и склоками. Эти споры не влияли на ситуацию на родине. Зато разжигали нетерпение изгнанников, составляющих планы будущей ре-

волюции. Лукач состоял в руководстве Венгерской компартии, редактировал журнал «Коммунизм». Однажды удостоился критики Ленина за антипарламентские взгляды.

В 1923 г. Лукач издал книгу «История и классовое сознание». Она считается его главным произведением. Этот труд породил бесконечные дискуссии в истории марксизма и коммунистического движения XX в. Лукач доказывал большое значение Гегеля для марксизма. Разработал свою интерпретацию наследия Маркса, приняв исходным пунктом категорию тотальности. По мнению Лукача, философские дискуссии в период II Интернационала не имели ничего общего с идеями Маркса. Участвующие в них «марксисты» и «ортодоксы» не учли значение материалистической диалектики. Прежде всего - теорию взаимодействия субъекта и объекта истории в их движении к единству.

Книга Лукача направлена против эволюционистских и позитивистских толкований марксизма. Автор стремился создать философские основы революционной ленинской теории социализма и партии. Но в двух пунктах Лукач отошел от ленинизма: он считал, что диалектика природы противоречит сути Марксовой диалектики; подвергал критике ленинское положение об отражении как критерии марксизма в теории познания.

Книга Лукача вышла в период прогрессирующей догматизации марксизма. Главные чиновники Октябрьской революции набросились на Лукача. На V Конгрессе Коминтерна в 1924 г. Г.Зиновьев объявил книгу вредной и ревизионистской нападкой на марксизм. Попало и другим марксистам (А. Грациадеи, К. Коршу), которые по-своему толковали наследие Маркса. Н.Бухарин поддержал Зиновьева. Правда, критика Лукача со стороны будущих «уклонистов» была весьма общей. Остается неясно, читали ли они книгу. Философские прихлебатели (А. Деборин, Н. Луппол, Л. Рудас) читали. И присоединились к нападкам вождей на автора. Лукач долго молчал, не отвечая на критику. Но в 1933 г. объявил «Историю и классовое сознание» вредной и реакционной книгой. Едва попав в анналы марксизма, книгу забыли на двадцать лет. И заново открыли после смерти Сталина. В настоящее время книга Лукача записана в главные теоретические труды марксизма XX в.

В 1920-е гг. Лукач написал работы о Лассале, Гессе, Ленине. Развивал идеи «Истории и классового сознания», критиковал учебник Бухарина по историческому материализму. В 1928 г. написал «Тезисы Блюма». Они были подвергнуты критике главарем венгерских коммунистов Бела Куном и руководством Коминтерна. В открытой печати «Тезисы Блюма» появились впервые в 1956 г. Они считаются главным доказательством того, что в период сталинизма Лукач был врагом сектантства. И предлагал нечто вроде тактики единого фронта. Коминтерн сделал эту тактику официальной после поражений первой половины 1930-х гг. На деле различие между позицией Лукача и Бела Куна уловить трудно.

Лукач не предлагал, чтобы коммунисты вместе с социал-демократами выступили против тогдашнего режима в Венгрии. Он утверждал, что социал-демократия «врастает в фашизм» и не может рассматриваться как демократическая оппозиция фашизму. Значит, он соглашался со сталинским лозунгом «социал-фашизма» – одним из самых ярких проявлений советской паранойи на рубеже 1920—30-х гг. Лукач полагал, что действительный фронт борьбы пролегает не между демократией и фашизмом, а между классами. Яблоком раздора с руководством Коминтерна стал лозунг «демократической диктатуры». По мнению Лукача, пролетариат должен осуществлять ее вместе с крестьянством. Такая диктатура - переходный этап к диктатуре пролетариата. Одновременно он предостерегал, что не может быть речи о сотрудничестве с буржуазией и с социал-демократией, поскольку она есть «базис» фашизма. Таким образом, Лукач предлагал перенести на венгерскую почву лозунги Ленина, сформулированные в период марта-сентября 1917 г.

Руководство Коминтерна считало главной задачей непосредственный переход к диктатуре пролетариата, т.е. монопольной власти коммунистов. И осудило «Тезисы Блюма» как «ликвидаторские». Этот спор не имел значения для тогдашней и последующей истории Венгрии. Мало ли какой план выдумает кучка бессильных эмигрантов… Но после тезисов Лука-

ча хотели исключить из партии. Он отказался от своих взглядов, отошел от политики, сосредоточился на научной работе.

На протяжении 1930-х гг. и до конца второй мировой войны он много писал, но мало публиковал. Работал в Институте Маркса-Энгельса-Ленина, затем в Институте философии АН СССР. После войны опубликовал книги «Молодой Гегель», «Гете и его время», «Статьи о реализме», «Русский реализм в мировой литературе», «Томас Манн», «Немецкие реалисты XIX века», «Бальзак и французский реализм», «Разрушение разума», «Исторический роман». Такая продуктивность восхищает. Но положение Лукача как марксиста и коммунистического идеолога оставалось неясным. Он состоял в партии, «колебался вместе с линией» - каждым новым этапом идеологической борьбы. После 1949 г. сталинизм впал в «политическое окостенение». Начались репресси во всех странах народной демократии. Лукач опять попал под огонь критики - и снова признал свои ошибки. Его книги выходили без задержек. Но в партийных кругах они приобрели репутацию подозрительных, не вполне марксистских, слишком либеральных.

После XX съезда КПСС начался новый период в жизни Лукача. Он активно участвует в критике «ошибок и извращений» сталинизма, становится одним из основателей Клуба Петефи, сыгравшего немалую роль в подготовке венгерской революции. В правительстве Имре Надя Лукач был кооптирован в ЦК партии и назначен министром культуры. Правда, эти функции он выполнял несколько дней. В Венгрию вторглись советские войска. Вместе с остальными членами правительства Лукача вывезли в Румынию. Там советские власти почти всех расстреляли. Лукач и еще кое-кто уцелел. Началась новая волна критики, в которой шел впереди его ученик Й. Сигети. Спустя некоторое время Лукач опять захотел вступить в партию. Но в качестве условий приема ему вновь предложили отказаться от своих взглядов. На этот раз он не покаялся, но в 1967 г. был принят в партию.

До конца жизни Лукач верил, что социализм (строительство которого началось в СССР и продолжилось в странах Восточной Европы) сможет освободиться от сталинских «ошибок и извращений», вернется на путь «истинного» марксизма-ленинизма. В одном из интервью он сказал, что самый худший социализм все же лучше самого лучшего капитализма. В 1960-е гг. поддерживал советскую политику «мирного сосуществования» государств с различным социальным строем, выступал против китайского «догматизма». Работал над капитальным трудом «Специфика эстетического», опубликованном в 1963 г. В 1965 г. в Западной Германии вышла книга статей, посвященная его 80-летию.

На склоне лет Лукач начал писать фундаментальный труд. Однако закончить его не успел. «Онтология общественного бытия» вышла посмертно[12]. В 1960-е гг. интерес к его творчеству возрастал. Критика со стороны сталинских догматиков практически завершилась. Зато возросло число работ, в которых Лукач был квалифицирован как сталинский писатель и философ. Больший интерес вызвали его статьи о Солженицыне - он приветствовал появление нового писателя, связывая с ним надежды на возрождение социалистического реализма.

В Венгрии Лукач оставил большое число учеников. В Западной Европе наиболее активным пропагандистом его философии был Л. Гольдман и философы Франкфуртской школы.

Целое и часть, или как быть ортодоксальным марксистом?

В работах 1920-х гг. Лукач поставил вопрос: что такое ортодоксальный марксизм? По его мнению, частные результаты Марксового анализа не входят в состав данного понятия. Ортодоксальный марксист не обязан хранить верность всем взглядам и оценкам классика.

[12] «Онтология» разочаровала тех, кто ожидал получить новую концепцию толкования марксизма. В ней содержится традиционное изложение исторического материализма с присущими Лукачу нападками на эмпиризм и позитивизм.

Ортодоксальный марксист может критиковать Маркса до тех пор, пока остается верен марксистскому методу—диалектике. Диалектический метод есть сущность марксизма. Метод не тождествен совокупности правил логики, которым должны соответствовать все интеллектуальные процедуры. Метод – это определенный способ мышления. Метод есть не только мышление, но и форма практического участия в изменении мира. Диалектика Маркса не является ни формой восприятия общественного бытия, ни его описанием, ни правилами, которым должно подчиниться это описание. Она есть пружина социальной революции и не существует вне революционного процесса.

Метод есть восприятие и понимание общественного бытия как тотальности. Лукач считал это понятие ключевым для марксизма. И не менял точку зрения с 1919 г. до конца жизни. Любил цитировать введение Маркса к «Экономическим рукописям 1857-1859 гг.». В этом труде Маркс излагает свой взгляд на примат абстрактного над конкретным. По Лукачу, главным в марксизме является тезис: социальное целое невозможно реконструировать путем умножения фактов. Их нельзя понять сами по себе. Их смысл можно понять лишь путем отнесения к целому. Оно логически первично в отношении фактов. Существует в сознании до познания действительности.

С этой точки зрения Маркс есть продолжатель Гегеля: «Отсюда становится понятным следующее фундаментальное утверждение диалектического метода — гегелевская теория конкретного понятия. Эта теория, говоря кратко, гласит, что целое первично по отношению к частям и части необходимо объяснять на основе целого, а не целое на основе частей»[13]. Не следует противопоставлять конкретное явлениям, которые можно воспринять только с помощью сознания. Для Маркса и Гегеля именно конкретное может быть воспринято разумом как «момент» целого: «Безусловный примат целого и его тотальности над абстрактной изоляцией частей, - вот что образует сущность понимания общества Марксом или диалектический метод»[14].

Марксова теория революции и социализма базируется на тотальном понимании общества. Частный анализ фактов этого дать не может. Оппортунисты и ревизионисты всегда ссылаются на факты. Они знают, что не существует логического перехода от фактов к революционному изменению общества. Поэтому эмпиризм - идеологическое основание ревизионизма и реформизма в рабочем движении: «И каждый ортодоксальный марксист, понявший, что наступил момент, в котором капитал лишь мешает производству, что наступил момент экспроприации экспроприаторов, ответит словами Фихте, одного из величайших в классической немецкой философии, когда вульгарные марксисты будут ему указывать на «факты», противостоящие этому процессу: „Тем хуже для фактов"»[15].

После 1919 г. Лукач при критике эмпиризма уже не повторял слова Фихте, однако свою позицию не изменил. В «Истории и классовом сознании» он подчеркивал, что наука непосредственно регистрирует факты и вполне соответствует капиталистическому обществу. Чтобы понять смысл фактов, необходимо поместить их в «конкретную целостность». Открыть «опосредования» между ними и данной целостностью. Она никогда не дана непосредственно. Истина части в целом. Если присмотреться к части, она содержит в себе целое. Тотальность есть носитель революционного принципа в общественной практике и в теории. Существует одна-единственная наука, охватывающая человеческую историю в целом (экономику, право, политику, религию, искусство, философию, идеологию). Только эта наука придает смысл каждому конкретному факту и явлению. Разве не писал Маркс, что прядильная машина сама по себе есть только прядильная машина и только при определенных социальных условиях становится капиталом? Непосредственное восприятие машины не в со-

[13] Lukacs G. Taktik und Ethik // Archiv fur Geschichte des Sozialismus und der Arbeitbewegung. – 1919. – № 32. – S.25

[14] Lukacs G. Op.cit., – S.27

[15] Ibid., s.30

стоянии увидеть ее функцию как капитала. Надо поместить машину в тотальность социального процесса. Факты – это искусственные изолированные моменты целого, а не «окончательная действительность». Глобальная эволюционная тенденция истории реальнее фактов и опыта.

Но тотальность не является состоянием вещей, охватывающим все моменты действительности в данный момент, - таков следующий фундаментальный тезис диалектики. Тотальность надо рассматривать как динамическую действительность, которая включает движение, его направление и результаты. Тотальность – это прошлая, настоящая и будущая история. Ее можно «предвидеть» не по аналогии с фактами природы, а тождественно ее творчеству. В антиципирующей тотальности данные в каждый конкретный момент факты можно понять только через их отнесение к будущему. Это важно для различия революционных и реформистских тенденций в социалистическом движении. Для реформистов смысл социальной и политической борьбы рабочего класса исчерпывается ее непосредственными результатами. Для Маркса смысл каждого фрагмента борьбы (включая экономическую борьбу рабочих) может быть понят как составная часть революционной перспективы.

По мнению Лукача, в этом заключается диалектическое и революционное мышление и действие вождей типа В.Ленина и Р. Люксембург. Лукач ставит превыше всего их умение «глобального» анализа. Роза умела анализировать накопление капитала не как изолированное явление. А как часть процесса, неизбежно ведущего к пролетарской революции. Потому смогла доказать: накопление не может продолжаться неограниченное время, а ведет к падению капитализма. Оппортунисты типа О. Бауэра не в состоянии оперировать целостностями исторического процесса. Они капитулируют перед капитализмом. Сводят революционную борьбу к устранению «плохих сторон» с помощью этических средств. Но если отбросить глобальную точку зрения, капитализм непобедим. Специфические законы капиталистического производства в этом случае воспринимаются как простые факты. Они приобретают статус неизменности подобно законам природы, которые можно использовать, а не отменять. А глобальный подход обнаруживает исторический и преходящий характер капитализма, поэтому является носителем революционного сознания.

Принцип тотальности служит Лукачу главным критерием оправдания ленинской доктрины и политической тактики. Ленин – это единственный гений. За отдельными событиями и фактами он увидел революционную тенденцию эпохи. Все текущие вопросы связывал с великой социалистической перспективой. Знал, что глобальный процесс реальнее фактов. И вопреки всем понял, что социалистическая революция стоит в порядке дня истории именно сейчас. С экономической точки зрения Ленин по сравнению с Гильфердингом не внес ничего нового в теорию империализма. Зато связал экономическую теорию с актуальными политическими задачами.

Понятие тотальности связано с понятием медиации (опосредования). Эти понятия Лукач применял во всех сферах исследования. Под медиацией он понимал разнообразные целостности, подчиненные тотальности. В них надо включать изучаемые факты и явления до того, пока они не включены в универсальную тотальность - глобальный исторический процесс, охватывающий прошлое, настоящее, будущее. Нередко под медиацией он имеет в виду мыслительную процедуру, связанную с отнесением частей к целому. Неспособность мыслить тотальностями вынуждает людей подчиняться наличным ситуациям. И делает невозможным выход за пределы существующего общества. Это качество в социалистическом движении выражается в реформизме и ревизионизме. Неспособность к медиации порождает стремления уравнять все явления в одну целостность. Без учета специфики различных сфер жизни и культуры.

Нацизм – показательный пример идеологии, знающей тотальность и исключающей медиацию. Почти все стили и направления в искусстве недостаточно тотальны или недостаточно медиативны. Натурализм не может выйти за пределы описания и подняться к целостной

критике общества. Символизм создает субъективные целостности. Декадентские направления поднимают частный опыт до ранга метафизических истин и тоже не знают тотальности.

В социалистическом движении недостаток медиации проявляется как сектантство - неспособность увидеть специфику опосредующих звеньев общества. Стремление ограничить задачи искусства агитацией и пропагандой отличается недостатком медиации, художественные критерии остаются в стороне. По этому шаблону Лукач критиковал сталинизм за недостаток медиации – недостаточный учет множества стимулов и движущих сил, которые надо применить в строительстве социализма, сведение задач науки и искусства к чисто политическим.

Различные редукционистские схемы - частный случай непонимания отношения между тотальностью и медиацией в марксизме. Такие схемы сводят детерминацию исторических тотальностей к действию одних элементов. Тотальность первична по отношению к частям. Детерминация частей целым фундаментальнее противоположной детерминации. Тезис «общественное бытие определяет сознание» не имеет ничего общего с экономизмом. Этот тезис не связывает весь мир форм и содержаний сознания прямо с экономической структурой на основании непосредственного отношения производства, но связывает его с целостностью общественного бытия. Поэтому определение сознания общественным бытием имеет исключительно общий характер. Только вульгарный марксизм (со времени II Интернационала вплоть до сталинской эпохи и ее последствий) сделал из него однозначно непосредственную причинную связь между экономикой или ее отдельными моментами и идеологией.

Итак, главной в общественном бытии является не зависимость между базисом и надстройкой, а между тотальностью общественного бытия и отдельными элементами тотальности.

Субъект и объект истории

Диалектика – это не обычный научный метод. Ее нельзя переносить на любые объекты независимо от познающего субъекта. Диалектика в понимании Гегеля и Маркса – это активный элемент социальной действительности, а не форма ее наблюдения. Диалектика – это выражение истории, созревающей для окончательного переворота. Это теоретическое сознание социального субъекта - пролетариата, который доведет переворот до конца. Поэтому далеко не всякий человек может усвоить диалектический метод и использовать его при изучении объектов. Диалектику может усвоить только революционер. Диалектика не существует вне процесса революционной борьбы пролетариата. Она - самосознание и элемент данного процесса.

Диалектика предполагает понимание общества как тотальности. Только социальный субъект, сам по себе являющийся тотальностью (пролетариат как всеобщий класс) может открыть тотальность в изолированных фактах и явлениях. Истина есть субъект. Ее может открыть только пролетариат. Этот класс отличается революционной инициативой. Готов радикально преобразовать всю общественную жизнь, истребить классовое общество. Теоретики II Интернационала утверждают, что марксизм - научное описание действительности. Что его может признать каждый, кто согласен с правилами логики. Это не так. Марксизм - теоретическое сознание рабочего класса, созревающего для революции. Классовое сознание пролетариата не просто отражает исторический процесс, существующий независимо от этого сознания. Оно само есть движущая сила процесса. Субъекты всех предшествующих революций не осознавали смысла собственных действий. И пали жертвой иллюзии. Пролетарская революция победит лишь в том случае, если ее субъект-пролетариат будет обладать полным и немистифицированным самосознанием своего положения в обществе и исторического призвания.

Пролетариат находится в исторически привилегированном положении. Он осуществляет радикальный переворот, который ликвидирует раз и навсегда классовое деление, социальные конфликты, эксплуатацию, раздвоение человеческого бытия на индивидуальное и общественное, отчуждение, ложное сознание, зависимость людей от анонимных сил. Пролетариат не может осуществить свою историческую миссию без тотального знания об обществе и истории. Поэтому с эпистемологической точки зрения пролетариат находится в привилегированном положении. Только он может знать социально-историческую тотальность, - ведь в его действиях она реализуется как революционное движение. Пролетарское самосознание и знание социально-исторической тотальности совпадают. Тем самым снимается древнее различие между теорией и практикой. Они совпадают, поскольку пролетариат преобразует мир в процессе созревания для понимания мира. Понимание и изменение действительности – это не два процесса, а явления одного порядка.

Неокантианцы и эволюционисты в марксистском движении проводили различие между чистой наукой об истории и социалистическим идеалом. Идеал – это разновидность морального императива, вытекающего из произвольно установленных ценностей. Однако в обществознании субъект и объект совпадают. Марксизм как наука есть самосознание общества. А как самосознание есть элемент конкретной социальной ситуации, относится ко всем фазам человеческой истории. Пролетарское самосознание совпадает с революционным движением. Нет смысла разделять идеал и процесс его воплощения. Социализм – это будущее состояние общества, он определяется мощью действия законов истории. Социализм – это не моральный долг. Он выступает как актуальное самосознание и момент фактической борьбы пролетариата.

Вот как ортодоксальный марксизм решает дилемму сущего и должного, которую не решили теоретики и вожди II Интернационала. Они полагали, что теория Маркса есть описание «необходимых исторических законов». И как научная теория не содержит никаких нормативных элементов. Из такой посылки неокантианцы выводили, что марксизм надо дополнить нормативными элементами или идеалами, которые можно почерпнуть в моральной философии Канта. Эволюционисты, напротив, утверждали, что марксизм как наука должен ограничиться описанием истории и общества. А тезис о социализме как исторической необходимости и ценности не может быть обоснован и не нуждается в этом.

Лукач считал, что те и другие обсуждали проблему с немарксистских позиций. Вслед за Кантом они полагали, что дуализм сущего и должного универсален. Но Гегель и Маркс его преодолели.

Марксизм - не описание мира, а выражение социального процесса и самосознания, революционизирующего мир. Пролетариат - субъект данного самосознания. Он воспринимает и понимает мир во множестве актов его преобразования. Разделение общественной жизни на «объективные» процессы, не подчиняющиеся человеческому контролю, и бессильное, наблюдающее и морализирующее сознание, - характерная черта всех классов, противоположных пролетариату. В свое время они представляли универсальный прогресс. Но не были универсальными классами подобно пролетариату. Не могли подняться до понимания исторической тотальности. Погрязли в частных интересах. Частный интерес пролетариата совпадает с общечеловеческими интересами тактически и принципиально. Поэтому пролетариат реализует истинное единство субъекта и объекта истории. В его революционном действии история обретает самосознание, историческая необходимость проявляется как свободное осознанное действие. «Объективный» процесс и его сознание, общественное бытие, теоретическое и моральное сознание пролетариата как носителя данного процесса совпадают. Субъект и объект, свобода и необходимость, сущее и должное не противостоят друг другу, а выступают «сторонами» одной действительности. Поэтому в марксизме снимаются кантовские и сциентистские дилеммы (как обосновать «должное» с опорой на факты?).

Тем самым отпадает древняя дилемма волюнтаризма и детерминизма, человеческой воли и научного предвидения. Знание социально-исторической тотальности – не информация, которую может усвоить каждый. Это самосознание реальной революционной практики. Марксизм не является «объективным» предвидением будущей эволюции на основе исторических законов. Акт предвидения и акт его воплощения совпадают. Пролетариат познает будущее в акте созидания и творчества. А не на основе объективной информации подобно прогнозу погоды (она меняется независимо от предсказания).

Лукач полагал, что единство субъекта и объекта истории, познавательных и нормативных элементов сознания – самое ценное наследство, заимствованное марксизмом у Гегеля. Но не буквально. Гегель не смог увидеть тождество субъекта и объекта в истории. Во время его деятельности тождество еще не существовало. Поэтому Гегель перенес тождество во внеисторическое царство разума. Приписал духу роль демиурга в истории. Гегель не преодолел дуализм субъекта и объекта. Это удалось сделать только Марксу. Следовательно, не может быть «теоретических марксистов», которые признают верность социальной теории и исторических прогнозов Маркса, а сами не участвуют в их воплощении в жизнь. Марксист – это тот, кто практически участвует в движении и воплощает теорию в жизнь. Эта теория есть самосознание данного движения.

С этой точки зрения Лукач критикует разные направления в марксизме и немарксистском социализме. Объектами его критики стали ортодоксы и неокантианцы среди теоретиков II Интернационала, предшественники и современники Маркса[16]. Правда, отрицание Гегелем любых рассуждений о будущем тоже было реакционным. Но с «методологической точки зрения» в его отрицании проявился реализм: Гегель отбросил утопическое мышление; понимал философию как эпоху, схваченную в мысли, а не как разум, который извне приходит в историю. Маркс преодолел созерцательность предшествующей философии не потому, что хотел дополнить историческое знание произвольным нормотворчеством или конструированием утопии. А потому, что открыл ростки будущего в настоящем движении как его реальную и уже существующую тенденцию.

Овеществление и отчуждение

Диалектика есть способ взаимодействия исторического субъекта и объекта па пути к единству. Тогда как замысел диалектики природы реализовать невозможно. Лукач обвинял Энгельса за утрату духа марксистской диалектики. Если сводить диалектику к законам, существующим в природе до человека, то невозможно преодолеть фатализм действительности и созерцательный подход к человеческому познанию. Законы диалектики оказываются непреодолимым свойством природы, которое можно только познавать и использовать. Но внешнее познание и технологическое использование природы не имеют ничего общего с диалектикой в понимании Гегеля и Маркса. При таком подходе диалектика теряет революционный характер. Единство теории и практики становится созерцательным, буржуазным и овеществленным, поскольку речь идет о технической эксплуатации существующего мира, а не о революционном преобразовании совокупным субъектом.

Однако исторический материализм показал, что мир в целом есть продукт человеческой деятельности. Люди до сих пор рассматривали мир как нечто чуждое. И не могли по-

[16] Лассаль не был марксистом, потому что стремился дополнить созерцательную теорию истории Гегеля волюнтаристским и моральным активизмом Фихте. Вместо преодоления Гегеля Лассаль скатился на позиции догегелевской философии. Философия действия Цешковского и Гесса тоже не преодолела дуализм теории и практики, а увековечила его в виде дуализма социалистического движения и его философского сознания. Эта философия выступает не продуктом и самосознанием классового движения, а беспартийной мудростью, которую должно усвоить движение. Гесс оказался представителем моральной утопии, которая под лозунгом критики «созерцательности» гегелевской философии отбросила те пункты, которые были близки марксизму. В первую очередь убеждение: философия есть выражение своей эпохи и не может выйти за ее рамки.

нять, что являются его творцами. Дуализм познания и практики связан с восприятием мира как совокупности «данных», а практики — как этических требований и техники. В классовом сознании пролетариата самосознание субъекта и знание о тотальности совпадают. Общественное бытие воспринимается как продукт человеческой деятельности, подчиняющийся сознательному контролю общества. Дуализм теряет смысл, дилемма эмпиризма и утопизма разрешена[17].

При созерцательном понимании мира невозможно единство теории и практики и творческая роль субъекта. Лукач связывал такое понимание с овеществлением или реификацией – свойством мистифицированного сознания капиталистического общества. У Маркса нет понятия реификации, его пустил в оборот Лукач. Но сама идея марксистская, поскольку анализ товарного фетишизма в первом томе «Капитала» есть анализ реифицированного сознания. Сознание буржуазии из-за ее социального положения полностью мистифицировано. Ее интересам противоречит понимание природы кризисов и преходящего характера социального строя, в котором она играет главную роль. В капиталистическом обществе производство подчинено умножению меновых стоимостей. Отношения между людьми кристаллизованы в стоимостях товаров. Поэтому приобретают вещественную форму. Индивиды тоже становятся вещами. Человек не является конкретным индивидом, а только частью системы производства и обмена. Его личные качества мешают униформизации и рационализации производственного механизма. Индивид есть рабочая сила - товар, обмениваемый и продаваемый по законам рынка.

Разрушение традиций, рационализация права, сведение индивида к юридическому лицу – это следствие всевластия меновой стоимости. Технология и организация труда тоже рационализируются. Увеличивают специализацию и дробление производственных функций. Производство калечит человека. Навязывает ему выполнение однообразных операций. Частичные действия приобретают самостоятельность. Поэтому социальная тотальность все более непостижима. Буржуазная философия закрепляет процессы овеществления. Не может и не хочет понять тотальность. Знает только эмпирию, которая не в состоянии произвести никакой тотальности. А также нормативную этику и утопии, которые не имеют никакой связи с фактами.

Буржуазный разум ставит математическое знание выше любого другого. Интересуется только тем, что можно калькулировать, предвидеть, использовать в технике и технологии. Все остальное знание, символизирующее тотальность, становится непознаваемой вещью в себе. Выталкивается из процесса научного познания. Противоречие между иррационализмом фактов и стремлением постичь тотальность породило идеалистическую диалектику. Она пытается возродить единство субъекта и объекта посредством ликвидации объективности. Эта диалектика не понимает революционную практику. Ограничивает творчество моральной, внутренней формой.

---

[17] Энгельс понимал практику как технику и эксперимент. Такая практика не преобразует человека в сознательного творца действительности, а только усиливает его господство над средой. Сам по себе технический прогресс не выходит за рамки буржуазного порядка. Если человек только использует познанные законы природы, он остается историческим объектом. Действительным субъектом он становится только тогда, когда присваивает объект и отождествляется с ним. Когда преодолевает реальность как вечно «данную», а процесс познания — как чистое созерцание. Единство субъекта и объекта нельзя сохранить, если диалектика относится к внешней природе. По этой же причине нельзя рассматривать познание как «отражение» вещей. Лукач не называет Ленина по имени, хотя его критика направлена против идей «Материализма и эмпириокритицизма». Ленин рассматривал познание как процесс «отражения» мира в ощущениях. Если согласиться с Лениным, то невозможно преодолеть дуализм мышления и бытия. Процесс познания есть усвоение мира человеком в процессе его революционного преобразования. Понимание и изменение мира в разуме пролетариата идентичны. Поэтому нет смысла говорить о познании как процессе, в котором существующий и независимый от человека мир просто удваивается в пассивном сознании. Процесс мышления не может быть диалектическим, если не является частью исторического процесса преобразования своего предмета.

Реификацию невозможно преодолеть в рамках буржуазного сознания. Только пролетариат осознает свою роль товара в капиталистическом обществе и понимает целостность общественного механизма. В пролетариате овеществление и замена человека вещью достигает крайних форм. Осознавая собственное положение, пролетариат постигает овеществленный характер всех форм общественной жизни. В акте постижения он выступает против существующей действительности. Его осознанная субъективность становится актом освобождения всего человечества из-под гнета вещественных форм. Его самосознание есть историческое движение эмансипации, а не созерцание мира самого по себе. Поэтому проблема отражения в пролетарском сознании вообще не может возникнуть.

Следует ли отсюда, что в освобожденном сознании пролетариата проблема истины в традиционном смысле слова (как способности суждения о действительности) вообще не появляется или же истина релятивизируется к особому общественному классу или человеческому роду? На этот вопрос Лукач не дал определенного ответа. Он высказывался против антропологического и прагматического понимания истины. Прагматизм делает человека мерой всех вещей, но не может диалектически преобразовать человека. Антропологизм поднимает человека до ранга божества, но не может понять субъект во взаимодействии с объектом. Марксизм не провозглашает индивидуальный и родовой релятивизм истины. А утверждает, что смысл различных истин раскрывается только в историческом процессе. Мысль есть элемент исторического движения, а история — развитие форм объективности.

Но если истина доступна только партикулярной или классовой точке зрения, то остается нерешенной проблема: является ли эта истина истиной самой по себе, т. е. суждением, описывающим состояние вещей в том виде, в котором оно существует независимо от того, представляет оно или нет предмет восприятия? В концепции Лукача такой вопрос вообще не стоит, поскольку он возникает лишь на базе созерцательного и овеществленного сознания. Но тогда неясно, как избежать вывода: истина открывается только тогда, когда индивид занимает классовую точку зрения; никаких истин вне классового сознания (тождественного революционному движению) не существует. Тем самым пропадает всякое различие между участием в революционном движении и обладанием истиной.

Неизвестно, как можно признать посылки Лукача, не соглашаясь с выводами: истина всегда соотнесена с определенным классом; любое положение не является истиной без дополнения - «для рабочего класса»; это значит: «для будущего человечества, свободного от ложного сознания». Тем самым мы остаемся в рамках классового или родового релятивизма. Вопрос об истине в традиционном значении не имеет смысла. У молодого Маркса можно найти аргументы для доказательства этого утверждения. Но они не выходят за рамки обычного родового (общечеловеческого) релятивизма.

Лукач тоже говорит о единстве субъекта и объекта, теории и практики в процессе познания и революционного преобразования мира. Он имеет в виду человека как социальное существо и его историю. То-есть, обычный предмет гуманитарного знания. Лукач был учеником Гегеля, Дильтея, Виндельбанда. Поэтому сохранял принцип фундаментального отличия гуманитарного знания от остального знания. При познании истории и общества субъект существует и ведет себя иначе, чем при познании природы. Поскольку сам акт познания есть элемент и агент изменения познаваемой действительности. При этом субъект всегда остается совокупным субъектом или общественным классом. Но исходные понятия остаются неясными. Обычную логику Лукач отвергал. Вследствие этого его формулы приобретают такой смысл, будто объектом, стремящимся к единству с субъектом, является весь мир в целом, включая природу вне человека. На деле Лукач заинтересован в разделении, а не в единстве природы и человека. Если рассматривать человеческое поведение и исторические процессы в той же степени объективными и изначально данными, как камни и звезды, это означает овеществление сознания.

Для сознания пролетариата нет социальной действительности самой по себе. Которую надо прежде всего познать по правилам познания других вещей. Затем применить к ней технические операции и процедуры. Их цель устанавливается иррациональными императивами морали. При технологическом отношении к социальным явлениям и процессам они выступают как чистый объект политической инженерии. Субъект становится чистой субъективностью, инспирированной моральными указаниями и запретами. Но все это - буржуазные иллюзии. Их не преодолел и Энгельс. Он распространил законы диалектики на природу. И утверждал, что законы общества объективны в той же степени, как законы образования геологических эпох. Но пролетариат осознал свое место в процессе производства и роль в исторической тотальности. С этого момента законы истории переплетаются с человеческой волей. Историческая необходимость и свободное действие - один и тот же процесс.

По этим же причинам Лукач отождествлял буржуазную и марксистскую социологию. Всякая социология есть часть буржуазной идеологии. Задача социологии – объективное познание общественных явлений и процессов. При таком способе познания они оказываются чистым объектом. Он доступен исследователю независимо от его участия в данных явлениях и процессах. А разделение субъекта и объекта есть принцип существования социологии. Поэтому марксистская социология для Лукача — внутренне противоречивое понятие. На этом основании он критиковал Бухарина. Тот считал исторический материализм марксистской социологией. Повторял стереотипы механистического материализма: социальные процессы тождественны естественным; естествознание - модель всякого знания. А по мнению Лукача, надо подвергнуть критике само естествознание как продукт буржуазного мистифицированного сознания. Бухарин отбрасывает исторический материализм в пользу созерцательной эпистемологии. Пытается обнаружить в самой технике объективную историческую силу. На деле техника не является самостоятельной исторической силой. Она только элемент общественных отношений.

Критика Лукача была направлена прямо против Энгельса, а скрыто и против Ленина. Идеологические чиновники русской революции возмутились. Деборин обозвал Лукача идеалистом в понимании природы и общества. Что касается различий между Марксом и Энгельсом, то коронным аргументом Деборина в защиту полной идентичности их взглядов было предисловие ко второму изданию «Анти-Дюринга» 1885 г. В нем Энгельс писал о том, что «сам Маркс» читал и одобрил его произведение еще до публикации. Что касается тождества субъекта и объекта, то разве Ленин не доказал, что сознание отражает бытие? Поэтому Деборин утверждал: Лукач впадает в чистейший идеализм, повторяет бессмыслицы Маха и Авенариуса.

Критика Деборина была примитивной. Но Лукач был вынужден признать свои ошибки. В статье «Мой путь к Марксу», опубликованной в 1933 г., он отказался от критики теории отражения и диалектики природы, однако в общих выражениях, не анализируя суть дела. Зато в следующем году в статье «Значение «Материализма и эмпириокритицизма» для большевизации коммунистических партий» Лукач впал в сокрушение и покаяние - объяснял свой «уклон» непреодоленным влиянием синдикализма и идеализма. Оказалось, что «История и классовое сознание» - идеалистическая книга, а идеализм - союзник фашизма и его социал-демократических помощников. Моя ошибка, - бил себя в грудь Лукач, - была опасна не только теоретически, но и практически. К счастью, большевистская партия под руководством товарища Сталина непреклонно борется за чистоту марксизма-ленинизма, используя произведения Ленина как безошибочный компас в философской борьбе…

Еще не раз Лукач отрекался от идей книги «История и классовое сознание». Сваливая вину то на свое гегельянское и синдикалистское прошлое, то на «революционное нетерпение». Но трудно понять, какова причинная связь между революционным нетерпением и отрицанием диалектики природы.

После смерти Сталина Лукач смягчил самокритику. В 1967 г. он снабдил новым предисловием новое издание «Истории и классового сознания». Теперь он усматривал источник своих ошибок уже в недостаточном учете Марксового различия между объективизацией и отчуждением, из-за чего теория идентичности субъекта и объекта была доведена до крайних выводов: в пролетарском сознании исчезал не только отчужденный объект, но и всякая субъективность. Но процесс труда неизбежно связан с объективизацией. Поэтому нельзя полагать, что всякая объективность пропадает в революционном процессе, и отбрасывать акт отражения в познавательном процессе.

В конечном счете Лукачу так и не определил однозначно идеи «Истории и классового сознания». Он никогда не отказался от теории тотальности и медиации, от критики овеществления, от убеждения в фундаментальном различии гуманитарного и естественно-научного знания. Он по-прежнему считал своей заслугой указание на гегелевский источник и гегелевские аспекты теории Маркса. Его окончательный вывод звучит так: в революционном движении субъект и объект совпадают частично, а не целиком и полностью; процесс познания социальной действительности составляет часть этой действительности, а пролетарское сознание революционизирует мир в акте его понимания; марксизм окончательно преодолел дилеммы свободы и необходимости, фактов и ценностей, воли и предвидения. Но данный вывод нельзя понимать в том смысле, что после такого «преодоления» не остается вообще никакой предметности или объективности.

Означает ли это, что Лукач хотел предотвратить один из возможных выводов из его теории: вся действительность, включая природу и объективизированные материальные продукты человеческого труда, в революционном процессе была поглощена сознательной практикой, и потому идею тождества субъекта и объекта он хотел ограничить социальными процессами и не распространять ее на мир вне человека? Если это так, то отказ Лукача от своих убеждений был риторическим, а не содержательным. «История и классовое сознание» вызывает впечатление, что автор говорит об объективности в целом, а не только в исторических процессах. Видимо, такое впечатление есть следствие недостаточной логической дисциплины Лукача, а не его теории.

Классовое сознание и диктатура партии

Может показаться, что Лукач имел в виду действительный рабочий класс, а не партию как его «организованную» часть. Что ему ближе теория революции Розы Люксембург, а не Ленина. На деле он был сторонником ленинской концепции партии. Его теория классового сознания была обоснованием данной концепции.

«Классовое сознание» в понимании Лукача не является: сознанием реальных людей, эмпирически существующих рабочих; «усредненным» сознанием, добытым из эмпирического сознания индивидов; суммой индивидуальных сознаний. Между эмпирическим сознанием рабочих и «истинным» классовым сознанием пролетариата **всегда** должна существовать дистанция. Эмпирическое сознание **никогда** не дорастает до «истинного». Мотором истории служит «истинное» сознание. Носителем такого сознания может быть только партия - особая форма общественной жизни или медиация между стихийным движением рабочих и тотальностью исторического процесса. Что думают отдельные рабочие, большинство рабочих или даже все? - этот вопрос не имеет смысла при определении пролетарского сознания. Оно воплощается в партии. Стихийное движение рабочих не может самостоятельно понять тотальность. На это способна только партия. Единство теории и практики, свободы и необходимости может воплотиться лишь в революционной воле партии.

В «Истории и классовом сознании» Лукач доказал, что ленинская теория партии не связана логически с философией Ленина, зато согласуется с марксовским гуманистическим релятивизмом и теорией всеохватывающей практики, которая делает второстепенными любые

эпистемологические и метафизические проблемы. В книге о Ленине и других работах Лукач повторял и конкретизировал свою концепцию.

Партия есть: очевидное воплощение классового сознания; единственная гарантия правильной политической ориентации пролетариата; единственное выражение его «истинной» воли. Это не значит, что партия может все сделать без пролетариата и его поддержки. Просто «действительный» интерес, воля, стремления, желания и теоретическое сознание пролетариата не зависит от того, что эмпирический пролетариат думает, чувствует, желает и знает.

Иначе говоря, для Лукача (и других гегельянски ориентированных философов) критика эмпиризма имеет политический смысл. На почве эмпиризма нельзя знать о пролетариате ничего иного по сравнению с тем, что вытекает из наблюдения за поведением реальных рабочих. Нельзя «дорасти» до понимания исторической тотальности, в которой каждое конкретное состояние эмпирического сознания людей может быть только показателем их незрелости. Более того, идея единства теории и практики Лукача лучше согласуется с ленинской теорией партии, нежели философия самого Ленина. С точки зрения теории отражения трудно обосновать утверждение: партия, которая воплощает истинное сознание пролетариата, всегда права, независимо от того, что эмпирические факты не согласуются с ее доктриной. Но его легко обосновать с точки зрения теории тотальности и ее следствий, особенно лозунга «Тем хуже для фактов».

Тотальность охватывает все. Сводит в «диалектическое единство» волю и знание, свободу и необходимость, факты и ценности. Воплощенный в партии пролетариат теоретически всегда прав на основании своего социального положения и исторической миссии. Его теоретическая правота тождественна его «прогрессивной» функции. Все остальные критерии становятся излишними. Подобная концепция политически еще более выгодна и удобна, чем ленинская. Если партия - единственный обладатель теоретико-практической тотальности, то не нужны никакие другие обоснования. Пролетариат есть класс, привилегированный в *познавательном* смысле на основании своего *социального* положения. *Генезис* пролетарского сознания является решающим критерием *истинности***,** правильности и немистифицированности сознания, воплощенного в партии. Отсюда вытекает: партия всегда права.

Правда, Лукач не говорит об этом прямо. Однако Ленин и Сталин тоже так не говорили. Но именно эта сентенция была основанием идеологического воспитания коммунистов три четверти столетия. Она принималась без сопротивления большинством марксистских философов, писателей, художников, интеллигенцией в целом. В реальной действительности эпистемологически привилегированное положение пролетариата совпало с утверждением: товарищ Сталин (или всякий очередной генсек) никогда не ошибается. Поэтому Лукач сделал для теоретического обоснования веры в безошибочность партии больше, чем сам Ленин.

Уже в статье «Тактика и этика» он утверждал: «Великим действием русского большевизма было то, что сознание пролетариата и его всемирно-историческое самосознание воплотились в большевизме впервые со времени Парижской Коммуны»[518]. Значит, большевизм по природе вещей есть абсолютная «истина» эпохи. Лукач никогда не отказался от данного вывода. Даже если задним числом оказывалось, что партия и ее вожди совершали ошибки, это не отменяло принципа: в «диалектическом смысле» партия права и тогда, когда ошибается. Поэтому моральная и интеллектуальная обязанность любого марксиста - стоять на стороне партии даже в ее ошибках. Только вслед за новыми руководителями партии Лукач заметил «ошибки» сталинизма. Но продолжал утверждать, что был прав и тогда, когда их поддерживал.

Такая ситуация была типичной для большинства советских идеологов, называющих себя «марксистами-ленинцами». Лукач занимался философским оправданием их политиче-

[18] Lukacs G. Taktik und Ethik. – S. 36

ского и познавательного холуйства. Партия может ошибаться только в «формальном», а не «диалектическом» смысле. Поэтому сопротивление политике и идеологии партии всегда и независимо от обстоятельств оказывается политической и познавательной ошибкой. Ведь в партии воплощено историческое сознание, в котором исторический процесс и его осознание приходят к «диалектическому единству».

Лукач не сомневался и в том, что диктатура пролетариата реализуется как диктатура партии. В книге о Ленине он осудил «ультралевых» («рабочую оппозицию» в большевистской партии), которые считали, что советы рабочих депутатов есть постоянная форма классовой организации, и хотели поставить ее на место партии и профсоюзов. По мнению Лукача, только до революции советы «по природе вещей» должны играть роль противовеса буржуазному правительству. Те, кто хочет отдать власть советам после революции, просто не понимают различия между революционной и нереволюционной ситуацией. Поэтому мыслят «недиалектически». Роль партии после революции должна не уменьшаться, а возрастать. Потому что после взятия власти классовая борьба неизбежно обостряется, а не затухает.

Такое понимание роли советов отличается от взгляда Лукача, изложенного в «Истории и классовом сознании»: советы призваны ликвидировать буржуазное разделение законодательной, исполнительной и судебной властей; быть средством «медиации» между непосредственными и конечными интересами пролетариата. Может показаться, что Лукач приписывал советам функции, которые в соответствии с ленинской концепцией принадлежат исключительно партии, хотя замечания Лукача о роли партии не допускают такого вывода. В книге о Ленине он исправляет «ультралевую» ошибку и доказывает, что после революции советы вообще не нужны.

Таким образом, уже в 1924 г. Лукач окончательно преодолел реликты синдикализма в своем мировоззрении. Преодоление буржуазного разделения властей должно быть исключительно делом партии. Она устанавливает законы, управляет и выносит судебные приговоры без каких бы то ни было органов контроля.

Итак, в своем главном произведении Лукач снабдил ленинизм еще более эффективным философским средством идеологического господства партии над обществом, чем Ленин. В этом смысле он действительно был непоследовательным ленинцем, обладающим всеми недостатками интеллигента. Лукач безоговорочно принимал политику большевизма. Но воображал, что в качестве философа он может быть лучшим большевиком, чем вожди партии. И может изложить ее теоретические основы последовательнее и убедительнее!

Разрушение разума

Другие работы Лукача показывают, в чем должна состоять действительная верность ленинизму-сталинизму: не в самостоятельном поиске философских обоснований для очередных постановлений и решений партии, а в их воплощении в жизнь. Философские труды 1930-40-х гг. свидетельствуют о полной ассимиляции сталинизма Лукачем. Конечно, он был более умен и образован, чем остальные сталинские идеологи. Писал о Гегеле, Гете, Дильтее. Всегда прекрасно знал предмет, в отличие от государственных философов-невежд. После выхода очередной работы Лукача они всегда раздражались. Ему удалось сохранить свой стиль философского письма. Даже это в период сталинизма было подозрительным. Все философы писали одинаково. На основе их текстов невозможно установить авторство. Штампованные и монотонные формулы, убогие слова и выражения повторялись неизменно в философских трудах. При таких условиях индивидуальный стиль был идеологическим уклоном. С этой точки зрения Лукач не стал идеальным сталинистом. Зато достиг иного совершенства.

Важный документ данного периода - труд «Разрушение разума». Т. Адорно назвал его «разрушением разума Лукача». В этой пухлом опусе рассказывается об истории иррационалистической философии в Германии, начиная с Шеллинга и романтиков и кончая Хайдегге-

ром и экзистенциалистами. Главная идея книги - рассмотреть всю историю с точки зрения идейных источников гитлеризма.

Шеллинг, Шопенгауэр и Кьеркегор - глашатаи первого периода иррационализма, который продлился до 1848 г. Шеллинг заменил рациональную диалектику некоммуникативной интуицией. Шопенгауэр показал абсурдность человека и истории, но подчинил мир власти неразумной воли. Кьеркегор поставил иррациональную веру выше разума.

После 1848 г. классовая борьба пролетариата становится главным определителем общественной жизни. Герольдом иррационализма становится Ницше. Его отрицание истории, презрение к народу и бессовестный прагматизм служат буржуазии, которую он рассматривает как расу господ.

В период империализма (начиная с последнего десятилетия XIX в.) иррационалистические тенденции достигают апогея. Неокантианский формализм и агностицизм уступают место попыткам охватить мир в целом. Но тотальность мира постижима только с помощью интуиции и не поддается рациональному анализу. Само научное знание с объективными результатами поставлено под вопрос. Признано продуктом иррациональных исторических и инстинктивных сил. Дильтей как творец философии жизни открывает данный период, непосредственно подготавливающий идеологию нацизма. Философия жизни критикует позитивизм. Однако делает это с позиций иррациональности истории и субъективности культуры. Философия критикует капитализм. Но эта критика восходит к истокам реакционного романтизма. Предметом критики становится демократия, а предметом поиска - новое органическое единство. Оно обретает реальную форму в фашистском государстве.

По замыслу и содержанию «Разрушение разума» - безукоризненно сталинское философское произведение. Не потому, что Лукач ищет в немецкой философии идейные источники нацизма. Так строили свои работы многие историки и писатели, включая Томаса Манна. Типично сталинской оказывается главная посылка произведения: реакционно и иррационально все, что с момента зарождения марксизма возникло вне марксизма. Вся философская культура Германии становится предметом огульного осуждения как совокупность духовных орудий, подготавливающих взятие власти Гитлером в 1933 г. Так или иначе все помогали нацистам!

В результате лукачевское понятие иррационализма становится туманным, неопределенным и широким. Превращается в абсолютную противоположность того, что обычно понимают под иррационализмом. Иррационалистическими принято называть доктрины, которые гласят: наиболее совершенные способы познания — это такие, содержание которых нельзя передать с помощью языка и речи, а только посредством особых некоммуникативных актов. Некоторые из перечисленных Лукачем философов подпадают под понятие иррационалистов. Но отсюда не следует, что они «пролагали путь» гитлеризму. Лукач считал иррационалистами всех, кто не был ортодоксальным марксистом[19].

Иррационалистами или союзниками Гитлера оказываются все, кто не согласен с «диалектическим разумом», который Лукач заимствовал у Гегеля. Только этот разум может понять и принять тотальность истории и человеческого мира. Включая его коммунистическое будущее, придающее смысл настоящему. Все философы - иррационалисты, если не признают сталинский коммунизм. И потому «объективные» нацисты. Вся история европейской интеллектуальной культуры (включая Кроче, Виндельбанда, Бергсона, аналитическую филосо-

[19] Например, Макс Вебер занимался анализом харизматического типа господства. Уже этот факт - блестящее доказательство, что именно этого от него ожидала эпоха, породившая харизматического фюрера. Если аналитическая философия принципиально не согласна с тем, что можно схватить смысл «мира в целом», и останавливается на исследовании его фрагментов, то она склоняется к иррационализму. Если Маннгейм подчеркивает роль внепознавательных факторов при создании социальных теорий, то он тоже иррационалист. Иррационалистами являются все те, кто: считает, что элементы или стороны бытия недоступны дискурсивному познанию; изучает иррациональные обстоятельства человеческого поведения; не верит в исторические закономерности; признает субъективный идеализм; верит, что с помощью науки можно определить смысл исторической тотальности.

фию) имманентно направлена на победу Гитлера. А «разум» Лукача тождествен убеждению: историческая тотальность охватывает будущее; марксизм обеспечивает доступ к ней, поскольку предсказывает экспроприацию буржуазии и диктатуру коммунистической партии во всем мире! Значит, философия Лукача – самый показательный пример антирационализма. Это философия слепой веры. В ней ничего не доказывается, но все авторитарно утверждается. Все, что не соответствует раз и навсегда принятым схемам Маркса, отбрасывается как реакционный мусор.

С этой точки зрения книга «Экзистенциализм или марксизм?» ничем не отличается от «Разрушения разума». В ней повторяются все пункты катехизиса Ленина, Сталина, Жданова. В философии есть материализм и идеализм, «третьего пути» нет. Субъективный идеализм ведет к солипсизму - философии сумасшедших. Объективный идеализм выдумывает несуществующий дух или правящие миром идеи. Первичен дух или материя. Только шарлатаны или одураченные могут утверждать, что они поднялись над противоположностью материализма и идеализма. Выдающийся труд Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» содержит все аргументы против идеалистов. Тех, с которыми он боролся непосредственно, и тех, что возникли позже, - экзистенциалистов. Они тоже ставят на первое место чистое сознание. А из него конструируют бытие. Однако наука давно отвергла такую бессмыслицу. Хотя некоторые ученые-естественники не имеют надлежащей марксистской подготовки. И не удосужились осознать, что все результаты науки направлены на подтверждение и победу диамата.

Книга об экзистенциализме - самый яркий симптом интеллектуальной деградации Лукача. По содержанию и стилю она есть стандартный продукт советской философии. Включая советы по адресу физики, о которой Лукач не имел никакого понятия. И Лукач не отказался от этих книг. «Разрушение разума» было опубликовано заново уже после смерти Сталина в прежнем виде.

Целостность, медиация и мимесис

Лукач создал основы марксистской эстетики. Его работы относятся к теории литературы, литературной критике, общей эстетике. Он стремился сконструировать общие категории эстетики, применимые ко всем сферам искусства. Но оперировал главным образом материалом истории литературы. Поэтому неясно, как его эстетическую доктрину можно использовать в других сферах искусства. За исключением ранних работ творчество Лукача в области эстетики можно представить как одно целое. Его основания остаются неизменными, начиная с публикаций 1920-х гг. и до последних работ.

Общие положения Лукача о природе искусства не имеют специфически марксистского содержания. Он утверждает, что в отличие от научного знания искусство всегда антропологично и направлено на общественные отношения. Искусство по природе вещей враждебно религии, если даже обслуживает религиозный культ или веру. Независимо от намерений творца произведения искусства всегда обретаются «на этом свете». Источником искусства является магия. Но главная цель искусства - вызывать определенные чувства и отношения. В магии они остаются побочной целью. Искусство обеспечивает человека образами действительности, которые содержат эмоциональную составляющую. Она предполагает активное отношение к изображаемой действительности. В искусстве всегда есть познавательные ценности. Оно сообщает человеку знание о нем самом, расширяет его самосознание и знание о мире. Посредством искусства люди выходят за горизонт непосредственной практики, понимают содержание и смысл мира. Искусство не может рассматриваться как разновидность игры или развлечения. Оно играет большую роль в процессе духовной эволюции человека, помогает ему осознать свою родовую сущность, представляет собой часть самосозидания человека.

Искусство не сводится к познавательной функции. В отличие от науки оно показывает мир в форме образов. Способ такого показа включает акт оценки. Поэтому искусство есть отражение действительности, особая форма подражания, или мимесиса. Художественное подражание – это не пассивное копирование действительности, а определенный отбор и универсализация. С помощью художественных образов искусство создает и передает человеку общее представление о действительности. В произведении индивидуальное и общее выступают в единстве.

Развиваемая Лукачем концепция искусства давно критикуется за то, что понятие мимесиса нельзя признать универсальным при обсуждении природы искусства. Например, роман, драму, живопись можно рассматривать как подражание. А как «отражает» действительность музыка, архитектура, орнамент? Лукач убежден, что категория мимесиса является универсальной при изучении художественных явлений. Музыка передает человеческие эмоции, возникающие в общественных отношениях. И тоже «отражает» исторические связи людей. Архитектура выражает человеческую потребность в организации пространства. Орнамент подражает природным линиям и фигурам и передает их в форме, включающей человеческие отношения.

Такие объяснения искусственны. Если музыкальные произведения «подражают» миру таким способом, что «выражают» эмоции, которые должны находиться в определенной связи с общественной жизнью, то возникает вопрос: не «отражает» ли искусство действительность в том смысле, что просто возникает под влиянием общественных явлений и связей? Категория мимесиса настолько общая, что лишена конкретного содержания и потому обычно не оспаривается. Но при анализе литературных произведений Лукач стремится дать такую дефиницию мимесиса, которая позволяет утверждать: произведения искусства содержат конкретный образ действительности, благодаря чему реципиент может узнать в нем нечто существенное - «структуры» или конфликты.

Другими словами, согласно Лукачу, дефиниция искусства должна быть такой, чтобы затем доказать, что только «реалистическое» искусство заслуживает этого имени. Критика Лукачем «декадентского» искусства базируется именно на такой дефиниции. Но остается вопрос: если мимесис означает любую форму зависимости произведений искусства от общественных явлений, то любое произведение искусства является подражанием, в том числе «реалистическим». Тем самым понятия мимесиса и реализма теряют смысл.

Главным предметом исследований Лукача были роман и драма - жанры искусства, к которым более применимо его определение. Однако и в этом случае термин «мимесис» может быть разделен на описательный и нормативный смысл. В описательном смысле любой роман и драма отражают мир, социальные отношения и борьбу. Каждое произведение вовлечено в общественную жизнь, занимает определенную сторону в конфликтах эпохи. Независимо от того, осознает ли автор свое участие в борьбе и способен ли понять смысл собственного творчества. В нормативном смысле мимесис есть свойство произведений искусства, которые «верно» подражают действительности – т.е. описывают проблемы своего времени так, как они реально существуют. Автор таких произведений занимает «правильную», т. е. прогрессивную позицию в конфликтах. Лукач предпочитал нормативное понимание мимесиса описательному.

Любое литературное произведение отражает «тотальность» общественной жизни. Каждый человек принадлежит к тотальности, независимо от его отношения к миру, позиции в конфликте и воли. Все человеческие дела и поступки взаимосвязаны. Участвуя в единичном конфликте, мы участвуем и в конфликте глобальном. Понятие тотальности Лукач тоже использует в нормативном смысле. Подлинные произведения искусства отражают общественную жизнь в целом. Задача критика или идеолога – влиять на развитие искусства. Таким образом, чтобы тотальность выступала в искусстве как действительная система оценок. Она придает смысл всем элементам и художественному замыслу произведения. Понятие тотальность

ности – программный лозунг социалистического искусства, а не нейтральная категория литературы в целом. Но Лукач не проводит строгое различие между описательными и нормативными смыслами мимесиса и тотальности.

Лозунг «Искусство должно отражать тотальность общественной жизни» он направлял прежде всего против натурализма. Недостаточно просто описывать действительность такой, какой она дана восприятию художника. Если литература останавливается на этом, она не постигает смысл событий. Этот смысл можно установить только через отношение к тотальности. Ее невозможно понять посредством наблюдения, а только разумом.

Капитализм как социальная тотальность существует на самом деле. Эту тотальность невозможно увидеть невооруженным глазом. Но именно она определяет все явления. Правдиво отражает действительность только тот, кто умеет соотнести с тотальностью все частные вопросы и мелкие события повседневной индивидуальной и коллективной жизни. Он реализует мимесис в нормативном смысле слова. Всестороннее восприятие достижимо лишь на основе понимания общества. Такое понимание дает только марксизм. Поэтому из эстетики Лукача вытекает: в современную эпоху лишь марксист в литературе может подняться до надлежащего уровня обобщения и универсализации. И только марксист (не простого, а лукачевского толка) может быть хорошим писателем!

Но отсюда не вытекает, что для создания хороших романов, драм, повестей, фельетонов достаточно овладеть категорией тотальности. Искусство не ограничивается отнесением вещей и процессов к целому. Надо также уметь выражать целое в индивидуализированных образах. По мнению Лукача, понятие особенного – центральная категория эстетического анализа. Она конкретизирует категорию медиации по отношению к искусству. Исходный пункт искусства - индивидуальный опыт. Он стремится в единичном увидеть типичное. Искусство соединяет единичное и всеобщее и подпадает под понятие особенного. Особенное — это процесс, в ходе которого писатель преобразует и типизирует индивидуальный опыт в универсальные образы. Поднимает его до ранга медиума, посредством которого социальная тотальность предстает перед читателем. Особенное означает, что искусство находится между универсальностью науки и непосредственным повседневным опытом. Искусство передает всеобщее в единичных образах. В них всеобщее и единичное выступают в «единстве», а не в отдельности. Искусство «снимает» в гегелевском смысле слова индивидуальность и универсальность. Они становятся сторонами одного явления. Пропорции всеобщего и единичного зависят от видов, жанров, стилей, направлений. Драма универсальнее романа. Натурализм тяготеет к единичному, аллегорическое искусство - ко всеобщему.

Мысль о типическом отражении действительности в произведениях искусства не является специфически марксистской. Она высказывалась задолго до Маркса и независимо от него. Категория типического означает характерные особенности эпохи, индивида или фрагмента действительности. Поэтому мысли Лукача о типическом – это суждения здравого рассудка. Но при определенном условии: свойства типизации не распространяются на все виды искусства; из типизации не вытекает нормативное правило: если искусство не обнаруживает стремления к «типизации», то оно не является искусством в «положительном» смысле слова. Однако эстетика Лукача такому условию не удовлетворяет. Значит, под видом марксизма в ней излагаются трюизмы здравого рассудка. Специфически марксистской остается программа отнесения всех видов и жанров искусства к тотальности, понятой как социальная система, которая может быть капиталистической или социалистической.

Но категория тотальности в эстетике Лукача используется и в других контекстах. Искусство высвечивает социальную тотальность. С помощью искусства человек стремится обрести тотальность как модус собственного бытия. Стремится стать цельным, гармоничным, разносторонним человеком, не искалеченным односторонними занятиями. Искусство развивает в людях такое желание и сознание. Оно становится поистине гуманистическим - при условии, что стремится выйти за рамки своего времени. Задача искусства - не только описы-

вать, но и предвидеть действительность[20]. Писатели способны быть пророками лишь тогда, когда заблаговременно и правильно замечают тенденции общественного развития и умеют предвидеть их результаты.

Если соотнести указанное положение с реальной историей литературы, станет неясным, чем отличалось искусство социалистического реализма сталинского периода от творчества Бальзака и Горького? Ведь это искусство изображало действительность не такой, какая она есть, а такой, какой она должна быть исходя из единственно верных предсказаний «науки марксизма-ленинизма». Значит, оно воплощало в жизнь требование Лукача - предвидело будущее на основе научного анализа.

Критический и социалистический реализм

Лукач проводил различие между критическим и социалистическим реализмом. Великие писатели прошлого Бальзак, Вальтер Скотт, Толстой по политическим взглядам были реакционерами. Но обладали реалистическим художественным талантом и создали великие художественные произведения. Согласно Лукачу, у них было противоречие между мировоззрением и талантом. Неясно, в чем же оно выражалось. Например, легитимизм и аристократизм Бальзака прекрасно согласуются с его критикой послереволюционного общества во Франции. Религиозные воззрения Толстого соответствуют его критике официальной церкви и привилегированных классов. Значит, «противоречие» существует только между мировоззрением данных писателей и марксистской доктриной. Хотя Лукач об этом прямо не пишет, копируя Ленина в подходе к проблеме.

Критические реалисты не доросли до коммунистического мировоззрения, но все же правдиво отражали конфликты эпохи, не ограничиваясь описанием единичных событий. В их творчестве через индивидуальные человеческие судьбы говорит великая история. Такие писатели не являются натуралистами, аллегористами, метафизиками. Они не бегут от мира в изолированную человеческую душу и не стремятся поднять ее переживания до ранга вневременных, вечных, непреодолимых свойств человеческой природы. Бальзак, Толстой, Франс, Роллан, Шоу, Фейхтвангер, Томас Манн – самые яркие писатели из галереи критических реалистов.

Лукач отмечает, что реализм существует только в высокоразвитых странах или в странах, переживающих период бурного социально-экономического развития. Если эта схема не работает в отношении конкретных художников, то Лукач утверждает обратное: нередко отсталые страны порождают передовую литературу именно вследствие отсталости, которую стремятся преодолеть художественными средствами. Если «передовые» страны (например, Франция XVIII в.) производят «передовую» литературу, то этот факт блестяще подтверждает справедливость исторического материализма. Если отсталые страны (к примеру, Россия XIX в.) все же производят литературу «передовую», это тоже подтверждает истинность исторического материализма, поскольку в таком случае идеология стремится преодолеть недостатки «базиса».

Все модернистское искусство (авангардизм, натурализм, экспрессионизм, сюрреализм) противоположно реализму. Произведения Кафки, Джойса, Музиля, Бекетта – это декадентское искусство. Оно неизбежно потерпит поражение. Художники-модернисты не способны ни воспринять тотальность, ни осуществить акт медиации[21]. Модернизм лишен исторической

[20] Лукач ссылается на мнение Маркса о Бальзаке как о писателе, обладающем способностями пророка. Бальзак создавал художественные типы людей, которые во время его жизни находились еще в зачаточном, эмбриональном состоянии и развились позже. Подобным образом, считает Лукач, и Горький работал как пророк, когда писал свои ранние рассказы. Он предвидел человеческие типы, которых еще не существовало.

[21] Конечно, нельзя упрекать писателя в изображении одиночества. Но его надо изобразить так, чтобы каждому стало ясно: одиночество – это неизбежное следствие капитализма. А Кафка изображает «онтологическое

перспективы. Привязывает человека к ситуациям, которые не являются исторически и социально определенными. Модернизм превращает такие ситуации в трансцендентальные качества[22]. Великие образы великой литературы — Ахилл и Вертер, Эдип и Анна Каренина. Все они существа социальные. Ведь уже Аристотель говорил, что человек есть существо политическое. А герои модернистской литературы вырваны из связей с обществом и историей. Повествование становится чисто «субъективным». Животное в человеке противопоставляется социальному. Это соответствует хайдеггеровскому отрицанию и осуждению общества как чего-то безличного. Неизбежно ведет к нацистскому расизму в версии Розенберга. Модернизм – это отрицание, а не обогащение искусства.

Зато социалистический реализм – высшая ступень развития литературы: «Перспективой социалистического реализма является, конечно, борьба за социализм. Социалистический реализм отличается от критического реализма не только тем, что базируется на конкретной социалистической перспективе, но и тем, что использует эту перспективу для описания *изнутри* сил, которые работают в пользу социализма»[23]. Критические реалисты уже не раз изображали героев современной политической борьбы - социалистов и коммунистов. Но только социалистические реалисты описывают их изнутри, отождествляя их с силами прогресса. Величие социалистического реализма состоит в том, что направленная на коммунизм историческая тотальность становится ясной как божий день в любом фрагменте данного произведения. К созданиям социалистического реализма относятся рассказы, повести и романы Горького, «Тихий Дон» Шолохова, сочинения Алексея Толстого, Антона Макаренко и Арнольда Цвейга.

Лукач был выдающимся знатоком великой европейской литературы. Мог отличить художественные достижения от потока серой литературы. Его неприятие модернистской литературы вполне объяснимо без ссылок на идеологию. Большинство людей с трудом усваивают литературу, отличающуюся от той, на которой они воспитывались в юности. Но обоснование данного неприятия у него нередко становится примитивным. Из литературы социалистического реализма он всегда цитировал для подтверждения своих мыслей действительно выдающиеся произведения. Никогда не ссылался на типичных писателей сталинского социалистического реализма. В его сочинениях трудно найти примеры литературы социалистического реализма 1930-50-х гг. Зато есть множество общих фраз о том, что под руководством Сталина литература в СССР постоянно расцветает.

Как хорошо известно, в 1930-е гг. литература была почти целиком уничтожена. Многие выдающиеся писатели сгинули в концлагерях. Печатались бесталанные произведения и сервилистские панегирики, прославляющие величие вождя народов. А Лукач после всего этого так объяснял отсутствие модернизма в СССР: «Чем более укреплялось господство пролетариата, чем более глубоко и всесторонне социализм проникал в экономику Советского Союза, чем шире и глубже культурная революция охватывала трудящиеся массы, - тем сильнее и тем безнадежнее «авангардистское» искусство выталкивалось все более сознательным реализмом. Упадок экспрессионизма, в конечном счете, есть следствие зрелости революцион-

---

одиночество» как постоянное положение и универсальную ценность человека. Кафка описал явление, данное непосредственно. Он не поднялся к тотальности, которая может раскрыть смысл одиночества. Следовательно, Кафка подобен натуралистам. Можно реалистично изобразить хаос, смятение, страх современного мира и человека. Но для этого писатель должен показать, что все эти явления порождены капитализмом. А Джойс изображает духовный мир и ощущение времени человека в состоянии абсолютного распада. И не утруждается поиском причин и перспектив выхода. Поэтому Джойс писатель дает ложный образ мира. Его произведения являются незрелыми.

[22] Лукач использует термины «трансцендентальный» или «мистический» совершенно произвольно, как некие отрицательные прилагательные, без связи данных терминов с философской традицией; по этой логике «трансцендентальное» есть нечто неприличное.

[23] Lukacs G. The Meaning of Contemporary Realism. – London, 1968. – P. 93

ных масс»[24]. Лукач прекрасно знал о полицейских репрессиях НКВД. Но их последствия под его пером превратились в естественное следствие революционной зрелости общества.

Лукач редко цитировал Сталина. Зато у него постоянно встречаются сталинские толкования. Например, в статье «Тенденциозность или партийность?» он полемизирует с определением социалистического искусства как «тенденциозного». По его мнению, литература должна быть только партийной, а не тенденциозной. Тенденциозная литература эклектически связывает «чистое искусство» с политически чуждыми элементами. Такую программу в свое время защищал Меринг. Но она означает «примат формы над содержанием». Противопоставляет эстетические и политические элементы произведения. По мнению Лукача, такое понимание искусства является троцкистским. Произведения революционных писателей всегда партийны. В них содержится правильное, марксистское понимание действительности, стремящейся к социализму и коммунизму. И гармоническое соединение описания с исторической перспективой.

«Роман» Лукача с социалистическим реализмом продолжался до конца жизни. После смерти Сталина он признал, что в сталинизме не хватало «медиации» в сфере культурной политики. Литература не описывала реальные конфликты социализма, превратилась в голые схемы и абстракции. Специфика искусства была позабыта, оно превратилось в орудие агитации. Вместо исторического оптимизма распространился схематический оптимизм. Герои не выражали типичные качеств нового общества. Крупская говорила, что в статье Ленина «Партийная организация и партийная литература» шла речь только о литературе политической. Между тем эта статья превратилась в канон создания и оценки художественных произведений. Критический реализм был похоронен. А понятие декадентства расширено до такой степени, что под эту рубрику попала вся новейшая литература критического реализма.

Несмотря на эту критику, Лукач не изменил свое основное убеждение: социалистический реализм образует «принципиально» и «исторически» высшую стадию развития искусства. Ничего нового к критериям данной «высшей стадии» (отнесение к тотальности, партийность, оптимизм, идентификация с силами революции, марксистская правильность) он не добавил. Поэтому нет оснований считать, что в книге о реализме, написанной по сталинским канонам, не отразились и его более поздние взгляды.

Статьи о Солженицыне - самый удивительный продукт рассуждений Лукача о социалистическом реализме. Лукач приветствовал рассказы и повести писателя как первую ласточку возрождения социалистического реализма. По его мнению, Солженицын при описании лагерной жизни изображает повседневные события как символ целой эпохи. Солженицын – не натуралист, поскольку относит описываемые события к социально-исторической тотальности и не стремится восстановить капитализм в России. Но у писателя есть недостаток: он критикует сталинизм с плебейской, а не с коммунистической точки зрения. Если эту слабость он не преодолеет, его художественный талант уменьшится. Иначе говоря, Лукач советует Солженицыну стать коммунистом во имя расцвета таланта. Но не приводит примеров писателей, которые вначале были выдающимися, потом стали еще более выдающимися, едва уверовали в марксизм и вступили в партию.

Рассуждения о Солженицыне - жалкий конец эстетической доктрины Лукача. После десятилетий сталинизма один из его наиболее выдающихся представителей находит социалистический реализм в произведениях одного из наиболее убежденных, последовательных, сознательных врагов марксизма и коммунизма. Квалификация творчества Солженицына как символа возрождения социалистического реализма обнаруживает пустоту и внутреннее бесплодие всей теории литературы Лукача.

Сталинист или критик сталинизма?

[24] Lukacs G. Es geht um den Realismus. – Berlin, 1954. – S. 102

Лукач считается верным продолжателем Ленина. Он критиковал сталинизм от имени ленинских принципов, «деформированных» Сталиным: «В начале эпохи империализма Ленин развил проблему значения субъективного фактора, выходя за рамки классиков. Сталин из этого сделал систему субъективистских догматов. Трагический разрыв состоит в том, что его великий талант, богатый опыт и выдающийся ум не привели его к разрыву данного волшебного круга и даже к ясному пониманию ошибочности субъективизма. Поэтому мне кажется трагическим, что свое последнее произведение он начинает с правильной критики экономического субъективизма, причем, однако, ему не приходит вообще на ум, что он сам является духовным отцом и патроном данного субъективизма»[25].

Итак, если верить Лукачу, Сталин был трагическим субъективистом. А при сталинизме как системе господства не было медиации в культурной политике. Сталин был неправ, поскольку он: стриг под одну гребенку все некоммунистические силы (лозунг «социал-фашизма»); утверждал, что период критического реализма в литературе уже закончился; ликвидировал дискуссии в партии с помощью полицейских средств. Но все это не значит, что Лукач настаивал на политической реабилитации жертв сталинских чисток, прежде всего Троцкого и троцкистов. Наоборот, по его мнению, в борьбе с Троцким Сталин был прав, а его последующая ошибочная политика была реализацией линии Троцкого, а не Ленина. Сталин подчинил всю культуру задачам агитации. Не учитывал специфику художественного и научного творчества. Особенно вредным последствием сталинизма был упадок марксистской теории. Поэтому надо возродить доверие к марксизму, восстановить его интеллектуальную ценность, преодолеть догматизм и субъективизм, вернуться к ленинским принципам социалистической организации и марксистского мышления.

Короче говоря, при обсуждении причин сталинизма Лукач говорил банальности на тему отсталости России и разрухи после двух войн и революций. Он никогда не сомневался в тех элементах ленинизма, на которых было построено все здание сталинизма. Не отвергал принцип однопартийной диктатуры, ликвидирующей «буржуазное» разделение властей на законодательную, исполнительную, судебную. Соглашался с тем, что правящая коммунистическая партия должна быть свободной от всякого контроля со стороны общества, а социализм исключает любое соперничество независимых политических сил. Он безоговорочно принял главный принцип деспотизма, хотя критиковал его наиболее отвратительные проявления.

Лукач – это такой тип коммуниста, который до сих пор не исчез. Его приверженцы считают, что демократия в партии возможна, если в государстве она ликвидирована, а в обществе нет демократических прав. Выдающийся интеллектуал-марксист не смог увидеть действие примитивного (но эффективного) механизма: вначале ликвидируется демократия в государстве, а спустя непродолжительное время в правящей партии. Этот процесс инициировал Ленин. Если в государстве демократия ликвидирована, то фракции в партии неизбежно и независимо от намерений будут преобразовываться в выразителей интересов внепартийных сил. Если внутрипартийная демократия предполагает свободу фракций, то она не отличается от многопартийной системы и должна привести к возрождению политических организмов, которые были уничтожены правящей партией. Следовательно, призыв Лукача к восстановлению внутрипартийной демократии при сохранении власти партийной бюрократии на уровне государства — не более чем иллюзия и благое пожелание.

То же относится к его критике деспотизма партии в области культуры. За несколько дней до Венгерской революции 1956 г. Лукач говорил, что различные художественные направления имеют право существовать в социалистическом государстве. Но в сфере идеологии не может быть речи о свободной конкуренции. Поэтому читать философию в универ-

[25] Lukacs G. Mein Weg zu Marx. – Berlin, 1965. – S. 652-653

ситетах должны только марксисты[26]. Но именно в этом заключался главный принцип идеологического господства в советском социализме. Если только марксисты имеют право учить других, то должна существовать инстанция, которая решает: кто является и не является марксистом. Такой инстанцией была правящая партийная бюрократия. Если она кого-то квалифицирует как немарксиста, он оказывается немарксистом «по определению». Монополия марксизма в идеологии означает систему, установленную при Сталине. И остается неясным, чем плоха была данная система в проведении политики в области культуры, которую пытался критиковать Лукач.

В период «десталинизации» Лукач был одним из самых осторожных критиков сталинизма, в основаниях которого он никогда не усомнился. Массовый террор в отношении целых классов населения и убийство политических противников не являются необходимым условием советского социализма. Послесталинский период показал, что эта система может обойтись без них, но в основе остаться нерушимой. Ее принципам не противоречит и проведение идеологических дискуссий «внутри марксизма». Разве Сталин не призывал к «смелым дискуссиям»? Для одобрения сталинизма достаточно согласиться с принципом: рамки дискуссии и границы свободы в области культуры в каждом конкретном случае определяет партийная бюрократия, не имеющая над собой никакого судьи. Этот принцип Лукач никогда не отвергал.

Можно поверить, что он был несогласен с разгулом антинемецкого национализма в годы войны и квалификацией Гегеля как «философа аристократической реакции против Французской революции» (как сделал Сталин). Лукач из-за этого пострадал: его книга о Гегеле вышла с запозданием. Однако в данном случае важна политическая мотивация, а не факт его несогласия со Сталиным относительно Гегеля. В послесловии к работе «Мой путь к Марксу» Лукач пишет, что хотя в разное время он считал некоторые высказывания Сталина ошибочными, но не становился в оппозицию к нему не только по причине физической невозможности, но и потому, что любая оппозиция «великому вождю» могла преобразоваться в поддержку фашизма.

Таким образом, рафинированный интеллектуал тешил себя иллюзией: если Сталин в том или ином вопросе был неправ, то Лукач всегда был прав, не противодействуя сталинизму. Действительно, такая логика была распространена среди прошлых и нынешних коммунистов. Это признание Лукач сделал уже после смерти вождя. Оно обнаруживает его фактический сталинизм лучше, чем его все вместе взятые риторические славословия по адресу Сталина.

Отсюда следует, что коммунисты поступали правильно, безоговорочно поддерживая Сталина и сталинизм, если даже кто-то из них держал кукиш в кармане, т. е. руководствовался внутренним и невидимым для других сопротивлением актуальной политике партии. Сталинизм не нуждался ни в какой иной поддержке, кроме указанной – ведь она выражалась в практическом послушании. Лукач занимался теоретическим обоснованием правил послушания. Мир расколот на капитализм и социализм, между которыми идет борьба не на жизнь, а на смерть. На основе философско-исторической доктрины социализм прогрессивнее капитализма, независимо от того, какие конкретные факты можно привести для доказательства этой «прогрессивности». Из этих идеологических шаблонов вытекает следствие: любая внутренняя оппозиция социализму (каким бы он ни был в данный момент) на руку его противникам.

Известно также, что любая публичная критика социалистического строя и его вождей использовалась его противниками. С самого начала существования СССР приведенный аргумент использовался для шантажа любых реальных, мнимых, потенциальных его критиков как союзников империализма. Не столь важно, что Лукач фактически поддался такому шан-

[26] Lukacs G. Men Weg.., – S. 634

тажу. Важно, что он его теоретически оправдывал, в полном соответствии с правилами мышления в категориях тотальности и больших систем.

Тип мышления Лукача совпадает с мышлением большинства философов и политиков, называющих себя «марксистами-ленинцами». Этот тип связан с идеологическим пренебрежением к фактам. По определению, социализм есть более прогрессивный социальный строй, поскольку он: ликвидирует частную собственность, эксплуатацию и разделение труда; приносит с собою «истинную» свободу и равенство; способствует расцвету культуры. Все эти «истины» оказываются априорно справедливыми независимо от того, что в действительности происходит в реальном социализме. Наиболее зловещие формы экономической, политической и идеологической эксплуатации, угнетения и деспотизма в СССР не могут отменить его «большей прогрессивности». Такая система допускает свободу критики только задним числом по шаблону: «кое-где у нас порой» еще существуют «пережитки капитализма», «ошибки», «извращения», «деформации». Принцип преимущества социализма перед любым другим общественным строем обосновывает невосприимчивость к любым аргументам, основанным на эмпирических фактах. Этой невосприимчивости Лукач придал ранг теоретического принципа, которым марксизм должен гордиться.

Неудивительно, что при Сталине он прославлял советское государство как воплощение истинной свободы. Как и обещал Маркс, после свержения эксплуататоров труд в СССР стал тождественным приятному времяпровождению. К тому же только при социализме писатели стали по-настоящему общаться с народом. Все это - стандартные выражения сталинской и послесталинской политической фразеологии и государственной пропаганды. Нет оснований считать, что Лукач изменил свою точку зрения на склоне жизни.

Например, в 1958 г. он писал: «В социалистическом обществе индивид будет пользоваться большей свободой выбора своего места в обществе, чем при капитализме. Но под «свободой» в данном случае, естественно, надо понимать сознательное одобрение исторической необходимости - необходимости, включающей многое из того, что на первый взгляд кажется произвольным»[27]. Таким образом, идеальная и реальная социалистическая свобода заключается в сознательном одобрении исторической необходимости. Можно ли вообще представить деспотическую систему (под руководством коммунистической партии), которая при такой дефиниции не чувствовала бы себя абсолютно уверенно, ибо она по определению является наиболее высоким воплощением свободы?

Эстетика Лукача, особенно его утверждения о критическом и социалистическом реализме и модернизме, - блестящее теоретическое обоснование сталинской политики в области культуры. Лукач создал понятийный аппарат, обосновывающий деспотизм в области культуры. Социалистический реализм на основании всеобщих исторических критериев есть высшая форма искусства. Главный из критериев - отнесение каждым конкретным художником фактов и частностей к тотальности, к борьбе за построение коммунизма. Художник идентифицируется с силами, которые ведут эту борьбу. Если мыслить по шаблонам Лукача, то социалистическое государство должно стимулировать и награждать то искусство, которое выражает его интересы. Литература и искусство, посвященные прославлению Сталина, и были социалистическим реализмом в понимании Лукача, хотя он прекрасно ориентировался в художественных достоинствах того или иного произведения. Окончательный критерий при оценке искусства - отнесение к тотальности или идеологические достоинства.

Лукач – один из множества государственных философов, которые создали традицию использования прилагательного «диалектический» при высказывании обычных наблюдений здравого рассудка (например: вещи и явления влияют друг на друга; при изучении явлений надо учитывать различные условия и обстоятельства; одни и те же оценки являются правильными в одних условиях и неправильными в других). Не менее часто с помощью данного сло-

[27] Lukacs G. The Meaning.., – P. 112

ва объявляют все эмпирические факты и обстоятельства несущественными, поскольку при «поверхностном» подходе дела обстоят определенным образом, а при «диалектическом» - совсем иначе. Например, в книге о Ленине Лукач обвиняет реформистов в «недиалектическом понятии большинства». Оказывается, существует большинство в обычном и диалектическом смысле. Причем большинство в диалектическом смысле означает противоположность большинства в обычном смысле.

Ни в одной стране коммунисты не пришли к власти при поддержке большинством общества. Поэтому удобно и выгодно полагать, что у них есть большинство в более глубоком, «диалектическом» смысле. Это утверждение невозможно опровергнуть, поскольку оно выведено из теории, согласно которой коммунизм по природе вещей представляет интересы всего человечества. При таком употреблении словцо «диалектический» должно вызывать впечатление: у того, кто его использует, есть некий особый, глубокий, всесторонний, безошибочный метод исследования и понимания мира. В одном из интервью Лукач отметил, что у Ленина существовало диалектическое единство терпения и нетерпения.

Марксистская мифология

Безусловно, Лукач – выдающийся толкователь Маркса. Он реконструировал его доктрину совсем иначе по сравнению с теоретиками II Интернационала. Обратил внимание на глубокую связь марксизма с гегелевской диалектикой, понятой как взаимодействие субъекта и объекта на пути к их единству. Лукач первым показал, что спор между неокантианской и эволюционистской интерпретацией марксизма был далек от намерений Маркса, который создал диалектику, соединившую понимание и преобразование мира в едином процессе. Значит, дилеммы свободы и необходимости, фактов и ценностей, воли и предвидения в Марксовой диалектике потеряли смысл. Теоретики II Интернационала исходили из существования некого «объективного» исторического процесса, управляемого законами. Лукач доказал, что если у Маркса пролетариат является исторически привилегированным классом, то в пролетарском движении «объективный» исторический процесс совпадает с развитием сознания этого процесса, свободное действие с движением исторической необходимости. Лукач создал более адекватный образ марксистской философии, чем теоретики II Интернационала. Его заслуги в развитии марксизма неоспоримы.

Маркс поверил в возможность единства теории и практики, свободы и необходимости. Лукач эту веру принял как свою собственную. Поэтому вопреки своим намерениям он смог обнаружить мифологические, пророческие, утопические элементы марксизма, которые выпали из поля зрения его представителей. В мифологическом восприятии и сознании мира нет различия между описательными и нормативными элементами. В мифе описание и предписание выступают как одна и та же реальность. Если миф приказывает нечто чтить и наследовать, то этот приказ не появляется как особый вывод, существующий независимо от содержания мифа. Для адекватного понимания мифа нужно не только понять его фактическое содержание, но и усвоить его ценности. Верующий в миф понимает его иначе, чем внешний наблюдатель, социолог, антрополог, психиатр, историк. Приверженец мифа понимает его в акте практического участия. Действительно, миф можно понять только «изнутри», будучи включенным в него сознанием, поведением, действием.

То же относится к марксизму Лукача. Немарксист не может правильно понять марксизм. Понимание возможно лишь в акте практического участия в революционном движении. Марксизм – это не обычная теория, которая что-то повествует о мире и в таком качестве может быть принята каждым человеком. Независимо от того, согласен ли он с ценностями политического движения, признавшего марксизм своей идеологией. Марксизм есть понимание мира, возникающее и существующее только в данном движении и практическом действии. Так понятый марксизм, подобно мифу, сопротивляется рациональной аргументации. Ни

один человек «извне» не может успешно критиковать марксизм, ибо «извне» понять его невозможно. Лукач показал, что марксистское сознание подчинено эпистемологическим особенностям мифа.

Не менее успешно он обнаружил пророческий характер марксизма. Пророческое сознание снимает различие между волей и предвидением. Пророк вещает не своим голосом, а гласом бога, истории, класса, партии. Бог, история, класс, партия ничего не «предвидят» в том смысле, в каком люди предвидят события, на которые не могут повлиять. Акт предвидения и акт создания того, что предвидится, одни и те же для бога, истории, класса, партии. Субъект и объект познания совпадают в их действиях. Никакая надындивидуальная сила никогда не действует «извне», а только имманентно. Субъект истории, отождествивший свое сознание с историческим процессом, снимает различие между предсказанным и творимым будущим.

В таком субъекте воплощается утопическое сознание. Оно есть именно в тех элементах марксизма, которые направлены против утопического социализма. Маркс был убежден, что «научный социализм» нельзя рассматривать как обычное моральное предписание, результат оценки или итог «исторической необходимости». В пролетарском сознании нет различия фактов и ценностей, познания и морального одобрения по той причине, что «научный социализм» не является ни желательным, ни необходимым состоянием общества, ни конгломератом того и другого. Социализм есть «единство» желания и необходимости, т. е. такое состояние вещей, которое реализует сущность человека. Если вспомнить известное определение Маркса, то данная сущность не есть произвольная конструкция философа и моралиста, а **уже готова** для социалистических преобразований.

Коммунистическое и социалистическое будущее не есть нечто из сферы человеческих желаний или предвидений, базирующихся па рациональном анализе исторических тенденций. Коммунизм и социализм подобен гегелевскому бытию высшего порядка: эмпирически его наблюдать нельзя, но оно более реально, чем все эмпирические факты, вместе взятые. Таков смысл тотальности в понимании Лукача - она признается реальной и существующей, но не эмпирической. Говоря о социализме как будущем состоянии, мы не нуждаемся в использовании нормативного языка или языка научного предвидения. Социализм есть смысл истории и в данном качестве уже существует в текущей истории. Толкование будущего как модуса современности или настоящего, а не как некоего желательного или ожидаемого состояния - типично утопическая онтология. Заслуга Лукача состоит в том, что он обнаружил такую онтологию (платоновско-гегелевского происхождения) как фундаментальное свойство марксизма.

Благодаря этому марксизм в его понимании приобрел иррациональную и антинаучную форму. С помощью понятия тотальности философ снабдил марксизм такой броней, которая не пропускает удары любой рациональной и эмпирической критики. Тотальность не может возникнуть на основе накопления фактов и эмпирических доказательств. Если факты ей противоречат, тем хуже для них. Однако на каком основании можно познать тотальность и приобрести уверенность, что мы поняли ее безошибочно? По Лукачу, это возможно на основе правильного «диалектического метода». С другой стороны, данный метод есть не что иное, как отнесение всех фактов и явлений к тотальности. Нужно предварительно знать тотальность, чтобы пользоваться диалектическим методом. Поэтому метод и знание тотальности образуют порочный круг. Единственный способ выйти за его пределы - принять без доказательств утверждение: благодаря привилегированному историческому положению пролетариат обладает всей истиной. Но такой выход мнимый. Откуда известно, что пролетариат обладает привилегией в познавательном отношении? Это известно из марксистской теории, которая истинна потому, что только она одна охватывает тотальность. Порочный круг опять...

Остается еще одна возможность: тотальность не раскрывается целиком в научном исследовании, а в активном участии в революционном движении. В этом случае мы имеем дело с генетическим критерием истины: марксизм есть истина, ибо «выражает» сознание пролета-

риата (а не наоборот). Однако генетический критерий истины не отличается от критерия на основании авторитета. То или иное положение должно быть признано истинным не потому, что его можно доказать с помощью универсальных аргументов, принятых в науке, а потому, что оно порождено исторически привилегированным классом. Эта истина известна на том основании, что ее провозглашает теория, носителем и обладателем которой выступает пролетариат. Следовательно, вся мифология пролетариата как исторически безошибочного класса сводится у Лукача к чисто партийному догматизму. О содержании собственного сознания пролетариат знать ничего не может. Это привилегия партии, которая «выражает» и «воплощает» исторический интерес пролетариата. Поэтому партия является критерием и источником истины. Что и следовало доказать.

Единство теории и практики, фактов и ценностей становится приматом политического участия над познавательными ценностями. Власть оказывается важнее истины. Коммунистическое движение дает индульгенцию всем членам как обладателям истины на основании участия в этом движении. Марксизм Лукача есть отказ от интеллектуальных, логических и эмпирических критериев истины. В этом качестве он антирационален и антинаучен.

Творчество Лукача интересует нас сегодня не только благодаря его заслугам в интерпретации Маркса. Не потому, что он доказал: философская теория Маркса может служить хорошим основанием самопрославления идеологии советской бюрократии. И не потому, что он создал или реконструировал понятия, которые повлияли на современную форму марксизма. Пример Лукача важен для оценки всех, даже выдающихся марксистских интеллектуалов, которые связали свою судьбу и мышление с тоталитарным политическим режимом. И для этого под принуждением или добровольно отреклись от самостоятельной мысли, теоретически обосновывая свое отречение.

Как известно, художественным образом Лукача является иезуит Нафта из «Волшебной горы» Томаса Манна: блестящий ум не в состоянии жить и мыслить без авторитета, а после того, как такой авторитет найден, Нафта вынужден отказаться от самого себя. Лукач был выдающимся марксистом-интеллигентом, человеком высокой культуры мысли, что отличало его от подавляющего большинства государственных философов. Но этот марксист-теоретик нуждался в интеллектуальной безопасности. Не мог принять ситуацию неопределенности, которая внутренне связана со скептическими и эмпирическими установками в философии и политике. Он нашел в коммунистической партии то, к чему стремится большинство интеллигентов: гарантию абсолютной уверенности и участия в деятельности неких надындивидуальных сил, которое заменяет критику, вырабатывает невосприимчивость к фактам, погашает беспокойство. Такая гарантия и потребность в ней перечеркивает стремление к истине и иные критерии духовного творчества.

Лукач связал свою судьбу с марксизмом и коммунизмом. После этого акта он был убежден, что все проблемы философии и общественных наук в принципе решены. Задача теоретика состоит в том, чтобы обнаружить и показать истинное содержание идей Маркса и Ленина, правильно понять уже существующий канон. Его уже не интересовало, действительно ли тотальность в Марксовом смысле слова является истиной и каким способом можно эту истинность обосновать. Поэтому его сочинения переполнены догматическими утверждениями, а не аргументами. Обладая раз и навсегда установленной мерой истинности, он прикладывал ее в качестве шаблона ко всем проблемам, которыми занимался: философии Гегеля и Фихте, поэзии Гете и романам Кафки. Его догматизм был абсолютным и возвышенным в своем совершенстве. Его критика сталинизма не выходила за рамки сталинизма. В истории марксизма XX столетия Лукач стал наиболее показательным примером явления, которое можно назвать предательством разума со стороны человека, профессионально призванным к применению разума.

Книжная полка

ПЕРСОНАЛИСТСКИЙ РЕЖИМ В РОССИИ: ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА[1]

М.А. Краснов
Государственный университет – Высшая школа экономики

Аннотация: *В статье исследуется конструкция российской публичной власти, которая привела к формированию персоналистского политического режима, что искажает принцип разделения властей и препятствует нормальной политической конкуренции. Автор доказывает, что такой режим имеет причиной не столько российские традиции, сколько органические институциональные пороки властного механизма, обусловленные Конституцией РФ. Погружаясь в исследование природы персоналистского режима, автор привлекает не только юридические, но и социологические, исторические и социально-психологические источники.*

Ключевые слова: *публичная власть, персоналистский политический режим, разделение властей, политическая конкуренция, институциональный анализ.*

От редакции

Выдающийся современный юрист, профессор Михаил Александрович Краснов, в 2006 г. опубликовал книгу «Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа». Прошло пять лет после ее выхода. Я спрашивал у юристов из Южного федерального университета, знают ли они о существовании книги. Оказалось, почти никто не знает. Когда я учился в докторантуре в Институте философии АН СССР в Москве, удивился тому, что большинство его сотрудников не имело никакого представления о том, что пишут и публикуют коллеги из соседнего сектора или отдела. Сегодня научное сообщество стало местечковым, независимо от дислокации. Нынешний книжный рынок в Ростове-на-Дону не обеспечивает свободный доступ к многообразию интеллектуальных культур даже внутри страны, не говоря уже о мировом уровне. Мои коллеги практически прекратили читать специальную литературу. Государство сбросило с себя обязательства в сфере науки, переключилось на пропаганду изоляционизма, задач госбезопасности и силового самообеспечения. Отказалось от проведения реальной культурной политики. Россия в интеллектуальном плане становится островом. Усиливается разрыв между мировой и отечественной наукой. Это ограничивает возможности научной работы, понимания, усвоения, интеллектуальной

[1] Первая публикация: Краснов М.А. Персоналистский режим в России: Опыт институционального анализа / М.А. Краснов. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).

рецепции. Каждый человек, называющий себя ученым, должен противостоять этим тенденциям.

Книга профессора М.А. Краснова позволяет осознать их немаловажную причину. С любезного разрешения М.А. Краснова предлагаем читателю полный текст книги. С удовольствием рекомендую ее коллегам – философам, политологам и социологам - от студентов до профессуры.

В.П. Макаренко

От автора

Могу сказать точно, с какого времени мне не даёт покоя тема, вынесенная в заголовок этой книги. С марта 1998 года. Именно тогда без всякого видимого повода президент Б.Н. Ельцин отправил в отставку председателя правительства В.С. Черномырдина…

Почему этот интерес не возник раньше? Да потому, что на кого как, а на автора действовала сила инерции того образа политической борьбы, который сформировался в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Долгое время мне и, думаю, многим казалось, что главное – это создание максимально комфортных условий для скорейшего проведения реформ. И раз лидером реформ выступает президент, значит, важно оберегать его от нападок тех, кто лелеет мечту о реставрации. Дамоклов меч коммунистического реванша заставлял многих из нас, «демократов», что называется, «поступаться принципами».

Однако время шло, а зримых примет обновления страны становилось меньше и меньше. Политическая жизнь всё явственнее превращалась в жизнь аппаратную. И всё острее ощущалось: что-то не так. Но *что* именно – лично мне до конца не было понятно. И тут – эта внезапная отставка…

Не могу сказать, что к *этому* правительству я относился с большой симпатией. Оно представлялось скорее тормозом преобразований. Впрочем, говорить «это правительство» неверно, ибо «текучесть кадров» была столь огромной, что телефонные справочники устаревали, не успев замусолиться. Причём в составе правительства 1992–1998 годов находилось место не просто людям из разных политических лагерей, но даже приверженцам разных ценностных систем. Так что покоробил вовсе не факт отставки, а её образ – совершенно не соответствовавший образу правительственной отставки в системе сдержек и противовесов.

Во-первых, всё напоминало ситуацию, будто граф увольняет своего дворецкого и при этом объявляет: «Вообще-то, я им был доволен». Что в таком случае остается думать соседям графа? «Наверное, слуга на хозяйскую дочку (жену) стал заглядываться. Дело семейное, а потому граф шума не хочет». Другими словами, отставка не была вызвана реальной политической причиной, например изменившимся соотношением сил в парламенте, а имела сугубо «дворцовые» основания.

Во-вторых, было непонятно, почему выбор президента пал именно на данного, доселе не известного широкой публике чиновника (в том, первом, случае – на С.В. Кириенко). Он что, был автором какой-то новой концепции развития или показал выдающиеся успехи на публичном поприще?

Последовавшая вскоре череда отставок кабинетов окончательно подтвердила первые подозрения, что меняются премьеры вовсе не из-за того, что буксует процесс преобразований. Не случайно, с учётом периода «и. о.», с марта 1998 года продержались:

Кириенко – 6 месяцев,

вновь Черномырдин – около месяца,

Примаков – 9 месяцев,

Степашин – около 4 месяцев

Путин – 8 месяцев (ну, тут история, как вы помните, особая),

Касьянов – ого, почти 4 года, но зато уволен опять без всяких видимых причин и почему-то накануне естественной отставки правительства в связи с началом новой президентской легислатуры.

Чем не правительственная чехарда, характерная для России первых двух десятилетий XX века, сыгравшая, кстати, большую роль в приходе к власти большевиков? Дело, понятно, не в частоте смены кабинетов. История многих демократических государств знает такое явление, как неустойчивость правительства. В конце концов, можно было бы закрыть глаза и на публичную неизвестность некоторых новых премьеров. Поражает полное пренебрежение к обществу: «когда захочу – сменю, кого захочу – назначу». Впрочем, даже это можно было бы списать на издержки «демократического роста», если бы президент, меняя кабинеты, нёс какую-то реальную политическую ответственность за деятельность правительства и если бы такие смены означали положительную эволюцию последнего, как в кадровом, так и в функциональном смысле.

Вот эта «самодержавная» практика и стала причиной поиска её причин. Явление, называемое в книге «персоналистским режимом», не только само питается патриархальными представлениями о власти, но и заставляет общество признать их единственно правильными; консервирует авторитаристскую методологию осуществления власти; блокирует политическую конкуренцию, а с нею идеологический и политический плюрализм; наконец, делает неизбежными потрясения самих основ российской государственности. Как ни горько это признавать, *мы имеем органический, а не функциональный порок государственности.*

Но откуда эта напасть? Неужели какой-то «вирус» заразил «программу»? Нет. Мой поиск привёл к выводу, что ошибочно составлена сама «программа» – Конституция. Доказательствам такого вывода, рассмотрению некоторых иных версий о причинах аномалии, а также предложениям по корректировке «программы» и посвящена настоящая книга.

Она не вполне обычная по своему жанру, ибо представляет собой нечто среднее между монографией, научным сборником и практическим пособием. Почему получилось именно так?

Сначала была написана статья под названием *«Фатален ли персоналистский режим в России?».* Само название свидетельствует о том, что она планировалась как законченная работа. Но объём статьи оказался слишком большим для журнального варианта и слишком маленьким для книги. И тогда, по совету Е.Г. Ясина, текст был передан для публикации в электронном виде на сайте Фонда «Либеральная миссия» (в книге это часть 1). Вскоре после этого И.М. Клямкин организовал и провёл экспертное обсуждение статьи, которое, по сути, стало обсуждением самой проблемы политического персонализма (часть 2). И наконец, автору была предоставлена возможность по итогам дискуссии уточнить и развить некоторые свои позиции (часть 3), а затем предложить своё видение того, какая институциональная модель могла бы изменить опасный вектор государственно-правового развития (часть 4). Вот из этих четырех частей и составилась настоящая книга.

Поскольку автор – юрист, специализирующийся на проблемах государствоведения, понятно, что именно под этим углом зрения и рассматривается проблема персонализма в России. Однако это не тот случай, когда, по известной притче, слепые, ощупывая какую-то часть слона, делают каждый свой вывод о том, что представляет собой животное в целом[2]. Други-

[2] Трогавший ухо слона сказал: «Слон – это нечто большое, широкое и шершавое, как ковёр». Тот, кто ощупал хобот, сказал: «У меня есть о нем подлинные сведения. Он похож на прямую пустотелую трубу, страшную и разрушительную». «Слон могуч и крепок, как колонна», – возразил третий, ощупавший ногу и ступню.

ми словами, метод конституционно-правового анализа избран в качестве основного не потому, что автор мог посмотреть на проблему только в соответствии со своим профессиональным интересом, а потому, что, согласно его гипотезе, *именно институциональные особенности нашей современной политической системы обусловливают формирование и консервацию персоналистского режима.* В то же время автор не может отнести себя к разряду конституционных детерминистов. Его задача состояла в том, чтобы показать, благодаря чему и как именно институциональные параметры власти обусловливают естественность скатывания к персонализму.

И всё же метод конституционно-правового анализа не стал единственным. Читатель найдет в книжке апелляции не только к юридическим – нормативно-правовым, судебным[3] и теоретическим – источникам, но и к социологическим, социально-психологическим, философским, политологическим (во всех цитатах выделения **полужирным шрифтом** сделаны мною). Рискуя навлечь на себя упрёк в верхоглядстве, автор пошёл на это только потому, что рассматриваемая проблема не может быть отнесена к сугубо правовым. Впрочем, никакая более-менее крупная социальная проблема не «принадлежит» одной области знания. Один умный человек сказал: «Хорошо, что природа не знает, как мы её классифицировали».

Вообще замечательно, когда к обсуждению такого рода проблем приглашаются представители разных отраслей знания – юристы, политологи, историки, социологи, и при этом ставится цель не «вывести автора на чистую воду», а приблизиться, не говорю – к истине, но к большему пониманию проблемы.

Часть 1. Фатален ли персоналистский режим в России? (Конституционно-правовой аспект)

Опасности персонализма

Под *персоналистским режимом* автор понимает несбалансированное сосредоточение властных прерогатив, как явных, так и скрытых, в руках института-личности (в российском варианте – Президента РФ) при формальном сохранении принципов и институтов, свойственных конституционному строю. Если политическая система, т.е. система институтов и правил для выработки и проведения политики внутри страны и на международной арене, основана на чьем-то монопольном положении, то о политике, в современном её смысле, говорить не приходится. То, что именуется в таких условиях политикой, является скорее лишь формализованной позицией одного институционального субъекта, или политического моносубъекта.

Никакие видовые черты, особенности демократии не могут отменить её родовых черт, а родовым признаком демократии как раз и является система выявления, представительства и учета разных позиций, которые, переплавляясь посредством специальных институтов и правил, «на выходе» являют собой политику как компромисс[4].

Персоналистский режим не может быть признан особенностью демократии, поскольку он приводит к некрозу её сущностных черт, в том числе: равных возможностей для политического представительства; самостоятельного функционирования органов государственной власти, относящихся к разным её ветвям; политической конкуренции; выработки крупных государственных решений на основе согласования интересов.

---

[3] Правовые акты и судебные решения в настоящей работе проанализированы с помощью справочно-поисковой системы «Консультант+».

[4] Об этом хорошо говорится в книге: Варламова Н.В., Пахоленко Н.Б. Между единогласием и волей большинства (политико-правовые аспекты консенсуса). – М., 1997.

Наиболее ярким индикатором персонализма при формальном наличии демократических институтов является не объём президентских полномочий, а практически полное отсутствие зависимости реальной политики от результатов парламентских выборов. При этом не играет особой роли, настроено ли парламентское большинство критично по отношению к данному президенту или абсолютно ему лояльно. В таком случае обессмысливается и сам принцип разделения властей. Даже если счесть нынешнее состояние обеих палат Федерального Собрания, ставших своего рода «подразделениями» президентской администрации, временной флуктуацией, хотя само возникновение такой флуктуации говорит о многом, то и при «оппозиционном» парламенте теряется смысл разделения властей, поскольку законодательная власть не имеет возможностей реально противостоять президентско-правительственной политике. Так что при господстве персоналистского режима парламент в обоих случаях имеет черты, при которых презрительная характеристика («говорильня»), данная ему В.И. Лениным[5], становится справедливой.

На это мне могут возразить следующее: поскольку Россия до сих пор переживает период реформ, постольку доминирующее положение Президента РФ и периферийное положение парламента оправданно. Это чрезвычайно опасное заблуждение. Разумеется, ненормально, когда существует легальная оппозиция даже не политическому курсу, а самим основополагающим принципам политического и экономического строя. Например, КПРФ в своих программных установках предполагает восстановление советской власти, хотя пока не педалирует такое требование и тактически действует как парламентская партия. Причины подобной ненормальности различны и лежат в той исторической конфигурации, из которой родилась постсоветская Россия. Но, «обезопасив» себя от антидемократического реванша путем институционального гипертрофирования президентского поста, общество, от которого раньше ещё кое-что зависело, «прозевало» другую опасность: создало условия для всевластия бюрократии.

Сосредоточение политической власти в руках института-личности, а значит девальвация парламентаризма, при том что этот институт ещё и огражден практически от всяких сдержек и противовесов (см. ниже), неизбежно порождает единственную опору для проведения политики – бюрократию. Впрочем, было бы еще полбеды, если бы бюрократия проводила политику президента. Властный механизм так устроен, что бюрократия определяет ещё и стратегические цели и методы их достижения, не давая при этом возможности обществу контролировать власть. В результате как минимум:

- народ отстраняется от своих суверенных прав, закрепленных за ним в ст. 3 Конституции РФ;
- президент объявляет «повестку дня»[6], но формирует такую «повестку» именно бюрократия, неважно, какая из её групп – «либеральная» или «антилиберальная». Тем самым страна лишает себя всякой долговременной, последовательной и преемственной политики;

[5] См., например: Ленин В.И. Марксизм о государстве // Полн. собр. соч. – Т. 33. – С. 46, 271.

[6] Маленький пример из личного опыта: несколько депутатов еще в 2003 году внесли мой проект закона о парламентских расследованиях (см.: *Краснов М.* Пояснительная записка. Проект федерального закона «О парламентских расследованиях» // Закон. – 2002. – № 6. – С. 108–115), который хотя и был принят в первом чтении, остался невостребованным, поскольку в то время позиция Кремля была негативной в отношении этого института. Но стоило президенту в послании Федеральному Собранию 2005 года упомянуть о желательности введения парламентских расследований, как «машина завертелась». При этом грубо был нарушен Регламент Госдумы, в ст. 110 которого говорится: «В случае, если в Государственную Думу после принятия законопроекта в первом чтении поступит законопроект по тому же вопросу, **такой законопроект Государственной Думой не рассматривается и возвращается субъекту права законодательной инициативы по мотивам принятия аналогичного законопроекта в первом чтении**».

- демократические институты, используемые бюрократией для своих нужд, дискредитируются, что особенно опасно в стране, где демократические традиции далеко ещё не укоренены;
- политическая конкуренция заменяется «подковёрной» конкуренцией «групп влияния», кланов; институты государственного принуждения разлагаются, поскольку, с одной стороны, используются бюрократией для удаления с политического или экономического поля «несанкционированных» фигур, с другой – лишены гражданского контроля. Тем самым эти институты поставлены в такие условия, когда они вынуждены служить не закону и обществу, а бюрократии, взамен получая от неё «свободу действий», которая используется для произвола и коррупции;
- ротация политических лидеров становится проблемой для страны: даже если действующий лидер не устанавливает для себя новую легислатуру с помощью лукавых юридических приемов, его уход в отставку становится как минимум стрессом для общества, как максимум – поводом для нелегитимной борьбы за власть.

Однако самая большая опасность персонализма в нынешних условиях состоит в том, что в отличие от монарха, обладающего сакральной легитимностью, у избираемого народом президента нет такого «резерва прочности». Президент может сколько угодно заявлять, что он «президент всех россиян», но, хотя и не в равных долях, народ всегда будет делиться на сторонников данного конкретного президента и на его противников, при этом неважно, что значительная часть общества остается нейтральной. Если же избираемый глава государства действует в режиме абсолютизма, повторю, не имея той же степени монархической легитимности, он неизбежно становится осью антагонистического разделения общества, причиной радикализации оппонентов, не находящих для себя легальных путей учёта их позиций. Поэтому рано или поздно такой режим приводит либо к безвластию, влекущему за собой открыто авторитарное правление, либо к такому же правлению, минуя этап безвластия.

Можно и дальше перечислять негативные следствия политического персонализма, но гораздо важнее попытаться найти ответ на один принципиальный вопрос, без решения которого невозможно определить путь дальнейшего движения. Сформулировать его можно так: *насколько объективен для нас персоналистский режим? Или, говоря конкретнее, что именно предопределило его существование – исторические традиции и особенности общественного сознания либо некие институциональные пороки государственной организации, обусловленные конкретной политической ситуацией в России в начале 90-х годов XX столетия?*

Россия в «матрице»?

Этот вопрос является частью более фундаментального вопроса – о «социогенетической» предрасположенности или степени такой предрасположенности тех или иных обществ к тому или иному типу развития. Обсуждается этот вопрос в России весьма охотно, поскольку, с одной стороны, в нашем обществе остается актуальным разделение, условно говоря, на «традиционалистов» и «модернистов», а с другой – среди «модернистов» все чаще проявляет себя скепсис относительно возможности создания в России демократии без всяких лукавых прилагательных типа «управляемая», «суверенная» и проч. И если «традиционалисты» вообще употребляют слова «либерализм», «демократия» и т.п. не иначе, как с негативными коннотациями, то «модернисты»-скептики, наблюдая безуспешность попыток российского «модернизационного проекта», видимо, решили пойти на «интеллектуальный компромисс». Отсюда – выдвижение гипотезы о неких «метаусловиях», влияющих на демократическое строительство в России.

Сошлюсь, в частности, на гипотезу С.Г. Кирдиной *о двух типах институциональных матриц («X- и Y-матрицы»)*. Согласно её позиции, «институциональная X- или Y-матрица содержит в себе **генетическую информацию, обеспечивающую воспроизводство обществ соответствующего типа**. Самовоспроизведение, хранение и реализация информации в процессе роста новых институциональных форм, то есть создание "плоти социальной жизни", происходит на основе взаимодействия матрицы базовых институтов и матрицы комплементарных институтов, имеющей в данном случае характер реплики (отзыва, реакции, необходимого элемента диалога). При этом матрица базовых институтов образует генетическую основу. Каждый из базовых институтов взаимодействует с определенным комплементарным (дополнительным) институтом (выполняющим ту же функцию в альтернативной институциональной системе) и "накладывает" на него свою информацию, характер, отпечаток»[7].

Основываясь на этой теоретической посылке, С. Кирдина утверждает, что если в Y-матрице сочетаются экономические институты рынка, политические институты федерации и ценности, в которых закрепляется приоритет Я над Мы, а такая матрица доминирует в большинстве стран Европы и в США, то «X-матрица образована экономическими институтами редистрибуции[8], политическими институтами унитарного устройства (построения общества "сверху" на основе иерархической централизации) и идеологическими институтами коммунитарности, в которых закрепляется приоритет Мы над Я. **Россия, страны Азии и Латинской Америки отличаются доминированием X-матрицы**»[9].

С. Кирдина, впрочем, не настаивает на жёстком детерминизме «матрицы», наоборот, видит «особенность проявления механизма самоорганизации социально-экономических систем, то есть систем с участием сознательного человека» в том, что «для подстройки институциональной структуры посредством использования комплементарных репликативных форм необходима целенаправленная и взвешенная деятельность социальных субъектов. Иначе стихийное действие доминирующих структур хотя и будет обеспечивать развитие, но только через кризисы. Они хорошо описаны в экономической теории как кризисы перепроизводства (в рыночных экономиках) и кризисы недопроизводства (в редистрибутивных экономиках). В первом случае к ним приводит стихийное действие рыночных сил, не компенсируемое редистрибутивными механизмами централизованного (государственного) регулирования. Во втором случае – экономические кризисы являются следствием недостаточного внедрения в практику редистрибутивной экономики обменных рыночных институтов». Поэтому выход исследователь видит в том, чтобы «формировать оптимальный институциональный баланс и каждый раз находить требуемые пропорции базовых и комплементарных институтов»[10].

Я не собираюсь вступать в дискуссию по поводу самóй теоретической конструкции, хотя именно здесь и возникает ряд вопросов, например: какие институты или социальные

[7] Эта и последующие цитаты взяты из работы: Кирдина С. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. – 2004. – № 10. – С. 89–98. (Поскольку данная статья автором анализировалась в ее электронной версии, в ссылках на цитаты не указаны страницы журнального варианта).

[8] Редистрибуцию – перераспределение – в данном контексте можно обозначить как экономический патернализм.

[9] Кирдина С. Указ. соч.

[10] В качестве примеров такого баланса С.Г. Кирдина приводит административную реформу и реформу РАО «ЕЭС», которые, по ее мнению, с одной стороны, предусматривают *модернизацию* соответственно общей системы управления и системы управления энергетическим комплексом, а с другой – вынуждены встраивать модернизационные элементы в «X-матрицу», предусматривающую *иерархичность*. Другими словами, «институты Y-матрицы встраиваются в нашу систему как необходимые и способствующие ее динамичному развитию, но их действие все более опосредуется, определяется, ограничивается действием институтов базовой X-матрицы российского государства».

группы являются собственно «генами», т.е. носителями «кода»? где следует искать причины возникновения той или иной «матрицы» – в истории, антропологии, религии и т.д.? из чего следует именно такая география «X-матрицы», к которой отнесены страны с доминированием совершенно разных культур, и входит ли в эту «компанию» Япония? Тем не менее предположим, что данная гипотеза верна. Но согласиться с отнесением России к такому типу институциональной матрицы трудно.

И тут дело не в эмоциональном неприятии[11]. Дело в том, что усомниться в верности вывода С.Г. Кирдиной для России заставляет одна её исходная посылка. «Изучая развитие государств, мы обнаруживаем, – пишет она, – что доминирование X или Y-матрицы носит "вечный" характер и определяет социетальный тип общества. Именно доминирующая матрица отражает основной способ социальной интеграции, **стихийно найденный социумом** в условиях проживания на данных пространствах, в определенной окружающей среде».

Вот в этом «способе, стихийно найденном социумом», кажется, и кроется главное заблуждение. Тут важно даже не то, что неизвестно, *когда* этот «способ был найден». Важно, что стихийность социального поиска предполагает все-таки субъектность социума. *Была ли эта субъектность в России?* Более или менее точный ответ могла бы дать историческая социология, но у нас её нет, а есть лишь робкие попытки социологических изысканий у историков и исторических – у социологов. Разумеется, нельзя утверждать, что в России начиная с момента образования нашей государственности, т. е. с IX века, властители полностью игнорировали мнение подданных. Как заметил Х. Ортега-и-Гассет, «правление – это нормальное осуществление своих полномочий. И опирается оно на общественное мнение – всегда и везде, у англичан и у ботокудов, сегодня, как и десять тысяч лет назад. Ни одна власть на Земле не держалась на чём-то существенно ином, чем общественное мнение. [...] Даже тот, кто намерен управлять с помощью янычар, вынужден считаться с их мнением и с мнением о них остального населения»[12].

Больше того, древняя русская история, если её очистить от навязанной как советским, так и досоветским официозом мифологии «царей и героев», показывает, что на Руси были и развивались и горизонтальные связи, и живое предпринимательство, и терпимость, и демократические институты представительства, конечно, соответствовавшие своему времени. Развивались – в целом до тех пор, пока не началась эпоха активной централизации (Иоанн III), вскоре совмещенная с эпохой расширения пространственных пределов страны (Иоанн IV, известный как Иван Грозный).

Но ведь и многие европейские страны переживали похожие процессы. Почему же там идеи ограничения власти в конечном счете пробили себе дорогу, а у нас такого рода интеллектуально-политические попытки повторялись с XVI века почти при каждом самодержце: правительство А.Ф. Адашева при Иване Грозном; российско-польский договор 1610 года; долгоруковская «оппозиция» Петру I; Кондиции Верховного тайного совета для Анны Иоанновны; Н.И. Панин, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев при Екатерине II да и сама молодая Екатерина с ее «Наказом»; тот же Н.И. Панин и масонство при Павле I; М.М. Сперанский, тайные кружки аристократов при Александре I; конституционные проекты декабристов; аристократы-реформаторы и сами реформы Александра II; Манифест 17 октября, Государственная дума, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин при Николае II. Попытки повторялись, но не имели свое-

[11] Как раз на эмоциональном уровне я готов согласиться с С.Г. Кирдиной, хотя соглашаться надо скорее с В.С. Черномырдиным, гениально сформулировавшим «теорию матриц» своим знаменитым «как всегда». Все мы являемся свидетелями того, как, казалось бы, проверенные мировой практикой принципы и институты («Y-матрицы») на российской почве если и не превращаются в свою противоположность, то уж точно не дают ожидавшегося от них эффекта.

[12] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М., 2002. – С. 119.

го воплощения, а нередко даже становились поводом для переориентации политики на прямо противоположную. А сам факт массовой поддержки большевизма в начале XX века – он был ещё одним проявлением «X-матрицы» или её следствием? Если кто-то скажет, что здесь налицо просто набор роковых исторических *случайностей*, то я первый усомнюсь в этом, так как такое их количество и последовательность свидетельствуют как раз о некой закономерности.

Получается, автор сам себе противоречит: ведь если соглашаться с тем, что в России имеет место сопротивление институтам «Y-матрицы», то тогда, действительно, следует признать, что развитие страны обусловлено содержанием «X-матрицы». Однако противоречия тут нет! Пусть на исторических развилках Россия избирала путь, отдаляющий её от общеевропейского пути, – это ещё не означает цивилизационной предопределенности её развития. *Стихийность предполагает хотя бы относительную свободу – личную и общественную. Но степень такой свободы как раз и была у нас минимальной, начав неуклонно уменьшаться по мере становления и укрепления единовластия.*

Г.А. Сатаров дал, на мой взгляд, точное онтологическое определение демократии, назвав ее институализацией случайности[13]. Однако в истории России случайность практически никогда не была институализирована. *Институализированной у нас всегда была воля правителя***.** В данном случае неважно, как формировалась сама эта воля – под влиянием ли ближайшего окружения, психофизиологических особенностей правителя, ещё каких-то субъективных факторов или всего этого вместе взятого. Важно, что отнюдь не социум находил некую парадигму. Она ему навязывалась, и он вынужден был мириться с нею, тем самым постепенно её легитимируя.

Сегодня мы оказались в исторической ловушке: общество, завоевавшее и заслужившее свободу и демократические институты, могло покончить с политическим персонализмом, означающим в пределе не что иное, как всевластие. Однако персонализм не предстал перед обществом как зло. Наоборот, он пробил себе дорогу, облекшись в «демократическое платье», и потому сумел вновь себя легитимировать. И «виновата» в этом, повторю, отнюдь не «матрица» – «виновато» отсутствие в обществе причинной связи между качеством жизни и устройством властного организма. А связь эта отсутствует потому, что и досоветская, и советская, и постсоветская элита прикладывала и продолжает прикладывать все возможные усилия к тому, чтобы убедить народ – альтернативой единовластию, т.е бесконтрольному единоличному правлению, является лишь смута.

И это элите до сих пор удаётся. Обратите внимание: каждый претендент на президентский пост, в том числе и из либерального лагеря, обращается к обществу не с обязательством пересмотреть традиционный принцип властвования, который за много веков и несмотря на разные формы правления, разное общественно-политическое устройство ничуть не изменился, а с обещанием проводить другую, нежели предшественник, политику или, наоборот, быть верным продолжателем его политики.

Итак, мой вывод: *не патриархальные взгляды общества востребуют персоналистский режим, а персонализм консервирует патриархальные отношения в обществе и патриархальный взгляд общества на устройство власти*.

Как же выскочить из этой ловушки? Полагаю, что с помощью часто используемого метода – аннигиляции. То есть *персонализм может быть преодолен с помощью персонализма.* Другими словами, в наших нынешних условиях, только обладая президентским постом и при этом высокой популярностью, лидер может инициировать изменение самих институциональных условий, продуцирующих персоналистский режим, т. е. перейти к модели организации

[13] Сатаров Г.А. Как возможны социальные изменения. Обсуждение одной гипотезы. (Эта статья не опубликована, и ссылка на неё дается по рукописи с согласия её автора).

публичной власти, которая бы, конечно, учитывала силу исторической инерции, но не в смысле потакания феодальным стереотипам, а в смысле нейтрализации их.

В таком случае логично поставить вопрос: *что сегодня институционально мешает созданию механизма политического маятника с относительно небольшой амплитудой?* Ведь модель власти, и шире – модель политической системы, закреплённая Конституцией Российской Федерации, не является какой-то уникальной. Российская модель принадлежит к типу смешанной, или полупрезидентской, или парламентско-президентской республики. Таких государств, например, в Европе не так уж и мало – более 10, в том числе Франция, Португалия, Хорватия, Польша, Словения, Украина.

И хотя в каждой из этих стран есть своя модификация – некоторый крен либо к президентской модели, либо к парламентской, тем не менее, при всех особенностях, сохраняются главные институциональные признаки:

- наличие президента, избранного народом, т. е. имеющего собственный политический мандат;
- самостоятельная исполнительная власть, возглавляемая правительством, несущим ответственность как перед президентом, так и перед парламентом, включая рассмотрение последним вопроса о доверии;
- участие президента в формировании правительства;
- некоторая конкуренция полномочий между президентом и правительством;
- как правило, возможность роспуска парламента президентом для выхода из тупиков.

Все это в целом свойственно России. Свойственно, кстати, закономерно, ибо, как отмечается в научной литературе, «двуглавая» модель – президент и правительство – обычно рождается в ходе революционных событий или кризисов, когда на политической арене появляется харизматическая фигура лидера[14]. Но европейская практика показывает, что такая модель работает и в более спокойные периоды. Она, конечно, более сложная, чем иные модели, поскольку предполагает участие большего числа политических «игроков». Но в этом и её преимущество, одно из которых – более широкие возможности для преодоления кризисных ситуаций. Другое дело, что, в силу сложности, модель эта требует, во-первых, четкого понимания и нормативного отражения того, чем является институт президента, и, во-вторых, ювелирно отточенного баланса полномочий. В том, как эти два обстоятельства отражены в нашей Конституции, и кроются главные проблемы.

Президент как гарант

Президент России, как того требует логика смешанной модели, является институтом, предназначенным, во-первых, для традиционного олицетворения завершенности государственной конструкции; во-вторых, для принятия оперативных мер по защите конституционного строя, государственного суверенитета, целостности страны; в-третьих, что особенно важно, для независимого политического арбитража. Именно в последнем состоит большое преимущество модели смешанного типа. В конце концов, никто не гарантирован от парламентско-правительственных кризисов[15]. В государствах с развитыми традициями компромиссов, со стабильной политической системой, с устоявшимися и доминирующими в обществе демократическими ценностями такие кризисы и тупики не представляют собой особой опасности, во всяком случае пока. А вот в государствах, где таких традиций и такой системы

[14] См., например: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4 т. 3-е изд. – Т. 1–2. Часть общая / отв. ред. проф. Б.А. Страшун. – М., 1999. – С. 351.

[15] Такой кризис образовался, например, осенью 2005 года в Германии. То, что ФРГ – государство с парламентской формой правления, сути дела не меняет.

еще нет, подобные кризисы могут привести к весьма опасным последствиям. Поэтому охранительная и миротворческая, стабилизационная роль президента тут неоценима.

Вопрос в другом: как такая роль трактуется и не есть ли это скрытое придание главе государства доминирующего положения над всеми ветвями власти? Такое опасение некоторым образом подтверждает и сама Конституция РФ, которая в ст. 10 провозглашает: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную». А поскольку Президент РФ не является составной частью ни одной из этих ветвей власти[16], постольку он официально не входит в систему разделения властей и как бы стоит над всеми ветвями власти. В то же время, несмотря на то что Президент России не входит в классическую «триаду ветвей власти», он назван первым среди институтов, которые осуществляют, согласно ст. 11 Конституции РФ, государственную власть в стране.

Не есть ли это признание некой надинституциональности российского Президента как главы государства, теоретическое основание его права на контроль за деятельностью всех других институтов? Нет. Несмотря на не вполне удачно встроенную в текст Конституции теоретическую конструкцию, ст. 11 ещё не предопределяет президентского единовластия.

Во-первых, потому, что само провозглашение принципа разделения властей и самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти свидетельствует о том, что никто, в том числе и Президент РФ, не вправе принимать к своему ведению вопросы, отнесенные к компетенции соответствующих органов власти.

Во-вторых, надинституциональности Президента не может быть в силу того, что Конституция вручает ему его собственные властные прерогативы – функции и полномочия, перечисляемые прежде всего в главе 4.

Наконец, в-третьих, фактическое нахождение Президента в системе разделения властей подтверждается его обязанностью издавать указы и распоряжения в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами, а также правом иных субъектов власти обжаловать в суде акты главы государства.

И тем не менее институт президента в смешанной модели действительно особый. Имея свою компетенцию, как и любой другой властный институт, президент – это всё-таки *глава государства*. Глубинный смысл феномена главы государства, думается, слабо изучен в современной теоретической юриспруденции. Как правило, авторы останавливаются просто на его констатации, видимо, полагая, что само данное понятие всё объясняет. Не всё. Но, поскольку анализ данной проблемы не составляет предмета настоящей работы, ограничусь лишь утверждением, что статус главы государства как раз предполагает выполнение *фундаментальной роли хранителя государственности и стабилизатора политической системы*. Всё дело, однако, в том, какими президент для этого наделяется полномочиями.

Рискну в исследовательских целях разбить эту фундаментальную роль на два, так сказать, ролевых модуса. Модус *хранителя государственности* прямо отражается в ст. 80 Конституции, согласно которой глава государства:

1. является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина (ч. 2);
2. принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности (ч. 2);
3. представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях (ч. 4).

[16] В российской науке, кстати, до сих пор идут споры о том, представляет ли институт президентства самостоятельную, но не формализованную ветвь власти. Автор придерживается позиции, что институт президента может быть охарактеризован как ветвь власти.

Этим функциям корреспондируют конституционные полномочия, в соответствии с которыми Президент РФ:

- вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Федерации в случае противоречия этих актов Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам России или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом (ч. 2 ст. 85);
- вправе отменять постановления и распоряжения Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и указам Президента РФ (ч. 3 ст. 115);
- является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации (ч. 1 ст. 87);
- в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии вводит на территории Российской Федерации или в отдельных её местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе (ч. 2 ст. 87);
- назначает и освобождает высшее командование Вооруженных Сил Российской Федерации (п. «л» ст. 83);
- при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом, вводит на территории Российской Федерации или в отдельных её местностях чрезвычайное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе (ст. 88);
- формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации (п. «ж» ст. 83);
- осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации (п. «а» ст. 86);
- ведёт переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации (п. «б» ст. 86);
- подписывает ратификационные грамоты (п. «в» ст. 86);
- принимает верительные и отзывные грамоты аккредитуемых при нём дипломатических представителей (п. «г» ст. 86);
- назначает и отзывает после консультаций с соответствующими комитетами или комиссиями палат Федерального Собрания дипломатических представителей Российской Федерации в иностранных государствах и международных организациях (п. «м» ст. 83);
- вносит представление в Совет Федерации о назначении судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (п. «е» ст. 83);
- назначает судей других федеральных судов (п. «е» ст. 83);
- вносит представление в Совет Федерации о назначении на должность и освобождении от должности Генерального прокурора РФ (п. «е» ст. 83);
- наряду с другими субъектами вправе вносить предложения о поправках и пересмотре положений Конституции РФ (ст. 134);
- решает вопросы гражданства Российской Федерации и предоставления политического убежища (п. «а» ст. 89);
- награждает государственными наградами Российской Федерации, присваивает почетные звания Российской Федерации, высшие воинские и высшие специальные звания (п. «б» ст. 89);
- осуществляет помилование (п. «в» ст. 89).

Разумеется, всё перечисленное отнюдь не способно превратить институт Президента РФ, как бы ни хотел того человек, занимающий эту должность, в институт единовластного правителя. Больше того, некоторые из названных полномочий оба российских президента либо до сих пор не использовали, либо использовали крайне редко. Понятно, что военное положение не вводилось, поскольку не было агрессии или угрозы агрессии. А вот почему президенты, как первый, так и второй, не склонны использовать (известны лишь единичные случаи) право приостановления актов органов исполнительной власти субъектов Федерации в случае их противоречия Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам России или нарушения ими прав и свобод человека и гражданина до решения вопроса соответствующим судом – остается непонятным.

Модус *стабилизатора политической системы, в том числе политического арбитра,* отражается главным образом в функции обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти (ч. 2 ст. 80). В свою очередь, эта функция выражается в полномочиях, согласно которым Президент РФ:

- может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации до разрешения вопроса судом (ч. 1 ст. 85);
- может созвать заседание Государственной Думы ранее чем на тридцатый день после её избрания (ч. 2 ст. 99);
- наряду с другими субъектами обладает правом законодательной инициативы (ч. 1 ст. 104);
- подписывает и обнародует либо отклоняет федеральные законы (п. «д» ст. 84, 107);
- в случае роспуска Государственной Думы назначает дату выборов с тем, чтобы вновь избранная Государственная Дума собралась не позднее чем через четыре месяца с момента роспуска (ч. 2 ст. 109);
- наряду с другими субъектами данного права может вносить запросы в Конституционный Суд РФ по делам о соответствии Конституции РФ:
- а) федеральных законов, нормативных актов Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ;
- б) конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов РФ, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ;
- в) договоров между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, договоров между органами государственной власти субъектов РФ;
- г) не вступивших в силу международных договоров РФ (ч. 2 ст. 125);
- наряду с другими субъектами данного права может вносить запросы в Конституционный Суд РФ о толковании Конституции РФ (ч. 5 ст. 125).

Согласимся с тем, однако, что для выполнения миссии политического арбитража названных полномочий маловато. Не в смысле их количества, а в смысле, так сказать, силы политического влияния. Поэтому не только российская Конституция, но и конституции других государств со смешанной моделью наделяют глав государств полномочиями с более ощутимой эффективностью благодаря в первую очередь тому, что это в основном *полномочия кад-*

рового характера, хотя и не только. К таким полномочиям президента по российской Конституции относятся:

- назначение Председателя Правительства РФ с согласия Государственной Думы (п. «а» ст. 83);
- право председательствовать на заседаниях Правительства РФ (п. «б» ст. 83);
- представление Государственной Думе кандидатуры для назначения на должность Председателя Центрального банка РФ; постановка перед Государственной Думой вопроса об освобождении его от должности (п. «г» ст. 83);
- назначение на должность и освобождение от должности по предложению Председателя Правительства РФ заместителей Председателя Правительства и федеральных министров (п. «д» ст. 83);
- принятие или отклонение отставки Правительства РФ (ч. 1 ст. 117);
- право давать поручение Правительству РФ в случае отставки или сложения полномочий действовать до сформирования нового Правительства (ч. 5 ст. 117).

Эти полномочия, при всём их весе, также не предопределяют моноцентризма власти. Практически во всех европейских конституциях президенты обладают примерно такими же полномочиями, но ведь там они не ведут к персонализму. И дело тут не только в демократических традициях, политической культуре и проч. Дело в том, что эти полномочия, хотя и применяются в политической сфере, остаются стабилизационными, т.е. не превращают главу государства, так сказать, в «правящую партию», поскольку их применение оговаривается вполне определенными условиями, выступающими как сдержки и противовесы.

Итак, даже сложенные вместе, приведённые здесь полномочия никоим образом не способны быть основой для превращения Президента РФ в институт, нейтрализующий принцип разделения властей[17]. *Что же тогда институционально предопределяет персоналистский режим в России?* Не то ли обстоятельство, что в нашей Конституции существует большая недоговоренность в отношении оснований, на которых должны осуществляться президентские полномочия; что многие полномочия сформулированы не вполне конкретно; что в реальности президент использует иные властные рычаги за ширмой неопределенно сформулированных полномочий?

Что ж, рассмотрим эту гипотезу. Для начала имеет смысл классифицировать правовые возможности Президента России. Назову их полномочиями, хотя, строго говоря, не все они подпадают под эту категорию. Если использовать главным образом такой критерий, как форма юридического закрепления правовых возможностей (полномочий), то представляется, что их можно разбить:

- на конституционные;
- «скрытые»;
- законодательные;
- «имплицитные».

Конституционные полномочия. Уже по наименованию видно, что речь идет о полномочиях, закрепленных в Конституции РФ, хотя и с разной степенью конкретности. Здесь нет особых теоретических проблем. Однако при реализации этих полномочий огромную роль играет то обстоятельство, что их реализует именно глава государства, за которым закреплены такие широкие функции, как гарантирование Конституции, прав и свобод человека и гражда-

[17] Разумеется, здесь не рассматривается вариант, при котором глава государства, воспользовавшись своим статусом Верховного Главнокомандующего, вводит в стране чрезвычайное или военное положение для установления собственной диктатуры. Это уже не относится к области конституционного права и права вообще.

нина, охрана государственной целостности, независимости страны, обеспечение согласованного функционирования органов власти. И данное обстоятельство обусловливает зыбкость реальных границ полномочий, побуждает главу государства вторгаться в спорные области компетенции либо легализовать дополнительные полномочия под предлогом того, что это является конкретизацией его конституционно закрепленных функций и полномочий. Вопрос в том, что и как противостоит и противостоит ли такому вторжению. Я попытаюсь в дальнейшем доказать, что, хотя формально и существуют возможности для противостояния, при системном взгляде можно увидеть их обречённость и, соответственно, бессмысленность, а то и опасность для «противостоящего» института.

«Скрытые» полномочия. Это полномочия, которые прямо не закреплены в Конституции, но предположительно вытекают из функций президента и ряда его конституционных полномочий. С проблемой правовой квалификации «скрытых», или «подразумеваемых», полномочий в России впервые столкнулся Конституционный Суд РФ, рассматривая летом 1995 года дело о конституционности актов, на основе которых начались вооруженные действия федеральных властей в Чеченской Республике[18]. В тексте самого Постановления КС РФ от 31 июля 1995 года не применяется понятие «скрытые» полномочия, но говорится следующее: «…из Конституции Российской Федерации **не следует, что обеспечение государственной целостности и конституционного порядка в экстраординарных ситуациях может быть осуществлено исключительно путем введения чрезвычайного или военного положения**. Конституция Российской Федерации определяет вместе с тем, что Президент Российской Федерации действует в установленном Конституцией порядке. Для случаев, когда этот порядок не детализирован, а также **в отношении полномочий, не перечисленных в статьях 83–89 Конституции Российской Федерации, их общие рамки определяются принципом разделения властей** (статья 10 Конституции) и требованием статьи 90 (часть 3) Конституции, согласно которому **указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции и законам Российской Федерации**».

Таким образом, Суд не увидел противоречия Конституции в том, что Президент РФ не объявил в Чеченской Республике чрезвычайное положение, а обязал соответствующие органы и структуры осуществить меры по наведению конституционного порядка, т.е. применил полномочия, прямо не закрепленные в Конституции. При этом Суд ввёл два условия, легитимирующих применение «скрытых» полномочий: а) ограниченность рамками принципа разделения властей (фактически речь идет о том, что такие полномочия должны логически вытекать из функционального предназначения данного института и не затрагивать компетенцию других институтов); б) отсутствие противоречия Конституции РФ и федеральным законам.

Однако не все конституционные судьи поддержали такую концепцию. Вслед постановлению было высказано беспрецедентно много особых мнений – семь, и в большинстве из них речь шла о несогласии либо вообще с легитимацией «скрытых» полномочий, либо с их легитимацией ad hoc. Приведу три особых мнения.

---

[18] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 2137 "О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики", Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 "О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне Осетино-Ингушского конфликта", Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 1360 "Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа", Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 года № 1833 "Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации"».

Н.В. Витрук написал: «Институт "скрытых (подразумеваемых)" полномочий органов государственной власти известен мировой конституционной практике, однако он используется **с достаточной степенью осторожности** и лишь в целях обеспечения эффективного действия принципа разделения властей, системы сдержек и противовесов с тем, чтобы не допустить произвольного усиления одной ветви власти за счет другой. Признание существования "скрытых (подразумеваемых)" полномочий Президента Российской Федерации в условиях действия только что принятой федеральной Конституции и писаных законов, конкретизирующих нормы Конституции, означает **неправомерное расширение полномочий Президента как главы государства за счет полномочий федерального парламента и федерального правительства**».

Еще более резко высказался В.Д. Зорькин: «Суд не исследовал **формат чеченских событий и не соотнес качество случившегося с уровнем принятых мер**[19]. Апелляция к скрытым полномочиям всегда опасна. Ни разгул банд, ни интервенция такой апелляции не оправдывает, а то, что ее оправдывает (т.е. сложно построенный мятеж), нам не доказано и Судом не выявлено. И если мы это примем сегодня, то **завтра для использования так называемых скрытых полномочий окажется достаточно ничтожных поводов, может быть разбитых витрин универмага**. А это путь не к господству права и закона, а к произволу и тирании. Этого допустить нельзя».

Б.С. Эбзеев вообще отрицает возможность таких полномочий, говоря: «Действующая Конституция Российской Федерации **не предусматривает появления в периоды кризисов исключительных, или скрытых, полномочий главы Российского государства на основе надпозитивного права государственной необходимости**. Согласно части 2 статьи 80 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности не по личному усмотрению, а в установленном Конституцией Российской Федерации порядке».

Интересно, что дискуссия о «скрытых» полномочиях не завершилась данным делом. В 1996 году Конституционный Суд РФ рассматривал другой Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина (тут существенно, что именно Ельцина), согласно которому устанавливалась возможность *временного* назначения Президентом РФ глав администраций (губернаторов)[20]. Кстати, тогда Суд признал конституционным право президента назначать их лишь до принятия соответствующего законодательства и проведения выборов в регионах, подчеркнув *принципиальную необходимость избрания губернаторов*. Однако судья В.О. Лучин вновь выразил особое, причем эмоционально окрашенное, мнение: «Президент присвоил себе не только право назначать глав администраций субъектов Федерации, но также право разрешать или запрещать проведение выборов глав администраций. Таким образом, Президент сам устанавливает свои полномочия по принципу: "Своя рука – владыка". **Эта "саморегуляция", не ведающая каких-либо ограничений, опасна и несовместима с принципом разделения властей, иными ценностями правового государства.** Президент не может решать какие-либо вопросы, если это не вытекает из его полномочий, предусмотренных Конституцией. **Он не может опираться и на так называемые "скрытые (подразумеваемые)" полномочия.** Использо-

[19] Возможно, не было бы и самого запроса в КС РФ по «чеченскому делу» или его рассмотрение не вызвало бы таких противоречивых позиций, если бы удалось восстановить конституционный порядок в Чеченской Республике действительно «двумя батальонами», как обещал тогдашний министр обороны. – *М.К.*

[20] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 года № 1969 "О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации" и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом».

вание их в отсутствие стабильного конституционного правопорядка и законности чревато негативными последствиями: ослаблением механизма сдержек и противовесов, усилением одной ветви власти за счет другой, возникновением конфронтации между ними».

Почему я сделал акцент на фамилии президента? Не потому, что хочу обвинить кого-то в обусловленности негативной позиции личной или/и идейной неприязнью к первому Президенту РФ, отягощаемой событиями 1993 года. Акцентирую только потому, что сама политическая ситуация середины 1990-х годов не могла не довлеть над судьями, высказавшими особые мнения. Отсюда расплывчатость, субъективизм некоторых их правовых аргументов. Таких как «отсутствие стабильного конституционного правопорядка», «формат чеченских событий», «достаточная степень осторожности» и проч. А ведь такая расплывчатость позволяет и прямо противоположно, т.е. положительно, оценивать действия любого другого президента по применению «скрытых» полномочий, в зависимости от общей социальной и политической ситуации.

Названное выше решение Конституционного Суда 1995 года вполне обоснованно с правовой точки зрения. Ведь возлагая на президента, как главу государства, такие фундаментальные задачи, как обеспечение стабильного функционирования всего государственного организма, всей системы управления страной, охрана демократической правовой федеративной государственности, Конституция не могла предусмотреть, какие именно меры глава государства должен применить в той или иной ситуации. Ни один правовой акт не способен описать все разнообразие публично-правовой жизни. Если бы восторжествовала догматическая концепция, предписывающая следовать принципу исчерпывающего конституционного перечня полномочий, появилась бы опасность, что могут пострадать более приоритетные ценности, коими являются «человек, его права и свободы», «независимость, целостность государства», «конституционный строй».

В конце концов, глава государства в смешанной форме правления является и должен являться отнюдь не только представительским институтом, а значит должен обладать веером правовых возможностей для выполнения своей главной задачи – охраны государственности во всех ее ипостасях. Замечу, что возможность реализации такой сверхзадачи главы государства без регуляции методов её решения закреплена, например, в Конституции Франции, являющей собой ныне классический образец смешанной модели. В её ст. 16 сказано: «Когда институты Республики, независимость нации, целостность ее территории оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных публичных органов прекращено, Президент Республики **принимает меры, которые диктуются этими обстоятельствами**, после официальной консультации с Премьер-министром, председателями палат, а также Конституционным советом». Тут стоит обратить внимание на то, что Конституция обязывает Президента Франции и в кризисных ситуациях советоваться с руководителями основных государственных органов, пусть и без указания процедуры.

Законодательные полномочия. Так я назвал полномочия, которые впрямую не указаны в Конституции РФ, но *дополнительно* предоставляются президенту в федеральных законах. Некоторые из такого рода полномочий начали появляться ещё в эпоху первого Президента России. Для примера упомяну ФКЗ от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», в ст. 32 которого сказано, что «Президент Российской Федерации руководит непосредственно и через федеральных министров деятельностью» некоторых федеральных органов исполнительной власти. Имеются в виду МИД, Минобороны, МВД, Минюст, ФСБ и т.п. Но «расцвела» практика наделения такими полномочиями в эпоху второго президента[21]. Видимо, конституционные судьи в середине девяностых не могли представить

[21] Наиболее известные среди них полномочия: увольнять от должности глав субъектов РФ, в том числе за утерю доверия; представлять кандидатуры для назначения на должности председателя и заместителя председа-

себе, что настанет время, когда для президента не составит никакого труда проводить даже сомнительные с конституционно-правовой точки зрения инициативы через Федеральное Собрание, легитимируя свои дополнительные полномочия посредством законов. А с формально-юридической точки зрения это должно считаться уже не «скрытыми» полномочиями, а осуществлением функций Президента РФ «в установленном порядке». Ведь «скрытые» полномочия, как можно понять из решений КС РФ и особых мнений судей, представляют собой полномочия, которыми глава государства *наделяет себя своими же актами и/или реализует de facto, явочным порядком,* и к тому же они не являются дополнительными.

Таким образом, дискуссия о «скрытых» полномочиях ныне явно потеряла свою остроту и вообще актуальность… Надеюсь, не навсегда, ибо сама такая дискуссия является индикатором наличия хоть какой-то политико-правовой жизни.

Конечно, образ демократии ни политически, ни эстетически не вяжется с нынешней скоростью и стопроцентной вероятностью «проходимости» в парламенте президентских законодательных инициатив, кстати, касающихся не только его собственных полномочий. Однако не следует на основе этого выстраивать систему доказательств вредности и опасности самих законодательных полномочий. Здесь применима та же аргументация, что приводилась по отношению к «скрытым» полномочиям: дело не в самих законодательных полномочиях, а в политических условиях, в которых они появляются и реализуются.

В конкурентной политической среде, в условиях сбалансированной системы сдержек и противовесов далеко не любая законодательная инициатива главы государства «обречена на успех».

Тут действует все тот же политический маятник: при одной расстановке политических сил маятник качнется, скажем, в сторону большей централизации полномочий, при другой – в сторону децентрализации. Однако при нормальной системе демократии эти отклонения обычно не пугают ни общество, ни элиту, поскольку сама конструкция, гарантирующая от монополизации власти, остается в неприкосновенности.

«Имплицитные» полномочия. Автор долго перебирал варианты условного наименования полномочий, которые никак не регулируются ни в Конституции РФ, ни в законах, ни в указах и распоряжениях самого главы государства, но проявляются в повседневных его решениях и действиях. Можно было бы назвать эти полномочия «скрытыми», если бы термин не был уже занят, поскольку именно он более всего подходит к полномочиям, о которых я хочу сказать, ведь они действительно скрыты от общества, а часто скрыты и их ближайшие последствия. Пришлось остановиться на термине «имплицитность», т.е. неявность, подразумеваемость. Действительно, это самая закрытая, но едва ли не важнейшая часть президентской компетенции – именно по ней совокупный государственный аппарат и аналитическое сообщество могут судить о реальной направленности президентской деятельности, степени его аппаратной силы, пределах «свободы действий» для самой бюрократии и т.п.

Вообще, юридическая природа «имплицитных» полномочий довольно туманна. Может быть, их вообще неверно называть полномочиями, поскольку ни они сами, ни порядок их реализации никак не описаны в правовых актах. Но такой подход будет неправильным, так как речь идет об осуществлении президентской власти, причем о презюмируемом осуществлении в рамках Конституции и законодательства. При этом управленческие решения и действия президента непосредственно или опосредованно порождают правовые последствия. Полагаю, мы имеем дело с разновидностью «скрытых» полномочий. Просто в отличие от них «имплицитные» реализуются не в режиме публичности, т.е. не в указах и распоряжени-

теля Счетной палаты РФ; наконец, представлять кандидатуры для наделения их полномочиями глав исполнительной власти субъектов РФ (глав субъектов РФ).

ях, а в режиме, так сказать, аппаратном – в *поручениях* – как письменных, так и устных, *резолюциях* на документах[22], которые, впрочем, можно отнести к разновидности поручений, и *устных указаниях*, даваемых как на встречах с теми или иными должностными лицами, так и в телефонных разговорах.

Утверждение, что такие полномочия осуществляются в рамках Конституции и законодательства, повторю, является теоретической презумпцией, т.е. на деле так может и не происходить. Но в демократическом правовом государстве существуют механизмы, способные нейтрализовать правовые ошибки любого властного института, в том числе проистекающие из неверного толкования, понимания пределов собственной компетенции. Если у нас этого не происходит, то это ещё не повод считать сами «имплицитные» полномочия нелегальными.

Специфика «имплицитных» полномочий в то же время такова, что не всегда и далеко не сразу можно оценить законность их использования. Например, если Президент РФ дает какое-то устное поручение Генеральному прокурору РФ, то это вряд ли можно считать законным, учитывая теоретическую независимость прокуратуры, хотя такая независимость – вещь довольно странная, но по нашей Конституции она существует. Однако глава государства может ведь просто «предложить внимательнее разобраться с конкретным делом» и тогда формально оно вряд ли может быть сочтено незаконным, поскольку у Президента РФ есть конституционный аргумент: он является гарантом прав и свобод граждан.

Итак, правовые возможности Президента, конечно же, не безграничны, но в то же время они шире, чем если судить о них только по нормам Конституции РФ. И это опять-таки не наша специфика. Повторю: невозможно «загнать» главу государства в прокрустово ложе зафиксированных конституционных норм. Точнее, границы этих норм невозможно очертить с той же степенью определенности, какая свойственна математике (границы фигур) или физике (границы тел). Но *не обессмысливается ли при таком релятивистском выводе идея разделения властей, идея самостоятельности тех или иных публично-властных институтов, идея компетенции в целом?*

Нет! В политической и шире – социальной – модели действует иной принцип определения границ полномочий, правовых возможностей, свободы управленческих действий. Его можно сформулировать следующим образом: *границы возможностей субъекта права заканчиваются там, где начинается несогласие с такими возможностями со стороны иных субъектов права, при споре подтвержденное решением суда.*

Именно по тому, как действует данный принцип, прежде всего в отношении главы государства, и действует ли он вообще, можно судить о степени реальности конституционной характеристики России как правового государства. Поэтому наша политическая проблема, еще раз повторю, не в наличии иных полномочий Президента РФ, формально находящихся за рамками конституционных полномочий, а фактически – вытекающих из них. *Проблема в том, что о своем несогласии властные институты не заявляют, а если заявляют, то их несогласие, как и институтов гражданских, остается втуне.*

У автора есть гипотеза о причинах такого явления.

Институциональную причину персонализма, монополизации реальной власти в руках одного института и объективно вытекающей из этого ограниченности представительства следует искать в том, что *Президент РФ конституционно наделяется второй фундамен-*

[22] Резолюция может иметь как вид прямого указания совершить конкретное действие (например, «прошу рассмотреть») или словесного выражения позиции (например, «одобряю»), так и вид символический (например, крестик, галочка или восклицательный знак рядом с чьей-то просьбой, предложением, фамилией и т.п.). Разумеется, ближайшему президентскому окружению такие символы должны быть понятны, дабы они могли перевести их на язык конкретных поручений или сами предпринять некие действия.

тальной ролью – активного политического актора («игрока»), и при этом актора доминирующего.

Президент как политический актор

Институт российского президента так конституционно обустроен, что он *объективно понуждается вести политическую борьбу* на стороне одной из политических сил, неважно, оформленной или не оформленной как партия, т.е. из субъекта *policy* Президент РФ превращается в субъекта *politics*. Таким образом, «арбитр» становится одновременно «игроком».

Чтобы показать особенности нашего устройства, целесообразно в табличном виде сравнить «политические» полномочия президентов разных государств со смешанной моделью[23]. Замечу, что в таблицу попали также полномочия, о которых говорилось выше, прежде всего кадровые, и которые предопределяют перекос в системе сдержек и противовесов лишь в совокупности с другими, в зависимости от того, какими условиями оговорена реализация таких полномочий.

Взаимоотношения президента с парламентом и правительством по вопросам формирования и роспуска (отставки) последних

Страна и год принятия Конституции	Формирование кабинета министров	Основания для отставки премьер-министра (правительства), помимо добровольной отставки	Основания для роспуска парламента (нижней палаты)
(i) БОЛГАРИЯ (1991)	После консультаций с парламентскими группами президент поручает кандидату в министры-председатели, рекомендованному наибольшей по численности парламентской группой, составить правительство. После этого (если кабинет составлен) предлагает Народному собранию избрать кандидата министром-председателем. Народное собрание производит изменения в правительстве по предложению министра-председателя	1. При вотуме недоверия. 2. Если вотум о доверии не набирает необходимого большинства. 3. В случае смерти главы кабинета. 4. При избрании нового состава Народного собрания	Роспуск не предусмотрен
	Президент назначает мандатария для определения состава правительства, т.е. вручает мандат на формирование кабинета кандидату партии или партий, набравших большинство в Собрании.	1. При вотуме недоверия. 2. В случае смерти главы кабинета или его стойкой неспособности выполнять полномочия. 3. При избрании нового состава Собрания	Распускается по собственному решению Собрания

[23] Автор использовал, в несколько измененном виде, таблицу, которая была опубликована в работе: Краснов М.А. Россия как полупрезидентская республика: проблемы баланса полномочий (опыт сравнительно-правового анализа)» // Государство и право. – 2003. – № 10.

(II) МАКЕДОНИЯ (1991)	По предложению мандатария Собрание избирает правительство		
(III) ПОРТУГАЛИЯ (1976)	Президент назначает премьер-министра после консультаций с партиями, представленными в Ассамблее Республики, и с учетом результатов выборов. Президент назначает членов правительства по предложению премьер-министра, освобождает министров от должности	1. При «начале новой легислатуры», т.е. при избрании нового состава Ассамблеи Республики. 2. При смерти или длительной неспособности Премьер-министра исполнять свои полномочия. 3. При отклонении парламентом программы правительства. 4. При отсутствии вотума доверия. 6. При одобрении резолюции порицания абсолютным большинством депутатов	Для роспуска Ассамблеи Республики президент должен заслушать «мнение представленных в ней партий» и Государственного совета (политического совещательного органа при президенте)
(IV) РОССИЯ (1993)	Президент представляет Государственной Думе кандидатуру председателя правительства и при согласии назначает его. По предложению премьера назначает и освобождает от должности министров и вице-премьеров	1. При избрании нового президента. 2. По решению президента без всяких условий. 3. При повторном вынесении вотума недоверия (президент выбирает между отставкой правительства и роспуском Думы). 4. При отказе в доверии по инициативе премьера (президент выбирает между отставкой правительства и роспуском Думы)	Распускается президентом: 1) после трехкратного отклонения Госдумой кандидатуры председателя правительства; 2) после повторного вынесения вотума недоверия (президент выбирает между отставкой правительства и роспуском Думы); 3) После отказа в доверии по инициативе премьера (президент выбирает между отставкой правительства и роспуском Думы)
(V) СЛОВЕНИЯ (1991)	Президент после консультаций с лидерами фракций в Государственном собрании предлагает нижней палате кандидатуру премьера. Если кандидатура не набирает нужного большинства, прези-	1. При вынесении вотума недоверия, в том числе после обсуждения интерпелляции. 2. Если премьер был избран на повторных выборах в Госсобрании, но по-	Распускается президентом: 1) если ни одна кандидатура на должность премьера, в том числе на повторных выборах в Государ-

	дент проводит повторные консультации и предлагает ту же или другую кандидатуру. Кандидатуры в этом случае могут предлагать также фракции и депутатские группы. Если и в этом случае премьер не избран, Госсобрание может принять решение о проведении в течение 48 часов повторных выборов, причем при пониженном кворуме. Министры назначаются и смещаются Госсобранием по предложению главы кабинета	следнее избирает затем нового премьера. В этом случае считается, что прежний премьер получил вотум недоверия. 3. При отказе в доверии по инициативе премьера, если после этого Госсобрание в течение 30 дней изберет нового премьера. 4. При избрании нового состава Государственного собрания	ственном собрании, не наберет нужного числа голосов; 2) если Госсобрание, отказав в доверии по инициативе премьера, в течение 30 дней не избрало нового премьера или не выразило доверия действующему премьеру
(VI) ФРАНЦИЯ (1958)	Президент назначает премьер-министра без всякого официального согласования с кем бы то ни было. Президент назначает и увольняет министров по представлению премьер-министра	Правительство уходит в отставку (премьер-министр обязан вручить президенту заявление об отставке), если Национальное собрание (нижняя палата): 1) примет резолюцию порицания (вынесет вотум недоверия); 2) не одобрит программу или общеполитическую декларацию правительства	Распускается президентом после консультаций с премьер-министром и председателями палат
(VII) ХОРВАТИЯ (1990)	Президент назначает и освобождает от должности председателя правительства, по его представлению назначает и освобождает членов правительства. Спустя 15 дней с момента назначения премьер представляет правительство Палате представителей (нижней) и ставит вопрос о доверии правительству. Назначение председателя и членов кабинета считается одобренным при получении вотума доверия	1. При выражении недоверия председателю правительства или правительству в целом (по выбору президента между отставкой кабинета и роспуском нижней палаты). 2. Премьер может подать президенту заявление об отставке, если выражено недоверие отдельному члену правительству	Распускается президентом, если Палата представителей: 1) выразила недоверие правительству (президент выбирает между отставкой кабинета и роспуском нижней палаты); 2) не приняла госбюджет в течение месяца. В обоих случаях президент принимает решение по предложению правительства и при наличии контрасигнатуры его председателя, а также после консультаций с председателем Палаты представителей

Что же следует из сопоставления данных, представленных в таблице, т.е. чем принципиально отличается российская версия модели смешанной, т.е. полупрезидентской, республики?

У нас нет конституционных рычагов, обеспечивающих зависимость формирования правительства (кабинета), а на самом деле – политического курса от результатов парламентских выборов. Если такой зависимости нет, то теряют смысл и сами эти выборы, и публичный смысл существования партий, у которых не создаются мотивы для развития. В итоге невозможна политическая конкуренция, представляющая собой движитель демократии.

Из таблицы видно, что полупрезидентские республики Европы озаботились либо вообще недопущением роли президента как активного политического актора, либо сведением этой роли к сбалансированному минимуму. В одних странах (например, Португалия, Македония) президенту прямо предписано формировать правительство на основе итогов парламентских выборов; в других предусмотрены более тонкие механизмы, как в Хорватии или Польше, где почти сразу должно быть проведено голосование о доверии кабинету; в третьих всего этого нет, как во Франции, где даже не требуется согласия нижней палаты для назначения премьера, зато рычаги для отставки правительства находятся в руках либо премьер-министра, либо нижней палаты. И это не говоря уже о других полномочиях премьера, например его праве активно участвовать в принятии законов, обязанности контрасигновать некоторые акты президента и т.д.

На это можно возразить следующее: поскольку нормально, что в разных странах существуют разновидности смешанной модели, недопустимо говорить о том, что Россия со своей модификацией стоит особняком. Просто *наша* Конституция построена с учетом *нашей* исторической и культурной специфики, и эта специфика выразилась в «утяжелении» политического веса президента.

Чтобы понять, идет ли речь о российской специфике демократии или всё-таки об органическом пороке, нужно проанализировать не то, насколько собственные полномочия президента превращают его, по сути, в единственную политическую фигуру, а то, насколько другие властные институты могут правовым образом противостоять такому превращению, или, иными словами, почему они не выражают своего несогласия.

Выдвину гипотезу: институционально у других институтов нет достаточных сдержек и противовесов относительно президентских прерогатив. Поэтому им остаётся либо признать единовластие президента, либо, при его малой популярности, лишь демонстрировать свою оппозиционность. Они практически не влияют или влияют в минимальной степени на реальную политику, а в периоды охватываемого их отчаяния пытаются запустить конституционные механизмы, предназначенные совсем для иных целей. Такова была, например, попытка отрешения от должности президента Б.Н. Ельцина в 1998 году, когда политические претензии были натянуты на формулы уголовного обвинения.

Чтобы проверить эту гипотезу, зададимся вопросом: *способна ли политическая партия, получившая большинство мест в Государственной Думе, сформировать своё партийное (коалиционное) правительство? А если нет, то что этому препятствует?*

Смоделируем политическую ситуацию. Представим себе, что на очередных парламентских выборах, т.е. выборах в Государственную Думу, большинство получает партия Z. Чтобы модель получилась более рельефной и в то же время реалистичной, вообразим, что эта партия отстаивает изоляционистскую экономическую политику, милитаризацию экономики,

деприватизацию (национализацию) крупных и средних предприятий и т. д. в том же духе. А для характеристики политического лица президента Q возьмем за основу хотя и противоречивую, но в целом рыночную экономическую политику нынешнего Президента РФ. Допустим также, что Президент РФ собирается реализовать идею правительства парламентского большинства (тем более что это соответствует мотивам установления полностью пропорциональной избирательной системы).

Итак, в полном соответствии с Конституцией РФ, президент Q представляет Думе кандидатуру председателя правительства, рекомендованную партией Z. Хотя у нас конституционно не предусмотрены политические консультации по этому поводу, ничто не мешает президенту их провести с руководством соответствующей фракции. Правда, в моделируемой ситуации президенту придётся сначала отправить в отставку действующее правительство, которое и не думало реагировать на парламентские выборы, поскольку согласно ст. 116 Конституции Правительство РФ слагает свои полномочия вовсе не перед новой Думой, а перед вновь избранным президентом. Но, допустим, ради новой традиции президент идёт на такую отставку и предлагает кандидатуру премьера из парламентского большинства.

Вопрос в том, сможет ли такой кабинет реализовывать социально-экономическую программу или хотя бы следовать лозунгам, выдвинутым партией Z, ставшей правящей, а следовательно возьмёт ли эта партия на себя реальную политическую ответственность за проведение соответствующего курса? Или партия удовольствуется моральным призом, усадив своих представителей в министерские кресла, но оставив их полностью послушными воле главы государства?

Будем исходить из варианта принципиальной позиции: представители партии Z в исполнительной власти решили проводить свою партийную программу. Опираясь на парламентское большинство, правительство инициирует антирыночные законы и самостоятельно принимает в том же духе собственные постановления и распоряжения. Может ли, опираясь на Конституцию РФ, что-то противопоставить этому президент Q? Может! Причём без особых политических усилий, ибо для этого у него имеется огромный арсенал средств, которым, в свою очередь, ничто не противостоит.

Прежде всего, нужно напомнить, что в нашей Конституции есть весьма странное положение, согласно которому Президент РФ *определяет основные направления внутренней и внешней политики* (ч. 3 ст. 80 и п. «е» ст. 84). Такого полномочия не только нет в конституциях европейских стран, кроме некоторых на пространстве СНГ, но и не может быть. Ведь даже чисто логически это полномочие не укладывается в принцип разделения властей, ибо последний предполагает, что уж в чём-чём, а в определении политики участвуют как минимум все легально представленные политические силы. Данное полномочие было попросту заимствовано из Конституции РСФСР – РФ. Таким полномочием обладал Съезд народных депутатов, что закономерно, ибо данное полномочие характерно именно для советского типа власти.

На это могут ответить, что Президент РФ не входит в систему разделения властей, что пусть он, как глава государства, определяет основные направления, а в их рамках ветви власти «конкурируют» между собой. Эти аргументы несостоятельны. Если речь идет об определении направлений политики во всех сферах, это уже есть партийность, пусть и не оформленная. Кроме того, что такое «определение основных направлений политики», коль скоро кандидат, ставший президентом, уже объявил о своих политических приоритетах? Ему остаётся лишь повторять их? А если президент меняет направления политики, значит, он попросту обманул избирателей. Конечно, в России не так все прямолинейно. У нас и кандидат в президенты может не объявлять о своих приоритетах, ограничившись лозунгами, и президент может поменять приоритеты, сознавая, что его «и так любит большинство». Всё так. Но

я как раз и веду речь о том, что такая аномалия страшна для государства, ибо создаёт под ним пороховую бочку с наклейкой «непредсказуемость».

Разумеется, к данному полномочию можно относиться как к пропагандистскому «украшению». Главным образом, потому, что, если сравнивать послания Президента РФ Федеральному Собранию, а именно в этой форме публично оглашаются основные направления, с бюджетными приоритетами, нетрудно заметить, насколько они расходятся. Не случайно ещё в середине 1990-х годов появился такой не предусмотренный Конституцией жанр, как бюджетные послания президента, даже формально расходившиеся с основными посланиями. Да, само по себе полномочие определения политики осталось бы «украшением», если бы не подкреплялось целой системой президентских рычагов, делающих такое полномочие вполне весомым. Сначала перечислю, так сказать, «технические» рычаги.

Во-первых, Президент РФ вправе отменять постановления и распоряжения Правительства РФ (ч. 3 ст. 115), причём по мотивам их несоответствия не только Конституции РФ и федеральным законам, но и указам самого президента.

Во-вторых, президент в соответствии с ФКЗ о Правительстве РФ непосредственно руководит рядом министерств и других федеральных органов исполнительной власти.

В-третьих, Правительство РФ обязано издавать постановления и распоряжения на основании и во исполнение не только Конституции РФ и федеральных законов, но и нормативных указов Президента РФ (ч. 1 ст. 115).

В-четвертых, премьер определяет основные направления деятельности Правительства РФ опять-таки в соответствии не только с Конституцией, федеральными законами, но и с указами президента (ст. 113).

В-пятых, президент утверждает структуру федеральных органов исполнительной власти (ч. 1 ст. 112), а фактически и их систему[24], хотя формально он вправе это делать по представлению председателя правительства, как, впрочем, и назначать министров.

В-шестых, президент вправе председательствовать на заседаниях правительства.

Разумеется, не все перечисленные полномочия обусловливают дисбаланс властных прерогатив в нашей конструкции. Например, президент Франции по должности председательствует на заседаниях правительства. Однако есть и принципиально важные президентские рычаги в отношении исполнительной власти. Равно как и в отношении власти законодательной.

Итак, что должен делать Президент РФ, видя, что правительство проводит курс, расходящийся с определёнными им направлениями политики? Конечно, есть различия и различия. Я взял для модели, возможно, крайнюю ситуацию, намекая на программные положения нынешних коммунистов. Но взял-то не из любви к экзотике, а в силу нашей с вами реальности. Ведь что мы видим в парламенте? Партию бюрократии, что, конечно, не означает отсутствия у её отдельных членов некоторых убеждений, партию советской ностальгии и партию нездорового национализма. Как тут не вспомнить И.А. Ильина, еще в 1938 году предрекавшего: «Напрасно думать, что революция готовит в России буржуазную демократию. Буржуазная особь подорвана у нас революцией (большевистской. – *М.К.*); мы получим в наследство пролетаризованную особь, измученную, ожесточённую и деморализованную»[25].

Вспомнил я эти слова потому, что ещё раз хочу подчеркнуть: отнюдь не в «матрице» наша драма, а в непосредственно предшествовавшей эпохе, влияние которой следует учиты-

[24] Именно таковы два указа Президента РФ (от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» и от 20 мая 2004 г. № 649 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти»), установившие трёхвидовую систему органов.

[25] Ильин И.А. Основы государственного устройства. Проект Основного закона Российской Империи. – М., 1996. – С. 45–46.

вать, в том числе и путём соответствующей институализации власти. О таком учёте не думали, точнее, думали с противоположным знаком: сохранить некоторые советские конструкции, стереотипы и кадровый состав, но совместить их с технократически понимаемым либерализмом, забыв о «пролетаризированной особи». Потому и столкнулись с невозможностью идентифицировать существующий в России строй и с соответствующей этой невозможности причудливой картиной общественного сознания…

Вернёмся к развилке, перед которой стоит президент Q, решивший перейти к кабинету парламентского большинства. Президент, конечно, может обратиться к народу и сказать: «Раз большинство избирателей проголосовали за партию Z, то и получайте политику этой партии. Я, как гарант Конституции, конечно, не позволю им вернуть советскую власть, но и не буду влиять на политику правительства, чтобы вы на следующих парламентских выборах сами решили, устраивает ли вас такая политика». Но ведь тогда, во-первых, президента Q можно будет упрекнуть в нарушении Конституции РФ, сказав, что он не исполняет некоторые из своих полномочий. Равным образом, конституционные претензии могут быть предъявлены и к правительству, в частности за то, что оно не следует определённым президентом направлениям политики. А во-вторых, народ, среди которого не только электорат партии Z, просто не поймет «исторического замысла» президента и справедливо упрекнёт его в бесхарактерности, слабости, невыполнении своих обещаний. Такому президенту на следующих выборах, если речь идет о первом сроке, «не светит» переизбрание, а если речь идет о второй легислатуре, он не будет иметь ресурса для поддержки «продолжателя своего дела».

Поэтому ни один здравомыслящий президент в существующей конструкции власти не пойдет на согласие не только с правительством, проводящим политику, которая в корне отличается от президентских направлений, но и с любым правительством, чье мнение хотя бы на йоту формально расходится с мнением президента. Поэтому глава государства вправе будет сказать: «За *меня* проголосовало также большинство избирателей. *Я* определяю основные направления внутренней и внешней политики. *Я* несу ответственность за… («за всё», как говорит президент В.В. Путин). Поэтому я отправляю такое правительство в отставку».

В европейских государствах со смешанной моделью даже при институционально большом политическом весе президента последний не может отправить в отставку кабинет просто потому, что тот его не устраивает. В *табл. 2* можно видеть, какими условиями обставляется правительственная отставка. Условия разные, но это конкретные условия: главным образом, несогласие большинства депутатов с правительственной программой, проектом бюджета или курсом в целом. У нас же *отставка правительства по воле президента возможна вообще без всяких мотивов* (п. «в» ст. 83 и ч. 2 ст. 117), не исключена даже отставка вполне лояльного президенту кабинета. Отставки практически всех кабинетов начиная с марта 1998 года, за исключением, пожалуй, лишь отставки правительства С.В. Кириенко после дефолта, обоими президентами так и производились – без всякого видимого повода. Особенно «забавно» смотрится такая отставка, когда президент, объявляя о ней, говорит, что в целом доволен работой правительства. И эта *свобода мотивов отставки правительства* – вторая существенная особенность статуса российского президента, работающая на формирование персоналистского режима.

Итак, правительство отправлено в отставку. И при этом никто официально возразить не может. Всё – в полном соответствии с Конституцией. Однако ведь перед президентом Q остаётся, казалось бы, труднейшая задача – *как в условиях большинства в Думе его идейных противников провести через такую Думу (получить согласие на назначение) кандидатуру нового премьера.* У президента, конечно, есть вариант предложить партийному большинству выдвинуть для назначения президентом фигуру другого председателя правительства. Но такой вариант маловероятен, ибо политически бессмыслен: поскольку вопрос не в неспособно-

сти премьера организовать работу, а *в иной политике к*абинета, вновь будет предложена кандидатура, заведомо не подходящая президенту. Таким образом, он приходит к необходимости сформировать не просто идейно близкое, а полностью послушное ему правительство.

Спрашивается: почему же тогда сегодня президент не спешит составлять партийное правительство из собственных послушнейших партийцев-чиновников? Остаётся лишь догадываться: то ли стыдно так откровенно превращать «партию власти» в «правящую партию» (смеяться будут), то ли нужна свобода рук для политических назначений, то ли ещё какой мотив. Но это и неважно. Серьёзно анализировать нынешнюю ситуацию – значит соглашаться с тем, что демократия с её сдержками-противовесами, процедурами, реальными политическими консультациями, уважением оппонентов, гарантиями прав меньшинства и проч. и проч. существует, но только с национальными особенностями.

Нет никаких особенностей! Ибо без политической конкуренции нет самой демократии.

Само же отсутствие политических конкурентов обусловлено отнюдь не нежеланием их иметь. Нежелание, конечно, есть, как есть оно у правящих во всем мире. Вот только при демократии это желание прячут куда-нибудь подальше, ибо осуществиться оно не может, а политической карьере навредит. Вопрос в другом: почему такое нежелание у российского правящего класса вполне продуктивно? Для ответа на этот вопрос вернусь к моделированию ситуации, при которой думское большинство завоёвывает партия, идейно чуждая президенту Q.

Как поведёт себя Дума (думское большинство), униженная отнятой у нее возможностью сформировать правительство парламентского большинства? Теоретически у Думы есть несколько конституционных «линий обороны», но для президента все они конституционно преодолимы.

Линия первая. Дума отказывает в назначении нового премьера, не представляющего уже парламентского большинства**,** но тем самым она подписывает себе «смертный приговор», поскольку третий отказ означает её обязательный роспуск (ч. 4 ст. 111). Для системы сдержек и противовесов это нонсенс, ибо тем самым Конституция открыто и заведомо победителем «назначает» президента. Разумеется, принципиальные депутаты из партии большинства могут пойти и на роспуск. Но, во-первых, наша политическая культура за советский период опустилась до такого уровня, что ожидать подобной принципиальности не приходится. Не случайно даже при оппозиционной в целом президенту Ельцину Думе ни одна кандидатура премьера не стала поводом для роспуска. Проходят все! Во-вторых, такое «самопожертвование» имеет смысл, когда досрочные выборы могут привести к иной политической ситуации. А у нас, если даже большинство ещё больше укрепит свои позиции после новых выборов или объединится с другой партией в коалицию, для президента это не будет иметь большого значения, ибо ему ничто не помешает точно так же поступить и с новой Думой. Правда, такое развитие событий чревато обширным политическим кризисом, напоминающим кризис 1992–1993 годов, когда каждый из институтов власти сможет апеллировать к примерно равной доле общества. Но это лишь демонстрирует, что действующая конструкция опасна не только тем, что формирует персоналистский режим, но и тем, что конституционно не предусматривает модели выхода из кризиса[26].

Линия вторая. Дума, дав согласие на назначение председателя правительства, заведомо формируемого не на партийной основе, во всяком случае без учёта итогов парламентских выборов, обладает конституционным правом выразить недоверие (отказать в доверии) пра-

[26] На это указывал В.Л. Шейнис еще до голосования по Конституции РФ, предлагая «затруднить эту чрезвычайную президентскую акцию, введя, допустим, положение, по которому должны быть одновременно или через короткий срок назначены новые выборы президента, если роспуск Думы осуществляется вторично» (Шейнис В.Л. Новый Основной закон: за и против // Независимая газета. – 1993. – 9 дек.).

вительству. Сдержка, противовес? Да, безусловно. Ведь таким способом нижняя палата может сказать президенту: «Такое правительство мы поддерживать не будем, никакие его законопроекты принимать не будем. Поэтому вам, г-н президент, лучше сформировать кабинет из победителей». Но почему же процедура вотума недоверия (отказа в доверия) ни разу даже не была доведена до конца?

Да всё по тем же институциональным причинам. Ведь Президент РФ вовсе не обязан, в отличие от президентов других стран, отправлять в отставку кабинет, пусть даже не имеющий политической поддержки в нижней палате парламента или такую поддержку потерявший. Вместо этого глава государства после первого выражения недоверия в соответствии с ч. 3 ст. 117 сначала «включает процесс примирения», т.е. показывает, что не согласен с мнением Думы и даёт ей время «одуматься». А уж если через три месяца (кстати, почему три? не слишком ли долгий срок для выхода из кризиса?) может отправить такое правительство в отставку… или распустить Думу. И все прекрасно понимают, что для президента естественнее второе, ибо правительство-то его, президентское.

Таким образом, и вотум недоверия есть не более чем «гильотина» для депутатов. Учитывая, что партия, даже получившая большинство мест в Думе, всё равно не сможет, как мы выяснили, сформировать правительство, зачем, спрашивается, вновь собирать деньги на выборы, мучаться с регистрацией и агитацией, опасаться включения административного ресурса, тем более от разгневанного президента? Не спокойнее ли сохранить те депутатские должности в комитетах и в руководстве Думы, что уже есть? Никто не заинтересован в такого рода потрясениях, поэтому у нас угроза вотума и является, с одной стороны, пропагандистской акцией для избирателей, а с другой – предметом закулисного торга с президентом.

Линия третья. Дума решает посредством принятия соответствующих законов повлиять на президентский курс, а самостоятельного правительственного курса у нас, как уже сказано, быть просто не может. В эпоху Ельцина крупная коммунистическая фракция вместе с союзниками инициировала, а нередко и проталкивала законы, заведомо нереалистичные, но досаждавшие президенту и заодно представлявшие коммунистов «защитниками народа». Однако о реальном влиянии на политику при этом говорить не приходится. И всё потому, что у президента есть свои контррычаги, которых как раз нет у Думы.

Первый контррычаг – *возможность влиять на Совет Федерации*. Эта палата Федерального Собрания в соответствии с ч. 4 ст. 105 Конституции РФ имеет право отклонить принятый Думой закон. Конечно, члены Совета Федерации не обязаны следовать указаниям из президентской администрации. Но, как показывает практика, следуют. И не потому, что нынче вообще все властные институты стараются выказать свою лояльность президенту, а президентская администрация сама имеет много рычагов для контроля за «сенаторами». Теперь контроль становится системным, так как в Совете Федерации будут заседать представители, зависимые от президентских назначенцев-губернаторов. Положение принципиально не изменится, даже если «сенаторов» станет выбирать население. И при менее популярном первом президенте члены Совета Федерации прислушивались к мнению Кремля. Прежде всего, потому, что для регионов важнее мнение тех институтов, которые не «правила сочиняют», а осуществляют повседневные управленческие функции, выдают трансферты, контролируют федеральные органы на местах и т.д. А кто это, как не правительство, за которым стоит президент? Кроме того, Совет Федерации, будучи объективно палатой «регионов», оценивает тот или иной закон с позиций не столько «политических», сколько социально-экономических, поскольку большинство законов приходится реализовывать именно властям регионов.

Второй президентский контррычаг – его *право отклонять законы* (ч. 3 ст. 107). Конечно, Дума может преодолеть «вето» президента, повторно приняв тот же закон большинством не менее чем в две трети голосов от общего состава. Но, во-первых, такое большинство бы-

вает весьма трудно набрать. А во-вторых, для этого требуется ещё и одобрение отклоненного президентом закона таким же большинством Совета Федерации. Ясно, что ситуации солидарности двух палат в противостоянии президенту могут быть лишь единичными, экстраординарными.

Наконец, у президента есть *рычаги, которые не описаны в Конституции РФ*, но действуют посильнее иных конституционных и уж во всяком случае серьёзно подкрепляют конституционные полномочия главы государства.

Во-первых, президенту целиком подчиняется такая структура, как *Управление делами Президента РФ*. И хотя даже из названия этого органа исполнительной власти в статусе агентства следует, что УД должно технически обеспечивать деятельность Президента РФ, в реальности оно обязано[27] осуществлять материально-техническое обеспечение деятельности практически всех федеральных органов власти и социально-бытовое обслуживание «членов Правительства Российской Федерации, членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», а также сотрудников аппаратов этих органов. Не надо обладать особыми аналитическими способностями, чтобы понять, как разделение властей эффективно нейтрализуется благодаря обычным человеческим слабостям.

Во-вторых, в руках президента находится такой рычаг, как подчиненная ему *Федеральная служба охраны*. А в соответствии с Положением о ней[28], ФСО России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере государственной охраны, президентской, правительственной и иных видов специальной связи и информации, предоставляемых федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации и другим государственным органам. Таким образом, все эти символы аппаратного влияния целиком зависят от Президента РФ.

В-третьих, в соответствии с законодательством о государственной службе президент является фактически *главой всего российского чиновничества*. Следовательно, от президентских структур во многом зависит присвоение классных чинов служащим, работающих в разных ветвях власти, зачисление в кадровый резерв и проч.

Итак, в условиях, когда на парламентских выборах «призом» для политической партии оказывается лишь возможность захватить побольше думских портфелей, но никак не портфелей правительственных, становление реальной, а не марионеточной многопартийности, возникновение ответственных парламентских партий, способных и к самоочищению, и к реальному управлению страной, невозможно. Соответственно невозможна и политическая конкуренция, вместо которой мы имеем либо её имитацию, либо конкуренцию личных амбиций. Характерно, что до отмены региональных выборов губернаторов на них между собой зачастую соперничали представители одной и той же партии «Единая Россия».

Соединение двух сверхзадач в институте президентства искажает и такое обычное для демократии понятие, как оппозиция. В нормальных условиях, при отсутствии персоналистского режима, оппозиция выполняет две основные роли. Первая заключается в том, что оппозиционная деятельность позволяет проводить более взвешенную политику, тем самым рез-

[27] См.: Положение об Управлении делами Президента Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ от 7 августа 2000 г. № 1444 (в ред. указов Президента РФ от 12.01.2001 № 27, от 20.05.2004 № 650).

[28] Утверждено Указом Президента РФ от 7 августа 2004 г. № 1013 (в ред. указов Президента РФ от 28.12.2004 № 1627, от 22.03.2005 № 329).

ко уменьшая амплитуду политического маятника, и, соответственно, обеспечивает предсказуемость и преемственность власти. Вторая роль заключается в том, что оппозиция в условиях реального парламентаризма является основным каналом, через который общество способно контролировать исполнительную власть и государственный аппарат в целом. В наших условиях «оппозиция» либо становится сервильной, лукаво провозглашая, что она критикует правительство, а не президента, хотя самостоятельного курса у правительства быть не может; либо радикально противопоставляет себя главе государства. Но ведь президент не только определяет и осуществляет политику в разных сферах жизни, но и гарантирует основы конституционного строя, конституционный порядок. Отсюда – возможность считать участников такой оппозиционной деятельности «врагами государства», «пятой колонной», «экстремистами» и т. п., что ныне и происходит.

Вне системы политической конкуренции государственный аппарат, т.е. служащие, подпадающие под действие законодательства о государственной службе, теряет одно из своих главных свойств, необходимых для устойчивости государства и обеспечения гарантий законности, – политическую нейтральность. Аппарат вынужден, ибо вся система отношений мотивирует его к этому, служить не обществу, не стране, а соответствующему патрону. Не случайно многие эксперты говорят, что у нас служба не государственная, а, как и прежде, государева. Любопытно, кстати, что большинство чиновников искренне не понимают разницу между этими понятиями. Бóльшую часть общества и это не пугает: здесь как раз находит выражение традиционалистская логика – раз есть «главный начальник», то пусть ему и служат. Но при этом люди не учитывают, что такая служба, такая лояльность – мнимая, ибо аппарат, контролируемый «внутри властной вертикали», в реальности не только остаётся вообще без контроля, но и фактически контролирует самого президента. Последний получает информацию, препарированную аппаратом; объявляет о политических и социально-экономических приоритетах, определяемых аппаратом; вынужден полагаться на оценку эффективности решений, даваемую аппаратом. Наконец, в такой среде (в том числе в институтах государственного принуждения) аппарат попросту разлагается, поскольку коррупционные сети становятся вертикальными, захватывая все этажи государственного управления.

Институциональный персонализм неизбежно подавляет и самостоятельность судебной власти. Последняя, испытывая финансово-материальную зависимость от властвующей политической бюрократии, находясь под опосредованным давлением через судебное руководство, связанное зримыми и незримыми нитями с политическим руководством, и обладая фиктивными гарантиями от необоснованных репрессий за непослушание отдельных судей, перестаёт выполнять свою основную функцию – творение правосудия и превращается в «юридическое подспорье» политической власти.

Подводя итоги

Мои мировоззренческие единомышленники никак не могут согласиться с отстаиваемым мною выводом, что секрет консервации персоналистского режима кроется в конституционной конструкции, а не в особенностях личности лидера страны и не в особенностях нашего политического мышления. В каком-то смысле могу их понять. Нам, выросшим при отсутствии даже намека на конституционный строй[29]; видевшим, что какие-то, хоть микроскопические, изменения возможны только с приходом нового вождя, действительно непонятно,

[29] При этом многие на полном серьёзе рассуждают о том, что, мол, сталинская или брежневская конституции были вполне демократическими, вот только не соблюдались.

как может «какой-то» документ обусловить поведение политических деятелей, а тем более «самого главного деятеля». Понятно, что такой конституционный детерминизм отвергается.

Я бы и сам еще несколько лет назад отверг такие объяснения. Но, попытавшись разобраться с институциональными причинами и придя к выводу именно об их существенной, а лучше сказать – решающей роли, я могу понять, но никак не принять альтернативное объяснение того, что с нами происходит. Ибо эта альтернатива лежит в плоскости вечных и многим удобных аргументов, которыми в России всегда обставлялся страх перед её системным преображением: «не доросли», «не созрели», «народ не поймёт» и т. д. и т. п. Можно понять и этот страх: а вдруг преобразование породит хаос, а вдруг ничего не получится и при новой конструкции?

Отвечая на это, могу сказать, что, конечно же, «голый конституционный реинжиниринг» не даст ожидаемого демократического эффекта. Но речь шла только об одном аспекте преобразований – о необходимости ликвидировать условия, которые не дают вырвать Россию из горючей смеси патриархальности и постмодернизма. Только ликвидировав условия для персонализма, мы можем начать что-то выстраивать.

Ведь мы уже имеем доказательство того, что персоналистский режим в нынешних условиях объясняется отнюдь не личностными особенностями и мировоззрением лидера, а объективными условиями, в которые поставлена сама политическая система. Непредвзятый анализ показывает, что и во времена первого президента России правление, по сути, было таким же бюрократическим. Свидетельством нашей органической институциональной аномалии могут служить и крупнейшие государственные решения, принимавшиеся узкой группой политических чиновников, и внешне ничем не оправданные отставки почти всех кабинетов, и публичная непредсказуемость назначений на высшие должности в исполнительной власти, и, наконец, сам характер «передачи» президентской должности в 1999/00 году.

Конечно, та легислатура *стилистически* больше соответствовала представлениям о демократии. Но только стилистически, ибо, как и сегодня, критически настроенные в отношении президентского курса политические силы практически не допускались в «святая святых» – определение и проведение реальной политики. Как и сегодня, не было нормальной политической конкуренции. Как и сегодня, административная власть контролировала саму себя, «информационные войны» не демонстрировали влияние СМИ, а лишь оттеняли бюрократический характер контроля, ибо апелляции предназначались не для общества, а для кланов вокруг «первого лица». Как и сегодня, пусть и либерально настроенная, но всё же бюрократия готовила для президента основные вопросы «повестки дня». Да, Государственная Дума времён президента Б.Н.Ельцина не была откровенно сервильной, как нынче. Но опять-таки дело тут лишь в стилистике, а не в принципе. Тем более что и тогда предпринимались попытки превратить Думу в послушный инструмент. А их неудача объясняется иссякшим к середине девяностых политическим ресурсом президента, но никак не торжеством принципов демократии.

Вот почему настоящая работа – ещё одна попытка доказать, что *от личности главы государства и его популярности зависит лишь степень силы или слабости персоналистского режима, но не его суть.* В какие условия ставятся политики и чиновничество – такие общие результаты мы и получаем. Нынешние институциональные условия будут и впредь формировать только бюрократию.

Каков же выход? На первый взгляд, он вроде бы лежит на поверхности: *президент должен сам быть представителем какой-либо партии, и тогда политическая ответственность будет реализовываться в ходе президентских выборов*. Допустим. Хотя не случайно ни первый, ни второй президенты не хотели себя связывать членством в какой-либо партии,

позиционируясь как «президенты всех россиян», но влияя на партии из-за кулис. Что же всё-таки произойдет в таком случае?

Усугубится противоречие между двумя названными сверхзадачами президента, ибо институт, призванный к политическому арбитражу, окажется еще и формально партийным, т.е. «судья официально будет играть на стороне одной команды». Это происходит и сейчас, но не так открыто для общества. Парламентские выборы станут ещё более бессмысленными, ибо партийный мандат президенту при его полномочиях и отсутствии системы сдержек и противовесов окончательно избавит его от необходимости считаться с мандатами всех других партий. Короче, даже при партийном президенте принципиально ничего не изменится, а противоречия лишь усугубятся**.**

Тут оппоненты резонно могут сослаться на французскую политическую систему. Действительно, президент Французской Республики традиционно представляет конкретную партию или блок партий и при этом является сильным «политическим игроком». Тем не менее во Франции деятельность главы государства всё же сдерживается другими ветвями власти, что заставляет, в случае разнопартийных президента и премьера, искать компромисс либо выходить из кризиса путём досрочных парламентских выборов. Но и на это глава государства может пойти фактически лишь с согласия основных политических игроков: после консультаций со спикерами палат и премьер-министром, когда каждая из сторон считает, что исход выборов может оказаться положительным для неё.

Почему же такое невозможно в России? Потому что, когда популярный лидер Шарль де Голль в сложных политических условиях инициировал конституционную реформу, она привела в 1958 году к созданию «Пятой (!) республики». То есть во Франции уже более ста лет действовала политическая конкуренция, породившая такие институты, как оппозиция, устойчивые электоральные ядра, влиятельная пресса, политическая ответственность, судебная независимость и т. п. Французы не испугались наступления авторитаризма, поскольку к тому времени политика во французском обществе не воспринималась как безраздельное господство одной партии и тем более одной фигуры. При таком состоянии политический маятник не возносит к власти клан и его патрона, а только меняет роли: ты властвуешь – я контролирую; я властвую – ты контролируешь. Именно поэтому взаимоотношения во французском властном треугольнике «президент – парламент – правительство» описаны не очень конкретно. Ведь Конституция тут уже не призвана выполнять роль «инструкции по осуществлению власти» и быть главной гарантией от политического монополизма, ибо такая гарантия заложена в самом обществе.

У нас пока совершенно иные условия. Подчеркну: не наша «матрица», а именно конкретные условия, вытекающие из недавней истории. Эти условия, безусловно, требуют сообразовываться с ними. Но не в смысле отсрочки демократического строительства под предлогом «неготовности общества» и тем более не отказа от него под предлогом «нашего особого пути». У каждого государства и без того всегда *свой* путь, но у нас «особый путь» превращается в «особые цели». Сообразовываться с условиями нужно в смысле создания очень конкретной и при этом ювелирно сбалансированной системы построения власти и отправления властных функций. Только когда и если это произойдет, в России появятся ответственные партии с ответственными лидерами во главе, устойчивые электоральные группы, политика из цезаристской превратится в компромиссную, а оппоненты в свою очередь не станут перебегать всякий раз в лагерь победителей, к «статусному корыту» или, наоборот, маргинализироваться, а будут сознавать свою ответственную миссию оппозиции.

* * *

Мы, сами того не замечая, по-прежнему, т.е. архаично, воспринимаем демократию как мажоритарность, преклоняемся перед понятием большинства. Порой это понимание довлеет над политиками и над многими избирателями даже в развитых демократиях. Между тем магистральный путь представляется иным. Рискну наименовать строй, который в гораздо больше степени уберегает от персонализма, *легократией*, т.е. властью закона, что, разумеется, не имеет ничего общего с «диктатурой закона».

И это не так банально, как может показаться. В 1910 году замечательный русский юрист А.С. Алексеев, возражая немецкому классику правовой мысли Г. Еллинеку, утверждавшему, что народ в республике является высшим суверенным органом, писал: «В правовом государстве **не существует ни суверенной власти, ни суверенного органа, а существует лишь суверенный закон**. Этот же закон не является предписанием того или иного учреждения – монарха или парламента, – а представляет собою результат сложного юридического процесса, в котором принимают участие несколько органов, и притом в степени и в формах, установленных конституцией. Постановление ни одного из этих органов само по себе не создает обязательных правовых норм, а производит юридический эффект лишь под условием его согласованности с постановлениями других органов. **Ни один из таких органов в процессе правотворчества не занимает преимущественного пред другими положения**; все они между собою координированы в том смысле, что участие каждого из них одинаково необходимо для того, чтобы закон получил юридическую силу»[30].

Этот принцип достоин того, чтобы распространить его и на всю политическую жизнь. И тогда политика, в гораздо более полной мере сделавшись результатом компромиссов и солидарности, будет надежной гарантией как против нигилизма, так и против монополизма власти.

Январь 2006 г.

Часть 2. Обсуждение статьи «Фатален ли персоналистский режим в России?»

После публикации статьи на сайте Фонда «Либеральная миссия» (http://www.liberal.ru/) состоялось её обсуждение группой экспертов. На обсуждение были вынесены следующие вопросы:

1. Правомерно ли утверждать, что персоналистский режим для России исторически и культурно предопределён и безальтернативен? Насколько сложившаяся в стране институциональная политическая система и, шире, тип государственности соответствуют нынешнему состоянию политической культуры и интересам российского политического класса и общества, его различных групп?

2. Можно ли говорить об устойчивости и эффективности этой государственности, её способности отвечать на современные внешние и внутренние вызовы?

3. Обеспечивают ли нынешняя политическая система и персоналистский президентский режим движение к правовой государственности или блокируют его? Если блокируют, то кто может инициировать такое движение, стать его субъектом?

4. Какие институциональные изменения необходимо осуществить для трансформации нынешней государственности в правовую?

[30] Алексеев А.С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. – Ярославль, 1910. – С. 67–68.

В дискуссии, помимо автора, участвовали:

1. *Зудин Алексей Юрьевич* – кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики ГУ – ВШЭ, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, руководитель Департамента политологических программ Центра политических технологий.
2. *Лапкин Владимир Валентинович* – старший научный сотрудник ИМЭМО РАН.
3. *Сатаров Георгий Александрович* – президент фонда «ИНДЕМ».
4. *Шаблинский Илья Георгиевич* – доктор юридических наук, профессор кафедры публичной политики ГУ – ВШЭ.
5. *Шевцова Лилия Федоровна* – доктор исторических наук, профессор, ведущий исследователь Московского центра Карнеги.
6. *Яковенко Игорь Александрович* – генеральный секретарь Союза журналистов России.

Вел обсуждение вице-президент Фонда «Либеральная миссия» *Клямкин Игорь Моисеевич.*

Игорь Клямкин:

Вопрос о реформировании политической системы и переходе к формированию правительства парламентским большинством, еще несколько месяцев назад поднимавшийся даже лидерами «Единой России», был снят президентом Путиным на его январской пресс-конференции с политической повестки дня. Снят с этой повестки и вопрос о реформировании российской государственности в целом – кремлевские идеологи и политтехнологи насаждают в обществе мнение, что все необходимое в данном отношении Путиным уже сделано. Тем не менее существует более чем достаточно весомых аргументов, ставящих под сомнение стратегическую устойчивость и эффективность постсоветской государственности в России. Убедительное подтверждение тому и статья Михаила Краснова.

На обсуждение выносятся четыре вопроса. Первые два касаются особенностей российской политической системы и нынешнего политического режима, исторических и культурных причин их возникновения, их эффективности и устойчивости. Поэтому эти вопросы можно объединить и обсуждать одновременно. Другие два вопроса касаются путей, способов и направленности трансформации этой системы и этого режима, а также субъектов, в такой трансформации заинтересованных. Эти вопросы в ходе обсуждения тоже можно объединить.

Алексей Зудин: **«Попытка второго издания “государства развития”»**

Хотя Игорь Моисеевич и объяснил, почему трансформация существующего политического режима сделана предметом обсуждения, лично для меня осталась некоторая неясность. Проблема сама по себе в высшей степени актуальна. Но одновременно почему-то утверждается и обратное, причем со ссылкой на то, что «Единой России» указали на более скромное место, чем то, на которое рассчитывал Олег Морозов. Еще есть упоминание каких-то неназванных кремлевских политтехнологов. Ну и что, что они что-то говорят – у них работа такая. На мой взгляд, наоборот, трансформация существующего режима неизбежна, и это является прямым следствием отказа главного игрока от третьего срока. Весь режим центрирован даже не на институте, а на личности, не на президентской власти, а на конкретном действующем президенте Путине. Михаил Краснов абсолютно прав, когда ставит вопрос о персоналистском режиме. Если действующий президент, руководствуясь теми или иными соображениями, решил уйти со своего поста, вся конструкция просто «подвисает» и неизбежно будет трансформироваться. И в этом смысле постановка вопроса совершенно оправданна и своевременна.

Конечно же, персоналистский режим в том виде, в котором он сложился к настоящему

времени, не является ни безальтернативным, ни тем более культурно предопределенным. Особенность нашей культуры, в широком социологическом смысле, состоит в том, что там можно найти представления и ценности, которые могут стать опорой для движения по самым разным политическим траекториям. В то же время, не будучи ни безальтернативным, ни культурно предопределенным, становление персоналистского политического режима было достаточно закономерно. В 1990-е годы сначала западные, а потом и российские авторы много говорили о низком уровне институционализации в России. О том, что, возможно, определяющей чертой нашей трансформации, в отличие от трансформации у соседей на Западе, являются очень слабые институты. Свято место пусто не бывает, а то, что заняло место слабых институтов, называли по-разному: «неформальные отношения», «теневые практики», «персоналистские сети». Другими словами, сами по себе учреждения, организации, институты по большому счету значения не имеют, имеет значение конкретная сила тех конкретных людей, которые в данный момент эти организации, институты и т.д. возглавляют. Сочетание слабого общества со слабым государством – в этом наша особенность. Низкий уровень институционализации был важнейшей характеристикой не только системы власти, но и формирующихся политических партий и групп интересов. Слабые институты были характерны для полицентрического режима Бориса Ельцина, а при Владимире Путине превратились в определяющую характеристику нового моноцентрического режима.

Конечно, такой режим по определению устойчивым быть не может. Но, как мне кажется, в настоящее время он не рассматривает себя в качестве окончательного. Более того, рискну утверждать, что персоналистский режим с самого начала не рассматривал себя как нечто окончательное. Политическое развитие последних шести лет не вполне адекватно рассматривать через призму одной политической реформы, которая началась после 2000 года и была легализована задним числом только после Беслана. Содержанием этой реформы было формирование моноцентрического режима – политическая централизация, концентрация политической власти в Кремле и превращение действующего президента в доминантного политического игрока. Но есть основания говорить не об одной, а о двух политических реформах. Вторая началась немного позже первой, ее начало можно датировать принятием в 2001 году закона о политических партиях, инициатором которого была Администрация Президента. Эта реформа существенно отличается от предыдущей по своей направленности: если первая укрепляла персоналистский политический режим, то вторая создавала условия для деперсонализации власти; если первая реформа осуществила демонтаж ельцинского режима, то вторая, предположительно, закладывает основы нового режима, который пока еще не создан. Путинский персонализм отличается откровенной переходностью и ничем, кроме переходного, быть не может. В этом отношении он не может быть устойчивым и не в состоянии быть эффективным. Другое дело, учитываем мы наличие этой второй реформы или нет? Вот в чем вопрос.

Когда я говорю об альтернативах, то имею в виду реальные, а не нормативные политические модели. Так вот, по моему мнению, все альтернативы персоналистскому режиму носили откровенно недемократический характер. Одной альтернативой было закрепление состояния политической системы конца 1990-х годов. Ее называют, может быть не вполне удачно, олигархической. Другая альтернатива – различные варианты откровенного авторитаризма. Эти сценарии продолжают сохранять актуальность. Но сейчас, как мне кажется, делается попытка переориентации на новую модель, которую условно можно назвать «государством развития». Какое-то время назад казалось, что время подобного рода конструкций прошло, потому что постиндустриализм и глобализация очень сильно поменяли и внутреннюю среду, и внешний контекст. Традиционное «государство развития» выполняло две основные

функции: экономический рост вместе с модернизацией структуры экономики и социальную интеграцию.

Сейчас выполнение обеих функций невозможно. И тем не менее на Западе происходит возвращение к этой идее. Причем речь идет не о старом «государстве развития», а о его модификации. В качестве синонимов употребляются понятия «государство как брокер развития» и «государство конкуренции». Идея состоит в том, что государство возвращается как осмысленная сила, которая пытается каким-то образом влиять на экономическое развитие. В отличие от старой модели главная функция государства состоит в том, чтобы встраивать наиболее перспективные куски национальной экономики в глобальный рынок. Потому что стихийная интеграция не всегда может устраивать и политический класс, и основную часть граждан.

Мне представляется, что по совокупности признаков у нас предпринимается попытка второго издания «государства развития». Насколько это получится – другой вопрос, хотя и самый главный. Потому что, с одной стороны, есть запрос, а с другой – ресурсов, которые могли бы обеспечить вписывание российского развития в эту модель, недостаточно. И самая главная проблема – это качество государственного аппарата.

Игорь Клямкин:

Мне показался интересным тезис о том, что нынешний российский режим заведомо ситуативный, привязанный к конкретному персонажу и он неизбежно будет меняться вместе со сменой персонажа. Из этого следует, что сложившаяся в стране политическая система предоставляет президенту достаточно широкое поле для режимных трансформаций. Так ли это? И от чего зависит направление таких трансформаций? Только от политических установок того, кто приходит к власти? Или существует системная логика и системные ограничители, президенту не подвластные? Короче, прошу обратить внимание на этот тезис А.Ю. Зудина.

Лилия Шевцова: **«Персоналистский выход из персоналистского режима невозможен»**

Я считаю, что наш друг и коллега М.А. Краснов написал очень своевременную и смелую работу. Несомненно, своевременным является и обсуждение, которое организовал Игорь Моисеевич Клямкин. Почему я подчеркиваю факт своевременности? Да потому, что мы в России, как обычно, отстаем от мирового дискурса по стратегическим вопросам развития. Обсуждаем частности, следим за муравьиной возней на политической сцене и упускаем главное – концептуальные проблемы посткоммунистической трансформации, и в первую очередь трансформации России, ее будущей роли в мире и зависимости этой роли от эволюции российской системы.

Каждый из нас в какой-то степени следит, конечно, за последними статьями в транзитологической литературе, в журналах типа Journal of Democracy. Так вот, можно увидеть, что аналитики вновь, по прошествии 15–20 лет после начала посткоммунистических транзитов, начали размышлять о том, что в этих транзитах было неизбежного, что – случайного и что было определено субъективными факторами и обстоятельствами. Многие исследователи вынуждены пересмотреть свои прежние выводы относительно этих транзитов. Так, немало бывших советологов вынуждено сегодня по-иному взглянуть на развитие новой России, и большинство из них корректируют свои прежние позиции в сторону большего пессимизма.

Я бы обратила внимание на то, что наблюдатели, которые размышляют о России, придерживаются, как правило, двух разных точек зрения.

Одни, назовем их упрощенно «фаталистами», полагают, что Россия достойна того, что имеет, что она заслужила ту систему и то государство, которые появились в последние годы, и что российское общество не созрело для большей демократии. Нужно продвигаться вперед постепенно, шаг за шагом – именно так и делали развитые демократии, убеждают «фатали-

сты». Именно они говорят об исторических традициях и культурных препятствиях, которые осложняют более решительный прорыв России к новой цивилизационной парадигме. Не стоит упоминания то, что это любимая позиция кремлевских пропагандистов, которые считают, что Россия и так двигалась слишком быстро в демократическом развитии, а теперь ей нужно «отдохнуть» и сконцентрироваться.

Другие, назовем их «инженерами», следом за Джузеппе ди Пальма и другими основателями теории более активного демократического прорыва полагают, что, несмотря на отсутствие определенных предпосылок демократизации, Россия могла продвинуться гораздо дальше по пути либерально-демократических реформ, чем она сделала. Отмечу, что «инженеров» на российской сцене гораздо меньше, совсем мало. В зарубежной науке и политике часть «инженеров», т.е. сторонников более активного продвижения демократии, признаюсь, дискредитировала себя тем, что поддержала эксперименты с продвижением демократии в арабском мире, и мы знаем, чем такие эксперименты закончились в Ираке.

Я не хочу вдаваться в подробности спора между «фаталистами» и «инженерами», а хочу лишь заметить, что внимание исследователей вновь обращено к посткоммунистической трансформации и тому, что в результате этой трансформации получилось.

К сожалению, дискуссии вокруг российской демократизации нередко кончаются констатацией того факта, что в «России не получилось» и Россия «развернулась в противоположном направлении». Но о причинах того, почему «всё не так», мало кто задумывается. А если кто и задумывается, то его выводы не кажутся убедительными. В западных политических кругах в ситуации того замешательства, которое возникло вокруг российского вектора, всё больше усиливается скептицизм относительно перспектив демократизации России, так же как десять лет тому назад в этой среде превалировал неоправданный оптимизм по поводу наших реформ. В конкретной политике этот скептицизм ведет к своего рода прагматизму, который заключается в имитации со стороны Запада партнёрства с Россией и фактической поддержке в России любой стабильности, даже стагнирующего типа. Создаётся впечатление, что Запад махнул рукой не только на Россию, но и на все постсоветское пространство. В этом контексте попытка М.А. Краснова возобновить дискуссию о том, насколько неизбежным было российское развитие после падения коммунизма и что можно было сделать по-другому, исключительно полезна. Сама эта попытка заставляет нас задуматься с высоты имеющегося опыта поражений и разочарований о том, были ли мы безнадежны в 1990-е годы либо нет.

Полностью согласна с основным тезисом автора о том, что конституционно-правовая конструкция в какой-то момент обязательно приобретает свою логику и инерцию. И кто бы ни был в Кремле, вне зависимости от его установок и настроений, персоналистский фактор начинает работать на интересы самой конструкции, если её логику не удалось изменить в самом начале. То, что я сегодня вижу, наблюдая за эволюцией российского политического режима и российской системы, заставляет меня прийти к выводу, что персонализм является средством осуществления интересов правящей корпорации, как бы мы эту корпорацию ни назвали – система, государство либо режим. Да, в начале «цепочки» именно вынесенное наверх и не подконтрольное обществу единоначалие создает политическую и правовую конструкцию. Но уже вскоре единоначалие теряет над ней контроль и подчиняется её законам.

Другой вопрос – возможен ли персоналистский выход из персоналистского режима? Автор считает, что да. Я в этом не уверена. Не исключаю, что можно представить себе случаи, когда носитель персонифицированной власти осознанно начинает её демонтировать и открывает окно для дегерметизации общества, за которой следует либерализация и затем построение основ демократической системы. Именно так действовали испанский реформатор

Суарес и южно-африканский реформатор де Клерк. Но, во-первых, такой прорыв делали те, кто не строил режим персонифицированной власти, кто его унаследовал и начал тяготиться им. Во-вторых, системщики, которые стали антисистемщиками, начали демонтировать свои режимы, когда последние себя полностью исчерпали. Может ли эта история повториться на каком-то витке в России?

Говоря иначе, может ли сам авторитарный Субъект стать могильщиком своей Моносубъектности? Для меня этот вопрос остается открытым.

Несколько замечаний по ходу дискуссии. Прежде всего, мне хотелось бы высказаться по вопросу предопределенности и альтернативности в посткоммунистической России. Перечислю несколько факторов, которые явно играли против формирования в России плюралистической и состязательной системы. Начну с того, что в России до падения СССР не было попыток реальной «декомпрессии» режима, которые имели место в 1950–1970-е годы в других коммунистических странах – в Венгрии, Польше, ГДР, Чехословакии. Давайте отметим и то, что в России впервые в мировой истории была осуществлена попытка провести одновременно три революции: создание рыночной экономики, создание демократического режима и реформирование геополитической роли, т.е. формирование новой модели внешней политики. Не менее важно и то, что Россия принадлежит к тем редким странам (наряду с Югославией и Чехословакией), где одновременно проводились совершенно разноплановые реформы – формирование государства одновременно с попыткой формирования демократического режима. Подавляющее число мировых наблюдателей считают, что это совмещение невозможно в принципе. Лишь один Лейпхарт полагает, что это возможно, указывая на успешный опыт Чехословакии. Но ведь существует и совсем драматический опыт совмещения государственного строительства и демократизации – опыт Югославии. Наконец, мы имеем дело с трансформацией ядерной сверхдержавы. Никакого исторического опыта такого рода преобразований не было. Именно этот фактор сегодня наиболее серьезно блокирует переход России к плюралистической системе. Словом, это всё препятствия, которые осложняли и осложняют осуществление либерально-демократического проекта в России.

Но одновременно присутствуют и факторы, которые создавали благоприятные условия для разрушения логики фатализма, о чем говорил А.Ю. Зудин. Среди этих факторов – фактор существования опыта посткоммунистической трансформации в странах Восточной Европы, которая к тому моменту, когда на путь реформ встала Россия, уже научилась находить консенсус по вопросам реформ через проведение круглых столов, формировать независимые институты даже при поддержке прежних компартий. Ельцинская команда могла бы использовать этот опыт, который говорил о том, что вначале нужно проводить политическую и конституционную реформы, а потом все остальные. Если бы мы соизволили заметить опыт других трансформаций, он мог бы нас кое-чему научить. Однако мы этот опыт проигнорировали. Мы его даже не заметили, что свидетельствует о том, в какой степени наша правящая элита была концентрирована на собственных проблемах. Впрочем, и весь российский политический класс не был готов рассматривать имеющийся опыт демократического прорыва, видимо, считая Россию особым случаем. Словом, когда Россия избирала свой вектор в начале 1990-х годов, она оказалась совершенно вне мировой дискуссии и мирового контекста.

Отметим и фактор огромнейшей популярности Ельцина и его поддержки в обществе в начале 1990-х годов, что также могло помочь хотя бы нейтрализовать вышеупомянутые препятствия на пути демократизации. Напомню и о стремлении мирового сообщества облегчить для нас муки рождения новой системы. Конечно, были и попытки отдельных стран и отдельных сил использовать российскую слабость для того, чтобы вытеснить Россию из ее прежних ниш. Но было и сочувствие, и желание помочь России встроиться в западную систему. Международный фактор, как показал опыт Центральной и Южной Европы, мог компенсировать

отсутствие недостающих предпосылок демократизации.

Наконец, ещё один фактор – это фактор лидерства. Существует масса литературы и немало авторов, в частности ди Пальма, Хиршман, Шмиттер, которые считают, что совершать демократический прорыв и обеспечивать гарантии его необратимости можно и при отсутствии основных предпосылок и условий для демократизации. Но для этого нужно трансформационное лидерство. В качестве примера можно упомянуть восточно-европейские страны – в Польше и Венгрии ощущение правящей командой своего лидерства и своей миссии компенсировало отсутствие необходимых предпосылок трансформации. Что касается России, то у нас факторов прорыва оказалось недостаточно для того, чтобы нейтрализовать блокирующие факторы, и в результате мы пришли к тому, что А.Ю. Зудин назвал «закономерностью», а я называю упущенным шансом.

Отражают ли система, режим, государственность, которые оформились в России, чьи-либо интересы? Несомненно да. Мне кажется, они отражают заинтересованность подавляющей части политического правящего класса и части общества в сохранении стагнирующего статус-кво. Любопытно и занимательно то, что в рамках тех социальных групп и слоев, которые поддерживают стагнирующее статус-кво, мы можем найти представителей самых разных политических и идеологических ориентаций: компрадоров, изоляционистов-почвенников, либералов-технократов и умеренных государственников, – отдельные их интересы могут не совпадать, но стратегически все они заинтересованы в сохранении статус-кво.

Теперь об устойчивости системы. Я не буду повторять то, что говорил в статье М.А. Краснов и о чем размышлял А.Ю. Зудин. Замечу лишь, что существует ряд ситуативных факторов, которые в принципе облегчают сохранение стабильности и поддерживают устойчивость такого типа конструкции, однако в любой момент могут начать работать против стабильности, фактически подрывая ее. К этим факторам следует отнести, например, высокую цену на нефть, консенсус среди правящего класса относительно статус-кво, президентскую «вертикаль». Но заметьте, что нефть в любой момент может сыграть ту роль, которую она сыграла в 1986 году, когда произошел шестикратный обвал мировых цен. Поддержка правящим классом статус-кво ситуативна и не содержит в себе элементов устойчивости – в первую очередь, отсутствует согласие относительно национально-государственных интересов и базовых ценностей развития. Следовательно, наша власть в поисках ежеминутного выживания не может предвидеть те обстоятельства, которые возникли, например, в результате газового конфликта в Украине, приведшего к подрыву идеи Путина о «России как энергетической сверхдержаве». Что касается пресловутой «вертикали», то ликвидация независимых институтов, по сути, выталкивает протест в несистемное и антисистемное поле.

Таким образом, сама система возбуждает и стимулирует протестные настроения, направленные против нее самой. Следовательно, ситуативные факторы стабильности весьма ненадежны. Одновременно есть и системные факторы, которые в гораздо большей степени подрывают устойчивость и стабильность возникшей в России системы. Среди этих факторов я назову, пожалуй, три. Первый – это системный конфликт между персонифицированной властью и демократическим способом ее легитимации, т.е. между несовместимыми принципами. Второй – это конфликты, которые порождаются тенденцией к формированию бензинового или нефтяного государства («петро-стейт»), со всеми его характеристиками. Третий фактор – Россия всё больше возвращается к традиционалистской политике, от которой Европа и либеральная цивилизация начинают отказываться. Это опора на суверенитет, территорию, военную и ядерную мощь, т.е. средства «жесткой власти» (hard power). А в это время, по крайней мере, Европа разрабатывает другую модель политики, основанную на договоренностях, компромиссах, диалоге, опоре на культурные ценности, на элементы привлекательности образа жизни, словом на soft power. На этом фоне Россия может стать тем, чем сейчас

стала арабская цивилизация – догоняющей цивилизацией и одновременно фактором сохранения мирового традиционализма.

Недавно в своей статье министр иностранных дел Сергей Лавров сделал попытку отказаться даже от той весьма аморфной формулы многовекторности, которая обосновывала российское сотрудничество с Западом, заявив, что Россия не может принадлежать ни одной (!) цивилизации и будет претендовать на роль моста между ними. Собственно, в который уже раз мы имеем попытку обосновать «особый путь» России.

И последнее. В любом случае уже сейчас, несмотря на то что западная цивилизация согласилась иметь Россию в роли своего сырьевого придатка, Запад начинает размышлять о России как о новом глобальном вызове. Пока, правда, этот вызов для Запада не столь актуален, как, скажем, исламская цивилизация, особенно радикальная её часть. Но сам факт появления настороженности Запада по отношению к России заслуживает внимания. В этом контексте я хочу упомянуть о Всемирном экономическом форуме в Давосе – он не играет прежней роли в формировании умонастроений российской элиты и перестал быть для неё важным событием. Но он остается важным событием для элиты мировой. Пока в мире нет другого дискуссионного клуба, который мог бы в таком концентрированном виде представлять основные тенденции и основные опасения Запада по поводу этих тенденций.

Так вот, на последних форумах мировая политическая и экономическая элита изучала основные политические, экономические, геополитические риски для мира на ближайшую и отдаленную перспективу. И если в 1990-е годы Россия перестала быть глобальным вызовом и фактором риска для мирового сообщества, то после «газовой войны» с Украиной Россию вновь стали рассматривать в этом качестве. Запад начинает серьезно прорабатывать сценарий развития России как фактора глобальных рисков и вызова для мирового сообщества. Между тем исход упомянутых событий на Украине российский политический класс почему-то считает своей победой, в чём можно усмотреть неадекватность самовосприятия российской элиты.

***Игорь Клямкин*:**

Обозначились два, на мой взгляд, взаимоисключающих подхода. С одной стороны, А.Ю. Зудин фиксирует тенденцию к формированию «государства развития», с другой – Л.Ф. Шевцова говорит о государстве стагнирующего статус-кво.

Лилия Шевцова:

Я бы хотела добавить, что после завершения нынешнего политического цикла в 2007–2008 годах путинский режим, несомненно, будет трансформироваться в новый политический режим, в этом я согласна с А.Ю. Зудиным. Но и этот новый режим, при условии сохранения нынешних принципов упорядочивания власти, станет способом сохранения единовластия. Мы имели возможность наблюдать смену ельцинского режима на путинский, смену форм лидерства. Но эта смена, т.е. отрицание предшествующего лидерства, оказывается эффективным средством сохранения всё той же персонифицированной власти.

***Георгий Сатаров:* «Демократия – это способ случайной игры с неопределенным будущим»**

Нынешний российский режим мыслил себя как «государство развития» в момент своего зарождения, причём мыслил достаточно своеобразно: одновременно и как субъект, и как объект развития. Вот в чём была причина его превращения, довольно быстрого, в режим ситуативный. Предполагалось, что государство должно развиваться силами государства и по единственно возможному проекту, который задает само это государство. И такая философия смыкается с понятием персоналистского режима. Я хотел бы рассмотреть ту грань проблемы, которая в обсуждаемой статье не рассматривается. Я имею в виду не институциональный фактор, а фактор общественного сознания. И вот в каком аспекте.

М.А. Краснов ссылается на мои слова о демократии как институализированной случайности. Я хотел бы эту мысль уточнить. Что такое демократия? Это способ случайной игры с неопределенным будущим. Из теории игр мы знаем, что против случайной стратегии противника оптимальна только случайная же стратегия. Нет дарвинистских стратегий, которые выигрывают у случайной стратегии. Таким образом, если будущее не предопределено, если оно неопределённо, случайно, если мы не можем его предсказать и т.д., то оптимальная стратегия в игре с будущим – это случайная стратегия. Эту институализированную случайность обеспечивает демократия. И именно потому наши российские выборы нельзя считать демократическими, что их исход предопределен.

За этой практикой просматривается тысячелетняя рационалистская христианская позиция предопределённости будущего. Но если будущее известно, то должен быть фиксируемый носитель того, что известно, на которого мы перекладываем ответственность за это знание. Это может быть персона, «единственно верное учение», всё что угодно. Ему известно – пусть ведёт. Очень удобно. Но именно это и есть тот самый цивилизационный тупик, который отвергает возможность случайной игры со случайным будущим.

Режим всегда «говорит», что он знает будущее и ведёт нас туда. Однако в какой-то момент выясняется, что обещанное будущее входит в конфликт с настоящим, так как обещания оказываются невыполненными. Советский конфликт состоял в том, что носители обещаний своих обещаний не выполнили, постсоветский конфликт – в том же самом. Демократы не выполнили своих обещаний, и демократическая система была отвергнута, как до того коммунистическая, потому что мы привыкли вместе с олицетворяющими систему людьми отторгать и саму систему. Это простой способ объяснения разочарований: вы – сволочи, которые неправильно обещали нам будущее в рамках этой системы, потому ваша система никуда не годится.

А дальше совсем грустно. Путин, как известно, сказал, что жизнь на самом деле очень простая штука. Когда всё сложно и абсолютно непонятно, человеку, которому сложное видится простым, конечно, хочется верить. При этом обратите внимание, какой ошибки избежал Путин: он не рисовал идеальной модели будущего для граждан, только для государства. У него «государство развития» – это государство в узком смысле: «вертикаль власти». Не граждане, не их развитие, не их возможности это развитие самостоятельно осуществлять. В такой ситуации рано или поздно граждане поймут, что они не «субъект» и не «объект». То есть последние пару лет они уже начали понимать, что они – не объект внимания и заботы, но это не очень их пока смущает, поскольку есть вера в человека, который сказал, что жизнь на самом деле очень простая штука. А вот когда выяснится, что они и не субъект, тут уже будет полный, как говорится, атас.

Михаил Краснов:

Статья-то не о Путине и не о его режиме.

Георгий Сатаров:

Но она о том, что любой на его месте тоже скатился бы в персоналистский режим. Я почти согласен с выводом, но не во всем согласен с обоснованием. Меня не устраивает обоснование чисто нормативное, поскольку нормы и институты отражают состояние общества.

Игорь Яковенко: **«Искать корни персоналистского режима только в Конституции – значит впадать в юридический фетишизм»**

Я, как давний поклонник М.А. Краснова получил огромное наслаждение от чтения его статьи и хотел бы зафиксировать два ее достоинства. Во-первых, потрясающая научная добросовестность, а во-вторых, высокая информативность. Однако оба эти достоинства позволяют очень легко выделить и основные недостатки текста. Остановлюсь на двух, на мой взгляд, самых важных.

Первый я бы назвал юридическим и правовым фетишизмом. Цель исследования – проанализировать, понять причины постоянного воспроизводства в нашей стране авторитарного режима, а метод исследования – юридический анализ текстов. Это абсолютно неадекватный метод для решения данной проблемы. В силу того что общество вообще, а российское общество в частности основано на принципе полинормативности, любые социальные отношения регулируются набором разных нормативных систем – тут и корпоративные нормы, и политические, и нормы традиций и т.д. При этом правовые (юридические) нормы далеко не базовые и не единственные, а уж в России точно не базовые. Кроме того, особенность России заключается в чрезвычайно низкой степени автономности правового поля вообще. Примеров можно приводить множество. Ни в одной системе, где правовое поле обладает хотя бы минимальной степенью автономности, т.е. защищенности, невозможно было бы назначить на одну из высших юридических должностей в стране (председателя Арбитражного Суда) человека, который ни минуты не работал судьей. Поэтому правовой анализ нынешней ситуации должен быть последним, а не первым.

Второй недостаток – это идея о том, что «клин клином вышибают», что персоналистский режим может быть преодолен персоналистским же режимом. Мне эта идея кажется чрезвычайно спорной, если не сказать неверной. Это из области чуда, из области синдрома барона Мюнхгаузена.

Теперь о том, предопределен ли и безальтернативен ли персоналистский режим для России. Совершенно очевидно, что можно вести разговор лишь о степени предопределенности и безальтернативности. Глубокая укорененность в России персоналистского авторитарного режима очевидна. Но в то же время Россия – одна из самых непредсказуемых стран. Можете привести хоть один пример, когда какой-либо судьбоносный поворот в жизни нашей страны кем-нибудь был предсказан? Прогнозы типа Нострадамусовых, с возможностью их универсальной интерпретации, мы не рассматриваем.

Есть и еще одно обстоятельство. Любой персоналистский режим является по определению уникальным, «сделанный» под персоналию. Думаю, что нынешний наш персоналистский режим связан с его носителем не в меньшей и не в большей степени, чем сталинский режим был связан с личностью Сталина, а ельцинский – с личностью Ельцина. Вот, кстати говоря, еще один аргумент против конституционной обусловленности нашего персоналистского режима: сколько было сменено за последнее столетие конституций и к чему они привели? почему каждый раз возникает такая персоналистская Конституция авторитарного типа? Видимо, причина не в самой Конституции.

Мне представляется очень правильным рассуждение Г.А. Сатарова о непредсказуемости и неопределенности, но, на мой взгляд, оно нуждается в продолжении. Если отсутствуют рельсы, которые ведут из прошлого в будущее и, следовательно, возможны варианты, если существует свобода воли социального электрона, то где эта свобода воли «помещается»? Тут есть определённая ловушка, в которую попадают профессионалы. М.А. Краснов, будучи высочайшей квалификации юристом, попал в эту ловушку, избрав методом исследования юридический анализ. Многие высочайшего класса политологи, со своей стороны, выбирают методом исследования анализ политической элиты и ждут именно там проявления свободы воли политического и социального электрона. Я же глубоко убежден, что ждать и рассчитывать только на то, что вдруг, случайно, благодаря какому-то чуду произойдет смена политических элит, появится супердемократичный лидер, который изменит Конституцию и откажется от авторитарного персоналистского режима, – это значит ждать невероятного.

Очень интересен вопрос, насколько сложившаяся в стране институциональная политическая система и тип государственности соответствуют нынешнему состоянию политической культуры и интересам политического класса. Дело, однако, в том, что не политический

класс как некая данность формирует определенный институциональный политический режим, а всё происходит ровно наоборот: сложившийся политический режим определенным образом формирует соответствующий ему политический класс. Обратите внимание, как стремительно изменился состав Государственной Думы, изменился тип депутата, более того, даже тип чиновника и тип криминалитета, доминирующий сегодня в стране. Криминальные структуры, характерные для середины 1990-х годов, вытеснены, и на наших глазах элита криминального мира мимикрирует под тот тип политического режима, который у нас сейчас существует.

Короче говоря, возможность трансформации заключена не в политическом классе, не в государстве – оно лишено способности к саморазвитию. Вероятность того, что при нынешнем механизме элитообразования, при нынешнем механизме государственного строительства во главе государства или в политическом классе окажется сколько-нибудь склонная к самореформированию структура, мне кажется, близка к нулю. В качестве смешного примера приведу тот государственный объект, который, в силу моих должностных обязанностей, находится в зоне моего пристального внимания постоянно. Это Министерство печати. Каждый (без единого исключения) новый министр, приходя, говорил о том, что Министерство печати необходимо реформировать, а затем ликвидировать. С этим приходил Полторанин, с этим приходил Лесин, с этим приходили все. И ни один из них палец о палец не ударил для того, чтобы реформировать объект собственного руководства. Ни один из них ничего не сделал для того, чтобы действительно ликвидировать это бессмысленное образование. Это так же невозможно, как для Мюнхгаузена было невозможно реально вытащить себя за волосы из болота. В государственных структурах нет никакой свободы воли социального и политического электрона. Она коренится совсем в другом месте.

Она коренится в тех институтах гражданского общества, в тех институтах общественного сознания, где формируются те социальные и интеллектуальные «приспособления», отсутствие которых отличает нас от развитых стран. Я считаю, что это иная философия истории. Я глубоко убежден в том, что судьбы истории всегда определяли те, кто изобретал эти самые социальные «приспособления», дававшие толчок развитию страны или изменявшие вектор этого развития. В России также свобода воли политического электрона не в политикообразующем классе, а в тех структурах, которые сегодня могут сформировать нормально действующую систему гражданского контроля над властью.

Власть устроена везде одинаково. Абсолютно убежден в том, что Уотергейтский скандал был возможен не потому, что Конституция Америки отличается от российской, а потому, что там существуют такие институты гражданского общества, как институт репутации, институт доверия, институализированная система гражданского контроля над властью. У нас сын министра мог сбить женщину и после этого продолжать процветать вовсе не потому, что правовая система такая плохая , а израильский начальник дорожной полиции ушел в отставку через 15 минут после того, как превысил скорость на пять километров в час, не потому, что такое поведение диктуется юридической нормой, а потому, что существуют абсолютно непреодолимые институты в общественном сознании и в гражданском обществе, которые просто не позволяют поступить иначе. Когда на глазах всего мира убивали НТВ, в нашем обществе не нашлось ни сил, ни механизмов, чтобы этому противостоять, отсутствовала мобилизующая сила. Так что переменная свободы воли находится в обществе, а не во власти, которая суть константа.

***Игорь Клямкин*:**

И.А. Яковенко говорил о том, что анализировать заведомо неправовую систему в юридических терминах не очень корректно. И это так, если речь идет о системах типа советской, в которых верховная власть легитимируется не юридически, а другими способами. Но

М.А. Краснов пишет о системе институтов, в которой власть, в том числе и высшего должностного лица, легитимируется именно юридически, т.е. конституционно. В такой системе многое зависит и от того, какими конституционными полномочиями тот или иной институт наделяется. Более того, от распределения полномочий зависит и характер самой системы. Если мы возьмем Конституцию РФ, действовавшую до 1993 года, то она узаконивала иную систему, чем Конституция нынешняя. И я бы не решился утверждать, что различие конституционных норм никак не сказывается на политической практике. Хотелось бы, чтобы критика соответствовала объекту критики – в данном случае, тому, о чем говорится в статье.

Владимир Лапкин: **«Не решаясь на "революцию сверху", власть провоцирует радикальную революцию снизу»**

Позволю себе порассуждать о некоторых особенностях природы персоналистского режима. Оттолкнусь от важного тезиса М.А. Краснова о том, что, стремясь «обезопасить себя от антидемократического реванша путем институционального гипертрофирования президентского поста, общество прозевало другую опасность, создало все условия для всевластия бюрократии». Любопытно то, что ключевой термин *общество* в данном случае используется как в известной мере противостоящий *населению*, так называемому *электорату.*

Действительно, как мы помним, в ситуации начала – середины 1990-х годов угрозу антидемократического реванша содержал в себе лишь всенародно избираемый «охлократический» парламент, обладающий ресурсом демагогической апелляции к неразвитым политическим инстинктам постсоветских масс, от чьих «порывов», направляемых социальной демагогией против новых властно-собственнических элит, сформировавшихся в основном в ходе так называемой номенклатурной приватизации, и требовалось обезопасить «новое общество». Таким средством и стал гипертрофированный по своим полномочиям институт президентства. И именно «новое общество» выстроило под себя к середине 1990-х годов эту политическую систему.

Но вскоре система вошла в противоречие с интересами активной части более широких слоев населения, тех, кто в новых условиях принуждения к хозяйственной автономии получил определенные возможности для самореализации. В результате мы наблюдали на рубеже 1990–2000-х годов появление персоналистского режима нового качества, который обретал уже известные черты бонапартизма, понимаемого как режим, претендующий на представительство интересов не столько олигархии, сколько атомизированного мелкого частного производителя-предпринимателя на той стадии его развития, когда сам он еще не в состоянии обеспечить механизм собственной политической консолидации. Политическая незрелость этого нового общественного слоя, по сути, и санкционировала процессы форсированной «персонализации» президентской власти, реализующей заложенные в российской политической системе возможности и стремительно возвышающейся над всеми прочими политическими институтами, не контролируемыми этим пришедшим в движение массовым «народным» российским предпринимательством и потому непонятными ему и «бесполезными» с точки зрения его интересов. Об этой особенности природы нашего персоналистского режима стоит помнить всякий раз, когда мы пытаемся спрогнозировать его эволюцию.

Вместе с тем я хотел бы более внимательно рассмотреть условия формирования эффективной и устойчивой демократической системы. Проблема не сводится лишь к конструированию оптимальной институциональной структуры, обеспечивающей разделение и баланс властей. Решающую роль играет состояние общества и готовность его элит к диалогу и компромиссу при выработке политических решений, а это предполагает, соответственно, некий консенсус политической власти, бизнеса, гражданского общества, на основе которого формируются и Конституция, и институциональные формы политической демократии в стране. Но такой консенсус, в свою очередь, может сформироваться лишь на основе уже сложивше-

гося в обществе элементарного правового порядка, т.е. только тогда, когда авторитет права преобладает в сознании и практике общества над авторитетом власти или по крайней мере реально претендует на такое преобладание.

Эта правовая основа политического консенсуса, формирующего основы демократического режима, имеет, в свою очередь, необходимой предпосылкой укорененность в обществе отношений частной собственности, или института частной собственности, который выступает в этом случае *основным* средством общественной консолидации и интеграции, средством формирующего политическое сообщество общения.

Иными словами, выстраивается некая последовательность обусловливающих друг друга факторов, когда демократия формируется на основе политического консенсуса власти и структур самоорганизации бизнеса и гражданского общества, а этот консенсус в свою очередь складывается на фундаменте правовых отношений, возникающих по мере становления института частной собственности. Причём попытка выстроить верхние этажи этого здания, при отсутствии надёжного фундамента, грозит строителям и обществу в целом крупными историческими неприятностями.

Неспособность видеть эту проблему, этот фундаментальный изъян российского проекта модернизации ведёт к тому, что формально правильные институциональные формы насаждаются в России, невзирая на сохраняющиеся вопиющие лакуны в правовом и частнособственническом обеспечении этой модернизации. Приведу два весьма характерных, на мой взгляд, примера. Это, с одной стороны, отсутствие до сих пор сколько-нибудь полноценных кадастров земли и недвижимости в стране, а с другой – стремительное распространение феномена рейдерства как практики использования институтов судопроизводства в условиях неправового общества. Примеры эти из сегодняшней практики, но проблема возникла не сегодня, более того, её можно считать традиционной для России.

Так, в начале XX века в России один из основных социальных конфликтов был связан с сосуществованием общинно-передельных механизмов земельной собственности и формально-правового крупного частного землевладения. Симпатии тогдашней российской власти были, безусловно, на стороне последнего, в том числе и потому, что в нём виделась гарантия грядущего окончательного торжества принципа частной собственности на землю. Но роковое по своим историческим последствиям лукавство власти состояло в том, что, стремясь избежать обострения социального конфликта, она «другой рукой», или, как сказали бы сегодня, «в рамках проводимой социальной политики», длительное время поощряла общинно-собственнические иллюзии крестьянства, пребывавшего в условиях катастрофического и всё нарастающего аграрного перенаселения. Иные, более жесткие и рациональные решения аграрного вопроса, по существу, блокировались. Именно эта политика привела в конце концов к революционному решению проблемы. Иными словами, не решаясь на глубокую и последовательную «революцию сверху», власть спровоцировала радикальную революцию снизу. И, как мы помним, основу мобилизационного ресурса этой антирыночной и разрушающей отношения частной собственности революции составили протестные настроения крестьянства, сориентированные на уничтожение института частной собственности на землю.

Похожим образом можно интерпретировать и трансформации двух последних десятилетий. С середины 1980-х годов власть своей политикой опять же поощряла конфликтное существование двух протособственнических институтов. Одного, формирующегося на основе так называемой собственности трудовых коллективов – своего рода «передельных общин» позднесоветского периода. И другого, формируемого теневыми практиками складывающихся отношений собственности, центрируемых руководителями и администрациями предприятий и связанных с ними, так сказать «крышующих» их, структур партхозактива. Причем в

данном случае позиция власти была не менее лукава, нежели в последние десятилетия правления Романовых. Её интересы, конечно, определялись стремлением к приватизации госсобственности, но сделать это хотелось как-нибудь незаметно. В результате власть усиленно поощряла иллюзию справедливого распределения собственности между всем населением, что в конечном счёте приобрело форму ваучерной приватизации. Последующее осознание её содержания и её итогов и сформировало нынешнее крайне негативное отношение значительной части населения к институционально-правовым основам новой собственности. В целом же проблема легитимации частной собственности в России за два последних десятилетия существенно усложнилась.

Были ли все эти процессы безальтернативны? Исторические альтернативы предполагают возможность принципиально иного выбора политических стратегий ключевыми акторами в критический момент развития. В какой мере российские политики обладали такими возможностями – вопрос сложный. Скорее, при крайне ограниченных ресурсах легитимности, они в первую очередь были озабочены собственным политическим выживанием, зачастую в ущерб потребностям модернизации общества.

Какова устойчивость и эффективность этой государственности и её способность отвечать на современные вызовы? Разумеется, крайне незначительная, поскольку с этой точки зрения в России плохо всё. И главная причина непоследовательности и «самобытности» форм текущего этапа модернизационного процесса – это 75 лет существования в условиях политического искоренения частной собственности и тем самым разложения естественных институтов социальной интеграции. В этом смысле проблема правового нигилизма населения России, равно как и её бизнеса и её власти, в том, что для торжества права нет необходимой естественной основы в виде повсеместно распространенных и освоенных в повседневной практике отношений частной собственности. Причём, как мне кажется, парадоксальность сегодняшней ситуации в том, что на низовом уровне готовность общества к принятию этого ключевого условия модернизации гораздо выше, нежели на уровне власти, где принцип незыблемости частной собственности вступает в непримиримый конфликт с общинно-передельными инстинктами ее многочисленных персонификаторов и всей её постоянно разрастающейся бюрократической машины.

Традиционная, но сохраняющаяся до сих пор модель реализации власти в России, основанная на нерасторжимости власти-собственности, несовместима с господством частнособственнических отношений в обществе. Поэтому неколебимы монополии на потребительском рынке, поэтому не идут реформы ЖКХ, поэтому невозможно решить проблемы производительных инвестиций в условиях избытка нефтедолларов, поэтому крайне затруднена капитализация доходов. Иными словами, современный капитализм как таковой у нас в стране по существу не приживается и не функционирует. Отсюда и недоступность кредитов внутреннему потребителю, и неэффективность банковской системы в деле накопления и мобилизации капиталов. Поэтому, не имея устойчивых основ современного общества, Россия вряд ли может рассчитывать на эффективность своего государства.

Илья Шаблинский: **«Доминирование "Единой России" выглядит нелепо, но если она освободит своё политическое пространство, кто его займёт?»**

Я, как и М.А. Краснов, юрист, поэтому мне удобнее вернуться к институциональным особенностям нынешнего российского политического режима, к той основе, с которой мы начинали и о которой идет речь в статье. Мне кажется, если вспомнить эти особенности, будет легче перейти к вопросу об их возможной трансформации. Легче перечислить их в хронологическом порядке, хотя и логически они выстраиваются в той же последовательности.

Во-первых, необходимо отметить тихую *ликвидацию условий для публичной критики власти.* Это то, что постепенно стало происходить в 2000 году и что, на мой взгляд, является

опаснейшей институциональной особенностью. Причем данная тенденция персонифицируется. Некоторые эксперты исчезли из эфира и их заменили другие – в основном более или менее умело «подпевающие» власти, разными голосами, разными тембрами, но «подпевающие». Это, повторю, основное и самое опасное.

Во-вторых, была такая правовая комбинация, как *ослабление роли Совета Федерации*. Изменение порядка его формирования привело к ослаблению его роли, однако для меня это второстепенный фактор.

В-третьих, *президент у нас получил право назначать глав регионов*. Это на самом деле опасное сосредоточение власти в одних руках. Были приняты некоторые меры по ужесточению условий регистрации и функционирования политических партий, произошло ужесточение условий политической конкуренции. Эта тенденция показала себя в 1999 году на примере схватки двух «партий власти». В условиях раскола властной элиты уже тогда полное доминирование одной политической группировки в телеэфире выглядело уродливо.

Но в 2003 году стало ещё хуже. Преференции стали носить подавляющий характер. *Преференции для конкретной корпоративной силы – единой «партии власти»,* это в-четвертых. И это свело политическую конкуренцию к минимуму.

В-пятых, полное подчинение и размашистое *использование Генпрокуратуры в качестве политического инструмента*. Да, отношения президента и прокуратуры носят у нас административный характер: вызывается прокурор, и перед ним ставятся задачи. С судейским корпусом – по-другому. Мы знаем, что на судей всегда можно давление оказать, не грубое, а мягкое, обволакивающее, так сказать, но настойчивое. И это достаточно эффективно.

Насколько все перечисленные фундаментальные, институциональные особенности режима были характерны для времени Бориса Ельцина? Мы с М.А. Красновым обсуждали этот вопрос. Скажем так: тогда тенденция обозначилась, теперь она проявилась в полной мере. Генпрокуратура стала рычагом президентской власти до Путина, и Борис Николаевич, в общем, стремился к этому. В 1994 году, когда Ельцин увольнял Казанника без согласия Совета Федерации, я, поскольку работал замначальника Правового управления верхней палаты, обсуждал с Ю. Батуриным основание для того, чтобы отказать Совету Федерации принимать решение по этому вопросу. Мне сейчас не очень ловко за это. Лучше бы Казанника не увольняли так, как его Ельцин уволил в январе 1994 года. И все же тот режим был другим, хотя некоторые тенденции наметились уже тогда.

Для развития каких из этих тенденций имеются основания в Конституции? Прежде всего, для полного контроля президента над прокуратурой. Для всех остальных перечисленных мною институциональных особенностей непосредственной основы в Конституции нет. Зато есть простор для свободного правового творчества экспертов из референтной группы президента. Я прекрасно понимаю их политическую психологию. Они ощущают себя искателями некой «золотой середины», строителями новой государственности, и, думаю, в их сознании эта государственность и это государство – прав А.Ю. Зудин – обозначается как «государство развития». Они так видят, полагая, что перечисленные мной особенности и есть путь к «золотой середине». Кажется, что действительно юридический анализ тут вторичен и речь надо вести исключительно о политической психологии. Но этим ограничиться – значит расписаться в совершенном бессилии и свести все к пустому говорению.

Конечно, нравы мы не изменим. И вышеперечисленные особенности не вызвали у широкой общественности ни протеста, ни каких-то иных явно выраженных реакций. Они легко были восприняты политическим сознанием тех, кто голосует за статус-кво и «Единую Россию». Но я полагаю, что статья М.А. Краснова заставляет – скажу словами В.В. Лапкина – всё-таки поразмышлять над оптимизацией институциональной структуры, обеспечивающей взаимодействие, а не иерархию властей, чтобы как-то вернуть утраченное.

Да, доминирование «Единой России» выглядит нелепо, но если она освободит свое политическое пространство, кто его займет? Его займут партии, которые призывают мстить и делить, и не знаю, что для нас хуже. Поэтому имеет смысл говорить о конкретных институциональных усовершенствованиях, очень аккуратных, которые легче всего увязать со сменой вех 2008 года.

Итак, что необходимо в первую очередь сделать для трансформации нынешней государственности в правовую? Думаю, можно сосредоточиться на том, о чём сказал И.А Яковенко. Необходимо создать общественный совет по обеспечению контроля за использованием эфирного времени Первым каналом или каналом «Россия», например на основании федерального закона об общественном телевидении. Достижение этой локальной цели позволит добиться некоторого расширения информационного поля, создать плацдарм для оппонирования власти. Закон о средствах массовой информации вполне удовлетворителен, надо только развить заложенную в нём правовую базу. Если получится, это можно будет считать скромным шагом вперед.

Игорь Клямкин:

Завершен первый круг обсуждения. Мы пока не говорили о том, как нынешний режим трансформировать, а просто пробовали с разных позиций его описать и почти все сошлись на том, что он неэффективен и неустойчив. Значит, перед обществом рано или поздно встанет вопрос о его изменении, а перед самим режимом – вопрос о самоизменении. Но как, в каком направлении и темпе институциональные перемены должны и могут происходить? М.А. Краснов описал много систем, сходных с российской. Все они отличаются от неё статусом и местом исполнительной власти, местом правительства. Следует ли России двигаться к этим моделям? Можно ли вообще формировать правительство, ответственное перед парламентом в такой ситуации, как наша, т.е. при слабости местного самоуправления и других институтов гражданского общества? И существует ли альтернатива такому варианту, движение к которому наметилось уже, если вспомнить о Молдове или Украине, и на постсоветском пространстве? Некоторые политики и аналитики предлагали в свое время заимствовать американскую модель. Насколько это перспективно?

Теперь что касается субъекта перемен. М.А. Краснов твердо стоит на том, что в сложившейся ситуации это может быть только президент. Хочу обратить внимание автора статьи на то, что это противоречит другому его тезису: какой бы президент ни был, институциональная система диктует ему жесткую логику поведения. Что заставит его вдруг вырваться за пределы этой системы, на какие ресурсы, на какую база он будет опираться? И.А. Яковенко заметил, что народ как раз заинтересован в таком персонаже и в таком режиме, как нынешний. Так ли это? Давайте обсудим все эти вопросы.

Алексей Зудин: **«Первым шагом на пути выхода из персоналистского режима станет ротация власти, хотя бы в управляемой форме»**

Прежде всего хочу заступиться за институциональный анализ. Он принципиально правомерен и вдвойне правомерен применительно к нашей системе. Для описания российского общества японский политолог Сигики Хакамада использует метафору «общество песка». Разумеется, как любая метафора, она основана на преувеличении и не вполне справедлива, поскольку мы знаем, что ростки гражданского общества у нас есть, но тем не менее данный образ имеет под собой рациональное основание. Так вот, в подобного рода ситуациях институциональный подход и институциональные стратегии как раз и дают повышенную отдачу. А если правовые нормы не срабатывают, не надо из этого делать вывод об их принципиальном бессилии, нужно просто обратить внимание на контекст. И если мы это сделаем, то скорее всего увидим, что никто всерьез не занимается правоприменением.

Л.Ф. Шевцова справедливо напомнила об особенностях нашего транзита – он был трой-

ной, т.е. предполагал переход к рынку, переход к демократии и новое геополитическое самоопределение. К этому тройному переходу я бы добавил еще одну характеристику, которая позволит нам более реалистично оценить коридор возможностей для осмысленного движения. Давайте не забывать, что наш переход не только был тройным по степени сложности, он еще был навязанным. Это означает, что в момент перехода ни в обществе, ни в элитах не было большинства, которое бы этот переход поддерживало. В этом кардинальное отличие начальной фазы нашего перехода от «бархатных» революций, с которыми нас так любят сравнивать.

Хочу поддержать автора статьи и немного с ним поспорить. Действительно, когда перспектива перемен связывается с единственным действующим лицом, это производит довольно тягостное впечатление. Вместе с тем Герман Дилигенский в своё время высказал интересную мысль о ложности распространенных среди политологов и социологов стереотипных представлениях о повышенном коллективизме современного российского общества. Дилигенский оценивал его как глубоко атомизированное и индивидуализированное. Это означает, что при отсутствии сложившихся коллективных акторов повышенное значение будет иметь индивидуальная инициатива. Добавим, что эта индивидуальная инициатива может проявляться в самых разных областях и на разных уровнях. Не только в попытках создания частных предприятий вопреки административным барьерам, но и в проектах политических реформ, которые соответствуют диффузным общественным запросам, но противоречат сложившимся интересам.

Еще один тезис в обоснование подхода М.А. Краснова. Мне кажется, что в ходе нашей дискуссии произошла некоторая подмена понятий: высшее политическое руководство постоянно отождествляется с бюрократией. Понятно, что оно на бюрократию опирается, это его естественная опора. Но когда ставится знак тождества между сверхэлитой и бюрократией – это, на мой взгляд, неверно, потому что интересы у них разные. Расхождение интересов обусловлено прежде всего особым положением в системе власти, которое занимает высшее политическое руководство. Положение сверхэлиты в самом центре системы власти сильно и, я бы сказал, принудительно расширяет кругозор и побуждает к действиям, ориентированным на более долгосрочную перспективу. Таким образом, *реформа сверху, в принципе, возможна*. Можно также указать и источники давления в сторону перемен.

Во-первых, это *рыночная среда*, которую никакое «государство развития» отменить не способно да и не собирается этого делать. Причем рыночная среда не только международная, но и, что бы ни говорили, внутри страны.

Во-вторых, *фактор Запада*. Политическая траектория нынешнего российского руководства во многом выглядит как попытка избежать двух крайностей, которые одинаково его пугают. Одна крайность называется failed state, когда Россия перестает быть игроком и на мировой арене, и внутри страны – она превращается в совокупность ресурсов, которые потребляют другие политические акторы, а высшее политическое руководство лишается привычной работы. Противоположная крайность – «государство-изгой». Оказаться в этой категории также неприемлемо. Политический курс выстраивается как движение между этими полюсами. То есть Запад в качестве значимого фактора продолжает работать для политического руководства и как соперник, и как партнер. Нынешние действия, начиная с газового конфликта с Украиной, которые побудили западную элиту в Давосе задуматься о России как о вызове и угрозе, на мой взгляд, связаны с её попыткой вернуться в качестве активного игрока в мировую политику. Наша старая роль в 1990-е годы многих устраивала, к ней успели привыкнуть и не хотят позитивно воспринимать возросшую самостоятельность России. Как известно, из старой роли не выходят, из нее «выламываются».

Наконец, есть третий фактор. Он постоянно служит объектом презрительных коммен-

тариев и травматических переживаний, но тем не менее существует. Этот фактор – *российский избиратель*. Можно как угодно ограничивать политическую конкуренцию, но выборы все равно остаются единственным способом легитимации власти, а многопартийность – эталоном нормальной политики. Российский избиратель сохраняет положение «хранителя ключей» от власти. Он слаб, не уверен в своих силах, дезориентирован и дезорганизован. Он не доверяет институциональным посредникам, но продолжает оставаться привратником власти, а импульсы, которые от него исходят, сохраняют политическое значение.

Преимущественными возможностями для улавливания этих импульсов располагает именно сверхэлита – у неё больше мотивов, стимулов и ресурсов. Да, власть медленно, с трудом и буквально «на ощупь» формулирует новую политическую повестку, но оппозиция полностью продолжает жить девяностыми годами. Теоретически, в случае дезинтеграции существующего политического режима, она может реально воспользоваться ситуацией, но для этого ей придется либо обмануть избирателя, либо позаимствовать повестку, формируемую властью. *Никакой новой повесткой, альтернативной той, которую медленно формирует власть, оппозиция в настоящее время не располагает.*

На мой взгляд, первым шагом по пути выхода из персоналистского режима станет ротация власти, хотя бы и в управляемой форме. Потому что если этого не будет – не будет и ничего остального. Это определяющее условие для начала разрыва с персоналистским режимом.

Второй шаг – укрепление реальных стимулов для укоренения многопартийной системы. Создали пропорциональную систему, а она может работать по-разному. И не только в зависимости от высоты отсекающего барьера, но и по другим причинам. Скажем, многое будет зависеть от того, на каком варианте политического позиционирования в конечном счете остановится «Единая Россия»: будет ли она по-прежнему настаивать на «социальном консерватизме», гарантирующем сохранение фактической политической монополии, или переориентируется на «либерально-консервативную» политическую нишу и освободит больше места для других политических сил. Существуют и такие стимулы для развития партийной системы, как величина «приза» для её участников. Я бы не делал никаких особых выводов из того, что «Единую Россию» лишили «сладкого сна» в виде правительства парламентского большинства. Движение в направлении партизации системы власти будет происходить по той простой причине, что никакой внятной альтернативы ему не существует. Нынешняя система, расколотая по клановому принципу, функционировать не может. Так что партизация власти – вопрос не принципа, а времени и скорости движения в данном направлении.

Поэтому третий логичный шаг – это появление партийных министров в беспартийном правительстве, и лучше всего, если они будут представлять не одну, а разные партии.

Последующие шаги, условно четвертый и пятый, более всего вероятны не в системе власти, а в системе отношений государства и гражданского общества. Они могут быть связаны с новой волной дерегулирования – я имею в виду делегирование госполномочий саморегулирующимся организациям. Или с повышением дееспособности судебной системы, а именно совершенствованием её возможностей обеспечивать адекватное правоприменение. Или с восстановлением реальных правовых гарантий для нормальной работы средств массовой информации. Но это, скорее всего, может стать реальностью только в среднесрочный период.

Игорь Клямкин:

Вы назвали предпосылки трансформации режима – рыночную среду, Запад и российских избирателей. Но на сегодняшний день ни по отдельности, ни все вместе эти предпосылки к трансформации не ведут. Более того, события развиваются в прямо противоположном направлении. Мы видим, что сейчас происходит с общественными организациями, со СМИ,

несмотря на рыночную среду, фактор Запада и российского избирателя. К тому времени, когда эти факторы должны будут заработать по-новому, система может закостенеть ещё больше, её инерционность усилится. Возможно ли будет повернуть её в том направлении, о котором говорит А.Ю. Зудин? В рассуждениях, по-моему, не учитывается та системная эволюция, которая происходит и будет происходить в оставшиеся до выборов два года. Насколько оправдан расчет на то, что после выборов произойдет какой-то поворот под влиянием тех объективных факторов, которые сейчас, повторю, почему-то не действуют?

Алексей Зудин:

Когда речь заходит об ограничении средств массовой информации, обычно справедливо говорят о действиях власти. Но был еще один фактор, и социологи его хорошо знают. К концу 1990-х годов СМИ разошлись с общественным мнением. Они все больше ориентировались на запросы достаточно узкого социального круга и оказались в политической изоляции. Кремлевские плановики ведут себя как «вершители судеб» не только из-за особенностей политической психологии: каждый – обязательно «Наполеон» и действует без оглядки на обратные связи, коалиции и переговоры. Существует и сложившаяся расстановка политических сил, которую мы совершенно не обсуждали. Ведь по каким-то причинам одни политические силы проиграли, а другие выиграли.

Есть и еще одна причина, которая, к сожалению, работает на модель трансформации персоналистского режима «сверху»: мы вступили в период слабых элит. Это произошло не столько по воле «великого и ужасного» В.Ю. Суркова и его политтехнологов, сколько в результате эволюции позднесоветских элит, их возросшего несоответствия общественным запросам. Если мы посмотрим, как ведет себя власть по отношению к элитам, то увидим, что она действует во многом в тех рамках, которые заданы общественным мнением. Не всегда, не во всём, но во многом.

Кремлевский агитпроп не столько производит какую-то оригинальную политическую продукцию, сколько «индуцирует» уже существующие тенденции и настроения. Сигналы из общества он улавливает достаточно чутко, потому что в противном случае все его политические проекты окажутся нежизнеспособными. Неорганизованное российское общество обладает не только символической силой «привратника», оно осталось, пожалуй, единственной автономной политической силой в персоналистском режиме. Всё это придает реальность фактору, который носит название «российский избиратель». Именно как доказательство реальности этого фактора следует рассматривать массовые протесты против монетизации льгот в начале 2005 года. Совокупность упоминавшихся мною факторов: рыночная среда, Запад и российский избиратель – не позволит укрепляющемуся государству снова «пожрать» российское общество и будет подталкивать персоналистский режим к постепенной деконцентрации власти после 2007–2008 годов.

Лилия Шевцова: **«У меня нет сомнений в том, что Россия обречена на кризис бюрократического авторитаризма»**

Прежде всего, мне хотелось бы прокомментировать то, что А.Ю. Зудин сказал о роли Запада. Попутно хочу попросить И.М. Клямкина собрать группу аналитиков, чтобы обсудить, влияет ли западное сообщество на процессы, происходящие в России, и если да, то каким образом. А сейчас ограничусь лишь некоторыми соображениями.

Западное сообщество расколото в своем отношении к российской трансформации. Меньшинство на Западе, если речь идет о политических кругах, бизнес-элите и транснациональных корпорациях, придерживаются точки зрения на Россию, которую можно охарактеризовать так: трансформация элиты через интеграцию. Это означает следующее: мы вас интегрируем в наши структуры и будем надеяться, что эта интеграция приведет к вашему изменению. Эта часть Запада ещё недавно надеялась, что по мере интеграции в западное сообще-

ство российская элита сможет принять либерально-демократические правила игры.

Вторая, более массовая часть западной элиты, говорит по-другому: сначала трансформация, а затем интеграция. Это означает, что Запад считает необходимым подождать, пока Россия решит свои проблемы, трансформируется, и только после этого начнет думать о том, чтобы реально интегрировать Россию.

Есть и третья группировка, которая, к моему сожалению, расширяется и серьёзно влияет сейчас на конкретную политику западного сообщества в отношении России. Позиция этой группы такова: давайте законсервируем нынешнее положение на некоторое время, пока Россия не созреет для нового витка реформ. А ещё лучше – дистанцируемся от нее. Эта группа начинает требовать более жёсткого давления на российскую власть, вплоть до исключения России из «Восьмерки». Думаю, что такой подход, который ведет к маргинализации России, может только усилить в самой России авторитарно-бюрократический крен. Как бы то ни было, в последнее время Запад, и в первую очередь США, начали довольно серьезно давить на Россию по поводу Закона о неправительственных организациях. Это фактически первая попытка за последние 15 лет вмешаться в кремлевский механизм осуществления внутриполитических решений с целью предотвратить принятие решения, которое, по мнению западного сообщества, может ограничить не только возможности российского гражданского общества, но и возможности самого Запада влиять на Россию.

Есть и другой индикатор, который покажет, в какой степени Запад готов оказывать влияние на политику российской власти. Я говорю о Грузии, Украине и Беларуси. Отношение Кремля к этим государствам является источником беспокойства на Западе. В случае с Грузией и Украиной западные правительства опасаются попыток России вмешательства во внутреннюю политику этих стран с целью поддержки пророссийских сил. В случае с Минском Запад обеспокоен поддержкой Москвы режима Лукашенко, который считается в Европе единственным политиком-изгоем. Сможет ли западное сообщество повлиять на содержание российской внешней политики по отношению к упомянутым странам, мы увидим уже в ближайшие два года. Как показал «газовый конфликт» между Россией и Украиной в конце 2005 года, именно постсоветское пространство скорее всего станет полем напряженности между Россией и Западом.

А теперь мне хотелось бы прокомментировать прозвучавший термин «оптимизация» в отношении российской системы. Честно говоря, сомневаюсь в том, что её оптимизация действительно возможна. Не исключаю, что любая попытка такой оптимизации, т.е. реформирования российской системы, в конечном счете сведётся к частичному её обновлению без изменения сущности либо к откровенной и осознанной имитации реформирования. Я лично считаю, что российскую систему нельзя оптимизировать, т.е. её нельзя реформировать ни по частностям, ни по блокам, а можно только реструктурировать как совокупность, как целое, изменив её матрицу – основные принципы её построения.

Что касается формулы «выхода», т.е. того, как реструктурировать российскую систему и кто может стать субъектом этих усилий, я полностью согласна с М.А. Красновым в том, что нынешняя политическая и конституционная конструкция блокирует все реформы. Но учтем и то, что одновременно эта несущая конструкция задает тон либо делает неизбежными «изменения через кризис». Очевидно, мы должны это осознавать и, как аналитики, должны быть готовы реагировать на возникновение системного кризиса, понимать, через какие этапы он должен пройти и каковы его возможные последствия.

У меня уже нет сомнений в том, что Россия обречена на кризис бюрократического авторитаризма. И самое главное в нашем скатывании к этому кризису – предотвратить переход к еще более традиционалистской системе. Я полагаю, что первой стадией будущего систем-

ного кризиса будет *кризис гибридности*. Я имею в виду кризис той достаточно противоречивой модели, в которой заложены несовпадающие векторы, в том числе и либерально-технократическая составляющая. Именно наличие в нынешней российской системе либерально-технократической составляющей (либерал-технократы в правительстве, использование властью либеральной риторики) как части гибрида, по существу, препятствует попыткам реформирования этой системы и создает иллюзии относительно её реальной сущности.

Что станет толчком к этому кризису? Сочетание разноплановых явлений: падение цен на нефть, техногенные катастрофы, увеличение разрывов в доходах, повышение тарифов на жилье и т.д. Но, кроме появления признаков социального недовольства, кризис предполагает и неспособность правящей элиты к контролю за ситуацией. Если в обществе не окажется сил, способных предложить модернистское видение выхода, не исключено, что кризис гибридности приведет к появлению гораздо более одноцветного, жёсткого национал-популистского режима власти. И в этом случае лишь следующий кризис режима, возможно, создаст условия для либерально-демократической трансформации, о которой говорит М.А. Краснов в конце статьи.

Автор рассматривает основной субъект власти – возвышающегося над обществом президента, как возможный инструмент для обновления. Он считает, что персонализм должен стать средством разрушения персонализма. Но весь опыт мировой трансформации свидетельствует, что такая модель выхода оказывается успешной исключительно редко. Можно назвать несколько стран, в частности Испанию, где лидер, вышедший из авторитарной системы, осознал её исчерпанность и создал условия для её дегерметизации и переводу в демократический цикл. Но это может произойти только в том случае, если, во-первых, лидер не несёт ответственность за исчерпавшую себя систему, т.е. не он был её создателем; во-вторых, налицо все признаки исчерпанности системы и недовольство ею как сверху, так и снизу. Горбачёв тоже начал медленно «открывать» советскую систему, не будучи ответственным за её создание и не желая её обвала.

Практически все успешные трансформации авторитарных и тоталитарных обществ включали в себя следующие элементы: *трансформационный лидер*, который приходит к власти в момент дряхления системы с ощущением своей миссии; *фрагментация правящего класса*, выделение из него прагматиков, готовых к реформированию; *давление снизу* в виде протестного движения. Только эта «трёхчленка» может привести к успешному выходу из прежнего режима. Во всяком случае, я не знаю ни одной успешной и необратимой трансформации при наличии лишь одного элемента этой схемы.

Для меня основная гарантия в процессе структурного реформирования бюрократически-авторитарной системы – это верховенство закона. Мы уже видели, к чему свелась российская трансформация, которую сами либералы и демократы восприняли как преимущественно выборы. Любое искусственное вычленение одного принципа либеральной демократии и игнорирование остальных элементов и принципов неизбежно ведет либо к появлению имитации, либо к деформации демократии, что почти одно и то же.

Теперь несколько слов по поводу преимуществ парламентско-президентской системы. Существующий мировой опыт доказывает, что смешанная система создает больше возможностей для учета разнообразных интересов общества и менее болезненного его продвижения к новым стандартам, для консолидации демократии и обеспечения гарантий её необратимости. Хотя в то же время становится более ощутимой угроза популистских поворотов, особенно в ходе экономической реформы, она всё же относительно невелика в сравнении с рисками, которые возникают в рамках президентской системы, работающей по принципу «победитель получает всё».

Любую систему нужно встраивать в контекст страны. У нас есть печальный опыт функ-

ционирования смешанной системы в 1991–1993 годах. Правда, тогда речь все же шла о нестыкующихся фрагментах разных исторических эпох и институтах, которые претендовали на монополию власти. В любом случае, России придется выходить из суперпрезидентства, которое, как доказал М.А. Краснов, и с политической, и с конституционной точек зрения блокирует модернизацию общества.

К каком направлении нам двигаться? Какая форма властвования и какой политический режим окажутся в российских условиях наиболее эффективными, если говорить об интересах модернистского проекта? Можно только приветствовать идеи М.А. Краснова относительно премьерско-президентского режима, пусть необязательно повторяющего французскую модель. Можно рассмотреть и вариации португальской либо финской модели смешанных режимов власти, доказавших свою эффективность. Мне очень близка идея дуализма лидерства и распределения обязанностей между президентом и премьером, которое должно предотвратить авторитаризм власти. Но в таком случае мы должны подумать и о том, как избежать другой угрозы – распыления ответственности и воспроизводства безответственности, перетягивания каната между премьером и президентом, особенно если окажется, что они будут членами разных партий. При размышлениях о новой политико-правовой конструкции нужно думать о том, как создать эффективный механизм взаимосвязи между выборами, партиями, правительством и президентом, причем выстраивая её снизу, а не сверху, как сейчас. Однако в этой связи у меня возникает следующий вопрос, возможно риторический, которым я и завершу своё выступление.

Давайте взглянем на те процессы, которые происходят с мировой политикой и её основными атрибутами. Кажется, Кардосо был первым, кто заявил, что старая политика себя исчерпала и наступает время новой политики. Он имел в виду, что политика, основанная на традиционных институтах – партиях, парламенте, выборах, начинает устаревать. Об этом свидетельствует кризис европейской модели политического развития, когда европейские партии, представленные в Европарламенте, проголосовали за европейскую конституцию, а лоббистские группировки регионов, органы самоуправления, представители СМИ выступили против неё и убедили в этом население в целом ряде стран, включая Францию. Обратим внимание, что медиа, локальные сообщества могут быть гораздо эффективнее в продвижении своих интересов, чем партии. Так вот, мой вопрос: должны ли мы, размышляя о новой российской системе, повторять традиционный цикл XIX–XX веков, по которому шли либеральные демократии, либо следует учесть и новый зарождающийся опыт, в первую очередь опыт европейской политики? В таком случае гражданское общество, экологические организации, Комитет солдатских матерей, Союз журналистов и другие подобные организации населения могут оказаться важнее, чем партии в сфере представительства интересов.

И последнее. И.Г. Шаблинский поднял очень интересную проблему, которая связана с темой нашего обсуждения. «Единая Россия» действительно «своим брюхом» лежит на той массе населения, которое готово проголосовать за «Родину» либо другую национал-популистскую силу. Точно так же и президент Путин и его команда сегодня не дают прийти к власти гораздо более жесткому авторитаризму. Всё это так. Но мы понимаем, что чем больше «Единая Россия» заполняет политическое пространство, тем больше угроза того, что население, устав от «партии власти», будет поддерживать экстремистские силы. Чем дольше нынешняя команда сидит в Кремле, тем сильнее угроза, что она будет стимулировать запрос на более агрессивный тип авторитаризма. Тем более что политическая конструкция толкает к такому сценарию: при гибридной системе, если страна не идет вперед, к демократии, то она неумолимо откатывается назад.

Георгий Сатаров: **«Единственный обнадёживающий фактор состоит в том, что спрос на демократическую альтернативу по-прежнему существует»**

Перспектива демонтажа персоналистского режима представляется мне вполне реальной. Даже если нам предстоит иметь дело с преемником Путина, у которого будет единственная квазилегитимность, а именно сам Путин, то всё равно он вынужден будет Путина отрицать в поисках новой легитимности. Точно так же как Хрущёв должен был отрицать Сталина, в результате чего последовала оттепель, а Горбачёв – Брежнева и застой, после чего опять наступила оттепель. При этом каждый из них не понимал последствий своего отрицания и последствий этой оттепели, они только реагировали на сложившуюся до них ситуацию.

Игорь Клямкин:

Если Путин уйдёт при 70%-ном рейтинге, то зачем преемнику его отрицать?

Георгий Сатаров:

Чтобы утвердить себя. Не более того. Сценарий оттепели как инструмент поиска новой легитимности после отрицания предшественника использовали чуть ли не все наши цари – каждый новый царь поначалу пытался ввести послабления для какой-нибудь группы. При Хрущёве это были одни группы, при Горбачёве – другие. Аналогичные процессы – с поправками на время, будут, возможно, происходить и после Путина. Я говорю про плавный сценарий при страхующем, управляемом наследовании режима. Но такой тип наследования может приводить и к сценариям дестабилизирующим.

Для этого в России уже есть основания, потому что в стране растет средний класс. В такой большой стране, как наша, затормозить этот рост принципиально невозможно, это неконтролируемо. Средний класс начинает организовываться с фантастической скоростью и с не меньшей скоростью – политизироваться, потому что его неуспехи в решении своих проблем посредством самоорганизации неизбежно приводят его к политизации. Я наблюдаю разные такие группы, которые на три порядка эффективнее тех, что были 15 лет назад. Например, прагматики-менеджеры с отличным знанием всех современных технологий и с очень жёсткой реакцией на происходящее, потому что они уже реально владеют собственностью среднего размера, за которую люди перегрызают глотки. Это всё, повторяю, развивается непредсказуемо и может вылиться как в фашизм, так и в демократию – шансы пока назову равными, потому что они непонятны.

Единственный обнадеживающий фактор состоит в том, что спрос на демократическую альтернативу по-прежнему существует. Как ни странно, он не уменьшился. Уменьшился спрос на тех, кто пытается её имитировать. Таких людей посылают куда подальше, но не нужно это выдавать за кризис идеи либерализма и демократии в стране. Его нет. Точнее, нет кризиса спроса, а есть лишь кризис предложения. И с этим надо работать.

Игорь Яковенко: **«Импульсы демократической модернизации придут только из общества, где нет ни "вертикали власти", ни "системы назначений"»**

Мне кажется, всё-таки надо договориться насчет метода анализа. Во-первых, я по-прежнему возражаю против сведения институционального подхода к правовому, это неправильно. Поэтому я и говорил о необходимости дополнить правовой анализ, который имеет право на существование, другими методами, в частности социологическим. Во-вторых, сами правовые нормы начинают работать только тогда, когда на что-то опираются. Сами по себе они не работают. А опираются они не только и не столько на насилие, сколько на упругую среду гражданского общества. Если такая среда, которая проявляется прежде всего в том, что люди обращаются в суд, объединяются в какие-то корпорации, в значительной степени автономные, способные себя защищать, – если такая среда существует, то в этом случае работает и закон. Только так и не иначе.

Один пример. У нас лучший в мире на сегодняшний день закон о средствах массовой информации. Поэтому, когда говорят о том, что нужна правовая защита свободы СМИ, я

просто не понимаю, о чём идет речь: у нас, повторяю, лучший в мире закон о СМИ, это показывает экспертный анализ с участием ведущих зарубежных экспертов. Чего еще желать? Да, нужна регуляция в области телевидения, нужен закон об общественном телевидении, но с точки зрения базовых законов ничего лучшего во всем мировом законодательстве нет. Так почему закон не работает? Потому что не опирается на упругую среду гражданского общества.

Если же говорить о необходимости правового анализа в целом, дефицит которого ощущается, то напоминаю М.А. Краснову, что за ним остался долг с момента нашей совместной работы над проектом «Конституционное обустройство России». Мы тогда установили, что одна из фундаментальных проблем России заключается в том, что это самая гетерогенная в мире страна. Разница между двумя субъектами Российской Федерации по всем показателям огромна. Вы не найдёте двух европейских стран, которые больше бы отличались друг от друга, чем, например, Калмыкия и Пермская область. Отсюда резкие колебания исторического маятника: от унитарии до конфедерации. То у нас абсолютно унитарная страна, какой был Советский Союз, то маятник молниеносно проскакивает уровень федерализма, и мы «попадаем» в конфедерацию. Это проблема, которая действительно нуждается в решении, в том числе и методом правового анализа.

Факторы, о которых говорил А.Ю. Зудин, – рынок, Запад и избиратель, безусловно, не являются константой. Но если сейчас они действуют именно так, то почему завтра они должны начать действовать таким образом, чтобы уменьшить степень авторитарности нашего режима и изменить его персоналистский характер? Тем более что каждый из этих факторов проявляет себя неоднозначно. В частности, Запад частично готов интегрировать нашу элиту, но не готов интегрировать Россию в целом.

Г.А. Сатаров говорил, что следующий президент будет отрицать нынешнего. Да, он обречен на такое отрицание, это совершенно очевидно, но от чего именно он будет отказываться, что именно будет отрицать в сегодняшнем Путине? Будет ли он рубить остатки демократии и двигаться дальше в сторону персоналистского режима более жесткого толка, или он будет рубить некоторые конструкции персоналистского режима? Кто ему вектор задаст?

Михаил Краснов:

Мы, аналитическое сообщество.

Игорь Яковенко:

Степень автономности экспертного сообщества за эти годы резко уменьшились, равно как и его роль и влияние на политическую элиту. И состав советников существенно изменился в администрации президента, и структура самой администрации изменилась, и роль этих советников в Думе и в политических партиях тоже изменилась. Их вытеснили, подобно тому как в СМИ произошло вытеснение журналистики политтехнологиями. Так что эта гипотеза не представляется мне убедительной.

Лилия Шевцова:

На трансформацию режима может повлиять обвал нефтяной цены.

Игорь Яковенко:

Может быть. Но это не очень предсказуемая вещь. Я не слышал точных прогнозов, когда это «счастье» с нами произойдет. Это может случиться завтра, а может – через двадцать или тридцать лет. Поэтому эта гипотеза мне неинтересна, во-первых, в силу моего глубочайшего дилетантизма в данной сфере, а во-вторых, потому, что это не случится в ближайшее время.

Мне представляется, что искомой точкой роста может быть только гражданское общество. Оно развивается по своей внутренней логике, которая в правовой системе не работает, потому что там в неё вмешиваются, там низкая степень автономности. Между тем в системе

гражданского общества существуют достаточно автономные образования. Вот вдруг автомобилисты объединяются, и не стоит над этим смеяться. Речь идет о реальных и совершенно неожиданных поворотах, которые являются фундаментом и внутренним источником преобразований, поворачивающих судьбы народов. Источники, конечно, бывают разные. Иногда это изменение внутри религии, чему масса примеров и что проанализировано в истории социологической мысли. Иногда это изменение, допустим, в СМИ, дающее толчок всему обществу, – таких фактов тоже немало. Но это могут быть и автомобилисты, и профсоюзы, и солдатские матери, которых достанет наша армия. Приходится слышать: с чего вдруг они начнут самоорганизовываться и действовать? Всерьез заденет – начнут.

Лилия Шевцова:

А нужно, чтобы задело?

Игорь Яковенко:

Нужны два обстоятельства. Во-первых, нужно, чтобы бюрократическая система совершила то количество глупостей, на которые она обречена, будучи лишенной способности к прогнозированию, и которые рано или поздно заденут огромные массы людей. Во-вторых, нужны усилия по структуризации гражданского общества. Ничего не делается само. Я могу сослаться на пример самоорганизации медийного сообщества. Точками его кристаллизации могут быть самые разные вещи, роль исторической случайности свободы воли социально-политического электрона здесь фантастически велика. Если бы в 1998 году я не создал национальную тиражную службу, которая сертифицирует тиражи, её бы не было до сих пор, это я точно знаю.

Аналогичным образом, точки роста, точки кристаллизации структур гражданского общества могут быть разбросаны по всему социальному полю, и где именно произойдет концентрация социальной энергии, как она повлияет на будущего преемника Путина и в каком направлении заставит его действовать – это я предсказать не могу. Но я убежден в том, что источником и стимулом перемен может быть только то, о чём я сказал.

Что же касается деградации политических элит, то это рукотворный процесс. Есть исследования, которые это подтверждают. Была проведена тотальная зачистка целого ряда полей. Создан политический лифт, поднимающий наверх антиэлиту, т.е. лифт, работающий от кнопки «плохая репутация». Происходит отбор антиэлиты, в среде которой не могут инициироваться модернизационные инновации. Поэтому точка роста находится за ее пределами. Импульсы демократической модернизации придут только из общества, где нет ни «вертикали власти», ни процедуры назначений: солдатских матерей не назначают. Такие импульсы могут быть и во властных структурах, но там они отторгаются. Это мертворожденные структуры, которые не являются точками роста.

Лилия Шевцова:

Как же этот импульс приведет к реорганизации системы?

Игорь Яковенко:

Есть два сценария, и они известны. Мне незнакома теория управляемого социального взрыва, и я не хочу рассматривать сценарий такого взрыва именно потому, что не знаю, как им управлять. Что касается другого варианта, то речь идёт о создании более или менее нормального политического рынка. Когда существует электоральный рынок, тогда любой политик должен будет прийти к автомобилистам, к солдатским матерям, в профсоюз, в Союз журналистов, т.е. прийти к владельцам голосов и сказать, чего он хочет, а также услышать то, чего от него требуют. И это реальная перспектива не пятидесяти, а ближайших пяти лет. Это возможный сценарий, потому что здесь есть точка роста. Если же общество останется атомизированным, тогда наиболее реальные сценарии – либо воспроизводство ухудшенного варианта персоналистского режима, либо социальный взрыв.

Игорь Клямкин:

Всё сказанное И.А. Яковенко представляется мне очень важным. По крайней мере, просматривается перспектива, которую, кстати, чувствует и персоналистский режим. Чувствует и пытается заблокировать, причем не только посредством давления на гражданские организации, но и посредством создания имитационных структур гражданского общества, подконтрольных режиму. Более того, во власти и обслуживающих её пропагандистских институтах появляются люди, готовые поддерживать спонтанную низовую активность тех же автомобилистов в их протесте против несправедливого судебного решения. Но делается это для того, чтобы не допустить вмешательства гражданских организаций непосредственно в сферу политики. То есть, не для того, чтобы осуществить трансформацию персоналистского режима, а для того, чтобы сохранить его, представив вполне совместимым с гражданским обществом.

Владимир Лапкин: **«Определённый "откат назад" – это наиболее реалистичный вариант политического развития России в обозримой перспективе»**

Я начну с тезиса о неустойчивости и неэффективности персоналистского режима, что было отмечено И.М. Клямкиным в самом начале обсуждения. Но если этот режим неустойчив, то он обречен на перемены. При этом качество предстоящих изменений остаётся под вопросом, а возможность улучшений в процессе такой трансформации представляется неочевидной. Что же тогда придёт на смену нынешнему персоналистскому режиму?

В связи с этим не могу согласиться с утверждением А.Ю. Зудина, что наша бюрократия – это такой инструмент в руках власти, который имеет чисто функциональное значение. На мой взгляд, бюрократия и есть ключевой общероссийский политический институт согласия, который сейчас интенсивно набирает силу и становится решающим в процессах выработки политического компромисса во властной элите. Он формируется как вполне очевидная конкурирующая альтернатива проектам самоорганизации в рамках структур гражданского общества или в рамках бизнес-структур мелкого и среднего уровня. Во второй половине 1990-х годов казалось, что такой альтернативы уже не существует, что всё это в прошлом, что бюрократия никогда уже не будет претендовать на роль демиурга российской политики. Но вскоре после прихода к власти нового президента и экспертное сообщество, и широкая публика «неожиданно» обнаружили: то, что, казалось бы, ушло в прошлое, возвращается. Перспектива движения по пути властно-бюрократической консолидации общества представляется с каждым годом всё более реальной, а структуры, впрямую олицетворяющие власть бюрократии, становятся главными игроками на российской политической сцене. Это возвращение бюрократии на первые роли в политическом процессе и является для меня самым сильным доводом в защиту тезиса о реальности её (бюрократии) претензий на роль ключевого института политического согласия в сегодняшнем российском обществе.

Каким в этой новой ситуации окажется итоговый выбор интенсивно растущих сегодня структур мелкого и среднего бизнеса? Станет ли таким выбором политическая консолидация под колпаком властвующей бюрократии федерального или регионального уровня? Либо, заведомо бросая вызов бюрократии, бизнес предпочтёт стратегию формирования автономных структур политической самоорганизации?

Это очень серьёзный вопрос с точки зрения перспектив российской политической жизни, и основная политическая игра идёт сейчас именно на этом поле. Нет никаких сомнений в том, что в интересах российской властвующей бюрократии – блокировать всякое движение к правовой государственности. Альтернативой этому для страны является самоорганизация тех самых слоев среднего и мелкого предпринимательства. Их сверхзадача, если временно отстраниться от вопроса о её реализации, заключается в том, чтобы последовательно отстаивать свои права собственности и двигаться к легитимации и даже кодификации сложившихся

практик владения.

Но проблема в том, что затянувшиеся и крайне непоследовательные постсоветские социальные трансформации сформировали не очень благоприятные условия для того, чтобы право собственности получило активную поддержку в обществе. Особенно с учетом нарастающего давления на эти процессы со стороны бюрократии. Казалось бы, мы имеем дело с естественным, достаточно длительным процессом постепенного, но чрезвычайно глубокого социального изменения. Исторические механизмы такой трансформации хорошо известны. Но, как показывает исторический опыт, наиболее эффективные и форсированные изменения обусловлены, как правило, внешним принуждением к этой самой трансформации отношений права и собственности.

Если говорить о России, то очевидно, что ни в 1991 году, ни сейчас, ни в ближайшем будущем условий, необходимых для реализации такого форсированного варианта, не было, нет и не будет. Поскольку условия реализуемости такого варианта требуют, во-первых, недвусмысленного геополитического поражения той страны, в отношении которой осуществляется принуждение к трансформации; во-вторых, столь же недвусмысленной решимости мирового лидера на долговременные и последовательные усилия и значительные ресурсные вложения в проект такой трансформации; и в-третьих, гораздо большей внутренней готовности объекта принуждения к предстоящим преобразованиям, чем это было и имеется сегодня в России.

Лилия Шевцова:

Все эти предпосылки существовали в свое время в Японии.

Владимир Лапкин:

Япония действительно уникальный случай ранней и в целом вполне успешной модернизации, осуществлённой не на западноевропейской социокультурной основе. Японское общество оказалось внутренне подготовленным к такой трансформации, и после 1945 года внешней администрации осталось «всего лишь» осовременить институциональные формы в политической и экономической сферах, которые успешно прижились и стали основой послевоенного «японского чуда».

Если же вернуться к России, то наиболее вероятный, с моей точки зрения, вариант развития событий, тот, о котором говорила Л.Ф. Шевцова. Я говорю не о желаемом, а об имеющем наибольшие шансы реализоваться. Выход из нынешнего стратегического кризиса российского политического развития скорее всего возможен лишь через некий этап частичной (надеюсь не тотальной) деструкции сформировавшихся в последние 15 лет демократических институтов. Мне кажется, что такой вариант развития (через определенный «откат назад») надо рассматривать как наиболее реалистичный. Не в смысле полной покорности неизбежному, напротив, он позволит проанализировать и понять причины деструктивных тенденций развития страны и возможные механизмы их сдерживания, а также выявить точки роста политической субъектности, способной в будущем сформировать более эффективные стратегии российской модернизации.

Причину неизбежности и, по существу, необходимости такой эволюционной паузы в российском развитии я вижу в том, что ни существующий политический режим, ни его радикально настроенные оппоненты не готовы к преодолению нынешнего политического кризиса, более того, нечувствительны ко многим его симптомам и безразличны к порождающим его социальным противоречиям. При этом первый практически не способен к качественному улучшению, а вторые явно преувеличивают свою способность управлять революционной стихией, на мобилизующий потенциал и сокрушительную мощь которой они рассчитывают.

В этом отношении очень поучителен, на мой взгляд, опыт «оранжевой революции» в Украине. Идеализм её массовых участников всё более уходит в тень, а неприглядные прагма-

тические последствия всё более проявляются. И самое главное, не происходит принципиального улучшения качества политического класса Украины. Это очень плохой признак. Структуры, самопроизвольно возникшие в ходе «оранжевой революции», так и не смогли добиться реального политического представительства. Сплоченность политического класса, сформировавшегося в первое постсоветское десятилетие на основе принципов олигархического правления, оказалась несокрушимой. Это не только украинская политическая драма, это очень плохой симптом и для России.

Игорь Клямкин:

При анализе системных трансформаций не исключена опасность попадания в ловушку объективизма. Ведь всегда есть возможность доказать, что трансформация системы – в том виде и с теми результатами, какие хотелось бы получить, – невозможна. Строго говоря, при таком подходе не остается места для логики целеполаганий, для акторской логики. Если бы люди могли просчитывать заранее все «неприглядные последствия» своих действий, то не было бы в мире никаких революций, в том числе и киевской «оранжевой». У вас получается, что лучше бы этой революции не было вообще. Но как вы тогда себе представляете трансформацию систем и роль в этой трансформации низовой активности? И надо ли понимать так, что для Украины было бы лучше, если бы она вместо Майдана пережила «этап частичной деструкции демократических институтов» и «откат назад»?

Владимир Лапкин:

Еще раз повторю, значение «оранжевой революции» колоссально для России и очень важно именно потому, что это историческое событие дает уникальный опыт глубокой институциональной трансформации политической системы, сложившейся в постсоветский период. Значение этой попытки, этого уникального социального эксперимента трудно переоценить. Тем более что этот опыт по многим параметрам может быть использован при моделировании процессов политической трансформации в России. И не только может, но и должен быть использован. И очень хорошо для России, что Украина прошла по этому пути первой, взялась испытывать на себе рискованные технологии и практики такого рода.

В то же время, мне представляется, что искусство политического целеполагания и целедостижения отнюдь не сводится к спонтанному принятию волевых решений. Всякий раз политическое действие предваряется неким мысленным экспериментированием и моделированием ситуации. И «оранжевая революция» предоставляет отличную возможность уточнить ограничения и инварианты социально-политических трансформаций на постсоветском пространстве. Потому что всякое разумное, осмысленное действие возможно только тогда, когда есть адекватное представление о граничных условиях и коридоре возможностей. В этом смысле опыт «оранжевой революции» проанализирован пока что явно недостаточно.

Игорь Клямкин:

Если бы можно было все заранее просчитать и смоделировать, то «оранжевой революции» не было бы. Если бы люди знали, что будет происходить потом, они не стояли бы сутками на площади. Но тогда не удалось бы добиться и того частичного результата, которого они добились, – утверждения демократической процедуры выборов. Трансформация систем снизу иначе и не происходит, кроме как через идеализацию частичных целей, через иллюзии относительно их универсальности.

Илья Шаблинский: **«Необходимо создание новой консолидированной демократической партии»**

Я предпочитаю оставаться в рамках реальных возможностей. Во-первых, реально возможно, как я уже говорил, создание общественного совета по использованию эфирного времени государственными телевизионными каналами, вещающими на определенной частоте. Есть мировые стандарты, скажем стандарт Би-Би-Си, которые, пусть не в полной мере, могут

быть использованы. В формировании этого совета должны принять участие все крупнейшие политические силы.

Второе. Никакие законодательные инициативы не помогут в преддверии 2007–2008 годов, если не будет создана сила, способная реализовывать некоторые подразумеваемые идеи. Необходима новая консолидированная демократическая партия. Её созданием занимаются многие опытные люди, пока у них получается плохо, но есть и некоторые локальные успехи, например формирование единого демократического списка на выборах в Московскую городскую Думу. На мой взгляд, лучше создать совсем новую партию на основании всех имеющихся – нужны новые идеи, новые бренды, новые лица. Если к 2007 году такая партия не будет создано, на что тогда сетовать?

Игорь Клямкин:

Подводя итоги дискуссию, хочу сказать, что между участниками обсуждения не обнаружилось существенных разногласий в оценке российской политической системы и персоналистского режима. В то же время они разошлись в оценке темпов и способов трансформации, равно как и в представлениях о возможных субъектах последней.

М.А. Краснов просил предоставить ему возможность присутствовать на обсуждении, активно в нём не участвуя. Он намерен изучить стенограмму и подготовить развернутые ответы на прозвучавшие замечания и предложения. Я бы просил его более обстоятельно представить свой проект институциональных изменений. В обсуждавшемся тексте приведена информация о том, как устроены президентско-парламентские системы в других странах, показано их сходство с российской системой, как и отличия от неё. Однако каким мог бы быть оптимальный вариант политической системы именно для России, автор статьи не говорит, ограничившись предельно общим соображением о необходимости создания правового государства, где в законодательстве участвуют разные субъекты. М.А. Краснов обещал представить детальный проект реформирования персоналистского режима, и я надеюсь, что вскоре мы сможем с таким проектом ознакомиться. Думаю, было бы также полезно, если бы автор, с учетом высказанных здесь критических замечаний, вернулся к вопросу о субъектах трансформации.

Материалы этой дискуссии мы разместим на сайте Фонда «Либеральная миссия». А когда М.А. Краснов подготовит развернутый проектный комментарий к дискуссии, мы намерены издать оба его текста вместе с материалами дискуссии отдельной книгой.

Апрель 2006 г.

Часть 3. После дискуссии

Когда я приступил к этой части работы, не скрою, испытал сильный соблазн, идя по тексту стенограммы обсуждения, *отвечать на критические замечания, вопросы, сомнения экспертов*. Однако вовремя спохватился: читателю не интересна полемика в режиме «диссертант – оппоненты». Ведь цель настоящей работы – не демонстрация «игры ума», в ходе которой участники показывают свою эрудицию. За большинством нынешних политических дискуссий, проходящих в разных кругах российского общества, стоит почти экзистенциальный вопрос: **какой ты хочешь видеть свою страну?** И когда такой вопрос ставится не как житейский, а как экспертный, неизбежно ожидаешь, что дискуссия как минимум прибавит какое-то новое знание.

Вот почему эту часть книги я решил структурировать таким образом, чтобы высветить не те или иные экспертные суждения и собственные ответы на них, а *ключевые аспекты проблемы политического персонализма в России*. Для этого пришлось сначала на спокойную

голову проанализировать стенограмму, выявить наиболее принципиальные суждения и затем обобщить их в виде проблем, обсуждение которых позволяет углубить понимание основной темы. Причём последовательность проблематики здесь иная, чем во время дискуссии. Это связано с тем, что так и осталась непонятой главная идея, которую автор хотел донести: **не единственным, но *основным* детерминантом персоналистского режима в современной России является закреплённая Конституцией РФ конструкция государственной власти**.

Вполне понимаю тех коллег, которые не могут принять такой вывод. Он и мне самому долго казался пугающим своим, так сказать, нормативизмом. Но чем больше я размышлял о балансе между институциональными, ментальными, историческими причинами, тем больше находил свидетельств того, что политический персонализм в современной России обязан своим существованием в первую очередь институциональной конфигурации власти.

Думаю, не только моё правовое чувство возмущено тем, что и парламент сегодня работает как «фабрика по производству нужных или безвредных для Кремля законов», и суды по существенным для «президентской вертикали» делам выносят «правильные» решения. Но при всём том нельзя даже сравнивать нынешние и советские условия. Вот почему я совершенно согласен с замечанием во время дискуссии ***И.М. Клямкина*** (таким шрифтом я буду выделять далее фамилии участников дискуссии, который сказал, что в системах типа советской верховная власть легитимируется не правовыми, а другими способами.

Действительно, в любом государстве можно сочинить документ под названием «конституция». Но далеко не везде это будет означать создание *конституционного строя*, главным отличием которого является институциональное отсутствие полновластия какого-то одного института. Другими словами, конституция – это не только и даже не столько фиксация определённого положения вещей, сколько «клетка», в которую общество помещает публично-властные институты. Поэтому можно оспорить универсальность известного определения конституции, данного Ф. Лассалем, согласно которому конституция страны есть «существующие в стране фактические отношения силы»[31]. Лассалевская формула не имеет смысла при абсолютизме, неважно какого – монарха или «партии». Она годится только для государства, которое строится на принципе разделения властей[32].

Вот почему, как бы ни относиться к нынешнему уровню правосознания в нашем обществе и в правящем классе, к вольной трактовке властью конституционных норм, совершенно неверно утверждать, что конструкция, закрепленная действующей Конституцией РФ, никак не воздействует на механизм осуществления власти. Иное дело, что возникший у нас конституционный строй не только находится в зачаточном состоянии, что естественно после долгих лет его полного отсутствия, но и не укрепляется. Собственно говоря, исследование и было предпринято для того, чтобы показать, *почему и как конституционные нормы, закрепляющие устройство власти, препятствуют формированию конституционного строя*. Потому я и решил начать с ответов на категорическое возражение против именно этого вывода – о принципиальной роли самой институциональной организации власти.

Однако перед комментариями к дискуссии обязан чётко обозначить свою позицию в отношении одного из ключевых понятий, используемых в настоящей работе. Речь идёт **о политической конкуренции**, являющейся в современную эпоху *главным индикатором (критерием) наличия демократии*. Главным – потому, что при отсутствии конкуренции иные демократические институты (разделение властей, политическая свобода, выборы) сначала перестают нести свою функциональную нагрузку, а затем попросту деформируются, теряют сущ-

[31] *Лассаль Ф.* О сущности конституции (Речь, произнесенная в одном берлинском окружном собрании, в 1862 г.) // Соч. – СПб., 1905. Т.2. – С. 18.

[32] Впрочем, здесь слово «годится» применено весьма условно, поскольку лассалевская формула предназначена в основном для конституций, создаваемых в периоды революций.

ность. Могу здесь только присоединиться к мнению Е.Г. Ясина, который пишет: «Если брать критерий максимума всеобщего блага, мы сталкиваемся с множеством исторических примеров, когда свободе и всеобщему благу народа служили режимы, которые никак нельзя считать демократическими. Зато с уверенностью можно сказать: если народ свободно избирает своих представителей во власть, а последние **избираются в конкурентной борьбе – это демократия**»[33].

В то же время хотел бы обратить внимание на другое его утверждение: «**Кого выберут, тот и будет реализовывать свои предложения**. Таким образом, роль народа состоит в избрании представителей, образующих орган общественного управления. А претенденты на роль представителей должны доказывать в конкурентной борьбе своё **право на управление от имени народа**»[34]. Если речь идёт только о самой общей схеме, то действительно, через выборы происходит вручение мандата на управление от имени народа. Но если политическая конкуренция понимается тут *только* как борьба за «мандат на правление», выдаваемый по итогам выборов, то *с этим согласиться нельзя*.

В современной политической жизни даже «аутсайдерам»[35], выявляемым в ходе выборов, должно гарантированно находиться место в системе определения путей и методов развития страны. Это вопрос не только справедливости и благородства, что само по себе тоже очень важно, так как тем самым задаётся общая атмосфера государственности, но и устойчивости самой государственности, ибо исключение «аутсайдеров» из политической жизни оборачивается радикализмом и накапливает в обществе разрушительный потенциал. Вот почему политическую конкуренцию нельзя увязывать только с выборами. В противном случае сама политическая система будет деградировать, а в ответ на упрёк в отсутствии политической конкуренции в современной России противники серьёзных институциональных изменений могут сказать: «Да как же у нас нет политической конкуренции, если существует столько партий, они борются за места в федеральном и региональных парламентах, имеют возможность выдвигать кандидатов на пост президента страны». Но реальная ли это политическая конкуренция или только её имитация?

Для ответа вполне корректно воспользоваться аналогией с конкуренцией экономической, природа которой в целом такая же. Закон «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»[36], принятый в 1991 году и действующий в настоящее время с изменениями и дополнениями, определяет в ст. 4 собственно *конкуренцию* как «состязательность хозяйствующих субъектов, когда их самостоятельные действия эффективно ограничивают возможность каждого из них односторонне воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке», а *недобросовестную конкуренцию* – как «любые направленные на приобретение преимуществ в предпринимательской деятельности действия хозяйствующих субъектов, которые противоречат положениям действующего законодательства, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и могут причинить или причинили убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанести ущерб их деловой репутации».

Таким образом, наличие нескольких соперников ещё не есть конкуренция, ибо последняя предполагает, кроме того, эффективное «ограничение возможности односторонне воз-

[33] Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. – М., 2005. – С. 31.

[34] Ясин Е.Г. Указ. соч. – С. 30.

[35] Под «аутсайдерами» я разумею отнюдь не экстремистские силы, исповедующие вражду, ненависть и т.п., а лишь носителей не очень популярных в данное время идей и ценностей.

[36] Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» от 22 марта 1991 г. № 948-1 (в ред. законов РФ от 24.06.1992 № 3119-1, 15.07.1992 № 3310-1; федеральных законов от 25.05.1995 № 83-ФЗ, 06.05.1998 № 70-ФЗ, 02.01.2000 № 3-ФЗ, 30.12.2001 № 196-ФЗ, 21.03.2002 № 31-ФЗ, 09.10.2002 № 122-ФЗ, 07.03.2005 № 13-ФЗ, 02.02.2006 № 19-ФЗ).

действовать на общие условия обращения», а также пресечение попыток получить незаконные и/или противоречащие деловой этике преимущества. Проще говоря, конкуренция существует, если все «игроки» находятся в равных условиях, т.е. имеется гарантия того, что результат борьбы невозможно предсказать и уж тем более обеспечить.

Вряд ли стоит здесь доказывать, что нынче у нас не приходится говорить о равенстве условий для всех участников выборов. Но эта ставшая уже тривиальной констатация хоть и подтверждает тезис об отсутствии реальной политической конкуренции, тем не менее является лишь следствием более существенной проблемы. Ведь закономерен вопрос: *а почему нет равенства условий или, точнее, почему у нас такое возможно?* Попытаюсь ответить.

Политическая конкуренция, повторю, не может, не должна заканчиваться вместе с очередными выборами. Победитель, получая право осуществлять власть, а проигравший – переходя в оппозицию, продолжают оставаться конкурентами и вести политическую борьбу. И тут выявляется принципиально важное отличие политической конкуренции от экономической: победитель в политической борьбе, «становясь властью», получает в свои руки возможность изменить сами условия конкуренции. Казалось бы, тем самым логически рушится вся идея конкуренции в политической сфере. Логически – да. Но демократия тем и хороша, что является весьма адаптивной, и в данном случае вступают в силу компенсаторные механизмы, не допускающие чьего-либо доминирующего положения, которое возможно при экономической конкуренции.

Согласно той же ст. 4 Закона о конкуренции, *доминирующим* считается «исключительное положение хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов на рынке товара, не имеющего заменителя, либо взаимозаменяемых товаров, дающее ему (им) возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения *товара* на соответствующем товарном рынке или затруднять доступ на рынок другим хозяйствующим субъектам»[37]. Признание того, что подобное положение на товарном рынке объективно возможно, означает прежде всего обязанность государства не допускать монополистической деятельности доминирующего хозяйственного субъекта. *На рынке же политическом вообще не должно быть доминирующего положения*: с одной стороны, ни один субъект здесь не обладает «товаром, не имеющим заменителя», с другой – учитывая, что «конкурентным выигрышем» является государственная власть, такое положение логически делает невозможным реальный и эффективный контроль за доминирующим субъектом. Отсюда следует одна из задач демократически организованного государства – не допустить доминирующего положения *ни одного* из конкурирующих участников политического рынка.

Мне могут напомнить, что как раз это и предусматривается нашим законодательством. В частности, что любые выборы считаются несостоявшимися, если за списки кандидатов было подано в сумме 50 или менее процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании по единому избирательному округу[38]; что на выборах в Государственную Думу к

[37] Согласно той же ст.4, доминирующим признаётся «положение хозяйствующего субъекта, доля которого на рынке определенного товара составляет **65 процентов и более**, за исключением тех случаев, когда хозяйствующий субъект докажет, что, несмотря на превышение указанной величины, его положение на рынке не является доминирующим. Доминирующим также признается положение хозяйствующего субъекта, доля которого на рынке определенного товара составляет менее 65 процентов, если это установлено антимонопольным органом, исходя из стабильности доли хозяйствующего субъекта на рынке, относительного размера долей на рынке, принадлежащих конкурентам, возможности доступа на этот рынок новых конкурентов или иных критериев, характеризующих товарный рынок».

[38] См. ст. 70 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. федеральных законов от 27.09.2002 № 119-ФЗ, 23.06.2003 № 83-ФЗ, 04.07.2003 № 97-ФЗ, 04.07.2003 № 102-ФЗ, 07.06.2004 № 46-ФЗ, 12.08.2004 № 99-ФЗ, 22.08.2004 № 122-ФЗ, 11.12.2004 № 159-ФЗ, 29.06.2005 № 69-ФЗ, 21.07.2005 № 93-ФЗ,

распределению депутатских мандатов допускаются списки кандидатов, при условии, что голосование проводилось не менее чем за четыре федеральных списка кандидатов, что списков, каждый из которых получил 7 и более процентов голосов избирателей, было не менее четырех и за все эти списки подано в совокупности более 50% голосов избирателей, принявших участие в голосовании по федеральному избирательному округу[39]; что за соблюдением равных условий конкуренции в ходе избирательных кампаний и выборов следят Центральная и иные избирательные комиссии, органы прокуратуры и судебной власти.

Всё это так. Но ни законодательные ограничения, ни деятельность контролирующих органов, предназначенная лишь для пресечения мошенничества, финансовых и других злоупотреблений во время избирательных кампаний, не в состоянии ликвидировать фундаментальные условия для возникновения доминирующего субъекта в системе государственной власти. Специфика политической конкуренции в том, что недопущение доминирующего положения кого бы то ни было обеспечивается не законодательными запретами и не отдельными контролирующими действиями, а *институциональным балансом в системе сдержек и противовесов*.

Если такой баланс существует, то, во-первых, проигравшие приобретают в чём-то даже более выигрышную роль, ибо главная задача оппозиции, и не только парламентской, – контроль за правящей политической силой в разных её проявлениях. Соответственно, мнение проигравших не игнорируется при принятии государственных решений, и уж тем более они не «вышвыриваются из политики». Во-вторых, оппозиция знает, что благодаря качающемуся политическому маятнику большинство избирателей на следующих выборах может обратить взоры к сегодняшним «неудачникам». Это заставляет оппозицию не менее ответственно, чем обладатели власти, относиться к своей моральной репутации, к выдвигаемым предложениям в процессе принятия государственных решений, к объективности своей критики и т.д.

Если же институционального баланса нет, то невозможны и названные выше компенсаторные механизмы. Когда система строится таким образом, что «победитель получает всё», последний не только естественным образом стремится максимально реализовать это «всё», в том числе обеспечить на новых выборах – президентских, парламентских, региональных – «внушительную победу» тех, кого бы он сам хотел видеть у власти, но и имеет для этого легальные возможности. Таким образом, система, обусловливающая доминирующее положение одного политического субъекта, превращает политический рынок в оксюморон, хотя бы уже потому, что само понятие «победитель» иначе как в кавычках применяться не может.

Мало того, «победитель» получает опять же легальную (или почти легальную) возможность осуществлять монополистическую деятельность, ибо в отличие от экономики, где монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию обязано пресекать государство, в политической сфере доминирующий субъект сам олицетворяет государство, а все другие институты власти оказываются под его контролем. В итоге иные властные институты, скрепя сердце или с вдохновением, используют свои полномочия для поддержки действий доминирующего субъекта. Тем самым институционально формирующийся монополист по-

12.07.2006 № 106-ФЗ, 12.07.2006 № 107-ФЗ, 25.07.2006 № 128-ФЗ, с изм., внесенными Федеральным законом от 24.12.2002 № 176-ФЗ, Постановлением Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П, Федеральным законом от 23.12.2003 № 186-ФЗ, постановлениями Конституционного Суда РФ от 25.02.2004 № 4-П, 14.11.2005 № 10-П).

[39] См. ст. 84 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ (в ред. федеральных законов от 20.12.2002 № 175-ФЗ, 23.06.2003 № 82-ФЗ, 23.06.2003 № 83-ФЗ, 23.06.2003 № 84-ФЗ, 23.06.2003 № 85-ФЗ, 02.02.2006 № 19-ФЗ, 25.07.2006 № 128-ФЗ, с изм., внесенными Федеральным законом от 18.05.2005 № 51-ФЗ, Постановлением Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 № 10-П).

лучает широкие возможности контролировать деятельность, а то и предопределять само существование «конкурентов»; делить их на «сателлитов» и на «врагов государства»; наконец, регулировать в своих интересах сами условия политической деятельности.

Согласен, что в эпоху первого президента Кремлю отнюдь не всегда удавалось обеспечить контроль над политической сферой: результаты и парламентских, и губернаторских выборов были далеки от «кремлёвской модели»… Значит, всё-таки возможна конкуренция и в существующей системе? Нет! В то время действительно существовала бóльшая степень политической свободы. Но, во-первых, она обеспечивалась отчасти революционной инерцией, отчасти утраченным политическим ресурсом Кремля. И во-вторых, политическая свобода – существенное, но лишь одно из условий функционирования нормального политического рынка. А об институционально обустроенном политическом рынке говорить нельзя, поскольку и в то время президент занимал в системе доминирующее положение. Разве что уменьшился его собственный, а не институциональный ресурс для осуществления монополистической деятельности. Это можно сравнить с тем, как если бы хозяйствующий субъект занимал доминирующее положение, но из-за плохой рекламы, маленького платёжного спроса, в силу других причин его продукция не раскупалась…

Сказанное не означает, будто институционально всё так детерминировано, что все властные институты системно обязываются или вынуждены действовать по одному лекалу. Речь идёт только о том, что обусловленная Конституцией РФ институциональная система *позволяет* монополизировать политический рынок, *позволяет* одному «игроку» контролировать всё политическое пространство. В этой *возможности*, которую можно, как сегодня, реализовать, а можно и не реализовать, и состоит современная драма России.

Институциональные параметры власти и состояние общества

Наиболее определённо против сделанного выше вывода высказался ***И.А. Яковенко***, назвав такой подход «*юридическим и правовым фетишизмом*». Обосновывает он это тем, что «правовые (юридические) нормы далеко не базовые и не единственные, а уж в России точно не базовые».

Истоки такой позиции, в общем, понятны. Они – в глубинно усвоенном нашим обществом в ходе многовековой практики **позитивистском восприятии** социальных явлений, и прежде всего самого права. Позитивизм характеризуется, в частности, пренебрежением к ценностному контексту, технократизмом и т.д. Но в данном случае важно отметить следующую его особенность. Воспользуюсь высказыванием известного теоретика права Г.В. Мальцева:

> «Все учения и доктрины, относящиеся к этатическому позитивизму, рассматривают право как систему велений или предписаний государства, адресованных гражданам и объединениям. По одну сторону – государство и право, логически и исторически связанные между собой, по другую – гражданское общество, интересы которого отражаются в праве лишь после того, как они трансформируются в государственные интересы. В своих крайних вариантах **этатический позитивизм почти полностью растворяет сущность права в государстве, рассматривает право как нечто вторичное по отношению к государству, как функцию государства, его инструмент**»[40].

Если перевести сказанное на бытовой язык, позитивизм означает, главным образом, признание того, что единственным «хозяином права» является государство, а если более конкретно – верховный правитель. Отсюда и недоумение: как можно всерьёз изучать правовые конструкции, если они реально не ограничивают власть?

[40] Теория права и государства : Учебник для вузов / под ред. проф. Г.Н. Манова. – М. 1995. – С. 46.

Во многом именно позитивистское мировоззрение породило то, что у нас принято именовать *правовым нигилизмом*. И это понятно: если «право» – лишь «продукт» власти, к тому же власти, не основанной на ценностях личной автономии, свободы и справедливости; власти не очень милосердной, а часто тиранической, то как можно ожидать уважения к такому «праву»? Другое дело, правильно ли в таком случае говорить о правовом нигилизме? Ведь в строгом смысле это глубинное презрение к праву как к ценности; внутреннее убеждение в приоритете силы перед правом; эгоистичное и самодовольное отвоёвывание пределов собственной свободы в ущерб свободе и законным интересам других. Однако под «правовой нигилизм», лукавя или искренне не понимая разницы, часто подводят лишь отсутствие законопослушного поведения, т.е. разумея под этим уважение к позитивному праву.

В России власть никогда не была ориентирована на человека со свободной волей. Правители были жестокие и мягкие, мудрые и глупые, но все они исповедовали одну и ту же философию власти: мы лучше знаем, что нужно, что полезно народу. И это при том, что «полезно» было основано большей частью всё на тех же мифах, одновременно и возвеличивающих народ, и его же уничижающих: он и богоносец, он и вороват; он и мудр, он и как малое дитя. Сам же народ если и восставал, то скорее не за полноценную свободу, а за облегчение невыносимого гнета.

В силу такого духа властвования и всего строя жизни в России появлялось множество законов, либо пустых («законы-пожелания»), либо глупых, в том числе мелочно регламентирующих жизнь, либо неоправданно жестоких, унизительных. Нормальный русский человек со здравым умом такие юридические нормы, само собой, воспринимал враждебно. Но поскольку не было институтов сдерживания власти, контроля общества над властью, постольку в индивидуальной жизни обычный человек был далёк от стремления выказывать себя «добропорядочным гражданином» и педантично исполнять любое требование закона. К тому же правоприменительные институты – от «коллежского регистратора» до полиции и суда – также зачастую действовали и действуют согласно своим, а не «законным» представлениям о должном и/или на основе мздоимства.

Итак, в России потому плохо приживалось и приживается законопослушание, что народ, оставаясь внешне терпеливым и молчаливо снося государственный произвол, издавна научился приспосабливаться к неправовым условиям[41], выработал свою собственную шкалу оценок властных решений. Беда поэтому не в незаконопослушном народе, а в том, что у нас *формальная законность слишком часто не совпадает с правом.*

Казалось бы, автор в таком случае противоречит себе, и правы как раз его критики, указывающие на то, что «правовой анализ нынешней ситуации должен быть последним, а не первым» (***И.А. Яковенко***). Иными словами, не является ли сделанный на основе анализа российской системы сдержек и противовесов вывод об институциональной причине персоналистского режима примером как раз позитивистского мышления? Нет. Попробую объяснить.

Во-первых, я совершенно сознательно влез, рискуя быть обвинённым в некомпетентности, в «чужие» области знания – историю, социологию, психологию и т.д. Влез именно потому, что вне широкого контекста предложенный вывод действительно выглядел бы, по меньшей мере, странно. Поэтому институциональный анализ предпринят, как мог заметить читатель, отнюдь не в технократическом, а в ценностном контексте.

Во-вторых, хотя, как было замечено в части 1 книги, я не рассчитываю на то, что «голый конституционный реинжиниринг» способен дать демократический эффект, наверное, сам текст наталкивает на подозрение, что автор исповедует именно такой подход. Значит,

[41] Социальный антрополог Н.Н. Козлова называет такую поведенческую реакцию на государственный произвол «техниками "проскальзывания и ускользания"» (См.: Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. – М., 1999. – С. 57).

нужно ещё раз уточнить позицию. Для этого обращусь к следующему, возможно неожиданному, образу.

В средние века (но, судя по одному из рассказов Мопассана, это происходило и относительно недавно) некоторые изверги рода человеческого помещали младенцев в специальные приспособления, чтобы потом на ярмарках демонстрировать «человеческие дефекты», зарабатывая на этом деньги. Однако, к несчастью, бывают люди и с врожденными физическими недостатками. Отсюда: если специально культивировать дефект, он *обязательно* появится, а без такой культивации *может появиться*, но вероятность этого гораздо меньше. Такая же логика применима и к политической жизни. Надо понять, обладаем ли мы «естественным» дефектом антидемократизма или нас скрючило от «средневековых приспособлений».

Задача состоит не в том, чтобы найти такую систему распределения властных прерогатив, которая бы гарантировала конституционный строй, а в том, чтобы эта система нормативно не извращала мотивов политического поведения.

Дискуссия показала, что даже представители экспертного сообщества часто основываются в своих рассуждениях на не совсем верных причинно-следственных связях.

Например, ***В.В. Лапкин***, говоря об «условиях формирования эффективной и устойчивой демократической системы», считает:

> «Проблема не сводится лишь к конструированию оптимальной институциональной структуры, обеспечивающей разделение и баланс властей. Решающую роль играет состояние общества и готовность его элит к диалогу и компромиссу при выработке политических решений, а это предполагает, соответственно, некий консенсус политической власти, бизнеса, гражданского общества, на основе которого формируются и Конституция, и институциональные формы политической демократии в стране. Но такой консенсус, в свою очередь, может сформироваться лишь на основе уже сложившегося в обществе элементарного правового порядка, т.е. только тогда, когда авторитет права преобладает в сознании и практике общества над авторитетом власти или по крайней мере реально претендует на такое преобладание».

Конечно, проблема конституционализма в России не сводится *лишь* к конструированию оптимальной институциональной структуры. Требуется и многое-многое другое. Но это «другое» невозможно сформировать, создать, вырастить при существующих институциональных условиях! В этом я и пытаюсь убедить своих оппонентов. Ни «элементарного правового порядка», ни на его основе «консенсуса политической власти, бизнеса, гражданского общества» – ничего этого не будет, ибо образовался замкнутый круг: правовой порядок ещё не обрёл силу, достаточную для того, чтобы ограничить верховную власть, но такой силы у права не появится, пока институционально всё предопределяет персоналистская конструкция власти.

Между прочим, сами эксперты невольно подтверждают такой вывод. Тот же ***В.В. Лапкин***, совершенно правильно ставя вопрос об отношении к собственности на одно из первых мест, обращает внимание на сходство нынешней политики и политики первых двух десятилетий XX века в России:

> «Но роковое по своим историческим последствиям лукавство власти состояло в том, что, стремясь избежать обострения социального конфликта, она “другой рукой”, или, как сказали бы сегодня, “в рамках проводимой социальной политики”, длительное время поощряла общинно-собственнические иллюзии крестьянства, пребывавшего в условиях катастрофического и всё нарастающего аграрного перенаселения. Иные, более жесткие и рациональные решения аграрного вопроса, по существу, блокировались. Именно эта политика привела в конце концов к революционному решению проблемы. Иными словами, не решаясь на глубокую и последовательную «революцию сверху», власть спровоцировала радикальную революцию снизу. И, как мы помним, основу мобилизационно-

го ресурса этой антирыночной и разрушающей отношения частной собственности революции составили протестные настроения крестьянства, сориентированные на уничтожение института частной собственности на землю».

Что этим иллюстрируется? Да как раз то, о чём я твержу: персоналистский режим, неважно, при какой форме правления, опасен для любой современной страны. Институт-персона может, конечно, проводить и мудрую политику, но ведь может, причём с равными шансами, – и гибельную. Опасность такого режима – в отсутствии гарантий от самодурства правителя и условий для проведения политики как результата компромисса между разными политическими силами, выражающими ценности и интересы разных слоёв общества. Только такая политика способна оградить страну от потрясений, но она возможна, когда принятие решений *институционально* опирается на компромиссы.

Пример выстраивания неверной причинно-следственной связи, смешения причин и следствий продемонстрировал и ***И.Г. Шаблинский***. Говоря об «институциональных особенностях нынешнего российского политического режима», он вдруг отмечает «тихую ликвидацию условий для публичной критики власти». Такой же *институциональной* особенностью он считает, что с 2003 года «преференции стали носить подавляющий характер. Преференции для конкретной корпоративной силы – Единой "партии власти". И это свело политическую конкуренцию к минимуму». Упоминает он и об уменьшении роли Совета Федерации, и о других нововведениях, меняющих политическую картину, но тут же утверждает, что всё это «свободное правовое творчество экспертов из референтной группы президента. […] Они ощущают себя искателями некой "золотой середины", строителями новой государственности… Кажется, что действительно юридический анализ тут вторичен, и надо говорить исключительно о политической психологии».

Мне приходится повториться: всё названное есть только *следствие нашей институциональной конфигурации*. Путаница же происходит потому, что следствия этой конфигурации не жёсткие. Как уже говорилось, субъект персоналистского режима может обладать и демократическими убеждениями. Неужели нам в таком случае остаётся только играть в «чёт-нечет», где ставка – судьба страны? Вот почему я настаиваю: необходимо, наконец, понять, где причины и где следствия, а не изучать «политическую психологию экспертов из референтной группы президента» и гадать, в чём они видят «золотую середину». Если говорить с некоторой долей пафосности, то не для того тысячи людей стояли у Белого дома в августе 91-го, чтобы одних непубличных «вершителей судеб» заменить на других…

Итак, речь идёт не о том, что сегодня сузилось поле для столкновения открытых политических мнений; что выстроена иерархическая система управления; что можно заранее предсказать как результаты выборов, так и судебные решения, в которых затрагивается интерес власти. Проблема не в этом! Пусть бы сегодня на президентской должности находился «супердемократ». Пусть бы расцветала та самая публичная критика власти. Суть режима от этого не поменяется. Политический рынок от этого не появится.

Считающие себя демократами политики обязаны бороться сегодня не за иную политику, а за иную институциональную систему, на основе которой вырабатывается любая политика, ограниченная лишь Конституцией.

Однако, кажется, многих страшат как раз слова «любая политика». Эти опасения ясно выразил во время дискуссии ***И.Г. Шаблинский***: «Да, доминирование “Единой России” выглядит нелепо, но если она освободит свое политическое пространство, кто его займет? Это политическое пространство займут партии, которые призывают мстить и делить».

Проблема эта принципиальная, а не тактическая, как может показаться. Вопрос стоит так: создавая условия для открытой политической конкуренции и реального политического

плюрализма, не расчищают ли демократы своими руками поле для тех, кто их же, демократов, обещал вешать? При этом нынешнее состояние общества делает актуальной угрозу даже не коммунистического (ультралевого) реванша, а появления, как выразилась ***Л.Ф. Шевцова***, «одноцветного, жёсткого национал-популистского режима власти», т.е. прихода к власти ультраправых.

Тем самым как бы предлагается дилемма: либо демократы не поступятся своими принципами, но тогда сделают потенциально возможным установление репрессивного режима, либо временно откажутся от принципа плюрализма «во имя сохранения демократии». Сегодня, если судить по разным дискуссиям, чувствуется, что большинство нынешних сторонников демократии хотя и выступают за открытие закупоренных каналов политической свободы, тем не менее не готовы отказаться от персоналистского режима, а только хотели бы, чтобы его олицетворял «демократ».

Сказанное не означает, что автор абсолютизирует известный вольтеровский афоризм о готовности отдать жизнь за право оппонента высказывать свои взгляды. Напротив, я считаю, что есть взгляды, находящиеся за пределами принципа идейного и политического многообразия. Равным образом убеждён и в том, что «демократия должна уметь себя защищать», если перефразировать известные слова Ленина. Как же тогда решить образовавшуюся дилемму?

Прежде всего, нужно понять, что в общественных отношениях не бывает математически жёстких дилемм. При социальном, политическом выборе недопустимо ставить вопрос «или – или». Вот и в данном случае гарантией от окончательного уничтожения демократических институтов как раз служит то, чего опасаются иные сторонники демократии: *формирование полицентричной системы власти*. Только тогда политика перестанет быть монополией одного института, к тому же персонализированного. Система должна быть выстроена таким образом, чтобы, с одной стороны, идеи мстительного насилия вообще не могли обрести легальную форму, а с другой – чтобы приход к власти кого бы то ни было не означал, что все иные позиции, мнения, мировоззрения и ценности будут отброшены и не окажут никакого влияния на проводимую политику.

Наоборот, именно контроль за «идеологическими потоками», возможный только в условиях персоналистского режима, ведёт к опасности прихода к власти ультраправых. Как верно подметила ***Л.Ф. Шевцова***, «чем больше "Единая Россия" заполняет политическое пространство, тем больше угроза того, что население, устав от "партии власти", будет поддерживать экстремистские силы. Чем дольше нынешняя команда сидит в Кремле, тем сильнее угроза, что она будет стимулировать запрос на более агрессивный тип авторитаризма». Это вполне естественно в условиях персоналистского режима, закономерно стремящегося к безоппонентности, а потому вызывающего к жизни и активным действиям силы, для которых безоппонентность составляет их суть.

Некоторым образом подтвердил данный вывод ***А.Ю. Зудин***, высказав идею, что совокупность «трёх факторов» (рыночная среда, Запад и российский избиратель) «не позволит укрепляющемуся государству снова "пожрать" российское общество и будет подталкивать персоналистский режим к постепенной деконцентрации власти после 2007–2008 годов». Он видит «радостные приметы», например, в том, что «кремлевский агитпроп не столько производит какую-то оригинальную политическую продукцию, сколько “индуцирует” уже существующие тенденции и настроения. Сигналы из общества он улавливает достаточно чутко, потому что в противном случае все его политические проекты окажутся нежизнеспособными».

Но, с одной стороны, такое «улавливание настроений» не есть демократия и, главное, к демократии не ведёт, ведь и при тирании власть зачастую прислушивается к настроениям

подданных. А с другой стороны, разве в обществе существует запрос на «деконцентрацию власти»? Ведь какие нынче «тенденции и настроения» может «уловить» Кремль? Неприязнь к чужому богатству. Патернализм. Антизападничество. Ностальгию по СССР. Надежду на «вождя». Иерархический дизайн власти. И разве пример «индуцирования сигналов из общества» в виде сталинского гимна не убеждает в том, что именно такого рода «сигналы» власть будет реализовывать?

Итак, допускаю, что вывод об огромной роли конструкции власти в уродливом функционировании нашей политической системы непривычен. Настолько, что, наверное, кажется примитивизацией сложнейшего социального явления. Но, во-первых, я постоянно подчёркиваю, что институционально не предопределяются уродства, а только создаётся для них благоприятная почва. А во-вторых, я сознаю, что институциональные условия не действуют изолированно от других факторов. Просто здесь я рассматриваю роль и механизм действия именно институционального фактора. Своеобразие же его состоит в том, что он определяет *не темп развития* демократии, а количество *препятствий* на пути её развития.

Поэтому я бы хотел завершить этот подраздел недавно попавшимся на глаза высказыванием, которое подтверждает вывод о принципиальной значимости институциональных причин сохранения персоналистского режима в России: **«Демократия выживает не там, где её любит народ. […] Как элита, так и массы могут мириться с демократией, относясь к ней без симпатий. Но вот без разумного институционального устройства демократия выжить не может: как и любой механизм, она скоро ломается при наличии конструктивных недостатков»[42].**

Кто покусится на систему?

Не меньший накал страстей во время дискуссии вызвал и вопрос *о субъекте и мотивах изменения* нынешней политической системы, обусловливающей персоналистский режим. Большинство экспертов выразили сильное сомнение в реальности «сценария аннигиляции», предложенного автором, не видя, какие рациональные мотивы могут толкнуть президента к конституционной реформе, открывающей дорогу для становления нормального политического рынка.

Вновь наиболее ярко недоумение было выражено ***И.А. Яковенко***, и за это я ему особенно благодарен. Он сказал, что «ждать и рассчитывать только на то, что вдруг, случайно, благодаря какому-то чуду произойдет смена политических элит, появится супердемократичный лидер, который изменит Конституцию и откажется от авторитарного персоналистского режима, – это значит ждать невероятного».

Думаю, истоки такой позиции в том, что, находясь «внутри» конкретной исторической ситуации, многие из нас невольно переносят её на будущее, забывая, что история не линейна, что она пробивает себе дорогу через такие непредсказуемые события и поступки людей, через такие, не побоюсь этого слова, чудеса, что порой закрадывается крамольная мысль: а нужна ли вообще социально-политическая аналитика и не является ли она в нашем мире просто инстинктивной защитой от непостижимости истории? Во всяком случае, жизнь почему-то часто ломает наши сугубо рационалистические аргументы и выводы…

Помимо этого, взаимопониманию экспертов, судя по всему, мешает терминологическая путаница, в данном случае *необоснованное расширение содержания термина «политический режим»*. Так, ***А.Ю. Зудин*** утверждает: «Весь режим центрирован даже не на институте, а на личности, не на президентской власти, а **на конкретном действующем президенте Пу-**

[42] Голосов Г. Политические институты и демократия в России // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 5 (19).

тине. […] Если действующий президент, руководствуясь теми или иными соображениями, решил уйти со своего поста, вся конструкция просто "подвисает" и неизбежно будет трансформироваться». Этот тезис справедлив, но только в **субъективном** смысле: для нынешней постсоветской номенклатуры действительно «режим центрирован» именно на В. Путине. В смысле же **объективном** это не так. Политический режим у нас «центрирован» не на конкретной фамилии, а, в силу Конституции, на институте и потому не меняется вместе с ротацией президентов.

Неужели, могут спросить меня, автор не видит разницы между образами правления президентов Ельцина и Путина? Конечно, вижу. Но именно – *образами*. Мы хотим добиться того, чтобы наша страна развивалась в рамках демократической парадигмы? А это, подчеркну, не вопрос чьей-то партийной позиции, каким он стал у нас, а вопрос самого существования и стабильного развития России в современном мире. Если хотим, то обязаны различать особенности, вызванные свойствами личности главы государства, и особенности, вызванные институциональными условиями его правления. Именно поэтому я утверждаю: фундаментальный характер политического режима начиная с 1993 года и по настоящее время не изменился. Изменился лишь стиль власти.

Можно, конечно, «клеймить режим Путина» за монополизацию основных СМИ, превращенных в средство пропаганды, за использование властного ресурса для предоставление преференций одним политическим силам и оттеснение на политическую обочину других, за использование институтов государственного принуждения вопреки принципу равенства всех перед законом и судом и т.д. Всё это есть. Но если подходить к проблеме строго, необходимо видеть *грань, разделяющую разные политические режимы*. В нашем случае грани, которая означает переход к авторитаризму, пока не наблюдается. Понимаю, что для кого-то такой вывод означает «измену делу демократии», но, как говорится, истина дороже. Впрочем, дело тут не в теоретическом пуризме, а в том, что если мы не сумеем отличить «стилистику» власти от «режима», то не поймём, где корни этой «стилистики».

В науке конституционного права *под политическим режимом* принято понимать совокупность приёмов, методов осуществления политической власти в обществе[43], или методов правления[44]. Однако как только дело доходит до определения вида политического режима в конкретной стране, это перестаёт походить на науку, настолько расплывчаты тут критерии оценки (впрочем, не существует даже общепринятой классификации политических режимов). В силу этого исследователи часто полагают, что существующий в данное время *стиль власти* и есть собственно политический режим, т.е. происходит смешение понятий «режим конкретного лидера» и «политический режим», тогда как последний – явление гораздо более устойчивое и менее субъективированное. Например, нельзя всерьёз рассуждать о различиях политического режима времён Хрущёва и Брежнева («стилистика» – да, различалась, и довольно сильно). По большому счёту, принципиально от них не отличался даже политический режим сталинской эпохи. Все они являлись режимами авторитарными. Что касается эпохи Горбачёва, то здесь можно говорить об эрозии авторитарного режима, но не станем же мы из-за этого называть его демократическим?

Возможно, именно стремление хоть как-то объяснить этот парадокс заставляет некоторых учёных вводить более дробную дифференциацию политических режимов. А.С. Автоно-

[43] См., например: Конституционное (государственное) право зарубежных стран / отв. ред. проф. Б.А. Страшун. – С. 230; Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. 11 изд., испр. и доп. – М., 2004. – С. 110.

[44] См., например: Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : Учебник. – М., 2005. – С. 139.

мов, например, выделяет две разновидности авторитарного режима: авторитарно-либеральный, предпочитающий ненасильственные методы, и реакционно-авторитарный[45].

Не считаю плодотворным по любому поводу вводить новые понятия, однако в данном случае, видимо, это придётся сделать. Установившийся в постсоветской России политический режим невозможно назвать демократическим, но его также нельзя отнести и к авторитарным. Действительно, анализируя приёмы и методы осуществления власти с 1993 до конца 1999 года и с 2000 года по настоящее время, нельзя утверждать, не впадая в политическую публицистику, что в период президентской легислатуры Б. Ельцина политический режим являлся демократическим[46], а в период легислатуры В. Путина – авторитарным.

Существенные характеристики установившегося после 1993 года политического режима в России правомерно описать именно термином «персоналистский» – режим не авторитарный, но имеющий тенденцию к авторитаризму.

Обе упомянутые президентские легислатуры роднит, т.е. позволяет относить к одному и тому же виду, именно их *персоналистский характер*.

При всей важности личности президента страны, особенно на нынешнем этапе развития российской государственности, выстраивать на этом факторе политическую стратегию неплодотворно. Ведь такой подход означает фактическую поддержку идеологии персонализма, уводит от решения главной нашей проблемы – поиска не личности, а системы, при которой качества любого главы государства будут, конечно, оставаться значимыми, но лишь в рамках заданных институциональных условий. Ведь если допустить, что с 2000 года изменился сам политический режим, то мы тем более обязаны задать себе вопрос: что же это за Конституция у нас такая, что позволяет без её принципиальных нарушений или даже без нарушений вовсе устанавливаться «принципиально иному режиму»? Вот где нерв проблемы.

Если посмотреть на нынешнюю ситуацию, то, казалось бы, нужно согласиться с критикой идеи аннигиляции персоналистского режима. Обволакиваемый лестью царедворцев, процентами рейтинга популярности, восторгами подданных во время поездок по стране, президент не только перестаёт трезво относиться к себе и своей политике, но и обретает уверенность, что стране нужен либо только он, либо такой же, как он.

Джордж Вашингтон ради принципа свободного народного выбора сумел в конце своего президентства отказаться от льстивых предложений стать американским монархом или по крайней мере «указать перстом на достойного преемника». Но где у нас фигуры такого масштаба и такой верности принципам?..

Могу согласиться, что и в нынешних западных демократиях такие фигуры – большая редкость; что и там среди политиков есть демагоги, беспринципные ловкачи, наконец, коррупционеры; что и там иногда возникают скандалы по поводу ущемления политических свобод, прежде всего свободы массовой информации. Но нельзя согласиться с тем, чтобы это считать поводом для самоуспокоения: мол, российская демократия не лучше, но и не хуже западной. Бессмысленно убеждать тех, кто использует такой прием для пропаганды в худшем смысле этого слова. Но есть ведь и те, кто, видимо, искренне не видит принципиальных отличий между политическими условиями «там» и «здесь». Например, такой образованный и ироничный публицист, как Максим Соколов, написал: «Президенты США, заканчивающие второй срок, часто выражают поддержку избирательной кампании своих вице-президентов. Когда удачно (Буш-старший после Рейгана), когда неудачно (Гор после Клинтона), но в любом случае американская операция "Преемник" – в порядке вещей. В Старом Свете не лучше

[45] Автономов А.С. Указ. соч. – С. 141.

[46] Признавать это автору достаточно горько, поскольку в 1993–1998 годах он работал в Администрации Президента РФ.

– о желании Ширака видеть своим преемником в Елисейском дворце премьера де Вильпена какая только газета не отписалась, Ширака обвиняли в интриганстве и политиканстве, но про спецоперацию, которую необходимо пресечь, все же хватило ума не говорить»[47].

Действительно, порой действующие президенты объявляют о своих предпочтениях на предстоящих выборах, не исключаю также «интриганства и политиканства». Но, мягко говоря, некорректно сравнивать такие действия в разных политических средах – при наличии немонополизированного политического рынка и при его отсутствии. В конкурентной политической среде подобные заявления не более чем один из многих предвыборных шагов, но отнюдь не решающий. Недаром сам М. Соколов говорит, что поддержка Б. Клинтоном А. Гора не принесла последнему победу, равно как и усилия Ж. Ширака по продвижению де Вильпена могут оказаться напрасными. А не решающий этот шаг потому, что в условиях реальной политической конкуренции в этих государствах:

- конкуренты (оппозиция) имеют практически такие же возможности для агит*ации, что и политики из правящей партии;*
- «административный ресурс» не может быть задействован уже хотя бы потому, что при длительном «качании политического маятника» государственный аппарат во имя самосохранения старается собл*юдать политическую нейтральность;*
- партии имеют устойчивый электорат, и, собственно, этот «маятник» качается благодаря лишь некоторому числу не определившихся избирателей, у которых «проталкивание преемника» может вызвать как раз негатив*ную реакцию.*

Впрочем, в условиях политической конкуренции вообще неправомерно говорить об операции «Преемник», ибо заявление действующего президента о его персональном предпочтении и даже политическая поддержка конкретного кандидата не есть операция, понимаемая как цепь последовательных шагов. Тем более речь не может идти об операции, если, как иногда в той же Франции, правительство возглавляет политик из оппозиционной президенту партии. Или разве можно назвать «первым этапом» операции «Преемник» рекомендацию, которую дал в мае 2006 года президент США Дж. Буш своему младшему брату – губернатору Флориды? В американской политической системе это не только не повлияет сколько-нибудь значимым образом на выборы 2008 года, но вряд ли скажется даже на ходе партийных «primary».

У нас в принципе иная система. Будучи неконкурентной, она родила эффект как бы естественности фактической назначаемости, а не избираемости следующего президента. И вправду, если даже у непопулярного в конце его легислатуры Б. Ельцина операция «Преемник» прошла с успехом, то уж у популярного В. Путина – тем более. Данные социологических опросов летом 2006 года зафиксировали это. Ставший уже дежурным вопрос о «преемнике», задаваемый журналистами, показывает, что такой характер замещения президентского поста органически вплетён в нашу политическую ткань и мало кого шокирует. Потому у нас и слово «операция» тоже постепенно всё меньше будет отвечать своему значению, и в ординарных условиях смена власти превратится в рутинную аппаратную технологию: назначение лица на соответствующую публичную должность + «раскрутка» в подконтрольных власти СМИ + «административный ресурс» (на всякий случай) на вы*борах.*

Общество, не видящее альтернативы этой системе, тем самым легитимирует её. Закономерный ответ получил журналист, задавший Ю.А. Леваде вопрос, как формируется людьми оценка неизбежности. Этот вопрос был задан в связи с данными, полученными «Левада-Центром» при опросе о степени неизбежности нескольких исторических событий. В частности, приход В. Путина сочли предопределенным 51%. Социолог ответил: «Я думаю,

[47] Соколов М. «Отдайте все…» // Известия. – 2006. – 21 февр.

что к Путину привыкли, другого не видят, альтернативы ему нет. Из ответов, которые мы публиковали, следует, что если бы Путин мог оставаться президентом дальше, то люди бы это с удовольствием приняли, потому что **они просто не видят никого больше**. Поэтому люди считают, что приход к власти Путина и его команды неизбежен».

***Так общество загоняется в рамки фаталистического восприятия публичной жизни: сначала его ставят перед фактом (иногда, как, например, сегодня, этот «факт» создается формально самим обществом),* а уже потом неизбежная адаптация к конкретным условиям, их длительная неизменность плюс «идеологическая обработка» приводят к возникновению чего-то похожего на безальтернативность сущего («…это наша родина, сынок»).**

Таким образом, *возвращаясь к возражениям ряда экспертов по поводу аннигиляции, могу ответить: конечно же, при существующих условиях нельзя рассчитывать на чей-то внезапный отказ от фактически неограниченной власти. Но это – при существующих условиях*, когда, по справедливому *замечанию* ***Л.Ф. Шевцовой***, «в рамках тех социальных групп и слоев, которые поддерживают стагнирующее статус-кво, мы можем найти представителей самых разных политических и идеологических ориентаций: компрадоров, изоляционистов-почвенников, либералов-технократов и умеренных государственников, – отдельные их интересы могут не совпадать, но стратегически все они заинтересованы в сохранении статус-кво». И действительно, такая заинтересованность подтверждается паникой или как минимум нездоровой суетой, охватившей властвующую элиту в преддверии 2008 года – окончания второго срока полномочий *президента В. Путина. Ведь в её глазах именно он олицетворяет собой этот самый «статус-кво».*

Но можем ли мы быть гарантированы от того, что, например, произошло в Украине? Имею в виду *не «оранжевую революцию», а радикальную конституционную реформу*, в результате которой Украина, в целом сохранив смешанную форму правления, качнулась к её парламентской модификации. Реформу инициировал и провёл тогдашний украинский президент Л.Д. Кучма, пусть даже его мотивы и не были обусловлены заботой о развитии демократии. Причём обратите внимание: даже при более сильных, самостоятельных, нежели в России, политических организациях реформа проведена по воле и сценарию именно президента.

Напротив, главным лозунгом так называемой оранжевой революции была смена национального лидера, а не изменение конструкции власти. Именно поэтому, строго говоря, это была никакая не революция. Так что *персоналистский режим объективно оказался прогрессивнее «майдана».*

Когда я говорю о решающей роли субъекта персоналистского режима в создании условий, при которых такой режим перестаёт самовоспроизводиться, я далёк от апелляции к «надёже-государю», а руководствуюсь следующим убеждением: *в сложившихся условиях реформа, инициируемая самим лидером, – наименее болезненный и наиболее легитимный способ её проведения и залог успеха.*

Все другие варианты в той или иной степени означают крайне нежелательный для страны сценарий неконтролируемого развития событий. Тем не менее, кажется, и с этой оговоркой некоторые эксперты не видят возможности аннигиляции. Посмотрим, что они ей противопоставляют.

1. ***И.А. Яковенко*** исходит из того, что «в государственных структурах нет никакой свободы воли социального и политического электрона», а коренится она *в институтах гражданского общества*.

Что ж, этот тезис мне близок. Собственно, причиной появления настоящей работы послужило то, что автор считает социальным уродством подавление политической субъектности народа. Однако если мы хотим что-то реально изменить, то не имеем права убаюкивать себя мифологемами, а проще – заклинаниями типа «народ-богоносец» или, как сегодня, «гражданское общество»…

Мы рискуем впасть в ошибку конца 1980-х – начала 1990-х годов, когда вся наша политическая мысль свелась к общим лозунгам перехода к «демократии и рынку», без осмыслением исходной специфики момента, влияющей на способы такого перехода. Так и сегодня с «гражданским обществом». Мы ещё толком не договорились о том, какое содержание вкладываем в понятие «гражданское общество», а уже направо и налево оперируем им. Неудивительно, что этот термин в наши дни превратился в фетиш, используемый в разных целях.

Мне вообще кажется, что масса проблем возникает именно из-за пренебрежения к смысловой нагрузке того или иного понятия. Нередко в результате ни в чём не повинное понятие, которое начинают широко трактовать, перестаёт быть инструментальным… Забавно и грустно наблюдать, например, как сами власти озаботились «построением гражданского общества»: тут вам и Гражданский форум (2001), и Общественная палата (2005), и дежурные упоминания о гражданском обществе в речах высоких должностных лиц. При этом мало кто задумывается, что тем самым уничтожается смысл данного понятия. И уж совсем мало кто помнит о том, что гражданское общество достаточно точно описано ещё К. Марксом, хотя в чем-то его определение кажется сегодня устаревшим (так, в гражданском обществе Маркс видел лишь сферу эгоизма, «где царит bellum omnium contra omnes», т.е. война всех против всех)[48]. При всех различных подходах к пониманию того, что такое гражданское общество, *его суть – в независимости частного человека от государства*.

Так вот, не слишком ли расширительно мы толкуем понятие гражданского общества? И, наделяя его несвойственными ему чертами, не слишком ли многого хотим от него? Не правильнее ли апеллировать к *обществу политическому*, которое у нас ещё не сформировалось и в формировании которого как раз не заинтересованы власть имущие?

Но даже если оставить в покое терминологию, есть ли реальные основания ожидать от нашего общества необходимой активности, т.е. той, по ***И.А. Яковенко,*** «свободы воли социального и политического электрона», которая делает протест конструктивным? Конечно, в современном российском обществе есть не только отдельные люди, но и структуры, догадывающиеся, что власть в самой своей основе организована как-то не так. Но, во-первых, таких структур очень мало, ибо основная часть самоорганизующихся для протеста граждан не поднимается до принципиальных обобщений, максимум: «такого-то в отставку». А во-вторых, отнюдь не протестные настроения определяют сегодня мейнстрим общественного сознания, а скорее конформизм, причём, как в былые времена, приобретающий языческие формы: массовое поклонение «лидеру» есть «сотворение себе кумира», что составляет ядро любого языческого культа.

И.А. Яковенко призывает к «иной философии истории». Такой, чтобы «судьбы истории всегда определяли те, кто изобретал эти самые социальные “приспособления”, дававшие толчок развитию страны или изменявшие вектор этого развития». Опять же, лично я за такую философию. Но ведь оттого, что её исповедуют несколько экспертов или пусть даже часть общества, она не станет реальной «философией истории». Просто потому, что институциональные барьеры, встроенные в конструкцию власти, не дают возможности сформироваться этой «иной философии», а воспроизводят философию традиционную.

[48] См.: Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. – Т. 1. – С. 389–395.

В этой связи не могу не удивиться предложениям ***И.Г. Шаблинского***, сделанным, видимо, в рамках идеологии «теории малых дел». Например: «Необходимо создать общественный совет по обеспечению контроля за использованием эфирного времени Первым каналом или каналом “Россия”, например на основании федерального закона об общественном телевидении. Достижение этой локальной цели позволит добиться некоторого расширения информационного поля, создать плацдарм для оппонирования власти».

С какой стати, однако, Кремль отдаст свои едва ли не главные политические рычаги под общественный контроль? А если он и пойдёт на это ради выпускания пара, то по составу и принципам функционирования такой совет ничем не будут отличаться, скажем, от Общественной палаты. В том-то и дело, что не только государственные, но и любые общественные институты, претендующие на то, чтобы осуществлять гражданский контроль, имеют смысл лишь в условиях политической конкуренции, когда чиновники не могут контролировать эти общественные структуры.

И.А. Яковенко говорит, что «у нас свобода воли политического электрона не в политико-образующем классе, а в тех структурах, которые на сегодняшний момент могут сформировать нормально действующий гражданский контроль над властью». Так в том-то и дело, что *не могут*! Не потому, что не умеют, а потому, что сформировавшаяся институциональная система либо, в зависимости от обстоятельств, воспринимает такой «контроль» как писк комара, либо вообще не позволяет его осуществлять. Хотя, надо признать, на отдельных направлениях общественного контроля при подключении к нему оставшихся независимыми печатных СМИ удаётся изредка добиваться некоторого позитивного эффекта. Однако, во-первых, масштабы контроля настолько малы, что не позволяют создать «критической массы», необходимой для радикального решения той или иной социальной проблемы. И во-вторых, явственно обозначилась тенденция как к ограничению даже формальных возможностей для общественного контроля, так и к созданию обманных его форм, когда власть инициирует, а то и сама создаёт «общественные структуры» для демонстрации «гражданской активности», на фоне которых подлинно самодеятельные структуры представляются как «маргинальные».

Я понимаю, в чём истоки такой позиции ***И.А. Яковенко,*** который относится к числу активных и неравнодушных деятелей. Возглавляемый им проект «Общественная экспертиза» весьма благороден. Однако сильно ли сказались результаты этой экспертизы на практической жизни? Этот проект мог бы иметь огромный успех… Но опять-таки только в конкурентной политической среде. Об этом я и толкую.

Бессмысленно рассчитывать на общественную активность, поскольку система устроена так, что эта активность выглядит в ней в лучшем случае, как поведение «городских сумасшедших», в худшем – как деятельность «врагов народа»…

Сказанное вовсе не означает неверия в силу общественной активности. Но речь же не о том, чтобы пропеть оду народу, сложить о нём сагу или балладу, где в силу жанра рационализм уступает место героике. Речь идет о трезвой оценке того, кто, что и как может противопоставить сложившейся традиционалистской системе власти, устроенной по образу пирамиды. Скажу банальную вещь: общество способно влиять на власть по принципиальным вопросам лишь в условиях институциональной зависимости власти от общества. А такая зависимость появляется только при наличии политического рынка, на котором действуют такие же закономерности, что и на рынке экономическом. Если же рынка нет, а есть монополист, неважно как приобретающий такое положение, то его естественным принципом будет известное с советских времён «бери, что дают». Протест против монополиста может, конечно, стихийно вызреть, особенно если монополист зарвался и предлагает уже откровенно гнилой

«товар». Но такой протест приводит лишь к погрому лавок, лабазов, магазинов, складов и проч., а в сфере политической – к массовым беспорядкам и замене одного монополиста на другого.

2. По существу, противоположный вариант трансформации режима, поскольку он апеллирует не к обществу, а к политической бюрократии, высказал ***А.Ю. Зудин***:

> «На мой взгляд, первым шагом по пути выхода из персоналистского режима станет ротация власти, хотя бы и в управляемой форме. […]
>
> Второй шаг – укрепление реальных стимулов для укоренения многопартийной системы. Создали пропорциональную систему, а она может работать по-разному. И не только в зависимости от высоты отсекающего барьера, но и по другим причинам. Скажем, многое будет зависеть от того, на каком варианте политического позиционирования в конечном счете остановится "Единая Россия": будет ли она по-прежнему настаивать на "социальном консерватизме", гарантирующем сохранение фактической политической монополии, или переориентируется на "либерально-консервативную" политическую нишу и освободит больше места для других политических сил. Существуют и такие стимулы для развития партийной системы, как величина "приза" для её участников. Я бы не делал никаких особых выводов из того, что "Единую Россию" лишили "сладкого сна" в виде правительства парламентского большинства. Движение в направлении партизации системы власти будет происходить по той простой причине, что никакой внятной альтернативы ему не существует. Нынешняя система, расколотая по клановому принципу, функционировать не может. Так что партизация власти – вопрос не принципа, а времени и скорости движения в данном направлении».

В данном сценарии делается ставка на эволюцию взглядов самой верхушки, т.е. на то, что она осознает свой интерес в переходе к политическому рынку. Такое предположение имеет сторонников среди аналитиков и политических публицистов. Похожее мнение, например, высказал политический обозреватель И. Мильштейн:

> «Что же остается кроме этой власти, которая никуда не уйдет в 2008 году? Запасаться терпением как хлебом в блокадной колыбели трех революций. На территории бывшего "совка" возможен лишь один-единственный способ мирной передачи власти: номенклатурная революция. Все прочие – не дай Бог. Когда-то мы были первыми – в августе 1991 года. Потом заметно отстали, вернувшись после долгих блужданий на обетованную советскую землю. Однако выход из нынешнего маразма только один: когда верхи, после очередной смены элит, смогут осознать необходимость перемен, а низы не станут слишком сопротивляться. **Оттуда, из бывших или грядущих номенклатурных князей, только и следует ждать российского Ющенко**. Человека, который хотя бы самому себе задаст самые главные вопросы текущей жизни»[49].

Но и с этим сценарным вариантом трудно согласиться.

Во-первых, насколько я понимаю, разговор ведётся в плоскости не институциональных изменений, а изменений лишь стилистики власти. Другими словами, эксперты надеются, что инстинкт самосохранения заставит нынешнюю «элиту» выдвинуть более «демократичного» лидера. *Я не говорю, что это нереально. Говорю лишь, что это бесперспективно, если не будет соединено с изменением самой среды обитания власти.*

Во-вторых, как «ротация власти» может стать одним из условий трансформации, тем более «в управляемой форме»? Современному политическому классу, взросшему на персоналистских традициях, гораздо комфортнее ощущать себя в условиях конкуренции людей, а не идей; конкуренции аппаратной, а не публичной. И в нынешних институциональных условиях эта традиция будет только укрепляться, а не истаивать. Если в начале ельцинской легислатуры правящий класс, включая и ближайшее окружение президента, формировался до-

[49] Мильштейн И. Вопросы к путинизму // Грани.ру. – 2006. – 13 апр. [Электронный ресурс] (URL: http://www.grani.ru/opinion/m.104405.html).

вольно стихийно, то уже на её последних этапах стали завязываться новые аппаратные связи; новые команды стали выдавливать «случайных игроков». В период же путинской легислатуры этот процесс приобрёл откровенные формы. Фактически мы имеем дело с формированием новой номенклатуры. Спрашивается, что подвигнет её к изменению правил игры? Ведь этой номенклатуре привычнее и удобнее искать и делать ставку на лицо, т.е. на тот «паровоз», который потянет за собой «команду», нежели ступать на неведомое и зыбкое поле открытой и равной политической борьбы.

В-третьих, никакие манипуляции с законодательством не помогут обеспечить процесс «партизации власти». Если бы это было возможно, не стоило бы скрупулёзно исследовать существующую политическую конструкцию. Ведь одно дело, когда развитие демократии просто требует времени, и другое – когда такое развитие упёрлось в неодолимую стену конструктивного порока, без исправления которого невозможна никакая демократическая эволюция!

В-четвёртых, если некоторые эксперты понимают, что «никакой внятной альтернативы партизации власти не существует» и «нынешняя система, расколотая по клановому принципу, функционировать не может», то почему это должны понимать глава государства, его окружение и вообще вся политическая верхушка? Но, допустим, поймут. Допустим даже, что независимые экспертные мнения о гибельности персонализма «потревожат» если не совесть, то racio высшего эшелона власти. Неужели последний, что называется, с испугу начнёт проводить реформу власти? Нет конечно. В борьбе мотивов победят те, которые побуждают к сохранению status quo. Можно предвидеть, например, такие «успокоительные» контраргументы:

а) «эти эксперты просто ангажированы и потому пугают себя и нас. Они говорят, что клановая система не может функционировать. Ничего подобного, функционирует вполне успешно»;

б) «смотрите, как славно всё выходит – что бы ни делалось, президент окружён народной любовью, так почему же его преемник не будет находиться в том же положении, раз нет даже тенденции к падению цен на углеводородное сырье?»;

в) «любые принципиальные изменения правил политической игры чреваты непредсказуемыми последствиями, а потому, как говаривал В.С. Черномырдин, "не чешите, если не чешется"».

В общем, хотя и нет при власти золотого петушка, который бы гарантировал: «Царствуй, лёжа на боку!», зато есть свои аналитики, которые утверждают, что всё идёт нормально и главное – нужного преемника сыскать.

Наконец, в-пятых. Если не менять институциональных условий, стиль организации власти действительно может измениться в ходе «ротации» и «партизации». Например, в результате аппаратных договорённостей, реальную власть может обрести премьер, а не президент. Именно такой вариант мы наблюдаем нынче в Чеченской Республике! Но от всего этого суть политического режима не изменится, ибо общество так и не получит систему открытой политической конкуренции и реального разделения властей.

С точки зрения обеспечения стабильности политической системы и в целом государственности, возможности определения стратегии развития общества изменения стилистики власти не только не окажутся позитивными, но, скорее, наоборот, окончательно запутают, изуродуют политические отношения в стране.

3. Ближе всего к идее аннигиляции, казалось бы, стоит ***Л.Ф. Шевцова***:

> «Автор рассматривает основной субъект власти – возвышающегося над обществом президента, как возможный инструмент для обновления. Он считает, что персонализм должен стать средством разрушения персонализма. Но весь опыт мировой трансформа-

ции свидетельствует, что такая модель выхода оказывается успешной исключительно редко. Можно назвать несколько стран, в частности Испанию, где лидер, вышедший из авторитарной системы, осознал её исчерпанность и создал условия для её дегерметизации и переводу в демократический цикл. Но это может произойти только в том случае, если, во-первых, лидер не несёт ответственность за исчерпавшую себя систему, т.е. не он был её создателем; во-вторых, налицо все признаки исчерпанности системы и недовольство ею как сверху, так и снизу. Горбачёв тоже начал медленно "открывать" советскую систему, не будучи ответственным за её создание и не желая её обвала.

Практически все успешные трансформации авторитарных и тоталитарных обществ включали в себя следующие элементы: *трансформационный лидер*, который приходит к власти в момент дряхления системы с ощущением своей миссии; *фрагментация правящего класса*, выделение из него прагматиков, готовых к реформированию; *давление снизу* в виде протестного движения. Только эта "трёхчленка" может привести к успешному выходу из прежнего режима. Во всяком случае, я не знаю ни одной успешной и необратимой трансформации при наличии лишь одного элемента этой схемы».

Однако, если разобраться, эти условия предполагают фактически предреволюционную ситуацию, при которой, хотя «сигнал» и подаётся «сверху» («трансформационный лидер с ощущением миссии»), общество уже готово его принять и, в свою очередь, толкает лидера к более активным действиям. Однако для этого требуется какая-то *масштабная, вдохновительная и понятная обществу идея*, какой, например, была идея «демократии и рынка» в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Изменение институциональной конфигурации власти ради преодоления персоналистского режима явно, во всяком случае пока, не относится к такого рода идеям.

Да и вообще, когда я говорил об аннигиляции, то не имел в виду ликвидацию персоналистского режима в духе «революции». Речь шла об устранении органического порока нашего властного механизма в рамках Конституции, а такое устранение возможно лишь при наличии воли самого субъекта персонализма – Президента РФ. Правда, именно в этом ***И.М. Клямкин*** увидел противоречие между двумя моими тезисами: с одной стороны, «какой бы ни был президент, институциональная система диктует ему жёсткую логику поведения», с другой – субъектом перемен может быть только президент. Противоречия тут, однако, нет.

Я не утверждаю, что «институциональная система диктует жёсткую логику поведения президента». Говорю лишь о том, что в зависимости от уровня популярности, личных качеств главы государства, его мировоззрения, других внеинституциональных факторов режим может в меньшей или большей степени закупоривать каналы для свободной политической жизни, для публичной критики власти и т.п., но любом случае он остаётся персоналистским. Другими словами, система не диктует авторитаристскую логику поведения моносубъекта, а только, повторю, позволяет развиваться авторитарному стилю. Исходя из этого, я и выдвинул гипотезу, что легально лишь сам субъект персоналистской системы способен инициировать её слом.

Отсюда вытекают и ответы на вопросы ***И.М. Клямкина***, «благодаря чему он [президент] вдруг вырвется за пределы этой системы и какие у него есть ресурсы, какая база, на которую он будет опираться?». Как я уже сказал, институциональная система, продуцирующая персоналистский режим, не только не означает невозможности для моносубъекта каких бы то ни было институциональных изменений, но, наоборот, радикально облегчает возможность их проведения. Соответственно, отпадает проблема «ресурсов и базы» для конституционной реформы. О последних можно было бы говорить в условиях устоявшейся демократической системы. Тогда действительно требуются и ресурсы, и база, на которую реформатор мог бы опереться. Именно это происходило, например, при конституционной реформе, проведённой Ш. де Голлем в 1958 году. В наших же условиях ничто не мешает президенту, даже не очень

популярному, учитывая, что он собирается деконцентрировать свою власть, провести конституционную реформу.

Иная проблема – что подвигнет какого-либо президента на такую реформу. Если оставить в стороне мотивы президента Кучмы при проведении конституционной реформы в Украине, что ещё может быть толчком для деперсоналистской реформы в России и какие дополнительные условия понадобятся? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно различать два сценария.

Первый сценарий – президентскую должность занимает лидер, находящийся вне системы и провозгласивший идею конституционной реформы ещё на этапе избирательной кампании.

Маловероятность успеха этого сценария связана с тем, что такая идея пока не владеет умами не то что общества, но даже политической элиты. К тому же ***Л.Ф. Шевцова*** говорит о том, что трансформационный лидер, помимо прочего, должен появиться «в момент дряхления системы». Но о степени «дряхлости» системы можно судить только по последствиям реформы или революции: одолеет трансформация эту систему, значит, последняя была дряхлой. В фундаментальном смысле персоналистская система давно уже таковой является, ибо исторически давно исчерпала себя, хотя бы потому, что система единоличного правления, если не обращать внимания на типы государственной власти, насчитывает тысячелетия. Но сегодня она мало кому представляется дряхлой: выросший государственный бюджет России, демонстрация запаса жизненных сил нынешнего лидера не позволяют разглядеть убогость, архаичность системы единовластия.

Отсюда следует, что хотя бы относительный успех возможен при следующих условиях:

- выдвижение достаточно харизматического внесистемного лидера;
- активная работа по убеждению граждан в причинно-следственной связи между уровнем чиновничьего, полицейского, судебного произвола, коррупции и т.д. и отсутствием политической конкуренции;
- включение в политическую повестку дня не призывов к «демократии» или требований «свободы слова», а лозунга типа «Даёшь честный политический рынок!», но только как составной части более общей идеи *обновления,* подразумевающего необходимость решения наиболее болезненных проблем.

Второй сценарий – трансформация системы «преемником». Здесь как раз уместно одно из условий трансформации, перечисляемых ***Л.Ф. Шевцовой***: дистанцирование нового лидера от исчерпавшей себя системы. ***Г.А. Сатаров*** верно предположил, что, «даже если мы будем иметь дело с преемником Путина, у которого будет единственная квазилегитимность, а именно сам Путин, то всё равно он вынужден будет Путина отрицать в поисках новой легитимности».

В системах единоличного правления очень часто преемники, если отвлечься от способа приобретения ими поста, в политическом смысле действительно легитимируют себя, дистанцируясь от предшественника. Так, американский историк Ричард Уортман, педантично ссылаясь на документальные свидетельства, показывает, что «сценарии власти» российских государей – от Петра Великого до Николая I – включали в себя идею противопоставления. Он, в частности, пишет: «О захвате власти Екатериной сообщали как о героическом освобождении. Манифест о восшествии на престол от 6 июля 1762 г., сочиненный Н.И. Паниным и Г.Н. Тепловым, рисовал царствование Петра III в чёрном цвете»[50]. Или вот о Павле I: «Хотя Павел был законным наследником престола – так он был назван в екатерининском манифе-

[50] Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии // Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 8. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. – М., 2002. – С. 153.

сте 1762 года, – он последовал модели насильственного захвата, пойдя на смелый разрыв с царствованием своей матери»[51].

Причём дистанцирование происходило отнюдь не только в форме заявлений. В первую очередь демонстративно менялась эстетика царствования: «Державин назвал вступление Павла на престол актом "завоевания". Зимний дворец начал походить на казармы, по залам разносился топот сапог и звон шпор»[52]. Не так ли и В. Путин «эстетически» дистанцировался от Б. Ельцина, «возведшего его на престол», когда ровно через год после добровольной отставки первого президента, почти минута в минуту официально вновь зазвучал советский гимн. Символы – они ведь порой красноречивее иных государственных решений…

Но, сознавая большую вероятность такого способа легитимации «преемника», мы не можем знать, под влиянием или посредством каких идеологем будет происходить отрицание предшественника. Вряд ли такой идеологемой станет в ближайшее время радикальное изменение условий политического бытия. Ведь, с одной стороны, «вырваться за пределы системы» лидер захочет и сможет, если он будет ощущать мощный общественный заказ, как в своё время президент В. Путин услышал заказ на «порядок». С другой стороны, сам собою заказ на трансформацию персоналистской системы общество ни с того ни с сего не выдвинет.

Тупика здесь, однако, нет. В этой точке неожиданно сходятся оба сценария. Неудача (но не провал!) первого вполне может стать основой для реализации второго. Проще говоря, внесистемный лидер и поддерживающие его политические силы способны возбудить в обществе потребность в заказе на реформу власти и сделать эту потребность достаточно мощной. Настолько мощной, чтобы у власти появилось желание самой оседлать её, вырвать из рук оппозиции.

Существует ли в России предопределённость политического персонализма?

Напомню, что в статье, послужившей поводом к дискуссии (часть 1), автор затронул эту сложнейшую проблему, главным образом, отталкиваясь от концепции «матриц» С.Г. Кирдиной. Поэтому для последующего обсуждения экспертам и был предложен вопрос: «Правомерно ли утверждать, что персоналистский режим для России исторически и культурно предопределён и безальтернативен?».

Сразу же повинюсь в том, что понятие «*предопределённость*» в данном контексте применено не очень удачно. Если о предопределённости и можно говорить, то только условно. Иначе – если относиться к предопределённости без кавычек, т.е. как к абсолютной категории – необходимо будет признать: либо мы, люди, обладаем точным знанием причинно-следственных связей в социальной сфере, что невозможно, ибо жизнь общества – не физическое явление; либо мы находимся в плену рока, фатума, кисмета и т.д., что в духовном плане, по словам В.И. Даля «гибельно для нравственности, [ибо] фаталисты отрицают свободу воли человека и ответ его за дела»[53], а в материальном – обессмысливает всякую общественную активность. Поэтому правильнее ставить вопрос о *предрасположенности* российского социума к традиционализму и, в частности, к персоналистски устроенной власти. С этой оговоркой попытаюсь теперь более чётко выразить и обосновать свой отрицательный ответ.

На мой взгляд, совершенно прав ***Ю.А. Зудин***, который при обсуждении сказал, что «Особенность нашей культуры, в широком социологическом смысле, состоит в том, что там можно найти представления и ценности, которые могут стать опорой для движения по са-

[51] Там же. – С. 231.
[52] Там же. – С. 231.
[53] http://dal.h11.ru/

мым разным политическим траекториям». В данном случае релятивистский подход, на мой взгляд, – ключ к пониманию проблемы предрасположенности страны к определённому пути развития («матрицы»).

Дело в том, что, кто бы ни пытался настаивать на фатальном доминировании каких-то определённых представлений или ценностей, а пытаются представители разных научных дисциплин: историки, социологи, философы, правоведы, – верифицировать такие «теории» не представляется возможным. Даже практика («критерий истины») не может служить подтверждением или опровержением, поскольку никто не в состоянии доказать, что именно данная практика есть прямое следствие таких-то выявленных закономерностей.

Вот, например, ***В.В. Лапкин*** считает, что японское послевоенное общество «оказалось внутренне подготовленным к такой (демократической. – *М.К.*) трансформации, и после 1945 г. внешней администрации осталось "всего лишь" осовременить в политической и экономической сферах институциональные формы, которые успешно прижились и стали основой послевоенного "японского чуда"». Но ведь это нам *сегодня* кажется, что американской оккупационной администрации оставалось лишь «осовременить институциональные формы». На самом деле было совершенно неизвестно, приживётся ли демократия в довольно закрытой нехристианской стране с тысячелетними иерархическими и сословными традициями. Именно поэтому трудно согласиться с мнением, что «Япония представляется уникальным, единственным случаем ранней и в целом вполне успешной модернизации, осуществлённой не на западноевропейской социокультурной основе». Нельзя тут не заметить и некоего логического противоречия: если японское общество оказалось подготовленным к модернизации, то почему это следует считать уникальным случаем?

Сказанное нельзя понимать таким образом, что демократическую модернизацию можно провести в любом обществе. Некая историческая подготовленность к ней всё-таки должна существовать. Трудность заключается в том, что, видимо, никто пока не знает, как определить её наличие и/или «замерить» степень такой подготовленности. Но я веду сейчас речь о правомерности самой концепции предрасположенности. Японский «феномен» как раз показывает, что при определённых институциональных условиях и последовательных политических усилиях традиционализм не может стать неодолимой преградой на пути модернизации.

Теоретически представимо общество, в котором существует консенсус по вопросу о неприемлемости каких-либо изменений («нас и здесь неплохо кормят»), но это будет именно теоретическое допущение, поскольку мы не найдём страны, где граждане пришли бы к такому консенсусу, во всяком случае страны, принадлежащей к евро-атлантической цивилизации, а Россия к ней принадлежит.

Другое дело, что культурно-исторический фатализм для многих оказывается очень «удобным» миропониманием, очень многое он «объясняет», снимает вину и с властей, и с народа, а главное, это прекрасное манипулятивное средство. Верно подметила в ходе дискуссии ***Л.Ф. Шевцова***, что сегодня «именно "фаталисты" говорят об исторических традициях и культурных препятствиях, которые осложняют более решительный прорыв России к новой цивилизационной парадигме».

В спор о «предрасположенности» всегда вмешивается огромной силы *субъективный фактор*: тем, какой именно образ страны представляет себе тот или иной исследователь, определяется набор и трактовка предъявляемых им фактов и аргументов. Впрочем, такой субъективизм вообще имманентен исследованиям в социальной, гуманитарной сфере. От него никому не удавалось уйти. Даже наиболее «точная» из всех гуманитарных наук – наука историческая – не в состоянии дать полностью объективную картину состояния общества, государства на тот или иной период времени. И не от низкой квалификации, а в силу ограниченности человеческого мышления и ценностной ориентации всякого исследователя.

Предложите нескольким историкам разных направлений описать современный период развития России, предоставив им одинаковый набор документальных свидетельств, и вы лишь по некоторым деталям будете догадываться, что речь идет об одной и той же стране, об одном и том же времени.

Поэтому не приходится удивляться тому, насколько радикально расходятся между собой утверждения разных учёных в зависимости от их мировоззренческой и политической позиции, когда они пытаются объяснить нынешние процессы и явления в России *историческими, иногда соединяемыми с геополитическими, факторами*. Приведу лишь несколько примеров.

Историк права, отражающий взгляды евразийства, В.И. Карпец отстаивает геополитическую детерминацию традиционализма:

> «**Российское государство исторически развивалось в пределах месторазвития** от Карпат и Подунавья на западе, через Закавказье, Афганское нагорье, Памир и Тибет на юге, Алтай, гористую местность и реку Амур на Востоке с выходом в бассейн Тихого океана. Нетрудно видеть, что перед нами *единое пространство,* которое Урал – предполагаемая граница Европы и Азии – не разделяет, а, скорее, соединяет. Заметим, кстати, что пространство это имеет явно выраженную форму чаши. При этом оно характеризуется тяжелыми климатическими условиями (годовая изотерма +1° – –1° проходит в Европе по территории бывших государств Варшавского договора); климат за редкими исключениями резко континентальный, почвенные условия малоблагоприятные (при изобилии нефти и полезных ископаемых, включая драгоценные металлы), большая часть покрыта лесами при четкой границе их с т.н. Великой Степью – от Трансильвании до Алтая – территориально и стратегически объединяющей это пространство. Такие условия определили военно-тягловый характер государственности, преобладание добывающей промышленности над обрабатывающей, общинный характер жизни и трудового процесса, сакральное отношение к земле («земля – Божья и государева, а так ничья»), предполагавшее невозможность полной на неё частной собственности (право владения и пользования без права распоряжения, т.е. продажи), стремление к стягиванию пространства («чаши») в единый имперский комплекс […] **Эти характеристики оказались совместимы с традиционными религиями народов России (православие, ислам, буддизм, каждая из которых по-своему подчиняет индивидуальное начало всеобщему и часть – целому**, что позднее отразилось даже и на единой советской идеологии, сильно отличавшейся от первоначального марксизма. […] Если же Россия сумеет сохранить своё «большое пространство», причем через интеграцию с другими новыми евразийскими странами – Белоруссией, Казахстаном, Узбекистаном, Арменией и, быть может, в какой-то степени и с Украиной (а иного пути у нашей страны, если она всё-таки хочет остаться политическим субъектом, просто нет) – то **все парадигмальные основания российского государства и права, включая тяглово-трудовой строй и категорию правообязанности, так или иначе проявятся**, причем, возможно, более мощно, чем когда-либо прежде, ибо речь пойдет о самом *выживании типа*, о *реакции* организма (в медицинском смысле этого слова)»[54].

Наоборот, представитель либерального течения, историк науки Г.П. Аксёнов обосновывает концепцию «ухода русских людей»[55], считая, что пространственные параметры России – следствие «тихой борьбы» людей с властью за свободу, в ходе которой, однако, власть вышла победительницей:

> «…**Наши великие просторы завоеваны не государством, не князьями пресловутыми, а чаще всего благодаря беспрестанному уходу от них русских людей.** Ситуа-

[54] Карпец В.И. Реформы и право в России: история и современность // Реформы и право / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М., 2006. – С. 61-62, 75.

[55] О концепции «ухода» см. подробнее: Аксёнов Г.П. Крылья орла // Открытая политика. – 1997. – № 2-3. – С. 98-107.

ция развивалась естественно, по модели “антилопы и львы”. Русское племя все время расселялось, мигрируя по маршруту: Киев, Новгород, Чернигов, Курск, Рязань, потом на северо-восток до Нижнего, а варяжские полевые командиры его все время догоняли. Новгородцы пятьсот лет мирно продвигались на Архангельск и Вологду, потом на Урал и Сибирь до Тобольска. С завоеванием Новгорода Иван III заглотил его обширные колонии. Москва победила Тверь и Псков. Так что **огромная страна возникла не завоеванием инородцев и их христианизацией, а путем жесточайшего покорения и удержания русских христиан**.

Мало кто теперь может ясно себе представить, как крестьяне поодиночке, семьями, селами все время уходили от вооруженных этих насильников и грабителей “туда, где люди по-божецки живут”, то есть в так называемые резервные пространства? По легендам и “скаскам” бывалых людей в XVII в. дошли до Апонии, в XVIII – до Анапы. **Потом стало некуда бежать**. Те, кто столетиями догонял и закрепощал своих же соплеменников, всегда относились и до сих пор относятся к ним как к завоеванному своему достоянию. Оккупационный вирус скрывается в подсознании наших силовиков, в мозгу любого милиционера, он проявлен в самой структуре страны: любой наш более или менее значимый населенный пункт прежде всего – гарнизон. Страна имеет статус покоренной, и никогда эти вооруженные люди не защищали невооруженный народ, и ни в одной войне не освобождали, а отбивали у чужих для себя, потому что сразу устанавливали жесточайший режим. Жителей любого пункта не миновали разоружение, комендантский час, заставы, паспорта и прописки. Тотальная несвобода – вот с чего начинается судьба любого города»[56].

Свою версию истоков российского авторитаризма выдвигает американский исследователь Ричард Пайпс, посвятивший этому отдельный труд. В частности, он утверждает:

«Автор держится той точки зрения, что если Россия не сумела обзавестись правами и свободами, то **решающую роль в этом сыграло уничтожение земельной собственности в Великом княжестве Московском, которое завоевало всю Русь и установило в ней порядки, при которых монарх был не только правителем своей земли и ее обитателей, но и в буквальном смысле их собственником**. […] Русские крестьяне никогда не признавали землю принадлежащей кому бы то ни было, кроме как государству, то есть царю, и поэтому никогда не мирились с установлениями Жалованной грамоты 1785 года, которые отдавали землю дворянам, освобождая их при этом от обязательной государственной службы»[57].

Любопытную концепцию рисует историк и юрист Ю.К. Краснов, исходя из того, что в XVI–XVII вв. сформировался новый класс «государевых служилых людей», состоявший из потомков «захудавших» княжеских и боярских родов и их слуг, выходцев из Литвы, крещёных татар, поповичей и казаков:

«Вся эта огромная масса людей, не знакомых, в основном, с древнерусской культурой, чуждые по менталитету большинству населения, часто плохо владеющие русским языком и действовавших в основном во враждебно относящемся к ним окружении, была заинтересована в широкой экспансии московских князей сначала в древнерусских землях, а затем и по всем другим направлениям. […] Именно такой **служилый класс был социальной опорой московских князей, именно он принес в российскую жизнь политическую традицию служения государю, а не стране**»[58].

Менее конкретный, но потому и менее уязвимый детерминант предложил философ И.Б. Чубайс:

---

[56] Аксёнов Г. Слово и дело церкви // Отечественные записки. – 2005. – № 3. – С. 324–325.

[57] Пайпс Р. Собственность и свобода. – М., 2000. – С. 211, 258.

[58] Краснов Ю.К. Модернизация российской государственности: уроки незавершенных перемен // Право и управление: XXI век. – 2005. – № 2. – С. 11.

> «По сей день за границами и внутри страны можно услышать утверждение – России демократия несвойственна и не нужна, здесь иные правила и традиции. Поясню оппонентам, что в период экстенсивного роста демократия не нужна никому, ни шведскому королю Карлу XII, совершавшему один военный поход за другим, ни европейским переселенцам на североамериканский континент, привозившим африканских рабов и изгонявшим индейцев с их исконных земель, ни русским первопроходцам, казакам, генералам, присоединявшим к Империи одну территорию за другой. […] Но **совершенно необходимой становится демократия с переходом к внутреннему, качественному росту**. Поэтому сегодня можно утверждать, что Россия выстрадала демократию, как никто другой, без действительной демократизации реальное продвижение по пути прогресса будет невозможно»[59].

Говоря о большом влиянии субъективного фактора (мировоззрения исследователя), я вовсе не подвожу к тому, что к этим, а равно и к другим точкам зрения не может быть доверия. Доверять или не доверять – это тоже субъективизм, ибо предполагает мировоззренческий, идейный, наконец, политический выбор. В этом смысле, конечно же, и отстаиваемая мною позиция в отношении институциональных условий не менее уязвима. Но, если читатель заметил, я не выстраиваю, если можно так выразиться, «теорию институциональных ошибок», т.е. не пытаюсь доказать историческую универсальность нынешних причин персоналистского режима. Ни в коем случае. Наоборот, исхожу из того, что, мягко говоря, некорректно и даже вредно представлять общество как пчелиный рой или муравейник – сообщество безмозглых особей, действующих на основе инстинктов. Это означает, что хотя названные выше и иные факторы влияют на самосознание россиян, на их отношение к власти, на само её устройство, на характер функционирования, но влияют *отнюдь не фатально*, т.е. не означают ни предопределённости, ни даже предрасположенности к какой-то парадигме развития. Даже такая общая закономерность, которую обосновывает И. Чубайс, «автоматически» не везде подтверждается. Например, в ряде стран Юго-Восточной Азии («Восточные тигры») или в современном Китае переход к интенсивному развитию отнюдь не повлёк за собой установление демократии. Следовательно, существует огромный «букет» объективных и субъективных факторов, сочетание которых на каждом историческом этапе создаёт конкретный образ государственности и общественности. И это сочетание, полагаю, для нас, людей, непостижимо, как бы кто ни пытался не то что предсказать будущее, но даже объяснить сущее.

Итак, здесь вовсе не отрицается ценность исторических предпосылок, а лишь обосновывается своего рода разумный *исторический релятивизм*. Подобный подход к историческим факторам просматривается, в частности, в книге А.С. Ахиезера, И.М. Клямкина и И.Г. Яковенко[60]. О нём же говорил И.М Клямкин, представляя эту книгу:

> «Наш экскурс в историю России мы предприняли **не для того, чтобы искать в прошлом ответы на сегодняшние вопросы**. Мы предприняли его для того, чтобы показать **принципиальные отличия нынешних проблем от прошлых** и непригодность для их решения прежних методов – в том числе и тех, которые принято считать успешными. Потому что их успешность обусловливалась конкретными обстоятельствами, которых в наши дни уже не существует. […] **В отличие от времен столетней давности, никаких культурных противопоказаний против правового типа государственности в массовом сознании не осталось. А тогда они существовали**. Тогда им отторгалась сама идея частной собственности, без которой правовая государственность немыслима»[61].

---

[59] Чубайс И.Б. Россия в поисках себя. Как мы преодолеем идейный кризис. – М., 1998. – С. 38.

[60] См.: Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. История России: конец или новое начало? – М., 2005.

[61] Презентация книги А. Ахиезера, И. Клямкина, И. Яковенко «История России: конец или новое начало?». 14.02.2006. // [Электронный ресурс] URL: http://www.liberal.ru/sitan_print.asp?Rel=152.

Отсюда следует, в общем-то. простой вывод. Мы, конечно же, должны пытаться понимать основные исторические закономерности. Но при этом понимать и то, что существует свободная воля, свобода выбора, а не тупая предопределённость.

Рука об руку с обоснованием выводов об особом пути России на основе исторической и геополитической специфики идёт обоснование такого пути на основе *специфики этнокультурной*. Безусловно, культурные особенности (самобытность) народа России, прежде всего русского народа, основавшего российскую государственность, существуют. В том числе и та особенность, которая здесь нас интересует больше всего.

Исследователи в области социальной психологии называют её царецентризмом[62]. Посмотрим, не этот ли социальный стереотип обусловливает воспроизводство персоналистского режима в России на протяжении многих веков. Разумеется, он влияет на государственно-правовую реальность, но влияет лишь в том смысле, что сам служит звеном замкнутого круга: царецентризм легитимирует уже существующий персоналистский режим, а на основе этого последний культивирует «неизбывный царецентризм народа», что даёт удобную возможность адептам системы спекулятивно апеллировать к нему, вновь и вновь обеспечивая легитимность правителя.

Но настолько ли сильна этнокультурная специфика, чтобы при иных институциональных условиях не начать исчезать? И за какое «звено надо потянуть», дабы разорвать этот круг?

Чтобы ответить на эти вопросы, полезно обратиться к анализу, казалось бы, весьма далёкой от российской жизни проблемы – кризиса конституционализма в Великобритании, проведённому профессором политологии из Оксфорда Ларри Зидентопом[63]. По его мнению, кризис этот своим появлением обязан специфике государственного строя в Британии, а её, в свою очередь, определяют два фактора.

Во-первых, гордость Британии – представительная демократия – покоится главным образом на «аристократической форме общества», при которой мнение замкнутого правящего класса только и сдерживает экспансию исполнительной власти:

> «На протяжении долгого времени считалось, что в парламенте должен преобладать **праздный имущий класс**, который способен пресекать любые попытки исполнительной власти выйти за пределы своих полномочий и претендовать при этом на бразды местного самоуправления. Не подвергалось сомнению, что **такой класс будет выступать в качестве гаранта широких прав личности, особенно имущественных**»[64].

И, во-вторых, неформальные отношения, обычаи и «сложившиеся представления» превалируют над формализованными процедурами:

> «Та часть конституции, которая обеспечивает баланс между законодательной и исполнительной властями, защищает местную автономию и в значительной мере гарантирует личные свободы, оставалась неформальной. Таков был характер взаимодействия между социальной структурой и политическими институтами в Британии. […] Трудно не согласиться с тем, что неформальная сторона любой конституции является её важнейшей частью, с тем, что обычаи и устои служат в конечном счёте самой надёжной гарантией любой политической системы. Именно поэтому многими отторгается идея проведения конституционной реформы в Соединённом Королевстве. Больше всего в британской (неписаной. – *М.К.*) конституции англичанам нравится её гибкость – гибкость, которая мо-

[62] См., например: Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. – М., 2003. – С. 147.

[63] Анализу природы этого кризиса Л. Зидентоп посвятил главу «Как Британия потеряла свой голос» в своей книге, названной явно как парафраз известного труда «Демократия в Америке» А. де Токвиля, к которому Зидентоп испытывает глубокое почтение (Зидентоп Л. Демократия в Европе / Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 2001. – С. 79–100).

[64] *З*идентоп Ларри. Указ. соч. – С. 88.

> жет исчезнуть в тщательно прописанной хартии. Однако такая точка зрения (особенно после социальной революции, осуществлённой г-жой Тэтчер) представляется опасным самообманом. Те, **кто и сегодня отрицает необходимость конституционной реформы, вольно или невольно разделяют аристократические понятия о природе британского общества**. Между тем они давно уже не соответствуют действительности»[65].

Такая государственная модель, утверждает британский политолог, ограничивает социальную мобильность. В XVIII столетии «даже малая её степень отличала Британию от всё ещё кастовых европейских обществ», но в то время как последние постепенно избавлялись от сословности и иерархичности, британская аристократическая форма оставалась неизменной[66]. Поэтому на открытие каналов для социальной мобильности была направлена политика М. Тэтчер, которая, по словам Л. Зидентопа, завершила буржуазную революцию, нанеся жестокий удар британскому аристократизму. Но ошибкой «железной леди» стало то, что всё внимание она сосредоточила на экономических преобразованиях, оставив в стороне политические. Поэтому последовавшие социальные изменения привели к тому, что «либеральные конституционные ценности остались без защиты со стороны аристократической социальной структуры»[67]. Выход из кризиса Зидентоп видит в принятии писаной конституции, которая установит «формальное разделение полномочий и принципы правосудия»[68].

Нам, имевшим начиная с 1906 года[69] столько писаных конституций и «конституций», конечно, можно усмехнуться такой наивной вере. Но, во-первых, не будем забывать, что демократия в Британии за долгие годы сформировала соответствующую правовую культуру. А во-вторых, в условиях давно сложившейся реальной политической конкуренции естественно, что оксфордский политолог даже не рассматривает возможность кого-либо безраздельно властвовать, не нарушая нормы писаной конституции.

Почему я так подробно остановился на позиции, высказанной в отношении столь далёкой от нас проблематики? Да потому, что в описании проблем британской модернизации присутствует принципиальный для нас момент: веками складывавшиеся и, казалось бы, прочно сложившиеся общественные отношения, обычаи, традиции, наконец, социальные стереотипы способны довольно быстро меняться под воздействием изменения институциональных условий.

Социальный стереотип есть широко распространённый, или, как говорят психологи, обладающий высокой степенью согласованности индивидуальных представлений[70], схематичный образ социального объекта. Так вот, если социальный объект принципиально не меняется, а в нашем случае это персоналистски устроенная власть, его образ становится привычным и люди передают свои представления о нём следующему поколению. И чем дольше образ сохраняется, тем сильнее данный стереотип принимается за этнокультурную особенность. А уже затем эта «самобытность» становится основой для далеко идущих, едва ли не глобальных выводов о национальном архетипе, чему-то способствующем, а чему-то мешающем. Например, Н.А. Бердяев, хотя и не он один, выводил причину царецентризма главным образом из крестьянской ментальности. Вскоре после Октября 1917 г. он писал:

> «Россия была тёмным мужицким царством, возглавленным царём. И это необъятное царство прикрывалось очень тонким культурным слоем. Огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея царя. Царь был **духовной скрепой рус-**

---

[65] Там же. С. 88, 91.

[66] См.: Зидентоп Л. Указ. соч. – С. 86.

[67] Там же. С. 89.

[68] Там же. С. 96.

[69] Имеется в виду акт под названием «Основные государственные законы Российской империи», ставший, по сути, первой русской конституцией.

[70] См.: Стефаненко Т.Г. Указ. соч. – С. 280.

> **ского народа**, он органически вошёл в религиозное воспитание народа. **Без царя не мыслил народ никакого государства, никакого закона, никакого порядка, никакого подчинения общему и целому**. Без царя для огромной массы русского народа распалась Россия и превратилась в груду мусора. Царь предотвращал атомизацию России, он **сдерживал анархию**. Царь же **охранял культурный слой от напора народной тьмы**, не нуждавшейся в высшей культуре. **Или царь, или полная анархия – между этими полюсами колеблется мысль народная**»[71].

Но интересно, что в той же работе Бердяев, возможно, невольно приблизился к пониманию действительной причины царецентризма:

> «В строении великого русского государства, ныне сокрушенного и разделенного, был какой-то надрыв, какое-то нездоровое, ненормальное отношение народа к власти. Народ нуждался во власти над собой и чувствовал инородность этой власти. **Народ был безвластен, анархичен**, и народ поддерживал, санкционировал власть самодержавную, неограниченную»[72].

Говорю «возможно», поскольку затрудняюсь сказать, в какой модальности философ поставил слова о «безвластии и анархизме народа». Если он имел в виду модальность «активную», т.е. что анархизм составляет часть национального архетипа, то это не есть приближение к подлинной причине царецентризма. Иное дело – модальность «пассивная», которая означает лишение народа субъектности. Тогда становится понятно, что «нездоровое отношение народа к власти» рождается не от «анархического нездоровья» самого народа, а от «нездорового отношения» власти к народу. Конечно, можно объяснять анархизм, проявлявшийся за пределами крестьянской общины, именно царецентризмом – ниже приводится именно такая позиция, хотя представленная не историками, а социальными психологами, но это не меняет тезиса: анархизм есть только реакция, в том числе во многом спровоцированная институциональными условиями, а не прирождённая национальная черта. Но главное, сегодня институциональные условия отнюдь не воспроизводят анархизм.

Если быть последовательным, то закономерно поставить следующий вопрос: почему такое отношение власти к народу пронесено в России через века? Но на него я пока не в состоянии ответить, во всяком случае, это требует отдельного исследования. Могу только выдвинуть печальную гипотезу: огромная вина лежит на том самом «тонком культурном слое», который (возможно, прав Бердяев) страшится собственного народа и не доверяет его способности к политической субъектности. Не показательно ли, в частности, существование в нашей лексике двух понятий – «интеллигенция» и «народ» – как понятий самостоятельных и зачастую даже противопоставляемых друг другу?..

Тогда возникает другой вопрос: а почему народ в России сам не вырвал у власти право на собственную субъектность? Опять-таки это предмет отдельного комплексного исторического, социологического, социально-психологического анализа, хотя, повторю, даже самое глубокое исследование не позволит с абсолютностью доказать какой-то определённый вывод, максимум, обосновать гипотезу. Впрочем, единственной гипотезы быть не может, поскольку в разных исторических условиях по-разному «не хватает сил и возможностей для того, чтобы повернуть события в другую сторону»[73].

---

[71] Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М., 1990. – С. 35–36.

[72] Там же. С. 34.

[73] Фатализм неопределенности (интервью с Ю.А. Левадой) // Интернет-портал «Газета.Ru» ([Электронный ресурс] URL: http://www.gazeta.ru/comments/2006/05/10_x_635729.shtml). Привожу ссылку на эти слова известного социолога не потому, что, отвергая фатальную предопределённость, соглашаюсь с фатальной неопределённостью. Нет, просто ещё раз хотел подчеркнуть, что как не действуют одни только «объективные факторы», так и не действует одна только «свободная воля».

В то же время есть у меня и обобщающее подозрение, что порыву народа к завоеванию субъектности мешал и до сих пор мешает как раз царецентризм, который выступает *способом своего рода сублимации народом потребности в собственной субъектности*. Навеяно это подозрение концепцией, почерпнутой из социально-психологической литературы. Суть её в том, что народное сознание в России разделяет «государя» и «государство», которое в глазах народа традиционно выступает как совокупность чиновничества, полиции, судов. И поскольку от «государства» исходят произвол, несправедливость, порой жестокость, постольку оно воспринимается как враг, как онтологический источник зла[74]. Напротив, «государь», первое лицо – царь ли, вождь, президент – выступает в общественном сознании как посредник между міром, в широком смысле – народом, и государством; как покровитель (замечу, не арбитр, а именно покровитель, защитник), который способен урегулировать отношения между ними. Поэтому «вера в царя», считают социальные психологи, представляет собой способ психологической защиты в ответ на постоянный конфликт между народом и государством. Но, думаю, причина фактического отказа народа от своей субъектности ещё более глубокая: зачем иметь собственную субъектность, когда можно «раствориться в могущественном покровителе»?

К такому выводу подталкивают и тонкие наблюдения, обобщения, характерные для классической художественной литературы. Например, не только ведь о старце Зосиме писал Ф.М. Достоевский:

> «[…] Для смиренной души русского простолюдина, измученной трудом и горем, а, главное, всегдашнею несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как **обрести святыню или святого, пасть перед ним и поклониться ему**: "Если у нас грех, неправда и искушение, то все равно есть на земле там-то, где-то святой и высший; **у того зато правда, тот зато знает правду; значит, не умирает она на земле**, а, стало быть, когда-нибудь и к нам перейдет и воцарится по всей земле, как обещано"»[75].

Ещё один аргумент в пользу концепции разделения народным сознанием «государя» и «государства» мы обнаруживаем в феномене высокой степени доверия к нынешнему президенту на фоне низкого доверия ко всем другим институтам государственной власти. В учебнике Т.Г. Стефаненко «Этнопсихология» приводится ссылка на исследование 2001 года, когда «при психосемантическом анализе полей, связанных с понятиями *государство* и *президент*, были выявлены существенные различия. Если с понятием *президент* связаны положительные характеристики, такие как устойчивый, стабильный и сильный, что можно трактовать как использование силы ради стабильности, то в оценке государства сила сочетается с хаосом и опасностью»[76]. И действительно, по данным исследования, в начале 2006 года для 62 % россиян сегодняшняя российская власть является «коррумпированной», «чужой» – для 42 %, «бюрократичной» – для 39 %. При этом почти три четверти респондентов – 72–73 % одобряют деятельность Путина и доверяют ему. Но самое парадоксальное, что 68 % опро-

---

[74] См., например: Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. – СПб., 1994. – С. 125. Исключение, по мнению некоторых исследователей, составляет тоталитарное государство, в котором «его граждане искали и, как это ни парадоксально, *находили источник добра*» (см.: Стефаненко Т.Г. Указ. соч. – С. 145). Этот феномен, на мой взгляд, обусловлен особенностями тоталитаризма, который пропагандистски настолько тесно соединяет общество (мір) и государство, до такой степени доводит патернализм, что исчезает возможность противопоставления Мы-образа государству. Впрочем, уровень советской идентичности различался у разных групп населения, в разных местностях и к тому же со временем в целом снижался (см.: Гнатенко П.И., Павленко В.Н. Идентичность : Философский и психологический анализ. – Киев, 1999).

[75] Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Собр. соч. : В 15 т. – Л., 1991. – Т. 9. – С. 35.

[76] Стефаненко Т.Г. Указ. соч. – С. 148.

шенных под словом «власть» подразумевают именно президента, а 57 % уверены, что сосредоточение в его руках фактически всей власти в стране «идет на пользу России».

Итак, вновь повторю, что не отрицаю существования социального стереотипа, легитимирующего в нашем обществе персоналистский режим. Единственное, что я с упорством отрицаю, так это нашу фатальную обречённость на вечный поиск «святого» правителя, у которого «вся правда». В противовес этому опасному во всех отношениях фатализму я пытаюсь доказать и объяснить следующее:

как иллюзия надежды на «лучшего вождя всех времён и народов», так и сам режим полновластного единоличного правления будут воспроизводиться до тех пор, пока сама система власти институционально нацелена на властное доминирование одной персоны.

Нет никаких оснований для дикого вывода о том, что наш народ если не биологически, то уж психически устроен не так, как другие. Можно напомнить, например, о такой часто воспроизводимой иллюстрации нормальной интеллектуальной и эмоциональной сферы русских людей, как успешная адаптация большинства эмигрантов из России, начиная с первой волны эмиграции, к западным стандартам частной, политической и экономической жизни. Или разве современная структура потребления в России принципиально отличается от структуры обычного европейского потребления? Нет конечно. Некоторые отличия связаны лишь с низкой покупательной способностью большинства россиян.

Существуют и многочисленные социологические данные, демонстрирующие, что при всём своеобразии, в том числе особенностях нашего мироощущения[77], россияне, прежде всего русские, привержены отнюдь не каким-то экзотическим, а вполне европейским, в цивилизационном смысле этого слова, ценностям. Сошлюсь лишь на одно исследование, проведённое в 1997 году Институтом социологического анализа (общероссийский опрос по полной социологической выборке).

Были выделены три блока вопросов: 1) отношение к основополагающим жизненным ценностям; 2) отношение к вере; 3) отношение к актуальным политическим проблемам. При этом исследователи разбили варианты ответов на три условные группы (как они сами говорят, «подсказки»): «протестантскую» (отталкиваясь от веберовской модели «протестантской этики»), «православно-аскетическую» (разумеется, и протестантизм, и православие понимались не как догматические системы, а как культурные комплексы) и «секулярную» («вненравственную и циничную»). Хотя существенное влияние на характер ответов оказывали возраст респондента, образование и политические предпочтения, тем не менее общая картина сложилась в пользу «протестантской этики», к которой склонялись как верующие православные христиане (в т.ч. активно посещающие храмы), так и неверующие; как сторонники Зюганова, так и сторонники (в то время) Ельцина; как пожилые, так и молодые (хотя у по-

[77] Так, некоторые исследователи отмечают наш экзистенциальный страх перед жизнью: «Социолог Рональд Инглхарт из университета Мичигана Анн Арбор на протяжении четверти века собирал сведения о том, как народы всех стран мира реагируют на одни и те же вещи. Инглхарта интересовало, индивидуалисты или коллективисты его респонденты, ценят ли они больше материальные или духовные ценности, насколько счастливыми они себя ощущают, что для них важно, а что не очень. Известное как World Values Survey, это исследование накопило сейчас массив данных, в котором от страны к стране выявляются очень интересные закономерности. […] **Россия оказалась куда несчастливее даже нищей и воюющей Африки** и в относительно благополучном 1986 году, и в неблагополучном 1995 – и даже в 2002 году, как показала только что подсчитанная волна исследования, русские прибавили только 4 процента счастья. А ведь таких зажиточных лет, как последние, у нас не было несколько десятилетий. В советский период мы заразили своим страхом и соседние народы, но до такой степени, как мы, жить не боится никто» (*Аммосов Ю.* Россия – страна несчастных // Интернет-портал «GlobalRus.ru», 3 декабря 2004 г. ([Электронный ресурс] URL: http://www.globalrus.ru/opinions/139197/).

следних чаще ответы соответствовали «секулярной подсказке»). Как пишет в заключение автор статьи об этом исследовании и один из его участников А.Б. Зубов, «во всех политических группах сегодняшнего русского общества господствует, как правило, абсолютно нравственно-конструктивная, созидательная жизненная позиция»[78].

Если провести анализ на предмет зависимости типа государственности от этнокультурных особенностей разных народов, то не обнаружится значимой корреляции. Мы увидим, что и тоталитарная, и авторитарная, и демократическая, и теократическая государственность существовала и существует помимо названных особенностей. Самый тривиальный пример – наличие государств, населенных одним и тем же этносом, но принципиально различающихся по типу власти: ФРГ и ГДР, КНДР и Южная Корея, КНР и Тайвань, а ранее ещё и Гонконг и т.д. Конечно, можно на это возразить, что в большинстве случаев речь идёт о государствах, бывших оккупированными, колониях или государствах-доминионах. Но тогда с ослаблением внешней зависимости эти страны должны были бы вернуться к «традиционным» отношениям, однако этого не происходит.

В то же время нельзя отрицать, что этнокультурные и исторические особенности, хотя эти факторы трудно разделить, поскольку этнокультурная специфика обусловлена не «биологией», а «историей», способны влиять на «политический и административный дизайн» в рамках демократической организации. Внутри этого типа государственности наблюдается огромное разнообразие, проявляющее себя не только в выборе формы правления, но и в наборе политических партий, в электоральных предпочтениях, в характере гражданского контроля за властью, в степени культуры согласия в данном обществе, в уровне абсентеизма, в способах выхода из политических тупиков и кризисов и т. д. и т. п.

Для подтверждения этого необязательно сравнивать, скажем, Бельгию с Индией или США с Японией. Достаточно взглянуть на Европу, где можно наблюдать существенные различия в функционировании власти и характере отношений между властью и гражданами. Так, цитировавшийся выше Л. Зидентоп довольно резко критикует французскую систему власти:

> «**Французская модель остаётся сугубо бюрократической**, несмотря на все усилия по децентрализации власти, предпринимаемые французами за последнее десятилетие. По мощи исполнительно ветви власти Франция не имеет аналогов в Европе; в первые годы Пятой республики часто говорили, что Елисейский дворец (т.е. президент. – *М.К.*) правит через высшие эшелоны чиновничества, зачастую практически игнорируя премьер-министра и кабинет, не говоря уже о законодательной власти. Даже в тех случаях, когда исполнительная власть оказывается разделена между президентом и премьер-министром, как это было в недавние периоды их [спокойного] сосуществования, конституция Пятой республики даёт решительное преимущество этой двуглавой исполнительной власти перед законодателями и их комитетами. Вряд ли будет преувеличением сказать, что законодательная власть во Франции была кастрирована в 1958 году. […]
>
> Французская модель государственного устройства наименее пригодна для развития в Европе культуры согласия. Возможности центрального правительства навязывать свою волю и проводить в жизнь свои решения, не считаясь с общественным мнением и с интересами регионов, способствуют широкому распространению подозрительности и цинизма. […] Именно **эта бюрократическая модель в течение трёхсот лет формировала отношение французов к государству и власти**. Они убеждены, что власть для того и существует, чтобы ею злоупотреблять»[79].

---

[78] Зубов А.Б. Границы разломов и уровни единства в сегодняшней России: уроки социологического исследования // Полития. – 1998. – № 2. – С. 101.

[79] Зидентоп Ларри. Указ. соч. – С. 131, 136.

При всём бюрократизме властной системы, при всей гипертрофированной роли исполнительной власти, хотя, полагаю, Л. Зидентоп несколько преувеличивает, Франция, однако, не перестаёт быть демократической страной. Именно в силу того, что там *функционирует политический рынок*. Французская модель продолжает оставаться демократией, ибо политический маятник там не стоит на одном месте, и при всей силе французской бюрократии, всё-таки не она приводит к власти и удерживает у власти ту или иную политическую силу, а свободный выбор народа.

Итак, если нет жёсткой культурной и исторической предрасположенности при формировании более современных политических систем, типов власти, то что же тогда существенно влияет на этот процесс?

В обществе в переломные моменты его жизни всегда происходит, точнее, этим моментам предшествует разделение, условно говоря, на «прогрессистов»[80] и «консерваторов». Такое разделение сначала обычно происходит в элитах, в том числе в правящем классе. И тогда начинается процесс взаимовлияния двух сил – тяги к модернизации и исторической инерции. Однако прошу обратить внимание: я говорю не о процессе столкновения «новой идеи» и «идеи сохранения». Он, разумеется, тоже происходит, и в глазах общества, внешнего наблюдателя даже представляется единственным. Но если говорить о факторах, воздействующих на будущую модернизацию, то важнее оказывается гораздо более сложный и неявный процесс влияния друг на друга осознанного стремления «прогрессистов» к модернизации и действующей на них силы исторической инерции.

Понятно, что в переломные моменты весьма значимыми являются и количественное соотношение «прогрессистов» и «консерваторов»; и то, насколько «прогрессисты» готовы идти на жертвы ради своих убеждений[81] – своего рода феномен «боярыни Морозовой»; и то, чью сторону примет высшее руководство страны и проч. и проч. Однако существенным оказывается отнюдь не только (а может, и не столько) степень сопротивления «консерваторов» «прогрессистам». Более существенным фактором оказывается именно *историческая инерция* (выражаемая и в самой структуре общества, и в массовых общественных ожиданиях, но прежде всего в социальных стереотипах элиты). Значимость этого фактора в период трансформации состоит в том, что он действует на всех, но принципиально важно, что и на «прогрессистов». И в случае если последние не осознают такого действия, а значит ничего ему не противопоставляют, то даже при формальной «победе» модернизационная идея по большому счёту оказывается побеждённой исторической инерцией. Выражение «мёртвые хватают живых» очень точно описывает этот феномен.

Почему такое возможно? Да в силу того, что новая идея требует не просто нового институционального обеспечения, но такого обеспечения, которое бы как раз учитывало силу исторической инерции субъектов её реализации.

---

[80] Это понятие, правда, не всегда имеет знак «плюс», ибо порой то, что вначале представляется прогрессом, потом оказывается тупиковой ветвью развития.

[81] Хороший образ такого антиконформистского поведения нарисовал более ста лет назад министр просвещения России А.В. Головнин (1821–1886): «По моему понятию, слово либерал означает человека, который, считая в теории других людей себе равными, не допускает на практике преобладания своего произвола над другими и не подчиняется сам произволу других, который подчиняется только закону… и **жертвует своими выгодами для осуществления своих идей. Можно ли после этого назвать либералами покорных слуг самодержавия, которые дорожат придворными званиями и звездами и никогда еще ничем не пожертвовали для осуществления либеральных теорий**, т.е. теорий равенства и законности с отрицанием всякого произвола? Неужели, не делаясь крайне смешным, я мог бы назвать себя либералом после того, что уживался 12 лет при дворе, принял дюжины две крестов и звезд и до 40-летнего возраста оставался владельцем крепостных крестьян?» (Цит. по: *Антонова Т.* Русский реформатор Александр Васильевич Головнин // Наше либеральное наследие / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. Вып. первый. – М., 2004. – С. 99).

Если этого не происходит в силу влияния старых социальных стереотипов на «прогрессистов», то несовершенное институциональное обустройство начинает воспроизводить прежние стереотипы, а судьба модернизации оказывается под угрозой или вообще происходит модернизационный откат.

Так что есть ещё один повод повторить: модернизационные откаты, наблюдаемые практически на всём протяжении российской истории, и выбор «консервативного» вектора на исторических развилках следует объяснять вовсе не влиянием национального архетипа. Если бы такое влияние существовало, то вряд ли бы мы вообще сегодня рассуждали о причинах частых модернизационных неудач. Но ведь даже постоянное появление в нашей истории самой проблемы модернизационного выбора, то и дело предпринимавшиеся попытки пойти по «прогрессивному» пути свидетельствуют о неизбывном присутствии в стране модернизационных идей и готовности российского общества к обновлению. К этому стоит добавить и тот факт, что неудачи модернизационных проектов никогда не возвращали страну к исходному положению. Как пишет А.Л. Янов, «русское самодержавие – подобно азиатскому деспотизму – тоже всякий раз после очередного "смутного времени" воспроизводило себя. Но воспроизводило – в отличие от этого деспотизма – на новом уровне сложности»[82]. Будь это не так, мы бы до сих пор были классическим патриархальным обществом. При этом всякий раз реформы в России если не ценностно, то идеологически ориентировались именно на европейское развитие. Таким образом, мы можем сожалеть, что сила исторической инерции у нас зачастую «корёжит» новую идею, но должны признать, что *в долгосрочном плане модернизация в России всё же берет верх над традиционализмом*.

Это признание представляет отнюдь не только научный интерес. Оно толкает общество и прежде всего элиту к осознанию того, что опасно откладывать модернизационные проекты, ссылаясь на «исторический фатализм»; что, сознавая и понимая действие инерционного механизма, мы должны искать способы уменьшения его силы, прежде всего посредством соответствующей институциональной организации власти.

Однако что в словах «историческая инерция» понимается под прилагательным «историческая»? Вся история Государства Российского? Или исторический отрезок, предшествовавший нынешнему этапу государственности? Как ни соблазнительно обращаться «к истокам», а именно так поступают «традиционалисты», в реальности на общественное сознание при оценке современной данному обществу власти действуют стереотипы, сформировавшиеся на протяжении двух, максимум трёх поколений. Например, в одной дискуссии, проходившей в 1993 году, было высказано мнение, что такая характеристика россиян, как неумение жить в настоящем и обращённость в будущее, является проявлением утопически-тоталитарного сознания, которое характерно «для истории России последнего столетия, но не для всей истории России»[83].

Понимание того, какой именно тип отношений претерпевает изменения и какой тип приходит ему на смену, является ещё одним фактором любой крупной трансформации, ибо это понимание позволяет нам судить о *характере* исторической инерции в данный период.

Нынешнему строю и политической системе предшествовал *советский тип власти*. И это многое объясняет. Так, в силу утопичности[84] идеи «поголовного участия трудящихся в управлении» народ оказался вообще лишён всякой возможности влиять на власть. Сам же

[82] Цит. по: Оболонский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. – М., 1994. – С. 19.

[83] См.: Российская ментальность. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 50.

[84] Утопии отличаются тем, что, основываясь на презумпциях, противных или несвойственных человеческой природе, неизбежно порождают «социальное чудовище».

образ власти не только не приобрёл новых принципиальных черт, но и отбросил общественное сознание назад, к патриархальному состоянию. Теоретически советская власть – флуктуация в развитии человечества, ибо этот тип не имеет оснований ни в социальной природе, ни в индивидуальной психике человека. В общем, утопия, она и есть утопия. Но практически этот тип властвования мало чем отличается от абсолютизма, причем средневекового типа. Понятно, почему религиозным фундаменталистам эта богоборческая, больше того, поистине дьявольская власть милее демократии. За советские годы стали привычными: понимание власти исключительно как неограниченной власти вождя, представление о возможности изменения политики только с приходом нового вождя и патернализм как единственно возможный способ жизни.

Советская система возродила не только абсолютную власть, но и сословность, пусть не формализованную: «дворянство» – номенклатура[85] и «подлые сословия» – крестьянство и интеллигенция. Советская система – это и многоступенчатые отношения «вассалов и сюзерена»: местные партийные руководители обладали возможностью вершить феодальный произвол в отношении подданных, но вышестоящий «князь», а то и сам «царь» мог на них цыкнуть, лишить должности, свободы или даже жизни.

Сказанное помогает понять, почему в Конституции 1993 года была заложена именно персоналистская модель власти: здесь очевидным образом «новая идея» демократии столкнулась с исторической инерцией стереотипов советской эпохи. Попытаюсь схематично показать этот процесс.

Идея демократии требовала как можно скорейшего провозглашения неких её общих принципов – разделения властей, признания приоритета прав человека, политической свободы, личной автономии, открытости миру и проч. Это было сделано ещё в Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 года[86] и в Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 года[87]. Однако фундаментальные представления о власти и жизни вообще у большинства тех, кто составил «новую российскую политическую элиту», в силу инерции, естественно, оставались советскими.

Сначала инерция советского номенклатурного сознания одолела зачатки сознания, которое требуется для публичной политической жизни, и не позволила после победы над ГКЧП в августе 1991 года всем политическим игрокам, в том числе и на союзном уровне, решиться на упразднение советских конституций – СССР и союзных республик, сформировать временное правительство для того, чтобы затем реализовать сценарий учредительного собрания. А ведь этого требовала политическая логика, когда стало ясно, что устанавливается в корне иной общественный строй. И уж точно это следовало сделать в России после распада СССР в декабре 1991 года. Но… «никто не хотел уходить».

Затем сыграл свою роль стереотипный образ власти как единоличного и максимально безоппонентного правления. Условия только-только родившейся и потому крайне слабой власти спровоцировали у одних (меньшинства) желание «примерить мундир Наполеона», у других (большинства) сделать ставку на того или иного «претендента», примкнуть к определённой команде. Вместе с кадровыми назначениями начались, соответственно, обиды, а с ними беготня из одной «команды» в другую, интриги, в том числе с использованием «юридических инструментов», скороспелое «партийное строительство», напоминавшее формирование кланов, и проч. Понятно, что не это вызвало противостояние институтов власти 1992–

[85] Рабочие и военные, хотя им пропаганда и слагала оды, в реальности не были «дворянами», если не попадали в номенклатуру.

[86] Решение Съезда народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1.

[87] Постановление Верховного совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1.

1993 годах, а борьба двух ценностных систем. Но эта борьба протекала под большим воздействием и на фоне борьбы тщеславий и корысти.

И наконец, проявила себя инерция последних этапов борьбы. Над разработчиками проекта Конституции не мог не тяготеть вопрос: кто больше всех мешал президенту, издевался над ним? Законодательный орган. А кто у нас лидер реформ? Президент. Следовательно, надо построить такую конструкцию, при которой всё будет пристойно с точки зрения принципов демократии, но при этом президенту должно быть обеспечено такое положение, чтобы уже никто не смел досаждать ему. Так что, с точки зрения соответствия исполнения замыслу, работу над окончательным вариантом Конституции можно признать ювелирной…

* * *

Можно ли в итоге признать, что в конце XX – начале XXI века историческая инерция победила новую идею? Нет. Ведь коммунистической реставрации не произошло. Но нельзя и утверждать, что сила демократической идеи одолела силу советской инерции. Итак, «ничья»? Однако при преобразовании страны «ничьих» не бывает! Отсутствие победы демократического развития есть его поражение. Иначе, если признать победу новой идеи, то придётся согласиться с тем, что уровень неуважения власти к обществу, уровень произвола, творимого от имени государства, уровень коррупции, общий уровень несправедливости и ущемления личного достоинства и есть «та самая демократия». То-то и оно, что межеумочное состояние, которое образовалось в результате столкновения идеи с инерцией, не есть демократия.

Виной тому вовсе не «специфика нашего народа и нашей истории». Причина в том, что мы не позаботились институционально погасить силу исторической инерции. Ненормальность нашего государственного бытия гнездится не в наших головах, а в «ошибочной программе», в соответствии с которой власть, а это обычные земные люди, функционирует. Поняв это, мы, во имя собственной нормальной жизни, во имя динамичного развития России, должны соответствующим образом исправить «программу», т.е. задать иные институциональные параметры власти. Тогда и власть будет вынуждена работать так же, как в других демократических государствах, и общество воспримет политическую конкуренцию так же естественно, как оно воспринимает конкуренцию экономическую.

В то же время, вновь подчеркну, изменение институциональных условий – не панацея, и на следующий день после конституционной реформы у нас не воцарится демократия. Но мы сумеем для начала снять барьеры, попросту не позволяющие ей появиться.

О Небесной причинности в политической сфере

Хотя я выше и говорил о том, что модернизация происходит под воздействием столкновения двух крупных факторов – новой идеи и исторической инерции, это не означает, что ими исчерпывается вся детерминация социального процесса. Больше того, эти *рационалистические* факторы служат лишь проявлениями несоизмеримо более значимого, хотя и прикровенного, *мистического* причинного фактора – Божьего Промысла.

Понимаю, что такое совмещение в одной работе категорий из разных методологических систем – «научной» (рационалистической) и «духовной» (мистической) – способно у многих вызвать раздражение. После начавшейся в Европе несколько веков назад секуляризации, приведшей к разрыву между рационалистическим и мистическим методами познания, понятие «наука» прочно соединилось с понятием «материализм», и с тех пор всё, что выходит за пределы рациональной познаваемости, признаётся «антинаучным». Поэтому сегодня апелляция к мистическим категориям подрывает доверие ко всему анализу в целом. И тем не

менее стыдливо умалчивать о Небесной причинности, опасаясь, что тебя обвинят в обскурантизме, считаю недопустимым. Не только потому, что тем самым становишься невольным адептом вульгарного материализма – мировоззрения, уже принёсшего столько бед миру и продолжающего искажать смысл исторического процесса[88], но и потому, что нельзя уступать поле политической философии тем, кто, апеллируя к Небу, пытается доказать антихристианскую суть всякой социальной модернизации.

Мы не заметили, как страшно обеднили палитру познания мира, отвергнув *не* материалистическую методологию. Не буду здесь развивать эту мысль и только спрошу: почему такие, например, понятия, как «пространственно-климатические условия», «постимперский синдром», «X- или Y-матрица» и проч. и проч., должны вызывать больше доверия, нежели Промысл Божий? Неужели только потому, что в отношении первых выстраивается система неких «доказательств», а в отношении Небесного фактора мы оперируем только категорией «вера»? Но, если разобраться, вера, т.е. доверие к доказательствам, требуется и для выводов, которые делаются в социальных науках.

Благодаря увлечению исследователей гуманитарной сферы левыми идеями историософия стала материалистической, и потому современная наука игнорирует духовную историю, отбрасывает всякие, в том числе документально зафиксированные свидетельства необъяснимых явлений, которые в иной, не менее научной системе координат могли бы служить доказательствами фактора хоть и непостижимого, но реально существующего. Поэтому не вижу логических препятствий для обращения к категориям, которые находятся в иной методологической системе.

В то же время действительно есть принципиальное различие между факторами рационалистическими и мистическими. Это различие состоит в том, что первые доступны для трактовки практически любому человеку, а Божий Промысл трактовать способны лишь пророки и святые. Только им дан редчайший дар прозревать причинные связи между поведением людей и народов и последствиями – как наступившими, так и предвидимыми. Поэтому, сказав о Небесной причинности, я не берусь *с этих позиций* объяснять воспроизводство персоналистского режима. В таком случае – зачем вообще здесь говорить об этом? Только для того, чтобы выразить важную мысль: социальные закономерности существуют, но все они относительны. И если мы их абсолютизируем, начинаем им «поклоняться», то впадаем в тот самый фатализм. Признание же Божьего Промысла, включение этого «фактора» в социальную мотивацию заставляет общество и его лидеров прислушиваться и приглядываться к тому, по правильному ли пути идёт развитие, и на основе этого, не игнорируя ни законы экономики, ни законы политической жизни, как минимум, принимать во внимание, что у общества существуют некие фундаментальные ориентиры, отступление от которых вызывает крайне отрицательные следствия.

Человек никак не может смириться со «статусом» своего творения; то и дело он порывается постичь Божественный замысел, или, говоря словами Апостола Павла, домостроительство тайны; стремится стать, «*как боги, знающие добро и зло*» (Быт. 3: 5). Это не только бессмысленно, ибо желание абсолютного знания нереализуемо, но и опасно: Книга Бытия не случайно напоминает, что именно дьявол соблазнил первых людей жаждой запретного знания. Но почему Господь скрывает от нас абсолютное знание? Неужели потому, что не хочет,

[88] Для тех, кто считает (а таких много как среди либералов, так и в антилиберальных кругах), что либерализм есть идея секулярная, напомню хотя бы слова Фрэнсиса Фукуямы, известного авторством концепции «конца истории», т.е. завершения идеологической эволюции торжеством либеральной идеи, который заметил, что «современный мир обнажает всю нищету материалистических теорий экономического развития», а безрелигиозность порождает «духовную пустоту либеральных потребительских обществ» (цит. по интернет-версии: http://patriotica.ru/actual/fukuyama_end.html).

чтобы человек стал «конкурентом»? Такое предположение было бы не чем иным, как вульгарной антропологизацией Создателя. Просто Бог нас же оберегает от бездны, если даже среди сотворённых Им ангелов нашлись те, кто позволил себе пойти за Люцифером, бывшем любимцем Бога, но настолько возгордившимся, что стал противником Бога[89] и носителем вселенского зла:

«*Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: "взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему". Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней*» (Ис. 14: 12-15).

Трудно даже вообразить, что случилось бы с человечеством, получи оно абсолютное знание. Ну, например, попробуйте представить, что могло бы произойти, если бы обладателями нынешних технологий стали люди, жившие не то что в античные времена или в средневековье, но даже сто лет назад. Такое соотнесение технического прогресса с прогрессом социальным тоже есть не что иное, как Божий Промысл.

Однако Небесное Промышление о нас – не «расчёт конструктора», а проявление *любви к человеку*. Так, Б.П. Вышеславцев, рассматривая христианское решение проблемы свободы, писал:

«Бог хочет, чтобы мы исполняли Его волю (и в этом смысле хочет повиновения), однако же не как рабы, не как наёмники, а как друзья и сыны (и в этом смысле не хочет простого повиновения). **Бог хочет любви, а во всякой любви есть свободное избрание, во всякой любви есть сочетание двух воль и двух свобод**. "Да будет воля Твоя" есть выражение любви к Отцу, к высшему и ценному, Тому, Кто стоит надо мною и потому может сублимировать мою волю. Если ничего и никого нет надо мною, тогда сублимация невозможна. Если надо мною абсолютная власть, императив, закон – тогда сублимация тоже невозможна, ибо свобода не покоряется диктатуре "категорического императива". **Отношение Бого-Сыновства** есть единственный адекватный символ сублимации: "свыше", от Отца, от иерархически высшего, исходит призыв. Сын отвечает на этот "призыв" свободной любовью. На приказ тирана он ответил бы отказом в повиновении»[90].

О таком же отношении Бога к человеку как к сыну замечательно говорил и митрополит Антоний Сурожский:

«[...] Меня поразило уважение и бережное отношение Бога к человеку; если люди иногда готовы друг друга затоптать в грязь, то Бог этого никогда не делает. В рассказе, например, о блудном сыне: блудный сын признаёт, что он согрешил перед небом, перед отцом, что он недостоин быть его сыном, он даже готов сказать: прими меня хоть наемником (Лк. 15: 18-19). Но если вы заметили, в Евангелии отец не даёт ему сказать этой последней фразы, он ему даёт договорить до «я недостоин называться твоим сыном» и тут его перебивает, возвращая обратно в семью: принесите обувь, принесите кольцо, принесите одежду... Потому что **недостойным сыном ты можешь быть, достойным слугой или рабом – никак, сыновство не снимается**»[91].

Если мы презюмируем, что именно любовь к людям лежит в основе Божьего Промысла, то получаем ключ к принципу причинности не только в частной, но и в публичной жизни: политические уродства, прежде всего тоталитаризм, промыслительны. Они возникают там и тогда, где и когда общество готово пожертвовать человеческим достоинством, свободой и даже моралью ради удовлетворения собственной гордыни – будь то мировое господство, коммунизм, богоизбранность и т.п.

[89] Напомню, что на древнееврейском «сатана» означает «противник».

[90] Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Этика преображенного эроса. – М., 1994. – С. 200.

[91] Антоний, митрополит Сурожский. Труды. – М., 2002. – С. 258.

Можно, конечно говорить о комплексах, фобиях и маниях как следствиях поражения в войне, национального унижения, распада империи и проч., но это всё лишь внешние признаки. В глубинной же основе политического строя, основанного на презрении к человеческому достоинству, лежит Небесное предупреждение о неприемлемости такого пути.

Бог, позволяя воцариться бесправию, деспотизму или, напротив, анархии, не наказывает народ, а *попускает* такое бедствие, дабы сам же народ понял причину своего падения. Современный нам († 1989) религиозный мыслитель архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) так различает благословение и попущение:

> «Наблюдая человеческую власть, задавшуюся целью отвергнуть власть Божию в мире, мы спрашиваем себя: какая воля движет такой властью? Конечно, воля человеческая и демоническая, т.е. тварная. Но *какая воля* допускает ее на земле? Злую волю терпит, конечно, *не благословляющая, а допускающая* воля Божия, без которой ничего в мире не может произойти. Ради наиболее яркого выявления отвратительности зла перед потемненным сознанием, ради научения нечуткого человека ценностям высшим, вечным, ради спасения мира от зла воля Божия допускает в мире эту "экстериоризацию" обезображенного грехом человеческого сознания и злой воли, следствием которых являются и разрушительные стихийные явления природы – бури, болезни, эпидемии, землетрясения, наводнения, катастрофы...»[92].

Беды и несчастья, в том числе рукотворные, которые переживают государства, есть тот Божественный язык, на котором Создатель говорит со Своим творением, не желая что-либо приказывать ему, уважая в человеке и человечестве его свободу, в том числе свободу социального экспериментирования и способность к ответственности. А уж «имеющий ухо да слышит». Вопрос – слышим ли мы или даже хотим ли слышать подсказки Бога о том, что мы должны так обустроить своё общежитие, чтобы оно способствовало или хотя бы не препятствовало возвышению человеческого духа, облагораживало людей, а не служило унижению достоинства, превращению человека в скота?

Но тогда как соединить идею Божьего Промысла, не сковывающего свободу активной деятельности, в том числе политической, с призывами Апостолов **к покорности земным властям?** На самом деле противоречия тут нет. Напомню эти слова.

Апостол Пётр:

> «*Итак **будьте покорны всякому человеческому начальству**, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, – как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии. Всех почитайте, братство любите, **Бога бойтесь, царя чтите***» (1 Петр. 2: 13–17).

Апостол Павел:

> «*Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо **нет власти не от Бога**; существующие же власти от Бога установлены. Посему **противящийся власти противится Божию установлению.** А противящиеся сами навлекут на себя осуждение*» (Рим. 13: 1–2). 5 И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. 6 Для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые.

Апостол Иуда:

> «*Как Содом и Гоморра и окрестные города, подобно им блудодействовавшие и ходившие за иною плотию, подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример, — так точно будет и с сими мечтателями, которые оскверняют плоть, **отвергают начальства и злословят высокие власти***» (Иуд. 1: 7–8).

---

[92] Архиепископ Иоанн (Шаховской). Свобода и власть // Власть. Основы отношения к властям, обществу и государству. – М., 1998. – С. 44.

Я не случайно выделил слова о покорности властям, об осуждении противления и оскорбления власти и т.п. Именно на них обычно акцентируют внимание. И такая акцентировка превращается в оправдание любого существующего социального порядка. Однако я также не случайно привёл и апостольские пояснения. Читая их, мы можем видеть, что в апостольских посланиях вовсе нет призыва к социальному конформизму.

Первая и главная идея состоит в том, что ничто на Земле невозможно без воли Всевышнего – ни природное, ни социальное (государственная власть – в том числе), «***ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое:*** *престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит*» (Кол. 1: 16–17).

Однако из Писания мы знаем, что власть (вообще власть – как некая сила) может исходить *и от дьявола*. Так, первосвященники и старейшины народа спрашивали Иисуса Христа, который пришел в Храм и учил там: «*…какой властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть?*» (Мф. 21: 23; см. также Мк. 11: 28; Лк. 20: 2). А после одного из многих чудес, совершенных Сыном Человеческим, фарисеи прямо начали обвинять Его в том, что делает Он это властью дьявола: «*Тогда привели к Нему бесноватого слепого и немого; и исцелил его, так что слепой и немой стал и говорить и видеть. И дивился весь народ и говорил: не это ли Христос, сын Давидов? Фарисеи же, услышав сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как* ***силою веельзевула, князя бесовского***» (Мф. 12: 22–24). Обратим внимание, что Христос не опровергает эту клевету отрицанием дьявола как возможного источника чьей-то власти на Земле, а лишь показывает логическую бессмысленность самого навета: «[…] *всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собою: как же устоит царство его?*» (Мф. 12: 25–26).

Итак, Писание допускает, что власть человеку может быть дана и дьяволом. Но как же тогда дуализм источника власти согласуется со словами, что «*нет власти не от Бога*»? На самом деле здесь *никакого дуализма нет*. Божественный Промысл предполагает и такой существенный его элемент, как *попущение (допущение) Божие*. Это обычная, хотя и остающаяся таинственной часть воли Господней. Очень ярко это показано в оптимистично-трагической Книге Иова. Начинается она, напомню, с клеветы сатаны на праведного Иова и *согласия Бога*, данного сатане, т.е. того самого попущения, подвергнуть Иова тяжелейшему испытанию его веры:

> «*И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана. И сказал Господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана Господу и сказал: я ходил по земле и обошел ее. И сказал Господь сатане: обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла. И отвечал сатана Господу и сказал: разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но простри руку Твою и коснись всего, что у него, — благословит ли он Тебя? И сказал Господь сатане:* ***вот, все, что у него, в руке твоей; только на него не простирай руки твоей***» (Иов. 1: 6–12).

В таком случае, если есть благословение и есть попущение, должны ли и можем ли мы различать их? И как нам поступать, если мы понимаем, что власть (форма правления, политический режим, конкретные правители, сама идеологии данной государственности) лишь попущена, но не благословлена Богом? Не противимся ли мы Божьему Промыслу, предпринимая какие-то политические действия, коль скоро Сам Бог воздаёт властвующим за их неправду? Например, в Книге Премудростей царь Соломон предупреждает «сильных мира сего»:

«*Итак, слушайте, цари, и разумейте, научитесь, судьи концов земли! Внимайте, обладатели множества и гордящиеся пред народами! От Господа дана вам держава, и сила — от Вышнего, Который исследует ваши дела и испытает намерения.* ***Ибо вы, будучи служителями Его царства, не судили справедливо, не соблюдали закона и не поступали по воле Божией****. Страшно и скоро Он явится вам, — и строг суд над начальствующими, ибо* ***меньший заслуживает помилование, а сильные сильно будут истязаны***» (Прем. 6: 1–6).

О Божьем суде напоминает и Апостол Павел: «*Не мстите за себя, возлюбленные, но* ***дайте место гневу Божию****. Ибо написано:* ***Мне отмщение, Я воздам****, говорит Господь*» (Рим. 12: 19).

Проблема эта не новая. Например, ещё известный христианский писатель Тертуллиан (II–III вв.) требовал категорически запретить христианам от лица Церкви участвовать в государственном строительстве. О том, приемлет ли христианство сопротивление, в том числе вооружённое, богоборческой власти большевиков, в 1920-е годы спорили и находившиеся в эмиграции русские интеллектуалы. Начало той острейшей полемике положила книга И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою»[93].

Владыка Иоанн (Шаховской) также говорит о двух течениях ещё среди первых христиан – «малоазиатском» и «римском». Первое – отрешение от политического творчества, однако «это настроение не антигосударственное, но остро сознающее *временность* государства и желающее сосредоточиться на "едином на потребу" личного совершенствования». Представители второго, «римского», течения «видели свою свободу не только в отрешении от внешнего мира, но и в овладении этим внешним миром». Однако, по словам архиепископа, «эти оба пути были благословлены Церковью навеки, ни один не анафематствован. Победа оказалась за обоими»[94].

И действительно, если мы вчитаемся не только в приведённые слова Апостолов, но и в соответствующий контекст, то поймём, что они проповедуют, конечно же, не фатализм. Проповедуют они такую частную и гражданскую деятельность, которая должна не только не нести зла, но и способствовать утверждению добра в его христианском понимании. Не случайно ведь слова об отношении к власти в посланиях располагаются рядом с наставлениями первых христиан в правилах христианского поведения, которые в обобщённой формуле Апостола Павла звучат так: «***Не будь побежден злом, но побеждай зло добром***» (Рим. 12: 21). Разве это не призыв к действию? Но не к бездумному сопротивлению всем и всему, что тебе не нравится, а к улучшению жизни, облагораживанию её, к возвышению человеческого духа. И.А. Ильин был прав, обвиняя Н.А. Бердяева в том, что тот смешивает «противогосударственное, дезорганизующее бунтовщичество с сопротивлением злу силою»[95]. Способы такого улучшения могут быть разные – и личный пример, и воспитание детей, и институциональное преобразование: «*И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то, имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, – в учении; увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием*» (Рим. 12: 6-8). При этом Апостолы постоянно подчёркивают критерий такого улучшения – любовь и мир.

---

[93] Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / Сост., предисл. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М., 2005. Среди наиболее известных критиков позиции Ильина были, в частности, Н. Бердяев и З. Гиппиус.

[94] См.: Архиепископ Иоанн (Шаховской). Культура социального умиротворения (Из работы «Философия православного пастырства») // Власть. – С. 53–55.

[95] Ильин И.А. О сопротивлении злу (Открытое письмо В.Х. Даватцу) // О сопротивлении злу силою. – С. 306.

Обратим внимание, что они не ограничиваются призывом к послушанию, а презюмируют доброе предназначение самой государственной власти. Так, Апостол Павел выстраивает логическую цепочку:

> *«**Хочешь ли не бояться власти? Делай добро**, и получишь похвалу от нее, ибо **начальник есть Божий слуга, тебе на добро**. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он **Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое**. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, **но и по совести**»* (Рим. 13: 3–5).

Такая презумпция фактически обозначает пределы гражданского послушания. Ведь понятно, что под «добром» и «злом» понимаются стандарты не языческой, а христианской этики. Известно, что многие христиане в первые века стали мучениками только за то, что отказывались поклоняться «гению императора», божеству, якобы охраняющему императора. И отказ от этого обряда представлялся языческими властями как доказательство неуважения христиан к государю, несмотря на то что как раз христиане были лучшими гражданами империи.

> «Обряд состоял в воскурении фимиама на жертвеннике или в совершении жертвоприношения в честь царя. Так, в начале третьего века в правление императора Септимия Севера в Карфагене привели к проконсулу двенадцать человек, обвиненных в исповедании христианской веры. Между ними был христианин по имени Сперат.
>
> «– Вы получите прощение, – сказал проконсул, – если образумитесь и воздадите богам подобающую им честь. Присягните гением императора, и я отпущу вас.
>
> – Мы не знаем, что такое гений императора, – отвечал Сперат. – Мы служим Богу невидимому, и ни в чем не виновны против законов страны. Чужого мы не берем; покупаем ли что, платим подати, потому что так повелел император; его мы чтим как господина, данного нам Богом; но поклоняемся Богу, Царю царей и Вседержителю.»[96]

Это и есть ярчайший пример того, о чём говорят Апостолы, т.е. поистине добродетельного гражданского поведения, когда искренне соблюдаются все основные запреты и обязанности, кроме тех, которые означают предательство Бога, нарушение заповедей.

Апостолы исходят из того, что современная им языческая государственная власть не чужда, говоря современным языком, принципам универсального, единого для всех времен и народов – естественного права. Это очень важный момент. Хотя сами языческие цари и их наместники не осознают, что находятся во власти Бога Живого, *объективно* и их власть подчиняется *Его* воле и определённым *Им* принципам. Св. Иоанн Златоуст, толкуя Послание к Римлянам, так и говорит: «*Какая тебе нужда, ежели он* (начальник. – *М.К.*) *и сам этого не знает? Довольно того, что так учредил Бог*»[97].

Но ведь государственная должность может быть использована вовсе не для «доброго государственного начальствования». И этот момент разъясняет св. Иоанн Златоуст:

> «*Как это? Ужели всякий начальник поставлен от Бога? Не то говорю я, ответствует Апостол. У меня идет теперь слово **не о каждом начальнике** в особенности, **но о самом начальстве**. Что есть начальства, что одни начальствуют, а другие подчинены им: и что **нет того неустройства, чтобы происходило что-нибудь по случаю и без порядка**, чтобы народы носились туда и сюда подобно волнам, – все сие я называю делом Божией премудрости.* [...] *Даже и море не лишено такого же благоустройства, но и там во многих родах рыб одна управляет и предводительствует прочими, и под ее на-*

[96] Цит. по: Бахметева А.И. Рассказы из истории христианской церкви. В 2 частях. – Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. Ч. I. – С. 142.

[97] Святитель Иоанн Златоуст. Толкование на Послание Апостола Павла к Римлянам (глава XIII) // Власть. – С. 8.

чальством они отправляются в отдаленные путешествия. Напротив, ***безначалие везде есть зло и производит замешательство***»[98].

Глубинный смысл права в том, что оно призвано охранять добро и преграждать путь злу. Но обеспечить право может лишь публично организованное общество, т.е. государство в широком смысле, управляемое или направляемое организованной властью, т.е. государством в узком смысле. Вот об этом и ведут речь святые Апостолы!

Антитеза такой организации, такому порядку – *анархия*, являющаяся произведением дьявола и преступлением перед Богом. Из хаоса Бог создал мир. Значит, не может Создатель желать, чтобы «*тьма над бездною*», хаос вновь воцарился. Св. Иоанн Златоуст в своём толковании подчеркивает: «*Как скоро упразднить начальство – все рассыплется: не устоят ни города, ни селения, ни домы, ни торжище, ни какое другое заведение, – напротив, все испровергнется,* ***оттого что сильнейшие поглотят слабейших***»[99].

Член Конституционного суда Армении Р.А. Папаян справедливо замечает, что «мирское (земное) получает мир (умиротворенность), лишь будучи устроено. Подобное соотнесение понятий отчётливо видим в апостольских словах "*Бог не есть Бог неустройства, но мира*" (1 Кор. 14: 33), откуда следует, что мир – это прежде всего "устроение". Потому и дальнейшие акты божественного творения – это устройство мира»[100].

Отсюда понятно, почему Апостолы призывают христиан быть не только покорными властям, но и искренними в государственном послушании. Ведь *не о воловьей* покорности они говорят: «раз на мне ярмо, придётся покориться». Равно и *не о покорности притворной*: «я буду послушным гражданином, чтобы меня власти не трогали за моё вероисповедание». И не о тупом восторге перед властью или об обожествлении государства и его высших представителей. Нет, искреннее гражданское послушание у Апостолов есть исполнение воли Господней, которая направлена на устроение, а не разрушение людского общежития, причём устроение в соответствии с принципами естественного права. Апостол Пётр, напоминая, что «*такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, —* ***как свободные, не как употребляющие свободу прикрытия зла, но как рабы Божии***» (1 Петр. 2: 15–16), фактически говорит о необходимости **свободной лояльности** (слова И.А. Ильина). Свободная воля Апостолами рассматривается именно как свобода в добре[101]. «*Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо* ***любящий другого исполнил закон***» (Рим. 13: 8) – призывает Апостол Павел. Символично, что слово «закон» в устах Апостола объединяет два своих значения – и закон Божий (заповеди), и закон государственный: с добрыми чувствами исполняя государственный закон, христианин одновременно исполняет и закон Божий.

Резюмируя сказанное, выделим главное.

1. Государство есть благо, освященное Богом, ибо это форма упорядочивания отношений в социуме и обеспечения организации публичной жизни.

Христианство видит в государственности естественную форму разумно организованного человеческого общежития, противостоящую хаосу – наилучшей среде для действия зла.

---

[98] Святитель Иоанн Златоуст. Указ соч. – С. 4–5.

[99] Святитель Иоанн Златоуст. Указ соч. – С. 8–9.

[100] Папаян Р.А. Христианские корни современного права. – М., 2002. – С. 195.

[101] Именно это подчеркивал Б.П. Вышеславцев, различая «свободу в произволе (отрицательная свобода)» и «свободу в добре (положительная свобода)». Отвечая Фихте, считавшему, что только несовершенная воля свободна, а совершенная уже произвела выбор и не имеет больше выбора между добром и злом, т.е. свобода в добре уже не есть свобода, он писал: «Это глубокая ошибка. Положительная свобода сохраняет в себе, преображает и сублимирует свободу выбора, свободу произвола, низшую свободу. Истина делает нас свободными, а вовсе не требует убийства и самоубийства свободы. Иначе нельзя было бы сказать: к свободе призваны вы, братья!» (Вышеславцев Б.П. Указ. соч. – С. 194).

Только в государственной форме может быть обеспечено право в его высшем смысле – как нормативного императива, уравновешивающего свободу и справедливость, субъективные права и обязанности, самостоятельность и ответственность. Вот почему государственность, как и право, есть самоценность.

2. Признание Бога как первоисточника всякой власти не означает обожествления государственной власти, а признание Его единовластия не означает обязанности устраивать публично-властную конструкцию по подобию Небесной иерархии.

Поскольку в государстве нет благодати, изначально присутствующей в Церкви, возглавляемой Самим Христом, постольку всякие попытки объявить о такой «государственной» благодати есть вольное или невольное передразнивание божественных установлений. А такое передразнивание – любимое занятие дьявола: «…сатана мучается завистью к Христу и подражает Ему, как только может. И потому наряду с воплощением Бога появляется и воплощение сатаны»[102]. Ни теократия, ни провозглашение христианства государственной религией, как в древней Византии или в современных Греции, Норвегии, ни миропомазание монарха не приводят к благодати данного государства. Если бы это было не так, то Господь не попустил бы падения, разрушения таких государств и превращения многих христианских монархий в республики.

Стоит и устоит до конца века сего лишь единая, соборная и апостольская Церковь. Она одна представляет собою то «сообщество», ту «организацию», для которой естественно строиться по образу «организации» Небесной, ибо Церковь есть Екклесиа – собрание верных. Именно Церковь прообразует Царство Божие и потому естественно стремится быть подобной Ему. Для государства же, как организации, имеющей сугубо земную природу и земное предназначение, хотя оно занимает значительное место в Божьем Промысле, отнюдь не вытекает мистическая обязанность строиться по подобию Небесного Царства.

Небесная иерархия основана на *абсолютных* принципах, ибо Бог и есть абсолют. Следовательно, в Его Царстве *абсолютно* справедливо и место каждого на той или иной ступени. Может ли это обеспечить иерархия, построенная людьми? Кроме того, жизнь в Небесном граде пронизана *абсолютной* любовью, а Царь Небесный общается с каждым независимо от его «статуса». «*К царю земному неудобно приступить с прошением, а к Царю Небесному без всякой задержки всегда приходить можем, когда хотим; не надобно никого о докладе просить; прямо иди, приступай с надеждой*», – говорит свт. Тихон Задонский.

3. В словах Апостолов нет апологии ни единовластия в государстве, ни разделения властей.

Формы правления и государственного устройства; принципы, полагаемые в «технологическое» основание государственной власти, для христианства являются нейтральными, не имеют сущности. Например, А.В. Ситников, сотрудник ОВЦС Московского Патриархата, пишет: «С точки зрения христианского богословия, вопрос формы правления не относится к области вероучения. […] Вопросы политического устройства, как несущественные для спасения, могут решаться самым различным образом. Церковь может существовать при любом государственном строе»[103]. О том же верно сказал Н.А. Бердяев: «Одинаково ошибаются и те, которые считают христианство благоприятным абсолютному цезаризму, и те, которые считают его благоприятным анархизму. Христианство так же не реакционно, как и не революционно, из него нельзя извлечь никаких выгод для мира сего»[104].

---

[102] Сантуччи Л. «Не хотите ли и вы отойти?» Размышления о земном пути Иисуса Христа. – М., 1994. – С. 84.

[103] Ситников А.В. Православие и демократия. К вопросу о влиянии религиозного фактора на политическое сознание и политическую культуру России // Полития. – Зима 2004–2005. – № 4. – С. 86.

[104] Бердяев Н.А. Указ соч. – С. 22.

В словах Апостолов о христианском отношении к власти мы действительно не видим анализа государственного устроения, а видим лишь призыв не допустить бессмысленного непокорства. В Послании Титу Апостол Павел пишет: «*Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело, никого не злословить, быть не сварливыми, но тихими, и оказывать всякую кротость ко всем человекам*» (Тит. 3: 1–2). Для христианина, таким образом, главные человеческие добродетели являются одновременно и добродетелями гражданскими. Впрочем, тут и не может быть различия, ибо в противном случае это было бы лицемерием, которое христианство категорически отвергает.

В то же время это не означает полного тождества жизни христианина как верующего и как гражданина. Но не в смысле «поблажек» для гражданина-христианина, а в смысле ещё больших *самоограничений*. Например, Апостол упрекает членов Коринфской церкви не только за то, что те шли со своими тяжбами к языческим судьям, а не разбирали споры с собратьями внутри самой христианской общины, но и за сами подобные иски: «***И то уже весьма унизительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою***. *Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев*» (1 Кор. 6: 7–8). Таким образом, для гражданина-христианина сужаются возможности пользования некоторыми публично-правовыми институтами. Это не означает, что Богу неугодны сами такие институты, просто, как чуть ниже говорит Апостол Павел, «*все мне позволительно,* ***но не все полезно****; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною*» (1 Кор. 6: 12).

4. Апостолы, призывая к послушанию властям, призывают вовсе не к конформизму, а только к уважению права в его Божественной транскрипции.

Как уже говорилось, право в апостольских посланиях означает не любые нормы, исходящие от государственной власти, а те, что служат для поощрения добра и наказания зла, т.е., говоря современным языком, право у Апостолов предстаёт отнюдь не в позитивистском понимании.

Апостолы не только не призывают к свержению языческих властей, но и наставляют в послушании им – постольку, поскольку они охраняют правовой порядок. Однако никто же не скажет, что Апостолы требуют сохранения именно данного (языческого и имперского) государственного строя. В противном случае появление два с лишним века спустя христианской государственности пришлось бы признать противоречащим апостольским словам. Говоря иначе, ни в Евангелиях, ни в Посланиях Апостолов невозможно найти запрета для совершенствования условий земной жизни, если оно происходит ради совершенствования человека и отношений между людьми.

В таком случае справедливо поставить вопрос: а как определить, в каком именно направлении совершенствование мира (социальная деятельность) отвечает Божиему замыслу? Ответить на это как раз нетрудно, ибо отвечает на это Сам Господь. Именно Он даёт нам ориентиры для социального экспериментирования.

В Заповедях блаженства (Нагорной проповеди) Спаситель как одну из основных добродетелей провозгласил миротворчество: «*Блаженны* ***миротворцы****, ибо они будут наречены сынами Божиими*» (Мф. 5: 9). Миротворчество для христианина – это обязанность не только гасить вражду, ссоры, распри, ненависть, но и стараться не допускать, предупреждать их как в частной, так и в публичной жизни. Поэтому христианство не может быть противником такого государственного устроения, при котором развитие идет *по вектору согласия*, компромисса между носителями разных представлений о жизни. Разумеется, за исключением компромисса со злом – с идеями ненависти, розни и порока.

Таким государственным устроением в современном мире пока является тип общественной и государственной системы, именуемый демократией, ибо если она не культивирует диа-

лог, компромиссы, согласие, то перестаёт быть собственно демократией. Понимаю, сколько едких мыслей и слов вызовет этот вывод, но пусть тогда противники демократической организации назовут тип государственности, который бы в такой же мере обеспечивал согласие и общественный мир. Согласиться могу лишь с тем, что образ современной демократии действительно подпорчен очень многими вещами – и политиканством, и манипуляциями общественным сознанием, и разрастающимся моральным релятивизмом и проч. и проч. Но кто сказал, что нынешняя модель демократии в мире есть модель окончательная и даже – что вообще тип государственности, называемый демократией, есть тип предельный? О демократии спорят с тех пор, как она водворилась в новой истории. Но именно то, что о ней можно спорить, свидетельствует как о имманентной ей свободе, так и о потенциале её развития.

Такую особенность демократии хорошо уловил прекрасный русский юрист и мыслитель П.И. Новгородцев, писавший в 1923 году:

> «В противоположность политическому оптимизму недавнего прошлого, когда казалось, что демократия есть нечто высшее и окончательное, что стоит только достигнуть её, и всё остальное приложится, теперь приходится признать, что демократия, вообще говоря, есть **не путь, а только распутье**, не достигнутая цель, а проходной пункт»[105].

Но даже понимая, что демократия является лишь «распутьем», разве не должны мы дойти до него? Разве эта дорога социального познания и экспериментирования, которую, правда, может осилить не просто идущий, но идущий по ориентирам, данным ему Творцом, не есть часть более общей дороги познания Божьего мира? Дороги, которую воспел ещё царь Соломон:

> «*Без хитрости я научился, и без зависти преподаю, не скрываю богатства ее, ибо она есть неистощимое сокровище для людей; пользуясь ею, они входят в содружество с Богом, посредством даров учения.* ***Только дал бы мне Бог говорить по разумению и достойно мыслить о дарованном, ибо Он есть руководитель к мудрости и исправитель мудрых****. Ибо в руке Его и мы и слова наши, и всякое разумение и искусство делания.* ***Сам Он даровал мне неложное познание существующего, чтобы познать устройство мира*** *и действие стихий, начало, конец и средину времен, смены поворотов и перемены времен, круги годов и положение звезд, природу животных и свойства зверей, стремления ветров и мысли людей, различия растений и силы корней*» (Прем. 7: 13–20).

Потому борьба за совершенствование мира, имеющая в основе своей *поиск правды* в широком её понимании, вовсе не «*невежество безумных людей*». Наоборот, непротивление общественному злу, т.е. предпочтение собственного физического ли, душевного ли комфорта и безопасности борьбе за правду, есть тоже грех, ибо Христом даны ещё и заповеди: «*Блаженны* ***алчущие и жаждущие правды****, ибо они насытятся* [и] *Блаженны* ***изгнанные за правду****, ибо их есть Царство Небесное*» (Мф. 5: 6, 10). О той же ценности говорит и Апостол Иаков: «*Плод же* ***правды*** *в мире сеется у тех,* ***которые хранят мир***» (Иак. 3: 18). Понятно, что в Евангелии и Послании Апостола речь идёт **о правде духовной, о жертвенности за веру**. Но, как известно, «*вера без дел мертва*» (Иак. 2: 20, 26), а дела – это не только сугубо «религиозные поступки», но и соответствующая христианским принципам жизнь человека, в том числе жизнь гражданская, публичная.

Мне могут напомнить, что в Нагорной проповеди содержатся и иные заповеди – смирения, кротости, милосердия, чистоты сердца. Но разве отстаивание правды и стремление к согласию обязательно происходит с горящими от ненависти глазами, нагло, мошенническими приёмами и т. п.?

И всё же: нет ли во всём этом противоречия, коль скоро совершенствование мира предполагает *борьбу* – идейную и политическую? Нет. При одном непременном условии: не толь-

[105] Новгородцев П.И. Демократия на распутье // Сочинения. – М., 1995. – С. 400.

ко цели, но и методы этой борьбы должны соответствовать указанным Богом ориентирам. Это значит, прежде всего, что такая борьба должна быть не «против», а «за». Сама проповедь Евангелия – на что благословил Христос Своих учеников – это тоже борьба, хотя и духовная. Спаситель неоднократно предупреждает, что мир с Его приходом разделится: «*Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее*» (Мф. 10: 34–35). Не потому, что Бог этого *хочет*, а потому, что Он *знает* наперёд нашу жизнь и всю человеческую историю. Однако может ли духовная борьба протекать помимо человеческой деятельности во всех её проявлениях, не пересекаться с нею? Разумеется, нет.

Приход Христа Спасителя обозначил перелом всей истории человечества: она (история) приобрела эсхатологический характер. Начался отсчёт земного времени от Первого Его Пришествия до Второго. Хотя нам не дано знать, сколько пройдёт ещё времени, мы обязаны понять, что означает отведённое нам время. Это время неимоверного напряжения духовной борьбы, т.е. борьбы не с людьми, а за людей, со злом в нас самих: «*Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей*[106]*, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной*» (Еф. 6: 11–12).

Конечно, политическая борьба не есть борьба духовная. Но она в некотором смысле и отчасти может стать духовной тоже – постольку, поскольку будет иметь цели, призванные возвышать человеческий дух, и методы, не унижающие человеческого достоинства.

В то же время, говоря о демократии как о строе, направляющем общество по вектору согласия, нельзя не сказать об одной из её слабых сторон – отсутствии эффективных механизмов защиты от саморазрушения. Что имеется в виду?

Христианство – это отнюдь не только религия[107] и даже не только мировоззрение. Христианство представляет собою *этическую основу* современной евро-атлантической цивилизации, на которой, в свою очередь, базируются правовые системы соответствующих государств. Говорю об этом не в качестве ответа из серии «знаете ли вы…». Это утверждение фундаментальное, ибо отрицание такой роли христианства ведёт к размыванию и самой этической основы современного мира, а с нею и миропорядка. Как говорил Спаситель, «*соль – добрая вещь; но если соль потеряет силу, чем исправить ее? ни в землю, ни в навоз не годится; вон выбрасывают ее*» (Лк. 14: 34–35). Другими словами, если окончательно победит моральный релятивизм и будет размыта пока ещё устоявшая этическая основа, то государства вряд ли смогут удержать набирающий темпы процесс юридической легитимации всевозможных пороков у той грани, за которой начнётся разрушение самой государственности.

Если этой слабости демократия не осознает, она погибнет без всякого внешнего давления. И это, на мой взгляд, уже не скрытый, а явный фактор причинности, который мы можем видеть благодаря христианству.

[106] Под «начальствами» и «властями» в данном случае Апостол Павел понимает иерархию нематериального тёмного мира во главе с сатаной.

[107] Религией оно было названо лишь несколько веков назад, когда гордый человеческий ум противопоставил «науку» «религии».

Часть 4. В поисках оптимума

Вообще-то эта, последняя, часть книги так названа с некоторой долей условности, поскольку *оптимальных конституционно-правовых конструкций не бывает!* Во всяком случае, то, что кажется оптимальным сегодня, завтра вполне может сдерживать развитие общества. В этом смысле правы те, кто возражает против изменений Конституции РФ, говоря, что мы ещё не полностью освоили её положения и тот потенциал, который в ней заложен. Но они правы только в этом, абстрактном, смысле.

Действительно, любая публично-правовая конструкция в рамках конституционного строя должна быть обжита, освоена; и обществу, и власти нужно привыкнуть к функционированию данного вида разделения властей; многие неясности и неопределённости должны быть истолкованы компетентной инстанцией и т.д. Однако всё это имеет смысл при одном условии: сама публично-правовая конструкция не содержит в себе органического порока, в частности не угнетает принципа разделения властей и институционально не препятствует реализации иных принципов демократической государственности – прежде всего принципа идеологического и политического многообразия, что проявляется прежде всего в свободной политической конкуренции. Без соблюдения такого условия сколько ни осваивай конституционные положения, это не только не приведёт к развитию демократических начал, но и обусловит тенденцию к их сворачиванию.

Именно это я и хотел доказать в настоящей работе, вполне сознавая, что роль институциональных параметров власти при конституционном, подчеркну, строе состоит не в том, чтобы гарантировать демократию, а в том, чтобы, с одной стороны, задать демократический вектор развития, а с другой – гасить естественную для qui tenent rem publicam (власть имущих) потребность во властной экспансии, в собственной «суверенизации», т.е. нейтрализовать их стремление выйти из-под всякого гражданского контроля.

Не «гора», а один из «пригорков»

Не только конструкция властных институтов – их набор, конфигурация, отношения между ними, но и вообще демократические институты и принципы, на мой взгляд, не являются ценностями. Не могу здесь не согласиться с Ю. Левадой, который говорит: «В принципе демократия – это система институтов и механизмов, которые поднимают интересы и действия множества людей до общественных, которые, собственно, и превращают толпу в народ. Популизм же, этот непременный атрибут всех авторитарных правлений, включая советское, действует в противоположном направлении – низводит общественное до массового, то есть до уровня наиболее распространенного, приемлемого, "простого"»[108].

Демократические институты и принципы – *только инструменты* для ценностного выбора и его защиты. А ценностным выбором нашего общества в конце 1980-х – начале 1990-х годов, хотя он артикулировался как демократия и рынок, по существу, было *человеческое достоинство* в его публично-правовом контексте. Поскольку же пока не предложено ничего более эффективного для обеспечения такой ценности, кроме демократической организации государственности, постольку речь может идти о том, как инструментально, технологически обустроить «пространство публичной власти», чтобы для политиков и политических сил естественным стало соревнование за наиболее разумные методы обеспечения человеческого достоинства. Если же сама конструкция препятствует такому соревнованию, человеческое достоинство оказывается незащищённым.

[108] Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. – М., 2000. – С. 30.

Как автор попытался показать, нынешнее «властное пространство» представляет собой «гору», а отношения на этом «пространстве» очень похожи на детскую игру «царь горы», цель которой – занять вершину и не допустить, чтобы кто-то другой скинул тебя. Но в игре приходится рассчитывать лишь на собственные силы и ловкость, а вот в политической жизни овладение «горой» означает овладение практически всеми ресурсами государства, которые могут быть использованы и против конкурентов. В таких условиях задача «сбросить царя горы» продуцирует уже не столько легальные, сколько революционные методы смены «победителя». «Цветные революции» последних лет в ряде стран СНГ имели причиной именно отсутствие равных возможностей для политической конкуренции.

Вот такой «горный рельеф» и необходимо изменить. Весь вопрос – как.

Менять ли форму правления?

Параметры настоящей работы не позволяют провести развёрнутый анализ разных моделей организации государственной власти – парламентской, президентской и смешанной форм правления – на предмет их большей или меньшей пригодности для современного российского общества. Однако наиболее очевидные последствия всё же можно спрогнозировать. Причём *исходить следует, в первую очередь, не столько из преимуществ, сколько из вероятности негативных следствий*. Вообще, такой подход, я бы его назвал «антиутопическим», наиболее продуктивен в социальном и государственном строительстве. Ведь что характерно для любой утопии? Презумпция такого поведения людей, в том числе власть имущих, каким оно представляется самому «социальному конструктору». В этом состоит главная опасность «Города солнца», «Всемирной коммуны» и всех других утопий. Такие конструкции нереализуемы, а потому при попытке реализации неизбежно превращаются в царство тоталитарной деспотии.

В большой степени на реализацию утопии похож процесс, как его сегодня называют, *«трансплантации институтов»*. Ведь заимствуя не только идею, но и «принципиальную схему», а часто набор и конфигурацию соответствующих институтов, общество имеет основания относиться и к самой этой идее, и к объективирующим её институтам как к утопии. Для народа, жившего в рамках совершенно иной парадигмы, в конце концов, какая разница, откуда появилась идея и институты – из головы какого-то мечтателя или из «заморской» практики? И в том и в другом случае в жизни водворяется нечто совершенно неизведанное – абсолютно новые принципы жизни, абсолютно новые стереотипы.

Здесь меня могут поймать на слове, сказав: а сама демократия разве не принесла России чуть ли не хаос, обнищание большинства и ничем не оправданное обогащение меньшинства, падение нравов и т. д. и т. п.? Значит, следуя логике автора, коль уж выбирать модель организации общества и государства, то демократическую организацию как вариант точно следует исключить. Не буду вновь затевать дискуссию о «пригодности/непригодности» демократии для России. Просто скажу: поставьте перед людьми *не вопрос «вы за демократию или против неё»*[109]*, а вопрос «вы за систему, которая бы гарантировала защиту вашего человеческого достоинства, или против неё»*, и увидите, что выберет народ… Наверное, где-нибудь в джунглях Амазонки, Центральной Африки или Океании такой вопрос повис бы в воздухе – потому что он может быть адекватно понят лишь в обществах, переживших эволюцию представлений о личности и государстве, т. е. там, где индивид сумел выделить себя из

[109] Хотя, судя по опросам, даже при такой постановке вопроса российское общество отнюдь не склонно отвернуться от демократии. Так, по данным «Левада-Центра», в 2005 году 66 % прямо заявили, что России нужна демократия. Против – 21 %, и 13 % колеблются (затруднились ответить). См.: Общественное мнение-2005. – М., 2005. – С. 16.

племенного сообщества и, соответственно, осознать потребности в личностной автономии и её защите. Вот, кстати, любопытная иллюстрация к сказанному:

> «Осенью 1999 года Институт Гэллапа провел глобальный опрос. И выяснилось, в частности, что большинство населения стран Африки (52,5 %) считают, что их государства "управляются волей народа", тогда как в Западной Европе таких оказалось лишь 37,5 %, в Северной Америке и того меньше (34,8 %). В России же в тот период 93,5 % (!) утверждали, что страна не управляется волей народа, т.е. что в России нет демократии. Если бы какой-нибудь исследователь с другой планеты получил такие данные, он пришёл бы к выводу, что **демократия расцветает лишь в Африке** и уж практически совсем её нет в России. Мне неизвестны данные о том, как отвечали (и были ли такие опросы) советские люди о демократии ("социалистической") в СССР, но, думаю, что показатели были бы гораздо выше, чем в Африке в 1999 году. Косвенно это подтверждается данными ВЦИОМ (сейчас «Левада-Центр». – *М.К.*), где при опросе вариант ответа "Для меня сейчас открылась возможность участия в общественно-политической жизни" в 1988 г. (когда еще не было альтернативных, т.е. относительно свободных, выборов и когда действовал номенклатурный отбор в органы власти) занял 11 %, а в 1992 г. – всего 0,5 %»[110].

К чему это всё говорится? Несмотря на неудачный опыт введения демократической организации, в России по-прежнему большинство тех, у кого слово «демократия» рождает всё-таки позитивные ассоциации. Проблема не в отторжении демократии, а в неверии в её установление в России. Другими словами, заказ «на ценности демократии» не отменен. Но бессмысленно ждать, что будет ещё и заказ на «инструменты демократии». Какими должны быть эти «инструменты» – уже вопрос для элит. В массовом сознании причинно-следственные связи не такие нюансированные, как у специалистов. Так, по данным ВЦИОМ, российские граждане в 2005 году под демократией понимали чаще всего: «свободу слова, печати, вероисповедания» (44 %) «экономическое процветание страны» (32 %), «порядок и стабильность» (30 %) и «строгую законность» (24 %). Правда, для некоторых понятие «демократия» несет и негативный смысл: 10 % с демократией связывают «возможность для каждого делать все, что он хочет», 9 % – «пустую болтовню», 5 % – «анархию и безвластие» и, что весьма показательно, 4 % – «подчинение меньшинства большинству»[111]. В данном случае неважно соотношение положительных и отрицательных расшифровок. Важно, что обычные люди склонны придавать значение ценностным, а не инструментальным аспектам. В том же исследовании, например, «выборность всех высших государственных руководителей» связали с демократией лишь 13 %).

И тут я возвращаюсь к тому, от чего ушел. Как менять эти самые «инструменты»? Ведь есть опасность, что мы можем так изменить модель организации власти, что после этого российское общество уже точно надолго распрощается с соответствующими ценностями. Вот почему нам необходим названный «антиутопический» подход. С этих позиций посмотрим на разные модели (формы правления).

В целом парламентская модель представляется наименее способной генерировать персоналистский режим; она предоставляет наилучшие условия для развития политической конкуренции. Причем парламентская модель весьма эффективно проявляет себя в условиях конституционной монархии[112]. Однако в современных условиях переход к конституционной

[110] Левада Ю.А. От мнений к пониманию… – С. 11.

[111] См.: Общественное мнение-2005… – С. 15.

[112] Между прочим, исследование М. Липсета (1972) показало, что «из 12–13 существующих в мире наиболее стабильных демократий десять – монархии. Благодаря сохранению монархических институтов и традиций утвердившийся там новый государственный строй сумел обеспечить достаточно лояльное отношение к себе со стороны бывшей аристократии и чиновничьих кругов» (цит. по: Варламова Н.В., Пахоленко Н.Б. Между единогласием и волей большинства (политико-правовые аспекты консенсуса). – М., 1997. – С. 32). О желательности

монархии в России, боюсь, невозможен, а переход к парламентской модели в её республиканской форме способен сгенерировать как раз отрицательные последствия. Назову как минимум две причины этого.

Во-первых, нашему обществу и самим партиям, опять-таки в силу исторической инерции, сначала предстоит привыкнуть к политической конкуренции вообще, к колебаниям политического маятника, а следовательно к нормальной борьбе партий за власть и цивилизованному восприятию «победы» на парламентских выборах. Не имея же привычки к соблюдению парламентских и вообще демократических процедур, наши политики, находящиеся ещё в плену архаических представлений о политической борьбе и о власти в целом, которая якобы держится на принципе «победителю достается всё», не понимая, что такое и зачем нужны «права меньшинства»[113], – так вот, наши политики, лишившиеся «надзорной» инстанции, от которой может исходить властный «окрик», скорее всего ещё в большей степени антагонистически разделят общество и посеют в нём хаос.

Во-вторых, у нас пока нет партий, сознающих, что такое политическая ответственность. Другое дело, что они не сформировались не из-за недостатка времени, а в силу отсутствия политической конкуренции: без неё та или иная партия не могла проводить собственный курс, сотрудничая с оппозицией, а оппозиция не могла выступать как политическая сила, в любой момент готовая принять на себя ответственность, причём не разворачивая курс страны на 180°. Поэтому радикальный переход к парламентской модели вполне может вызвать политическую дестабилизацию, которую опять-таки *некому будет погасить*.

Не противоречит ли это всему сказанному выше, т.е. не переносит ли автор акцент на ментальный фактор, хотя перед этим заявлял о важности фактора институционального? Нет. В том-то и дело, что институциональное обустройство вполне способно дать ожидаемый эффект, однако лишь *при учете состояния общественного, в том числе «элитного» сознания*. Иначе говоря, при выстраивании моделей мы обязаны прогнозировать, как та или иная модель «ляжет» на ментальную сферу, возможен ли будет синергетический эффект. Пока же к этим двум составляющим «конструкторы» апеллируют по отдельности, а потому либо модель, не учитывающая силу исторической инерции, оказывается нежизненной, либо модель, основывающаяся на исторических атавизмах, не позволяет обществу развиваться.

Привлекательной кажется и президентская республика, т. е. форма правления, в которой президент является главой исполнительной власти и отсутствует отдельный орган под названием «правительство» или «совет министров». Казалось бы, вот что особенно подходит России, раз уж у нас действует историческая инерция персонализма. Ведь в этой модели персоналистский потенциал будет компенсироваться открытой партийной принадлежностью президента и сильной законодательной властью, благодаря чему:

- президент получит больше возможностей для проведения комплексного реформирования в разных сферах жизни страны;
- более предсказуемой станет политика, намечаемая кандидатами на президентскую должность;
- теневая роль нынешней президентской администрации радикально изменится: она станет именно вспомогательным аппаратом;
- Государственная Дума перестанет зависеть от угрозы досрочного роспуска, а правительство – от угрозы вотума недоверия, так как институтов роспуска парламента и недоверия правительству в президентской республике нет;

конституционной монархии для более эффективной защиты демократии см.: Краснов М.А. Конституционная монархия спасет демократию // Независимая газета. – 1998. – 9 сент.

[113] Об этом см., например: Еллинек Г. Права меньшинства / Пер. Е. Троповского; Под ред. М.О. Гершензона. М., 1906 // Прогнозис. – Осень 2005. – № 3. – С. 299–324.

- более прозрачным станет механизм принятия крупных государственных решений.

Однако перечисленные возможные преимущества президентской формы правления являются, скорее, теоретическим допущением, т.е. отнюдь не при любых условиях могут продемонстрировать свой позитивный потенциал.

Дело в том, что ни парламент, ни президент в такой модели практически не имеют рычагов для мирного выхода из возможных политических тупиков. Неслучайно современную президентскую форму правления специалисты называют классическим вариантом разделения властей, т.е. таким, при котором каждая из ветвей власти не может повлиять на досрочное прекращение полномочий другой (импичмент по своему предназначению не имеет политической подоплёки). Также неслучайно, что нормально функционирует эта модель лишь в США. В ряде латиноамериканских государств, например Бразилии, Аргентине, она не спасала от военных переворотов. Почему? А потому, что «американский вариант» требует наличия как минимум двух крупных условий: во-первых, очень сильной судебной власти, что характерно как раз для англосаксонской системы права; во-вторых, укоренившегося в обществе, и прежде всего в элите, демократического сознания, т.е. главным образом понимания того, что решать вопрос о власти силой – всё равно что «кидаться камнями в стеклянном доме». Последний пример этого продемонстрировали президентские выборы 2000 года, когда возникла почти патовая ситуация при подсчете голосов, поданных за А. Гора и Дж. Буша. И ничего: все мирно «рассосалось», никто не делал заявлений о том, что «свою победу никому не отдаст».

У нас даже в этих двух смыслах иные условия. Это означает, что если принимать президентскую форму правления в России сейчас, т. е. при нынешнем состоянии и политических институтов, и характера исторической инерции, и ценностной фрагментарности общества, то это приведёт лишь к усилению персоналистского характера режима и нарастанию конфронтационности. Как ни странно, но такой вывод имеет под собой *эмпирическое основание*: ведь что-то похожее на эту модель существовало у нас в 1991–1993 годах. В той конструкции президент РФ легально также ничего не мог сделать с противостоящим ему законодательным органом, а последний мог (и пытался) лишить президента должности только в порядке «импичмента»; президент в некоторые периоды непосредственно возглавлял кабинет министров; был также пост вице-президента. Однако чем всё это кончилось, известно…

Таким образом, лично я не вижу оснований отказываться от существующей – полупрезидентской, или смешанной, – формы правления. Мы должны учитывать и то, что такая модель уже хоть как-то «обжита», освоена политической элитой, стала привычной и для общества. Именно поэтому, определённым образом её модифицировав, можно, не ломая привычную для нас «картину мира», не ликвидируя властный потенциал института-персоны, в то же время снять преграды на пути развития политической конкуренции. Как этого добиться?

Нераскрытый потенциал главы государства

В части 1 говорилось о главном достоинстве смешанной формы правления – это возможность для главы государства выполнять роль *политического арбитра*. Однако выполнению этой роли в наших условиях противоречит его роль как активного политического актора. И эта вторая роль не есть нечто незаконно присвоенное президентом. Она, как я попытался показать, естественным путём вытекает из его конституционно установленных полномочий.

При этом и Б.Н. Ельцин, и В.В. Путин довольно явно продемонстрировали свои политические симпатии и антипатии – как в процессе избирательных кампаний, так и вне их. Конечно, позиционирование в качестве «президента всех россиян» способно обмануть некото-

рую часть общества, но как раз иллюзия «президентской надпартийности» ещё более негативно сказывается на функционировании политической системы. Во-первых, в общественном сознании повышается значимость личностных качеств главы государства в ущерб его политическому лицу. А во-вторых, нелегализованная партийность президента РФ создаёт более благоприятные условия для теневых методов управления, в числе которых фаворитизм, непрозрачное распределение «политических должностей», наделение гипертрофированными полномочиями непубличных чиновников, концентрирующихся главным образом в Администрации Президента. Таким образом, *центральной задачей является разъединение в институте президента двух его ролей*, т. е. фактически отсечение роли политического игрока, конечно в узком смысле слова «политический».

У нас конституционный статус президента таков, что его задачи гаранта соединяются с задачами, свойственными инициатору и проводнику *партийной политики*. Из-за этого становится невозможной нормальная политическая жизнь и страдает роль президента как главы государства.

Но нездоровость такого соединения не только в том, что образуется органическое препятствие для развития нормальной политики. Она и в том, что, как бы ни хотел сам президент «раздвоиться», одна из его основных ролей обязательно окажется подавленной, подчинённой. Обществу представляется, что президент озабочен главным образом своей ролью стабилизатора государственности. Именно в этом старается убедить сограждан пропагандистская машина, сам факт создания которой, кстати, также производен от персонализма. Но такая роль – иллюзия, возможно, испытываемая и самими президентами. Иллюзия – потому, что, будучи окружен бюрократией и оказываясь в зависимости от неё, президент, подчеркну – любой президент, объективно вынужден выдавать заботу об удовлетворении интересов политической бюрократии за заботу об интересах государства в целом.

Таким образом, основной смысл трансформации конституционной системы власти состоит в формировании полноценного института главы государства… Стоп. О чём это автор? Ведь у нас глава государства, можно сказать, и без того «суперполноценный». Вот тут ошибочка. Под «полноценностью» я разумею отнюдь не объём президентской власти (чем больше властных прерогатив, тем «полноценнее»), а направленность этой власти на выполнение роли собственно главы государства, т.е. института, отвечающего за нормальное функционирование всех иных государственных институтов и защиту конституционного строя в целом.

Кто-то из моих коллег-конституционалистов может на это возразить, что в конституциях европейских государств со смешанной формой правления порой тоже можно увидеть полномочия, закрепляющие роль президента не только как арбитра, но и как политического актора. Верно, и в литературе по конституционному праву[114] такая двойная роль президентов не оценивается как нечто выходящее за рамки представлений о конституционном строе. Почему же Россия должна стать исключением?

Речь, однако, не об исключительности, а лишь *о* такой модификации смешанной формы правления, которая бы учитывала силу нашей исторической инерции персонализма – конституционно переориентировала президента на выполнение *роли главного защитника демократической организации власти и только её*. Судя по всему, такая роль потребуется нам ещё на долгие годы. И только в этом или главным образом в этом смысле президент должен быть политиком. Не в качестве субъекта politics, а в качестве субъекта policy в сфере государственного строительства, в том числе играя роль института, не допускающего появление политических тупиков или выводящего из них.

[114] См., например: Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Отв. ред. проф. Б.А. Страшун. – С. 350–352; Мишин А.А. Указ. соч. – С. 87–88; Автономов А.С. Указ. соч. – С. 255–256.

Но если президент должен отвечать за защиту конституционного строя и конституционного порядка, предполагает ли это его *беспартийность*? Лично я не верю в институт приостановления членства в партии. На мой взгляд, это есть узаконенное лицемерие. Именно поэтому полагаю, что не следует ни обязывать президента быть беспартийным ни запрещать ему это. По мере укрепления политической зрелости общества оно само увидит, за какого кандидата на президентскую должность – партийного или беспартийного – лучше голосовать.

Таким образом, смысл изменений в том, что, с одной стороны, президент в качестве главы государства должен отвечать за политику государственной стабильности, а не вообще за политику государства во всех сферах; с другой стороны, он должен иметь полномочия вмешиваться и в текущую политику политических игроков, но только если эта политика угрожает основам конституционного строя.

Какая конструкция власти могла бы в наибольшей мере отвечать такой задаче? Назову лишь узловые точки предлагаемой системы[115].

В Конституции должна быть по-новому описана общая роль Президента России как главного хранителя российской государственности и предопределено его дистанцирование от партийной политики.

Попытаюсь в принятой юридической технике сформулировать эту идею, взяв за основу нынешнюю статью 80 Конституции РФ (выделены предлагаемые нововведения):

1. Президент Российской Федерации является главой государства. **Он олицетворяет единство власти в Российской Федерации, является гарантом основ конституционного строя.**

2. В порядке, установленном Конституцией Российской Федерации, **федеральными конституционными и иными федеральными законами,** Президент Российской Федерации принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, **поддержание общественной стабильности и правового порядка в стране.**

3. В случаях возникновения угроз национальной безопасности или нормальному функционированию органов государственной власти Президент Российской Федерации обращается к народу с посланиями, в которых он информирует о принимаемых им мерах.

4. Президент Российской Федерации как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях.

5. Порядок осуществления Президентом Российской Федерации своих полномочий, иные вопросы, связанные с организацией деятельности Президента Российской Федерации, а также гарантии его неприкосновенности, условия материально-бытового и социального обеспечения определяются федеральным конституционным законом.

Таким образом, авторская идея сводится к следующему.

Во-первых, из президентских функций исключается такое рудиментарное полномочие советской эпохи, как *определение основных направлений внутренней и внешней политики*, что, как говорилось выше, не только логически противоречит принципу разделения властей,

[115] Новая модель властной организации в виде конкретных предложений для новой редакции Конституции РФ была разработана автором еще в 1999 году (дополнена в 2000 г.) с участием коллег из фонда ИНДЕМ (текст проекта новой редакции Конституции РФ можно видеть на сайте ИНДЕМ по адресу: http://www.indem.ru/russian.asp). Однако автор по прошествии нескольких лет пересмотрел некоторые положения того проекта.

но и в комплексе с иными полномочиями президента впрямую препятствует формированию системы политической конкуренции.

Во-вторых, более чётко устанавливается ответственность президента за охрану конституционного порядка в стране, его защиту как от угроз извне, так и от неконтролируемого развития политических событий.

В-третьих, предусматривается возможность правового ограничения президентских прерогатив путем законодательного регулирования порядка осуществления главой государства своих полномочий.

Разумеется, это лишь общее закрепление президентского статуса, что само по себе не в состоянии ограничить президентскую власть. Но оно задаёт вектор для закрепления конкретных полномочий президента и способно служить основанием для возможной правовой оценки тех или иных его действий и решений в будущем.

Президенту РФ должны быть переданы некоторые новые полномочия (да-да, новые), которые помогут сместить центр тяжести в его деятельности на защиту конституционного порядка.

Может показаться странным, что автор, объясняя формирование персоналистского режима в первую очередь институциональными причинами, предлагает расширить круг президентских полномочий. Однако противоречия тут нет. Выше не раз говорилось, что смысл реформы не в механическом сужении президентских полномочий, а в установлении баланса между институтами государственной власти. Поэтому то, что в условиях действующей системы оценивается как экспансия президентской власти в прерогативы других властных структур, перестаёт быть таковым в условиях ограничения роли главы государства исключительно заботой о конституционном порядке и политическим арбитражем. Итак…

Во-первых, президент должен самостоятельно назначать и освобождать от должности *Генерального прокурора РФ*. То, что президент сейчас только представляет его кандидатуру Совету Федерации и, соответственно, вносит предложение об освобождении, вовсе не означает, что генеральный прокурор дистанцирован от главы государства. В реальности «шефом» генпрокурора является именно президент. И такое скрытое подчинение лишь добавляет нашей системе лицемерия и закрытости.

Вообще, по нашей Конституции, прокуратура представляет собою весьма странный институт. Общее описание этой системы дано в ст. 129 Конституции, которая, и в этом «вся прелесть», расположена в главе 7, именуемой «Судебная власть». Означает ли это, что прокуратура входит в эту ветвь власти? Нет конечно. Отрицательный ответ вытекает не только из самих конституционных норм, в частности ч. 2 ст. 118, где говорится, что «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства», но и просто из логики: среди главных задач прокуратуры – поддержание в суде обвинения от имени государства, т. е. прокурор в судебном процессе является лишь стороной в судебном процессе. Не буду останавливаться на том, почему так получилось. Скажу лишь, что это аппаратная уступка просьбам тогдашнего руководителя прокуратуры А.И. Казанника. Но столь легковесное отношение к этому институту обернулось впоследствии тем, что, формально оказавшись вне системы разделения властей, прокуратура как раз претендует на независимость, хотя фактически «замкнута» именно на президенте. Именно поэтому целесообразно не скрывать за завесой юридических конструкций фактическую подотчётность прокуратуры главе государства, а открыто наделить президента *ответственностью за общее состояние законности в стране*.

Во-вторых, целесообразно более чётко закрепить конституционное право Президента РФ самостоятельно назначать *референдум*. Дело в том, что Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» от 10 октября 1995 года № 2-ФКЗ практиче-

ски «украл» у президента его конституционное полномочие назначать референдум, т.е. по собственной инициативе предлагать и определять его вопросы. Сейчас президент является лишь инстанцией, так сказать, оформляющей инициативу о проведении референдума. Ту же роль Президента предусмотрел и новый Закон о референдуме от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ. В данном случае я не беру во внимание то, что сегодня, в условиях персоналистского режима, без фактически разрешения президента никому не удастся провести референдум.

Не буду здесь приводить юридические аргументы, доказывающие «кражу полномочия». Важно другое. Институт референдума, как представляется, вообще не должен быть ординарным средством народного волеизъявления. Не столько из-за своей финансовой дороговизны, сколько вследствие того, что для политиков он всегда представляет собою соблазн для спекуляций на «воле народа». В то же время референдум бывает весьма полезен, а скорее, необходим как средство выхода из политических (конституционных) тупиков. В таком случае, если мы ведём речь о президенте как институте, защищающем государственную стабильность, не позволяющем развиться тенденциям хаоса и отвечающем *только* за это, то естественно будет предоставить право непосредственно обращаться к народному мнению исключительно главе государства.

Правительство должно стать политически ответственным институтом.

К этому предлагается перейти, прежде всего, путём введения *иной модели формирования правительства* – главным образом, *по итогам парламентских выборов*. В этих целях предлагаются две основные новеллы:

а) правительство обязано слагать свои полномочия перед вновь избранной Государственной Думой. Сейчас оно слагает полномочия перед вновь избранным президентом, что акцентирует ответственность Кабинета перед парламентом;

б) не президент РФ должен представлять кандидатуру премьер-министра для его назначения Государственной Думой, как это предусмотрено действующей Конституцией, а, наоборот, Дума должна представлять президенту кандидатуру премьера.

В связи с этим возникают важные вопросы. Во-первых, как поступать президенту, если расклад политических сил в Думе таков, что вопрос о кандидатуре главы правительства никак не может быть решён, не достигается компромисс? И, во-вторых, обязан ли президент утвердить премьера, когда в Думе достигнут компромисс по кандидатуре, или он имеет право выбора – утвердить или отвергнуть кандидата?

При конструировании новой модели я исходил из того, что президент хотя и не должен вмешиваться в межпартийные отношения и тем более заниматься текущей политикой, не становится декоративным институтом. Ответственность за стабильность и преемственность функционирования государственной власти в демократическом понимании этой задачи приводит к необходимости наделить главу государства соответствующими властными рычагами.

В связи с этим предлагается следующее: если расклад политических сил в Госдуме таков, что не позволяет партийным фракциям в достаточно короткий срок – две или три недели – достичь компромисса по кандидатуре премьер-министра, то президент должен иметь право самостоятельно назначить на эту должность человека по своему выбору. Однако такое назначение действительно лишь в течение одного года. За 20 дней до истечения годичного срока Дума должна рассмотреть вопрос о доверии данному «временному» правительству. И если последнее получает вотум доверия, то продолжает действовать уже в обычном режиме. Правда, если решение о доверии не набирает необходимого числа голосов депутатов, то президент обязан отправить «своё» правительство в отставку только при наличии нового кандидата в премьеры, выдвинутого Думой, т.е. речь идёт о модификации такого института, как

«конструктивный вотум недоверия». Если же и на этот раз согласие между фракциями не достигнуто, правительство продолжает работу в обычном режиме.

Таким образом, президент тут выступает в роли «запасного механизма» при формировании Кабинета, что предохраняет от «впадин безвластия». Такой порядок стимулирует партийные фракции к поиску компромиссов, к культуре согласия. В том же направлении он будет подталкивать и президента: будучи заинтересован в стабильном правительстве, он будет стремиться назначать «временного» премьера скорее всё-таки из числа кандидатур, которые при обсуждении в Думе были наиболее популярными. Кстати, отсутствие такого механизма в новой системе власти Украины, где также ещё не развита культура политического согласия и пока отсутствуют политически ответственные партии, как раз и привело к длительному парламентско-правительственному кризису.

Президент не устраняется от воздействия на формирование правительства и в том случае, если Государственная Дума выдвигает в качестве кандидатуры премьера такого человека, чьи ценностные ориентиры, деловые и личные качества не только не идут на пользу государственной стабильности, но и могут создать угрозу конституционным принципам государственности. В этом случае от президента может потребоваться его институциональная сила, чтобы противостоять назначению такого премьер-министра. Хотя и стало печальной банальностью сравнение сегодняшней России с Веймарской Германией, всё-таки скажу: имей президент Гинденбург необходимые волю и конституционные рычаги, он не позволил бы А. Гитлеру стать канцлером. Возможно, и это не уберегло бы от прихода нацистов к власти, но этот приход был хотя бы совершён уже не в конституционных рамках… Вот почему глава государства должен иметь право отклонить кандидатуру, причём как с мотивировкой, так и без неё. Однако если фигура премьера воспринимается в Думе настолько единодушно, что поддерживается 2/3 депутатов, то президент обязан назначить такого человека премьер-министром. В конце концов, с назначением премьера президент не должен устраняться от охраны Конституции.

На чём, однако, основывается уверенность автора в том, что какой-нибудь российский президент не окажется мировоззренчески близок премьеру с тоталитарными взглядами? Теоретически возможно всё, и, кстати, не только в России. Но предлагаемая схема в целом направлена как раз на то, чтобы *конкуренция на президентских выборах* была сосредоточена исключительно вокруг одной идеи: «Если я стану президентом, то лучше других смогу защитить демократию в России». Это не прекраснодушие. Это тот случай, когда сам характер «зоны ответственности» диктует и характер, мотивацию конкуренции.

В то же время нельзя обойти молчанием весьма «взрывную» проблему, которая обязательно возникнет в новой политической конструкции. О ней справедливо упомянула при обсуждении ***Л.Ф. Шевцова***, заметив, что «мы должны подумать и о том, как избежать другой угрозы – распыления ответственности и воспроизводства безответственности, как избежать перетягивания каната между премьером и президентом, особенно если окажется, что они будут членами разных партий».

Полагаю, что более чёткое разделение зон ответственности между правительством и президентом сводит к минимуму возможность «перетягивания каната», равно как и возможность диффузии ответственности обоих этих институтов. В то же время можно предвидеть возникновение точек напряжённости по некоторым вопросам, поскольку в нормативном плане исчерпывающим образом развести компетенции правительства и президента не представляется возможным. Например, в сфере обороны, иностранных дел, борьбы с преступностью эти компетенции наверняка будут пересекаться. Однако не думаю, что это породит неразрешимые конфликты: с одной стороны, разрешение стандартных конфликтных ситуаций может быть предусмотрено в конституционных законах о правительстве и президенте, с другой

– сама конкурентная среда, заставляющая всех политических субъектов осознавать свою ответственность, будет приводить к поиску компромиссов. Во всяком случае, Президенту, как институту, отвечающему за стабильное функционирование системы власти, будет естественнее гасить конфликт, нежели раздувать его.

Предлагается также установить новый порядок *подписания законов президентом*: он должен быть вправе подписать и обнародовать федеральный закон только при наличии обязательной подписи (контрасигнатуры) премьер-министра. Президент должен быть связан мнением правительства о том или ином законе, поскольку последнее несёт ответственность за исполнение законов.

Наконец, необходимо *защитить правительство не только от своеволия президента, но и от своеволия депутатов*. Это может быть достигнуто, в частности, тем, что:

а) должны быть установлены относительно чёткие основания для выражения недоверия правительству. Ими могут быть:

- неудовлетворительная оценка исполнения федерального бюджета;
- неудовлетворительная оценка отчета о ходе выполнения правительственной программы;
- результаты работы следственной парламентской комиссии;

б) проголосовать за решение о недоверии должно не менее 2/3 от состава Думы. Вотум недоверия и в этом случае должен быть «конструктивным», т.е. Дума должна в определённый срок предложить нового кандидата на должность премьера;

в) должно быть сохранено право «встречного» предложения правительства о доверии ему, но опять-таки в определенных случаях:

- при непринятии проекта федерального бюджета в первом чтении;
- непринятии внесенного премьер-министром проекта федерального закона, предусматривающего увеличение доходов или сокращение расходов федерального бюджета.

Если правительство получает вотум доверия, соответствующие законы должны считаться принятыми в первом чтении.

* * *

Здесь представлена лишь общая схема, хотя и с некоторыми существенными подробностями. Если конституционная реформа всё же состоится, то она должна привести и к изменениям, касающимся правового статуса *обеих палат Федерального Собрания*, начиная с порядка их формирования, количественного состава и кончая законодательной процедурой; одновременно нужны изменения в конституционном регулировании *судебной системы* и *статуса судей*. Необходимо по-иному описать статус *прокуратуры*, а также закрепить *систему и основы деятельности избирательных комиссий*.

В то же время автор не считает представленную конструкцию единственно возможной. Она предложена только *в качестве варианта* конституционной реформы. Если идея необходимости такой реформы, что называется, овладеет умами, то целесообразно будет созвать рабочую группу, которая бы разработала проект новой редакции Конституции, причём в вариантах как требующих, так и не требующих созыва Конституционного Собрания.

Но повторю:

конституционная реформа в наших условиях имеет смысл только в одном случае – если она будет проводиться с целью устранения институциональных препятствий для политической конкуренции.

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2011 году

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.
Обслуга государственной машины России: политико-идеологические свойства..... № 1

Макаренко В.П.
Мировоззренческая машина: размышления автолюбителя (статья 1)..... № 2

Макаренко В.П.
Мировоззренческая машина: размышления автолюбителя (статья 2)..... № 3

Макаренко В.П.
Фанатизм и толерантность: диалектика библейско-церковных истоков..... № 4

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Капустин Б.Г.
Тезисы о политической философии..... № 2

Ледяев В.Г.
Концептуальные основания эмпирического исследования власти..... № 4

Порус В.Н.
На мосту интерпретаций: Роберт Мертон и социальная эпистемология..... № 2

Поцелуев С.П.
От «антагонизма» к «агонизму»: к теории демократии Э. Лаклау и Ш. Муфф..... № 2

Савчук В.В.
Российский домен медиафилософии..... № 4

Субботин А.И.
«Социальная реальность»: к вопросу о генезисе понятия (окончание)..... № 4

Трубина Е.Г.
Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации..... № 4

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ДЕМОКРАТИИ

Макаренко В.П.
«Демократическая вселенная»: заметки о книге Роберта Даля..... № 3

Порус В.Н.
Имитация рациональности: симулякры бюрократии..... № 3

Субботин А.И.
«Социальная реальность»: к вопросу о генезисе понятия..... № 3

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Глебова И.И.
«Дворцовое государство» в современной России..... № 2

Глебова И.И.
Русская власть и её партии..... № 3

Макаренко В.П.
От редакции..... № 3

Материалы круглого стола
Политическая бюрократия и господствующие меньшинства: случай сегодняшней России..... № 1

Оболонский А.В.
Российское бюрократическо-полицейское государство: история и современный кризис..... № 4

Олейник А.Н.
О природе и причинах административной ренты: особенности ведения бизнеса в российском регионе..... № 2

Павлов А.В.
У истоков американского консерватизма: Роберт Нисбет..... № 4

Патрушев С.В.
Институциональная политология в российской перспективе..... № 4

Поликарпов В.В.
Судьба права собственности в поздней Российской империи..... № 1

Проценко Н.П.
В поисках вымышленного класса..... № 1

Ткаченко В.Н.
Суверенная бюрократия Украины: в зоне двойной периферии..... № 1

Фокин С.Л.
Что такое русская философия против политики сегодня?..... № 4

Шкаратан О.И.
Трансформация социетальной системы постсоветской России..... № 3

Шкаратан О.И.
Российская псевдоэлита и её идентификация в мировом и национальном контекстах..... № 4

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО

Комарова Г.А.
Научное сообщество как междисциплинарное поле..... № 1

Семенков В.Е. – Савчук В.В.
Философия от Харбина до Берлина..... № 1

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

Андрески Ст.
Самое уязвимое место: понятие рациональности..... № 1

Вагнер-Пацифи Р., Шварц Б.
Мемориал ветеранов Вьетнама: памяти трудного прошлого..... № 2

Вульф Кр.
Миметическое воспроизводство эмоций и воспоминаний в ритуалах..... № 3

Дерлугьян Г.М.
О нашем месте в истории..... № 2

Макаренко В.П.
Непобитый рекорд и проблема отношения к чемпионам..... № 1

Скиннер Кв.
Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы..... № 3

Фокин С.Л.
Перевод как незадача русской философии..... № 1

Харт К.
«Контр-духовная жизнь»..... № 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Макаренко В.П.
Учёный и власть: взгляды и комментарии..... № 2

Николаев И.В.
О власти и бюрократии: заметки о IV Летней школе «Политическая концептология: теоретико-методологические основания и институционально-символические аспекты социальных наук»..... № 3

Субботин А.И.
Отчёт о круглом столе «Интеллектуально-политические моды и концептологический анализ» и о заседании клуба «Интеллектуальный Ростов» 15-17.07.2011..... № 3

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Макаренко В.П.
Город как судьба: взгляд Нобелевского лауреата Орхана Памука на родной Стамбул..... № 4

НАШИ АВТОРЫ

Бутина Анастасия Васильевна – аспирант Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск).

Дмитриев Игорь Сергеевич – доктор химических наук, профессор, директор Музея-архива Д.И.Менделеева Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Краснов Михаил Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права факультета права Государственного университета – Высшей школы экономики (Москва).

Олейник Антон Николаевич – PhD, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН (Москва) и Associate Professor Университета «Мемориал» (Канада).

Макаренко Виктор Павлович – заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины, доктор политических и философских наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, ординарный профессор, заведующий кафедрой онтологии, логики и теории познания факультета философии Государственного университета – Высшей школы экономики (Москва).

Поцелуев Сергей Петрович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор Новосибирского государственного университета (Новосибирск).

Summaries and keywords

Makarenko V.P. Collapse of Empires and the Problem of Colonialism (first article)

Summary: Author of the article makes explicit, by example of Russian-Chechen conflict, the mechanism of manifestation of general problems and characteristics of the empire collapse in the post-Soviet realm. After analyzing the main content of the scientific and political debate on colonialism issues, the author identifies the specific manifestations of this mechanism depending on the different types of colonialism. According to the author, the theory and the history of colonialism need to be revised in the light of new empirical and conceptual material.

Keywords: Colonialism, empire, Russian-Chechen conflict, human rights, national self-determination.

Dmitriev I.S. Social and Cultural Foundation of Intellectual Revolution of XVI-XVII Centuries

Summary: This article analyzes two key myths about the scientific revolution of XVI-XVII centuries: hypertrophy of the mechanics and the mathematization of science as the most important characteristics of the intellectual revolution of modern times. According to the author, the typical views about a radical break with the intellectual tradition of the past, as the premise of a "new science", does not correspond to reality. Based on the analysis of a large number of primary sources, the author demonstrates the continuity of knowledge of nature by the thinkers of XV-XVI centuries.

Keywords: scientific revolution, intellectual tradition, intellectual war, continuity of ideas.

Oleynik A.N. Underperformance in Theory and University Practice

Summary: This article attempt to employ the concept of underperformance to the analysis of Russian academic environment. The author draws attention to the fact that the amount of available financial resources, that Russian research organizations have, is quite comparable with those in the West. However, their productivity, measured in the number and quality of publications, remains extremely low. The author believes that this is due to the fact that the current system of incentives for scientists and researchers focuses on the search and capture of rent, rather than actual science teaching and implementation of innovations. As a result, the hope for a transition from extensive to an innovative type of the Russian economy remains very elusive.

Keywords: econometric analysis of the effectiveness of research organizations, the underformance phenomenon, competitiveness, rent, innovation.

Porus V.N. Spirituality as a Problem of Contemporary Russia

Summary: The article deals with spirituality as the fundamental basis of social cohesion; the treatment options for its foundation, nature and meaning as well as the criteria of its degeneracy and usefulness, the conditions of its existence and extinction are considered in the paper.

Keywords: spirituality, unspirituality, personality.

Rozov N.S. The image of the Future World Order and Russia's Strategies

Summary: The article examines the global trends of world development, the prevention of international conflicts, leveling the economic and political development of countries worldwide.

Keywords: Megatrends, two-tiered system of security, geopolitics.

Butina A.V. Conditions of Intellectuals' Involvement in the Processes of Civic Engagement

Summary: The article analyzes endogenous conditions for the integration of intellectuals in the process of grassroots self-organization in Russia and Latin American countries in the second half of the 20th century. The article presents the results of the study of motives of cooperation and patterns of private ties between intellectuals and civic movements' activists.

Keywords: intellectuals, civic self-organization, method of theoretical history operant reinforcement.

Potseluev S.P. Globalization and the "Democratic Fascism": About New Meanings of the Old Concept (Translator's Foreword)

Summary: The text is translator's foreword to the György Lukács's "Blum Theses". In this foreword, the actuality of G. Lukács's ideas for contemporary political thought is stressed, further, the history of this Lukács's paper is briefly described, and its general characteristic is given.

Keywords: neo-Marxism, G. Lukács, globalization, democratic fascism, a new authoritarianism.

Lukács G. "Blum Theses"

Summary: The journal "Political Conceptology" publishes the translation of the fragment of György Lukács's "Blum Theses" which were prepared to the Second Congress of the Hungarian Communist Party in 1928. Translation from German is made by S.P. Potseluev.

Keywords: neo-Marxism, Fascism, History of the Hungarian Communist Party, democratic fascism, new authoritarianism.

Makarenko V.P. Refined Dogmatist

Summary: The article critically analyzes life and main ideas of Georg Lukács as one of the leading representatives of the neo-Marxism. The author acknowledges that G. Lukács was an outstanding interpreter of the works of Karl Marx; he created and reconstructed the categorical apparatus which influenced enormously the contemporary forms of Marxism. However, in author's opinion, the Marxism of G. Lukács itself is anti-rational and anti-scientific. It is because of principle of unity of theory and practice that contributes to the priority of the political participation against the cognitive values. As a consequence, Lukács's Marxism rejects the intellectual, logical and empirical criteria of truth. In this context, the power is more important than truth, and the participation in the communist movement gives confidence to its own rightness. Finally it is pointed out that G. Lukács's Marxism is not a search for truth in accordance with clearly defined criteria of truthiness but a search for his own intellectual security resulting in party dogmatism.

Keywords: neo-Marxism, G. Lukács, History of the Communist movement, the theoretical dogmatism.

Krasnov M.A. Personalistic Regime in Russia: The Experience of Institutional Analysis

Summary: The paper investigates the design of the Russian public authorities, which led to the formation of personalistic political regime, which distorts the principle of separation of powers and impede the normal political competition. The author argues that such a regime is caused not so much by the Russian tradition but rather by the organic defects of institutional power mechanism due to the RF Constitution. Plunging into the study of the nature of personalistic regime, the author uses not only legal, but sociological, historical, and social psychological sources.

Keywords: public authorities, personalistic political regime, the separation of powers, political competition, institutional analysis.

CONTENTS

EDITOR'S WORD

Makarenko V.P.
Collapse of Empires and the Problem of Colonialism (first article)..... 5

SCIENCE AND SOCIETY

Dmitriev I.S.
Social and Cultural Foundation of Intellectual Revolution of XVI-XVII Centuries..... 20

Oleynik A.N.
Underperformance in Theory and University Practice..... 59

OUGHT AND BEING

Porus V.N.
Spirituality as a Problem of Contemporary Russia..... 69

Rozov N.S.
The image of the Future World Order and Russia's Strategies..... 82

Butina A.V.
Conditions of Intellectuals' Involvement in the Processes of Civic Engagement..... 97

TRANSLATIONS & COMMENTS

Potseluev S.P.
Globalization and the "Democratic Fascism": About New Meanings of the Old Concept (Translator's Foreword)..... 105

Lukács G.
"Blum Theses"..... 108

Makarenko V.P.
Refined Dogmatist..... 126

BOOK SHELF

Krasnov M.A.
Personalistic Regime in Russia: The Experience of Institutional Analysis..... 160

Index of Articles and Materials Published in the Journal in 2011..... 278

Our authors..... 281

Summaries and keywords..... 282

Contents..... 285

Notes for contributors..... 286

К сведению авторов

Предварительно автор должен подготовить рукопись статьи в соответствии с требованиями к оформлению статей. Далее рукопись необходимо отправить на электронную почту редакции politconcept@mail.ru, konstantinov@sfedu.ru (просьба дублировать на оба адреса) с пометкой «Статья для электронного журнала „Политическая концептология“». Статьи, оформленные не надлежащим образом, не принимаются к рассмотрению. После поступления в редакцию рукопись проходит обязательное рецензирование, по результатам которого принимается решение о публикации статьи или отказе. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о решении относительно публикации и ее условий (срока и формы публикации, необходимости доработки). В случае, если статья нуждается в авторской доработке, автору высылается отзыв рецензента. Редакция оставляет за собой право правки текстов, не наносящей вред искомым идеям автора статьи. Рукописи не возвращаются. Все статьи публикуются бесплатно вне зависимости от статуса автора.

Требования к оформлению статей

1. Статья должна быть объемом не более 1,5 п.л. – 60 тыс. знаков, набрана в формате *.doc* (*Microsoft Word* или *OpenOffice.org*).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученые степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт *Times New Roman*, 12 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу – 2 см, справа и слева – 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.

4. Допускается использование шрифтов *Arial* и *Courier New* для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

5. Сноски постраничные (не концевые!) автоматические. Нумерация начинается с цифры «1». (Просим не делать нумерации вручную с круглыми или квадратными скобками!).

6. Текст сносок оформляется следующим образом:
Фамилия И.О. Название работы. - Город: Издательство, год издания. - С. … ;
Фамилия И.О. Название статьи // Название журнала. - Год. - Номер. - С. ... .